INSPIRIA

Дуглас СТЮАРТ

ШАГГИ БЕЙН

18+ Содержит нецензурную брань

INSPIRIA

Шагги Бейн
Дуглас Стюарт

Аннотация
Дуглас Стюарт. Шагги Бейн
1992. Саут-Сайд
  Один
1981. Сайтхилл
  Два
  Три
  Четыре
  Пять
  Шесть
  Семь
1982. Питхед
  Восемь
  Девять
  Десять
  Одиннадцать
  Двенадцать
  Тринадцать
  Четырнадцать
  Пятнадцать
  Шестнадцать
  Семнадцать

Восемнадцать
Девятнадцать
Двадцать
Двадцать один
Двадцать два
Двадцать три
Двадцать четыре
Двадцать пять
Двадцать шесть
Двадцать семь
1989. Ист-Энд
Двадцать восемь
Двадцать девять
Тридцать
Тридцать один
1992. Саут-Сайд
Тридцать два
Благодарности

Аннотация

Победитель Букеровской премии 2020 года. Роман такой сокрушительной силы, настолько пронзительный и настоящий, что своей болезненной искренностью влюбил в себя тысячи читателей. Эта душераздирающая история о безусловной детской любви. А еще о зависимости, о стране, которую разъедает безработица, и о том, как сложно стать своим в обществе, от которого ты хоть на крупицу отличаешься. В 90-е годы, когда Шотландия захлебывается в бедности и безработице, Агнес Бейн мечтает о чем-то большем. Она листает модные каталоги, красится «просто так» и считает, что она слишком красива для того, чтобы работать. А еще Агнес любит выпить. И побольше. Эта история принадлежит ее сыну Шагги, для которого Агнес, несмотря ни на что, остается главным в жизни человеком. Это история о любви, незамутненной, безусловной, настоящей, о зависимости, разрушающей семью изнутри и о мальчике, который отчаянно хотел быть просто нормальным. Жаль, что самые искренние

детские мечты часто остаются несбывшимися. Агнес Бейн, когда выпьет, спит крепко. Малыш Шагги ставит ей на тумбочку четыре кружки. Вода – утихомирить похмелье. Молоко – успокоить желудок. Остатки выдохшегося стаута – снять напряжение в костях. Отбеливатель для зубов – освежить дыхание. Его он на всякий случай подписывает: «Не пить, ОПАСНО». Шагги всего лишь лет восемь, но он уже понимает: он изо всех сил хочет помогать матери и быть как все, «нормальным мальчишкой». А жизнь как назло часто несправедлива к самым искренним детским мечтам. В книге присутствует нецензурная брань!

Дуглас Стюарт
Шагги Бейн

Моей матери А. Е. Д. посвящается

Douglas Stuart
Shuggie Bain

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Douglas Stuart
© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

1992
Саут-Сайд

Один

День был серый. В это утро разум покинул его и оставил тело блуждать внизу. Под флуоресцентными лампами порожнее тело апатично выполняло рутинные действия, тогда как его душа витала над проходами и думала только о завтрашнем дне. Завтра — вот чего стоило ждать с таким нетерпением.

Шагги[1] методично готовился к своей смене. Все маслянистые осадки из кастрюль были слиты в чистые подносы. Кромки протерты от брызг, которые быстро буреют и уничтожают иллюзию свежести. Ломтики окорока красиво разложены на тарелке и украшены искусственными цветочками петрушки, оливки развернуты так, чтобы вязкий сок стекал, словно слизь, на их зеленую кожуру.

Энн Макги имела наглость позвонить этим утром и снова сказаться больной, оставив его один на один с неблагодарной задачей обслужи-

---

[1] Примечания: 1

Имя Шагги — уменьшительное от Шаг, производного от имени Хью (Hugh). — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано другое.*

вать его прилавок деликатесов и ее гриль-бар. Ни один день не начинался хорошо, если тебе предстояло прожарить шесть дюжин сырых курочек, а сегодня — надо же, чтобы именно сегодня — все это лишало его сны наяву сладости.

Он нанизал всех холодных, мертвых птиц на промышленные шампуры и аккуратно установил в ряд. Они лежали там, словно безголовые младенцы, со щетинистыми крылышками, скрещенными на их маленьких жирных грудках. Было время, когда он возгордился бы таким порядком. Вообще-то пронзить пупырчатую розовую плоть не составляло труда. Сложнее было сопротивляться желанию сделать то же самое с покупателями. Они прижимались к горячему стеклу и внимательно разглядывали каждое тельце. Они выбирали только лучших птиц, не давая себе отчета в том, что выращивание по методу «клеточной батареи» обеспечивает полную одинаковость продукта. Шагги стоял, пожевывая щеку задними зубами, и позволял себе реагировать на их нерешительность натянутой улыбкой. А потом пантомима начиналась по-настоящему. «Дай-ка мне сегодня три грудки, пять ножек и тока одно крылышко, сынок».

Он молился, чтобы господь дал ему силы. Поче-

му больше никто не покупает целую курицу? Он поднимал тушку длинной вилкой, стараясь не прикасаться к птице своими руками в перчатках, потом аккуратно, оставляя шкурку, разреза́л тушку поварскими ножницами. Он чувствовал себя полным идиотом, когда стоял, освещаемый огнем жаровни. Голова потела под сеточкой для волос, рукам не хватало силы, чтобы искусно разрезать спинку тупыми ножницами. Он слегка горбился, чтобы наилучшим образом направить свои спинные мышцы на помощь запястьям, и все время улыбался.

Если же ему сильно не везло, курочка соскальзывала со щипцов и шлепалась на грязный пол. В таком случае ему приходилось делать виноватое лицо и доставать другую птицу, но грязная тушка у него никогда не пропадала. Когда женщина отворачивалась, он возвращал птицу с пола к ее сестрам под жаркий желтый свет. Он вполне себе верил в необходимость соблюдения гигиены, но эти маленькие частные победы помогали ему выпустить пар. Большинство критиканствующих мужеподобных домохозяек, покупавших у него провизию, заслуживали нахлобучки. Его загривок покрывался краской, когда они свысока смотрели на него. В особенно плохие дни

он напихивал в тарамасалату[2] самые разные виды своих телесных выделений. Он продавал это буржуазное говно в огромных количествах.

Он работал у Килфизеров уже больше года. У него и в мыслях не было задерживаться здесь так долго. Просто ему приходилось кормить себя и каждую неделю платить за жилье, а на работу его брали только в супермаркет. Мистер Килфизер был тот еще скупердяй: он предпочитал нанимать тех, кому можно не платить полное взрослое жалованье, и Шагги обнаружил, что может работать короткими сменами, подгоняя их под свое нерегулярное школьное расписание. В своих снах наяву он все время собирался выйти в люди. Ему всегда нравилось расчесывать волосы, играть с ними — единственное занятие, за которым время летело стрелой. Когда ему стукнуло шестнадцать, он пообещал себе, что поступит на парикмахерское отделение колледжа, расположенного к югу от реки Клайд. Он собрал все свои творческие идеи, скетчи, которые перерисовывал из каталога «Литтлвудс», и страницы, вырванные из журналов «Санди». Потом он отправился в Кар-

[2] Примечания: 2

Тарамасалата — блюдо греческой кухни. Представляет собой смесь из копченой тресковой икры, лимонного сока, оливкового масла и чеснока.

дональд-колледж[3] узнать о вечерних занятиях. Он вышел из автобуса на остановке близ колледжа вместе с полудюжиной восемнадцатилетних ребят. Одеты они были по последнему писку моды и говорили со звонкой самоуверенностью, скрывавшей их волнение. Шагги двигался в два раза медленнее их. Когда они исчезли за дверью колледжа, он перешел на другую сторону улицы и сел в обратный автобус. На следующей неделе он начал работать у Килфизеров.

Бóльшую часть утреннего перерыва он провел, размышляя о помятых консервных банках в уцененных товарах. Он нашел три маленькие консервные банки шотландского лосося, они были почти целехонькие, только этикетки ободраны. На остатки своего жалованья он купил, как обычно, немного овощей, положил рыбные консервы в свой старый рюкзак, запер все в своем шкафчике. Он поднялся по лестнице в столовку для персонала и, проходя мимо стола, за которым сидели студенты, постарался напустить на себя беззаботный вид; этим студентам доставались легкие летние смены, а во время перерывов они с важным видом сидели, обложившись папками

[3] Примечания: 3

Кардональд-колледж — институт дополнительного образования в Глазго. — *Прим. ред.*

с учебными пособиями. Он, устремив взгляд куда-то вдаль, сел за угловой столик поблизости от девиц-кассирш.

На самом деле девицы были тремя жительницами Глазго средних лет. Эна, их предводительница, была тощая как жердь женщина с лицом покериста и сальными волосами. Брови у нее были совсем незаметные, но зато под носом красовались реденькие усики, и Шагги это казалось несправедливым. Эна была женщиной грубоватой даже для этого района города, что не мешало ей быть доброй и щедрой, какими нередко бывают люди, которым нелегко живется. Нора, младшая из этой троицы, носила прилизанные волосы, туго стянутые сзади резинкой. Глаза у нее, как и у Эны, были маленькие, взгляд пронзительный, в свои тридцать три она была матерью пятерых детей. Последней в группе была Джеки. Она не походила на двух других тем, что очень напоминала женщину. Джеки была безудержной сплетницей, крупной, пышногрудой — не женщина, а мягкий диван. Именно она больше всех и нравилась Шагги.

Он сидел рядом с ними и слушал окончание саги о последнем любовнике Джеки — добродушная болтовня этих женщин была гарантирована, как

всегда. Они уже два раза брали его на вечерние розыгрыши бинго, и пока женщины выпивали и истошно хохотали, он сидел среди них, как подросток, которого нельзя оставлять одного дома. Ему нравились их непринужденные посиделки. Нравилось быть в окружении их тел и мягкости их плоти, которую он ощущал боками. Нравилось, что они носились с ним, и, хотя он и возражал, нравилось, когда они убирали челку с его глаз или облизывали большие пальцы, чтобы вытереть уголки его рта. Шагги оказывал этим женщинам нечто вроде мужского внимания, и не имело значения, что ему всего шестнадцать лет и три месяца. Под бинго-столами в «Ла Скала»[4] они все по очереди пытались хотя бы по разу пройтись рукой по его члену. Эти касания были слишком продолжительными, слишком взыскующими, а потому сомневаться в их неслучайности не приходилось. Для безбровой Эны это занятие могло превращаться чуть ли не в крестовый поход. Чем больше она выпивала, тем более бесстыдной становилась. При каждом мимолетном прикосновении к нему своими

[4] Примечания: 4

«*Ла Скала*» — один из первых кинотеатров в Глазго, впоследствии здание неоднократно перестраивалось, в частности, его залы использовались для бинго — игры, сходной с игрой лото.

окольцованными пальцами она прикусывала высунутый язык зубами и устремляла горячий взгляд на его щеку. Когда Шагги наконец вспыхивал от смущения, она недовольно цокала, а Джеки посылала двухфунтовые купюры по столешнице в сторону сияющей победоносной Норы. Конечно, они чувствовали разочарование, но, выпив еще, решали, что по большому счету не были отвергнуты. Что-то в этом пареньке было не так, и этому они по меньшей мере могли посочувствовать.

Шагги сидел в темноте, слушая прерывистый храп за стенами съемной комнаты. Он пытался, но никак не мог не замечать этих одиноких людей, не имеющих никакой родни. От утренней прохлады его голые бедра приобрели синеватый оттенок шотландки, а потому он для тепла завернулся в тонкое полотенце и принялся нервно жевать его уголок, наслаждаясь тем, как материя чавкает у него между зубами. Он выложил остатки своего жалованья на краешек стола и принялся раскладывать монетки сначала по их номиналу, потом по новизне и блеску.

Розоволицый человек из соседней комнаты заскрипел, просыпаясь. Он шумно чесался на своей узкой кровати, потом выдохнул молитву,

чтобы найти в себе силы подняться. Его ноги с глухим стуком ударились об пол, как тяжелые пакеты с мясом, потом он прошаркал по полу комнатушки к двери, что, судя по звукам, далось ему, видимо, не без труда. Он несколько секунд возился со знакомыми замками, потом вышел в вечно темный коридор, вслепую нащупывая путь по стене, потом остановился перед дверью Шагги. Мальчик затаил дыхание, когда пальцы прошлись по декоративной резьбе на его двери. И только услышав щелчок выключателя в туалете, Шагги снова пошевелился. Старик начал отхаркиваться, кашлем возвращая свои легкие к жизни. Шагги пытался не слушать, как тот мочится, одновременно сплевывая мокроту в унитаз.

У утреннего света был цвет чая, щедро разбавленного молоком. Он проник в комнату, как зловредный призрак, пересек ковер и медленно подобрался к его голым ногам. Шагги закрыл глаза и попытался почувствовать, как этот свет подползает к нему, но в прикосновении этих лучей не ощущалось тепла. Он ждал, пока не решил, что утренняя заря, вероятно, накрыла его целиком, и только тогда распахнул глаза.

Они отвечали на его взгляд: сотня пар нарисованных глаз — все, как и всегда, с разбитыми

сердцами или одинокие. Фарфоровые балерины со щеночками, девочка-испанка с танцующими моряками, розовощекий мальчонка с фермы, ведущий свою ленивую ломовую лошадь. Шагги аккуратно расставил эти украшения на подоконнике эркерного окна. Он целыми часами сочинял их вымышленные истории. Толсторукий кузнец среди певчих с ангельскими лицами. Или его любимое: семь, или сколько уж их там, гигантских котят, улыбающихся и грозящих ленивому пастушку.

Все эти фигурки хотя бы немного оживляли безликую комнату. В высоту она была больше, чем в длину, а его односпальная кровать расположилась посредине, как разделительная полоса. С одной стороны стояло старомодное деревянное канапе, тощие подушки которого позволяли сидящему постоянно чувствовать спиной перекладинки. С другой стороны стояли небольшой холодильник и плита «Бейби Беллинг» с двумя конфорками. Кроме кровати с мятым бельем, все здесь было на своем месте: никакого хлама, никакой вчерашней одежды, никаких признаков жизни. Шагги попытался успокоить себя, выравнивая разномастные простыни. Он подумал о том, как бы его мать ненавидела это постельное

белье, несовпадающие цвета и рисунки, наложенные друг на друга, словно ему все равно, что подумают о нем люди. Этот непорядок стал бы уколом для ее гордыни. Когда-нибудь он накопит денег и купит себе новые простыни, мягкие, теплые и все одноцветные.

Удача ему улыбнулась — он нашел это жилье в меблированных комнатах миссис Бакш. Ему повезло, что его предшественник любил выпить и это привело его в тюрьму. Большое эркерное окно высокомерно нависало над Алберт-драйв, и Шагги предположил, что когда-то эта комната была частью весьма приличной квартиры на три спальни. Ему удалось заглянуть мельком в другие комнаты в доме. Кухня, которую миссис Бакш превратила в меблирашку, сохранила свой исходный пол с линолеумом в шашечку, а в трех других маленьких комнатах все еще лежали оригинальные потертые ковры. Розовощекий человек жил в комнате, которая когда-то была, вероятно, детской и по-прежнему щеголяла обоями с желтыми цветочками и счастливой стайкой смеющихся кроликов по карнизу. Кровать мужчины, его канапе и плита стояли в ряд вдоль одной стены вплотную друг к другу. Шагги видел эту комнату один раз в просвете наполовину открытой двери

и порадовался своему эркерному окну.

Ему повезло, что он нашел пакистанцев. Другие домовладельцы не хотели сдавать комнату мальчишке пятнадцати лет, который делал вид, что ему не далее как вчера стукнуло шестнадцать. Другие не говорили ему об этом напрямик, но они задавали слишком много вопросов. Они подозрительно разглядывали его лучшую школьную одежду и отполированные ботинки. «Что-то тут не так», — говорили их глаза. По их искривленным губам он видел: они считали, что позорно для мальчика его лет не иметь ни матери, ни другой родни.

Миссис Бакш было все равно. Она посмотрела на его школьный рюкзак, на деньги за аренду на месяц вперед и вернулась к заботам о собственных детях. Он специально для нее синей шариковой ручкой расписал тот первый конверт с деньгами. Шагги хотел показать ей, что ему важно быть добропорядочным, что он достаточно надежный, чтобы приложить эти дополнительные усилия. Он вырвал листик из своей тетради по географии и нарисовал на нем вихрящуюся «огуречную» композицию, оплел завитушками ее имя, раскрасил пространство между линий, отчего павлиньи перья рисунка расцвели во всей

своей кобальтовой красе.

Домохозяйка жила в доме напротив с такой же квартирой, богато меблированной и теплой благодаря центральному отоплению. В другой квартире, холодной, у нее в пяти комнатах обитали пять мужчин, платившие по восемнадцать фунтов и пятьдесят пенсов в неделю, неделя за неделей, только наличностью. Двоим из них, не получавшим социального пособия, приходилось сразу по получении жалованья вечером в пятницу подсовывать часть его под дверь миссис Бакш, после чего они отправлялись пропивать остальное. Они медлили, проводили на коленях дополнительные несколько секунд на ее дверном коврике, чтобы подышать атмосферой благополучия, исходящей изнутри: кипящие кастрюли с ароматным куриным мясом, веселая возня детей, сражающихся за телевизионные каналы, и смех толстой женщины, произносящей иностранные слова около кухонных столов.

Домохозяйка никогда не беспокоила Шагги. Она никогда не заходила в его комнату, если он не запаздывал с платежом. В случае же опоздания она приходила с другими толсторукими пакистанками и громко стучала в двери постояльцев. В остальном же она появлялась, чтобы

пропылесосить коридор, не имеющий окон, или вымыть туалет. Раз в месяц она рассыпала хлорку вокруг унитаза и время от времени клала у его основания новый отрезок от остатка ковра, чтобы впитывал мочу.

Шагги приложил ухо к двери, прислушался — не закончил ли розовощекий помывку. В тишине он услышал, как тот отпер защелку и вышел в коридор. И тогда мальчик сунул ноги в свои старые школьные туфли. Прямо на нижнее белье надел парку — шумную нейлоновую куртку с меховым воротником, застегнул ее до самого верха, сунул в большие армейские карманы полиэтиленовый пакет Килфизеров и два тоненьких кухонных полотенца.

Его школьный джемпер был приткнут к двери, чтобы закрыть зазор между нею и полом. Когда он поднял его, в комнату с холодным сквозняком хлынули запахи других постояльцев. Один из них снова курил ночь напролет, другой ел на ужин рыбу. Шагги открыл дверь и выскользнул в коридор.

Миссис Бакш выкрутила единственную лампочку из потолочного плафона, сказав, что постояльцы расходуют слишком много денег, оставляя ее гореть круглые сутки. Теперь мужской запах

навсегда обосновался в коридоре, словно след призраков, и ни ветерок, ни свет не рассеивали его. Годы курения в кровати, поедание жареной еды на ужин перед газовыми обогревателями, летние дни, проведенные за закрытыми окнами. Застоялые запахи пота и малафьи, смешанные со статическим теплом черно-белых телевизоров и едким запахом янтарных лосьонов после бритья.

Шагги понемногу начал различать постояльцев. В темноте он мог отследить розовощекого, когда тот поднимался побриться и намазать волосы помадой «Брилкрем», он различал затхлый запах пальто желтозубого, который ел только то, что пахло попкорном с маслом или рыбой в сливочном соусе. Ближе к ночи, когда начинали закрываться пабы, Шагги мог определить, когда каждый из них благополучно вернулся домой.

В общий туалет вела дверь с матовым стеклом. Он отпер защелку и несколько секунд постоял, нажимая на ручку, удостоверяясь, что язычок вышел из паза. Он расстегнул парку, положил ее в угол, крутанул кран горячей воды, чтобы проверить температуру — из крана пролились остатки едва теплой, потом кран чихнул два раза, и из него полилась вода холоднее реки Клайд. Ледяной шок заставил его сунуть пальцы в рот.

Он взял монетку в пятьдесят пенсов, скорбно покрутил, вставил в нагреватель, увидел, как вспыхнула газовая горелка.

После этого он снова открыл кран — потекла ледяная вода, а потом с хрипом вырвалась струя теплой. Он намочил влажное кухонное полотенце, провел им по своей холодной груди и белой шее, радуясь парящему теплу. Потом сунул под желанную теплую струю лицо и волосы, подержал их там, помечтал о том, как хорошо было бы лечь с головой в горячую воду наполненной до краев ванны, избавиться от запахов других постояльцев. Он давно не чувствовал себя оттаявшим до конца так, чтобы ощущать тепло во всем теле.

Подняв руку, он провел полотенцем от запястья до самого плеча, потом напряг мышцы на руке и обхватил пальцами бицепс. Если бы он очень захотел, то мог бы обхватить руку пальцами целиком, а если бы надавил посильнее, то мог бы почувствовать очертания кости. Его подмышка была припудрена мелким порошком и походила на кожу только что вылупившегося утенка. Он сунул в подмышку нос — запах был сладковатый и чистый, никакой. Он ущипнул кожу, сжал пальцы посильнее, принялся доить мягкую плоть, пока она не покраснела от досады.

Понюхал пальцы теперь — опять ничего. После этого он принялся скрести себя сильнее, повторяя вполголоса заученное: «Результаты Шотландской футбольной лиги. „Джерсы“[5] выиграли 22 матча, 14 свели вничью, проиграли 8, набрали в сумме 58 очков. „Абердин“ выиграл 17, ничьих 21, проигрышей 6, всего — 55 очков, „Мазервел“: 14 выигрышей, 12 ничьих, 10 проигрышей».

В зеркале его влажные волосы были черны, как уголь. Он начесал их на лицо, удивился, что они доходят ему до подбородка, потом посмотрел в зеркало: ему так хотелось увидеть что-нибудь мужественное, чтобы восхититься собой — черные кудри, молочная кожа, высокие скулы. Он поймал отражение собственных глаз. Что-то в них было не так. Настоящие мальчишки сложены иначе. Он снова принялся скрести себя. «„Джерсы“ выиграли 22 матча, 14 свели вничью, проиграли 8, набрали в сумме 58 очков. „Абердин“ выиграл 17, ничьих…»

Теперь в коридоре раздались шаги, знакомый скрип тяжелых кожаных ботинок, потом тишина. Тоненькая дверь задергалась, удерживаемая крючком. Шагги схватил свою армейскую парку,

---

[5] Примечания: 5

Болельщицкое название шотландского футбольного клуба «Рейнджерс».

надел на влажное тело.

Когда он только поселился в комнате у миссис Бакш, лишь один из постояльцев обратил на него внимание. Розовощекий и желтозубый были слишком слепы или слишком разрушены пьянством, чтобы их что-то волновало. Но в первую ночь, когда Шагги, сидя на кровати, ел горбушку белого хлеба с маслом, к нему постучали. Мальчик долгое время не отвечал, потом все же решил открыть дверь. В коридоре стоял высокий человек плотного сложения, от него пахло сосновым мылом. В руке он держал полиэтиленовый пакет с двенадцатью банками лагера, которые ударялись друг о друга, как приглушенные церковные колокола. Человек, крепко пожав мальчику руку, представился: Джозеф Дарлинг, и с улыбкой протянул пакет. Шагги пытался вежливо, как его учили, сказать «Нет, спасибо», но что-то в этом человеке напугало его, а потому он впустил мужчину в комнату.

Они молча сидели друг подле друга, Шагги и его гость, на краю аккуратной односпальной кровати, смотрели на улицу с ее многоквартирными домами. Протестантские семьи обедали перед телевизорами, а уборщица, жившая напротив, ела в одиночестве за своим откидным столиком.

Они пили пиво в тишине, смотрели, как другие люди занимаются своими рутинными делами. Мистер Дарлинг не снял свое плотное твидовое пальто. Матрас под ним слегка просел, и Шагги непроизвольно сместился к широкому боку незванного гостя. Краем глаза Шагги наблюдал за желтыми кончиками пальцев, которые нервно постукивали о матрас. Шагги из вежливости сделал лишь один глоток лагера, а когда человек заговорил с ним, думал только о вкусе баночного эля, о том, какой он кислый и отвратительный. Этот вкус напомнил ему о вещах, которые он предпочел бы забыть.

У мистера Дарлинга были манеры человека взвешенного, полузамкнутого. Шагги изо всех сил старался быть вежливым, слушал, как мужчина рассказывает ему о своей работе привратником в протестантской школе, о том, что их закрыли и слили с католической школой, чтобы сэкономить деньги муниципалитета. Когда мистер Дарлинг рассказывал это, создавалось впечатление, будто его сильнее поразил тот факт, что детишки протестантов должны будут мирно сидеть рядом с католическими детишками, а не то, что он в результате лишился работы.

— Я в это просто поверить не мог! — сказал он

главным образом себе самому. — В мои времена религия человека говорила кое-что о нем самом. Ты учился в школе, и тебе приходилось прокладывать себе дорогу в жизни сквозь толпы этих католических ублюдков, пожирателей капусты. Было чем гордиться! А теперь любая хорошенькая девчонка ложится в постель с первым встречным грязным католическим хреном с такой же легкостью, с какой она легла бы с собакой.

Шагги сделал вид, что отхлебнул немного пива, но в основном он не пустил его дальше зубов и выплюнул обратно в банку. Глаза мистера Дарлинга искали какой-нибудь знак на стенах. Потом он украдкой скосил глаза на мальчика и спросил, проникшись вдруг подозрительностью к своему слушателю.

— А ты, кстати, в какую школу ходил?

Шагги понял подоплеку вопроса.

— Да я ни то и ни другое, и я все еще учусь в школе.

Это было правдой, он не принадлежал ни к католикам, ни к протестантам и все еще ходил в школу, когда мог себе позволить не работать в супермаркете.

— Да ладно? И какой же твой любимый предмет?

Мальчик пожал плечами. Дело было не в его скромности, просто обычно его ничего особо не интересовало. Его посещения занятий в лучшем случае можно было бы назвать нерегулярными, а потому его предпочтения не поддавались определению. Обычно он приходил и сидел молча где-нибудь сзади, чтобы учебный совет не обвинил его в прогулах. Если бы в школе узнали, как он живет, они бы предприняли что-нибудь, чтобы исправить ситуацию.

Мистер Дарлинг допил вторую банку и тут же перешел к третьей. Шагги почувствовал обжигающее прикосновение пальца к своему бедру. Дарлинг положил руку на матрас, и его мизинец, на котором красовался золотой перстень с изображением соверена, слегка касался ноги Шагги. Палец не шевелился, не дергался. Он просто покоился там, отчего ожог становился все ощутимее.

А теперь Шагги стоял в этом влажном туалете в застегнутой парке. Мистер Дарлинг прикоснулся к краешку своей твидовой кепки в старомодном приветствии.

— Я просто заскочил узнать, ты сегодня будешь?

— Сегодня? Не знаю. У меня дела.

На лице мистера Дарлинга появилась тучка

разочарования.

— Отвратительный день для всяких дел.

— Я знаю, но говорю же, мне нужно встретиться с другом.

Мистер Дарлинг втянул воздух сквозь свои большие белые зубы. Он был такой высокий, что все еще не выпрямился в полный рост. Шагги представил себе поколения протестантских мальчиков, выстроенных в ряд и напуганных его длинной тенью. Теперь он увидел, что лицо мистера Дарлинга побагровело, а алкогольная потливость дала о себе знать, проступив каплями на лбу. Мистер Дарлинг перед этим стоял, согнувшись в три погибели перед замочной скважиной, — Шагги теперь в этом ни секунды не сомневался.

— Жаль. А я как раз собираюсь за пособием, а с почты — в «Оружие пивовара», потом в букмекерскую, сделать ставочки, а потом, я надеялся, мы сможем пропустить по паре баночек. Может, еще посмотреть футбольные результаты по телику. Я мог бы тебе рассказать про английские лиги. — Дарлинг смотрел сверху вниз на мальчика, языком прощупывая задние коренные зубы.

Если Шагги удавалось найти верный подход, то из этого человека всегда можно было выудить

несколько фунтов. Вот только ожидание, когда мистер Дарлинг обналичит пособие по безработице, могло затянуться — никто не знает, сколько времени ему потребуется, чтобы добрести из почтового отделения в букмекерскую, в винный магазин, а потом домой. К тому же еще не факт, что он будет в состоянии найти дом. Так долго ждать Шагги не мог.

Мальчик отпустил полы парки, и мистер Дарлинг сделал вид, что не впился глазами в пространство между чуть разошедшимися краями куртки. Но он, казалось, никак не может наглядеться, и Шагги увидел, как в его зеленых глазах появился серый свет. Шагги чуть ли не почувствовал, как обожгло его бледную грудь, когда по ней прошелся взгляд Дарлинга, опустился вниз до трусов, потом перешел на его голые ноги — ничем не примечательные белые безволосые фиговины, которые висели под полами его черной куртки, как необрезанные нитки.

И только тогда мистер Дарлинг улыбнулся.

1981
Сайтхилл

Два

Агнес Бейн вдавила пальцы ног в ковер и высунулась насколько смогла в ночь. Влажный ветер целовал ее раскрасневшиеся щеки, проникал под платье, словно чья-то чужая рука, — знак того, что она живет, напоминание о жизни. Она щелчком отправила в воздух окурок, проводила взглядом красноватую точку, протанцевавшую до земли шестнадцать этажей. Ей хотелось показать городу свое бордовое бархатное платье. Ей хотелось почувствовать зависть в глазах посторонних людей, танцевать с мужчинами, которые гордо прижимали бы ее к груди. Но больше всего ей хотелось хорошенько выпить, чтобы пожить немного.

Она встала на цыпочки, легла бедрами на подоконник, оторвала ноги от пола. Ее тело наклонилось к янтарным огням города, кровь прихлынула к щекам. Она протянула руки к огням и на миг ощутила полет.

Никто не заметил летящей женщины.

Она подумала, не высунуться ли ей еще дальше, подначивала себя сделать это. Как легко было бы отдаться самообману — представить, что она

летит, но полет быстро превратился бы в падение, и она разбилась бы о бетон внизу. Квартира в высотном доме, которую она делила с родителями, сидела у нее в печенках. Все в комнате за ее спиной казалось таким же маленьким, таким же низкопотолочным и удушающим, как и вся жизнь, купленная в кредит, когда ты не чувствуешь, что тебе хоть что-то принадлежит, жизнь, в которой на неделе и есть всего-то два светлых дня: получение жалованья в пятницу и мессы в воскресенье.

В тридцать девять лет она с мужем и тремя детьми, двое из которых были почти взрослые, жила в тесноте родительской квартиры, а потому не могла не чувствовать, что жизнь не удалась. Ее муж, который если и разделял с ней постель теперь, то пристраивался на самом краешке кровати, выводил ее из себя своими пустыми обещаниями безоблачного будущего. Агнес хотела перешагнуть через все это или содрать, как испорченные обои. Засунуть ноготь под краешек и оторвать.

Агнес, устало сутулясь, вернулась в душную комнату, снова почувствовала под ногами безопасность материнского ковра. Другие женщины не подняли глаз, когда она появилась. Она раз-

драженно проскребла иголкой проигрывателя по пластинке, поставила ее в бороздку и включила громкость чуть не на максимум.

— Ну же, пожалуйста, станцуем хоть разик.

— Цыц, рано еще, — гаркнула Нэн Фланнигэн. Она пребывала в возбужденном состоянии и составляла серебряные и медные монетки в аккуратные стопки. — Сейчас вы все у меня пойдете на улицу деньги зарабатывать.

Рини Суини закатила глаза и прижала карты к груди.

— Какие у тебя грязные мысли.

— Только не говори, что я тебя не предупреждала. — Нэн откусила немного жареной рыбы, слизнула жир с губ. — Когда я выиграю все твои хозяйственные денежки, тебе придется идти домой и оттрахать тот мешок костей, который ты называешь своим мужем, чтобы дал тебе еще.

— Ни за что! — Рини лениво изобразила крестное знамение. — Я сидела на этих деньгах с Великого поста, и у меня нет ни малейшего желания подпускать к ним мужика раньше следующего Рождества. — Она сунула в рот толстенную золотую чипсу. — Я как-то раз так долго копила, что купила новый цветной телик в спальню.

Женщины расхохотались, но при этом их вни-

мание все время было приковано к картам. В гостиной было влажно и тесно. Агнес посматривала на свою матушку, маленькую Лиззи, которая сидела между Нэн Фланнигэн и Рини Суини и внимательно изучала карты у нее на руках. Женщины сидели бедро к бедру, клевали остатки рыбного ужина. Они передвигали монетки и брали карты жирными пальцами. Энн Мари Истон, младшая из них, была занята делом — скручивала зверские на вид сигареты, беря табак из россыпи на своей юбке. Женщины высыпали свои хозяйственные деньги на низкий чайный столик и, постоянно делая пяти- и десятипенсовые ставки, передвигали монетки туда-сюда.

Агнес это наскучило. Было время до мешковатых кардиганов и тощих мужей, когда она всех их водила на танцплощадку. Девчонками они держались вместе, как жемчужинки на нитке, и горланили песни всю дорогу до Сокихолл-стрит. Они были еще несовершеннолетними, но Агнес с ее самоуверенностью, несмотря на свои пятнадцать лет, знала, что проведет их. Охранники всегда примечали сияние ее красоты в конце очереди и звали вперед, а она протаскивала с собой остальных девчонок, словно они были преступницами, скованными одной цепью. Они

хватались за пояс ее пальто и протестующе бормотали что-то, но Агнес только улыбалась своей лучшей улыбкой охранникам — той улыбкой, которая предназначалась мужчинам и которую она скрывала от матери. В те времена она любила демонстрировать свою улыбку. Зубы она унаследовала по отцовской линии, а зубы у Кэмпбеллов всегда были слабым местом, причиной безулыбчивости в остальном красивых лиц. Ее собственные взрослые зубы отличались малыми размерами и кривизной, и даже когда они были новыми, белизной они ее не радовали, потому что она курила и пила крепкий чай, заваренный матерью. В пятнадцать лет она упросила Лизи разрешить ей удалить все зубы. Неудобства, которые влекли за собой зубы искусственные, полностью компенсировались улыбкой кинозвезды — той улыбкой, которой она надеялась обзавестись с новыми зубами. Каждый зуб был широким, ровным и прямым, как у Элизабет Тейлор.

Агнес втянула воздух сквозь свою фарфоровую челюсть. И вот теперь все те же женщины приходили сюда вечером каждую пятницу и играли в карты в гостиной ее матушки. На их лицах не было никакой косметики. Ни у одной из них

больше не хватало духу петь.

Она посмотрела, как женщины сражаются за несколько фунтов мелочью, и испустила усталый вздох. Пятничная картежная школа — то единственное, чего они всю неделю с нетерпением ждали. Этот день считался их отдохновением от глажки белья перед теликом и от разогрева консервных банок с бобами для неблагодарных деток. Большая Нэн обычно возвращалась домой с выигрышем, обставив маленькую Лиззи, исключая те случаи, когда выигрышная полоса наступала у малютки, за что та получала по полной программе. Большая Нэн не могла сдержаться. Она нервничала, когда речь заходила о деньгах, и не любила их терять. Агнес видела один раз, как ее мать получила синяк под глазом из-за десяти шиллингов.

— Эй, подруга! — крикнула Нэн, посмотрев на Агнес, погруженную в созерцание собственного отражения в оконном стекле. — Подглядываешь!

Агнес закатила глаза и неторопливо набрала полный рот безвкусного стаута. Пиво было слишком медленным автобусом, который долго добирался до пункта назначения. Хотя она наполняла свой желудок пивом, ее душа жаждала водки.

— Оставь ее, — сказала Лиззи. Она знала этот отстраненный взгляд.

Нэн снова уставилась в карты.

— Должна была знать, что вы, две сучки, в сговоре. Парочка вороватых ублюдков, вот кто вы!

— Я за всю жизнь ничего не украла! — сказала Лиззи.

— Врунья! Видала я тя в конце смены. Комковатая, как каша, тяжелая, как овес. Набивала свою рабочую одежку рулонами больничной туалетной бумаги и бутылками жидкого мыла для посуды.

— Ты знаешь, сколько стоит эта мелочовка? — с негодованием в голосе спросила Лиззи.

— А то не знаю, — фыркнула Нэн. — Потому что за свою-то мелочовку я платила.

Агнес дефилировала по комнате, не находя себе места. Она чуть не перевернула карточный столик, принеся кипу полиэтиленовых пакетов.

— Я купила вам махонькие подарочки, — сказала она.

Нэн обычно не допустила бы никаких посторонних вмешательств в ход игры, но подарок был бесплатный, а такую возможность она не могла упустить, а потому, освобождая руки, засунула свои карты в безопасное место — ложбинку меж-

ду грудей. Наконец все пакеты были розданы, и каждая женщина вытащила из своего маленькую коробочку. Некоторое время они сидели молча, созерцая картинку на коробочке. Лиззи, несколько оскорбленная, заговорила первой.

— Бюстгальтер? На кой он мне нужен?

— Это не просто какой-то бюстгальтер. Это один из бюстгальтеров от «Кросс Ёр Харт»[6]. Он чудеса творит с вашими формами.

— Примерь, Лиззи! — сказала Рини. — Старина Вулли прилипнет к тебе, как к Глазговской двухнедельной ярмарке!

Энн Мари вытащила свой бюстгальтер из коробочки — он явно был маловат для нее.

— Этот бюстгальтер не моего размера!

— Я старалась угадать. У меня есть еще парочка на всякий случай — так что посмотри все.

Агнес уже расстегивала молнию на платье. Алебастр ее плеч потрясал в сравнении с бордовым бархатом. Она расстегнула бюстгальтер, который был на ней, и ее фарфоровые груди вывалились наружу. Она быстро затолкала их в новый бюстгальтер, и теперь они поднялись на несколько сантиметров. Агнес поклонилась и покружилась

---

[6] Примечания: 6

«*Кросс Ёр Харт*» (*Cross Your Heart*) — название фирмы, специализирующейся на нижнем белье, в переводе «Положа руку на сердце» (*англ*).

перед женщинами.

— Какой-то парень продавал их прямо из грузовичка у Падди-маркет[7]. Пять штук за двадцатку. Ну просто чудо, ага?

Энн Мари, просмотрев подарки, нашла свой размер. Она была скромнее Агнес, а потому повернулась спиной к публике, стащила с себя кардиган, сняла старый бюстгальтер. Под тяжестью ее сисек бретельки оставили на плечах красные шрамы. Вскоре все женщины, кроме Лиззи, порасстегивали на себе платья или приспустили рабочие комбинезоны и сидели в обновках. Лиззи восседала, сложив руки на груди. Другие, почти голые по пояс, проводили пальцами по атласным бретелькам, смотрели на свои сиськи и довольно ворковали.

— В жизни ниче удобнее не носила, — призналась Нэн. Бюстгальтер у нее на спине сидел слишком свободно, но как мог удерживал ее неподъемные груди, не давая им упасть на выпирающий живот.

— Ну вот — такие буфера я помню по тем временам, когда мы были девчонками, — одобрительно сказала Агнес.

---

[7] Примечания: 7

Знаковый уличный рынок Падди-маркет, организованный ирландскими иммигрантами в начале XIX в. — *Прим. ред.*

— Боже-боже, если бы только мы тогда знали то, что знаем теперь, а? — сказала Рини. — Я бы тогда любому ублюдку прям на месте дала поиграться с ними, захоти он.

Нэн сладострастно облизнулась.

— Брехня собачья! Ты и без того дупло свое не закрывала — входи кто хочешь. — Она уже горела желанием вернуться к делу и снова двигала по столу монетки. — Ну так мы уже прекратим пялиться на себя, как стайка глупых малолеток?

Она собрала карты и стала тасовать колоду. Женщины так и не прикрыли свои телеса.

Лиззи пыталась сорвать целлофан с новой пачки сигарет. Другие женщины сидели с воинственным видом, их подташнивало от курения горлодеров-самокруток, они снимали крошки табака с кончиков языков. Лиззи фыркнула.

— Я думала, мы курим каждая свое?

Все равно что есть свиную рульку перед стаей бродячих собак — они бы не дали ей покоя. Она неохотно пустила по кругу открытую пачку, и все закурили, наслаждаясь роскошью фабричных сигарет. Нэн в новом бюстгальтере откинулась на спинку стула, затянулась от души и закрыла глаза. В комнате снова стало жарко и кисло, дым сигарет кружился и плясал, полз вверх по обоям

с огуречным рисунком.

Время от времени в комнату через окно на шестнадцатом этаже проникал ветерок, и подруги жмурились от его свежести. Лиззи попивала свой холодный черный чай, глядя на женщин, а те все, как одна, возвращались в сумрачное настроение. Свежий воздух всегда так действовал на пьяных. Легкая сплетнетворная энергия покидала комнату, ее вытесняло нечто более вязкое и густое.

Вдруг раздался новый голос:

— Ма, он не хочет спать!

В дверях гостиной стояла Кэтрин с выражением отчаяния на лице. Маленький братишка сидел у нее на бедре. Он становился слишком большим — долго в таком положении не удержать, — но Шагги прилип к ней и явно выражал этим любовь к костлявому удобству сестры.

Кэтрин с кислым, ищущим сочувствия лицом ущипнула его запястье, оторвала от себя.

— Пожалуйста, я больше с ним не могу.

Малыш побежал к матери, и Агнес взяла Шагги на руки. Она закружилась с ним под звуки статических разрядов от его нейлоновой пижамки, радуясь тому, что наконец-то ей есть с кем потанцевать.

Кэтрин словно и не заметила, что женщины сидели за столом полуобнаженные. Она порыскала взглядом по останкам рыбного ужина. Предпочитала она самые маленькие коричневые ломтики, изогнутые шкурки, пережаренные в горячем жире до хруста.

Лиззи провела рукой по бедру Кэтрин. Все во внучке казалось ей каким-то неполноценным, неженственным. Кэтрин в семнадцать лет была долговязой, похожей на мальчишку, с прямыми, как проволока, волосами до пояса и с полным отсутствием каких-либо намеков на плавные линии в фигуре. Юбки в обтяжку казались ей сплошным разочарованием. У Лиззи была рассеянная привычка поглаживать бедро внучки, словно это могло вдруг вызвать к жизни некую скрытую в ней женственность. Кэтрин привычным движением оттолкнула хлопотливую руку Лиззи.

— Ну-ка! — сказала Лиззи. — Расскажи-ка им о потрясающей работе, на которую ты устроилась в городе. — Она не сделала паузы, чтобы дать возможность говорить внучке, а сама обратилась к женщинам. — Я ужасно горжусь. *Помощница* директора. Все равно что сама стала боссом, так?

— Бабушка!

Лиззи показала на Агнес.

— Так-то вот! Она думала, что смазливая мордашка поможет ей. Слава случке, хоть у кого-то есть мозги. — Лиззи быстро перекрестилась. — Я с радостью на исповеди попрошу прощения за хвастовство.

— И ругань, — сказала Кэтрин.

Нэн Фланнигэн не отрывала глаз от карт.

— Теперь, когда ты пошла работать, детка, первым делом нужно открыть два счета в банке. Один — тратить на мужика, когда он у тебя появится. Другой — для себя. Только никогда не говори об этом своему трахарю.

Все женщины оценили мудрость Нэн согласным поддакиванием.

— Значит, птичка, с учебой покончено? — спросила Рини.

Кэтрин украдкой посмотрела на мать.

— Да. Хватит — находилась в школу. Нам деньги нужны.

— Ай-ай, мир теперича в таком состоянии, что тебе придется кормить любого мужика, какого найдешь.

У всех женщин дома были мужчины. Без хорошей работы они прирастали к диванам.

Нэн снова стала терять терпение. Она сцепила

свои потрескавшиеся руки.

— Слышь, Кэтрин. Я тебя люблю, птичка. — Голос ее звучал неискренне. — Когда станешь нашим первым шотландским юным космонавтом, я, можешь не сомневаться, соберу тебе сэндвичей в дорогу. А пока… — Она показала на карты, потом на дверь. — Иди отсюда в жопу.

Кэтрин подошла к матери и неохотно сняла Шагги с ее бедра. Братишка был очарован пластиковым ползунком на бретельке материнского бюстгальтера.

— Наш Александр дома? — спросила Агнес.

— Гм-м. Думаю, дома.

— Что ты имеешь в виду — «думаю»? Он в спальне или нет?

Спальня была слишком мала, чтобы не заметить в ней длинноногого пятнадцатилетнего парня. Туда едва вмещалась двухъярусная кровать для Кэтрин и Лика и одинарная для Шагги. Но Лик был молчаливой душой, он предпочитал созерцать жизнь из укромных уголков и мог исчезнуть, пока с ним кто-то говорит.

— Ма, ты же знаешь Лика. *Может*, он и дома.

Не сказав больше ничего, Кэтрин развернулась на месте так, что ее каштановые волосы раскрылись веером, и понесла Шагги из комнаты,

утопив ногти в мякоти его бедра.

Новые сдачи, новые ставки, новые проигрыши денег, предназначенных на ведение хозяйства; Агнес следила, чья сдача следующая, хотя никого это, казалось, не волновало. Монетки вполне предсказуемо начали скапливаться перед Нэн, а стопки у других игроков уменьшались. Агнес со стаканом в руке принялась в одиночестве кружиться на ковре.

— Ах, ах, ах. Это моя песня, дамы. Вставайте, вставайте!

Ее мелькающие пальцы умоляли их подняться на ноги.

Женщины стали подниматься одна за другой, те, кому не везло в игре, были счастливы отойти подальше от бросающейся в глаза стопки серебра рядом с местом Нэн. Они радостно танцевали в своих новых бюстгальтерах и старых кардиганах. Пол прогибался под их весом. Нэн крутилась вокруг визжащей Энн Мари, пока они обе не стукнулись о край низенького чайного столика. Женщины танцевали, отрешаясь от всех забот и прихлебывая лагер из старых чайных кружек. Все их движения сосредоточились в плечах и бедрах, ритмичные и похотливые, как у молоденьких девиц, которых они видели по телевизору. Мож-

но было не сомневаться, что несчастные тощие супруги, которых жены держали дома, позже вечером будут задушены в их объятиях. Женщины, пахнущие уксусом и пивом, придут домой и взгромоздятся на своих мужей. Они будут хихикать и потеть в своих новых бюстгальтерах, но в то же время чувствовать себя, пусть и ненадолго, снова пятнадцатилетними. Они снимут с себя дырявые колготки, обнажат трясущиеся сиськи. И будут раскрытые пьяные рты, горячие красные языки и тяжелая нескладная плоть. Невинная радость пятничного вечера.

Лиззи не танцевала. Она объявила, что бросила пить. Она с Вулли пыталась подать хороший пример семье. Она стала плохой католичкой, устраивая разносы Агнес и при этом позволяя себе махонькую баночку или две. Потому она отказалась от сладкого стаута[8] и виски. Почти. Агнес посмотрела на мать, сидевшую с кружкой холодного чая, и ни минуты ей не верила. Хотя Лиззи и сидела с прямой спиной, глаза у нее были по-прежнему водянистые и влажные, а розовеющее лицо затуманено отсутствующим

---

[8] Примечания: 8

В Великобритании после Первой мировой войны стали популярны сладкие слабоалкогольные стауты, в частности, в Глазго популярен сладкий стаут *Sweetheart*.

выражением.

Агнес знала, что у Вулли и Лиззи есть привычка выскальзывать из комнаты, когда им казалось, что никто на них не смотрит. Они нередко вставали из-за стола по воскресеньям или слишком часто ходили в туалет. На самом же деле они, закрыв дверь, садились на край своей большой двуспальной кровати и вытаскивали из-под нее полиэтиленовый пакет. Они наливали алкоголь в свои старые кружки, быстро и тихо выпивали его в темноте, как подростки. Они возвращались за кухонный стол, откашливались, смотрели глазами, которые стали более счастливыми и остекленевшими, и все делали вид, что не чувствуют запаха виски. Достаточно ей было посмотреть, как отец пытается есть воскресный суп, чтобы сказать, выпивал он или нет.

Пластинка дошипела до конца первой стороны. Лиззи, принеся извинения, удалилась в туалет. Большая Нэн, думая, что никто не видит, воспользовалась возможностью и заглянула в карты Лиззи. Ее глаз уловил поблескивание неоткрытых банок стаута за старым креслом Вулли.

— Джекпот! — прокричала она. — Этот старпер спрятал бухло у себя за креслом!

Она села, потная и запыхавшаяся, сделала

глоток. Нэн пришла сюда с деловыми целями, а потому была чуть трезвее, чем все остальные. Весь вечер она внимательно пересчитывала монетки на карточном столике, думала о кусочке окорока, который сможет купить к воскресному супу, и о деньгах, которые понадобятся малышам на следующей учебной неделе. Теперь карточная деловая часть закончилась, и Нэн вожделела припрятанного стаута.

— Лиззи Кэмпбелл. Старая лгунья. Ничуть она не завязала, — сказала Рини.

— Она так же завязала с выпивкой, как я с пирогами, — сказала Нэн, плотно застегивая свой кардиган поверх нового бюстгальтера. Она прокричала в сторону темного коридора так, чтобы ее услышала Лиззи: — Не знаю вообще, почему я якшаюсь с вами — вороватыми католическими ублюдками!

Нэн достала стаут, наполнила кружки и стаканы на столе. Чем они пьянее, тем легче будет ей их облапошить. Деловой интерес снова взял над ней верх.

— Так мы уже закругляемся с картишками и достаем каталог? Устала я смотреть на ваши старые

бабские пляски, словно вы «Пэнз Пипл»[9]. — Из черной кожаной сумки, стоявшей у ее ног, она достала потрепанный каталог с надписью «Фриманс»[10] и фотографией женщины в кружевном платье и соломенной шляпке на обложке. Женщина шла по прекрасному золотистому полю где-то далеко отсюда. Впечатление создавалось такое, будто ее волосы пахнут зелеными яблоками.

Нэн открыла каталог, положив его на игральные карты, пролистала две-три страницы. Шелест глянцевых страниц был подобен песне сирены. Женщины перестали трястись под музыку и собрались вокруг открытого каталога, принялись тыкать жирными пальцами в фотографии кожаных сандалий и синтетических ночных рубашек. Потом они открыли каталог на развороте, где были изображены женщины, едущие на мотоциклах в чудесных трикотажных платьях, и принялись ворковать. Теперь Нэн еще раз залезла в свою сумку и вытащила пачку блокнотиков размером с Библию. Все застонали. Они считались

---

[9] Примечания: 9

«*Пэнз Пипл*» (*Pans People*) — популярная женская танцевальная группа в 1968–1974 гг.

[10] Примечания: 10

Британский каталог модной одежды.

подружками, да, но в этом состояла ее работа, и ей нужно было кормить детей.

— Ох, Нэн, я ничего не получала на этой неделе, — сказала Энн Мари, чуть ли не отшатываясь от каталога.

Нэн улыбнулась и сквозь сжатые зубы постаралась ответить со всей вежливостью, на какую была способна:

— Не пизди — все, что тебе причиталось, ты получила, и если бы я ухватила тебя за жирные лодыжки и вывесила из окна, ты бы все мне прекрасно заплатила.

Агнес улыбнулась про себя: она знала, что Энн Мари лучше было бы закрыть рот и отойти в сторонку. Но молодая женщина продолжала гнуть свою линию.

— Дело в том, что этот купальник мне вообще не подходит.

— Ты жопа! Он тебе подойдет, когда ты его купишь. — Нэн стала перебирать серые блокноты. Вытащила один, на котором черной ручкой было написано «Энн Мари Истон».

— Просто мой бойфренд сказал, что больше не сможет возить меня в отпуск.

Энн Мари широко раскрытыми глазами смотрела по очереди на женщин в поисках хоть малой

толики сочувствия. Но женщин ее проблемы ничуть не заботили. Последний отдых, который был у большинства из них, проходил в родильной палате Стобхилла[11].

— Полная. Хуйня. Выбирай. Мужчин. Получше. Выбирай. Получше. Одёжу. — Нэн оказывала давление, как делала это тысячу раз прежде, она и теперь собрала деньги со всех женщин и сделала записи в их блокнотах. Чтобы выплатить кредит за детские школьные брюки или набор банных полотенец, уйдет целая вечность. Пять фунтов в месяц — не один год придется платить с учетом того, что сумма долга увеличивается за счет процентов. Они словно сдавали в аренду свои жизни. Каталог открылся на новой странице, и женщины стали препираться — кому чего надо.

Агнес первая почувствовала изменение давления в комнате и подняла голову. В дверях стоял Шаг, держа в руке тяжелую, туго набитую поясную сумку. По комнате прогуливался влажный ветер, сообщивший Агнес, что Шаг не закрыл входную дверь, а значит, он не остается. Агнес замерла, а потом двинулась к мужу, верх ее платья все еще был спущен до пояса. Она с опозданием

---

[11] Примечания: 11
Название больницы в Глазго.

разгладила юбку, потом сцепила руки и попыталась улыбнуться самой трезвой своей улыбкой. Но муж не улыбнулся в ответ. Шаг просто смотрел мимо нее с отвращением, потом вдруг сказал:

— Так кого подвезти?

Незваное явление мужчины было сродни школьному звонку. Женщины начали собирать вещички. Нэн сунула себе в сумочку две припрятанные Лиззи банки стаута.

— Ну, что, дамы, следующий вторник у меня дома, — пролаяла Нэн и добавила для Шага: — А любой мужик, который попытается испортить мой каталожный вечер, огребет по полной.

— Вы, как всегда, неподражаемы, миссис Фланнигэн, — сказал Шаг, ключом от машины выковыривая грязь из-под ногтя большого пальца. Трахаться с ней он бы ни за что не стал. У него тоже были свои стандарты.

— Хорошо сказанул, — ответила Нэн с язвительной улыбкой. — Почему бы тебе не обнять себя за жопу, да покрепче, от моего имени.

Агнес натянула бархатное платье на плечи. Она стояла неподвижно, прижав ладони к юбке. Женщины облачились в тяжелые пальто, вежливо покивали ей, неловко протиснулись мимо Шага, который по-прежнему стоял в дверях. Они все

опускали глаза, а Агнес видела, как Шаг улыбается в усы каждой проходящей мимо женщине. Он отошел в сторону, только когда к нему приблизилась громада Нэн.

Шаг понемногу терял былую привлекательность, но все еще мог производить впечатление, притягивать к себе. В его взгляде была какая-то откровенность, которая странные штуки вытворяла с Агнес. Она как-то раз сказала матери, что, когда познакомилась с Шагом, у того так сверкали глаза, что она тут же разделась бы, если бы он попросил. Потом она сказала, что он просил об этом, и не раз. Уверенность, вот чем он брал, объясняла она, потому что писаным красавцем он не был, и его тщеславие было бы отвратительным у человека менее обаятельного. У Шага был талант продать вам свое тщеславие так, будто вы об этом мечтали всю жизнь. Говорил он на глазговский манер — быстро.

Он стоял там в отглаженном костюме, с узким галстучком, держа в руке кожаный таксистский пояс, и холодным взглядом рассматривал уходящих женщин, как гуртовщик на аукционе скота. Она всегда знала, что Шаг ценит самое высокое и самое низкое; в большинстве женщин он видел приключение. Было что-то в его умении опус-

кать красивых женщин, это давалось ему легко, потому что он никогда их не боялся. Он умел их смешить, заставлял их краснеть и испытывать благодарность к нему за то, что позволяет быть рядом с ним. Он обладал терпением и обаянием, которые давали простушкам уверенность: в такие моменты они себя чувствовали красивейшими из женщин, носивших туфли без каблуков.

Теперь она знала, что он эгоистичное животное на грязный сексуальный лад, и это возбуждало Агнес вопреки голосу ее природы. Это проявлялось в том, как он ест, как набивает пищей рот, слизывает подливку с пальцев, ничуть не заботясь о том, что о нем могут подумать. Это проявилось и в том, как он пожирал глазами уходивших женщин. В последнее время это случалось слишком уж часто.

Она ушла к Шагу от первого мужа. Первый формально был католиком, его благочестия хватало, чтобы районная община принимала его, но предан он был только ей, своей жене. Он был не чета красоте Агнес, а оттого посторонние мужчины питали надежды на ее счет, а женщины посматривали на его пах и гадали, что же они потеряли с женитьбой Брендана Макгоуэна. Но терять там было нечего — простоватый, работящий человек

почти без воображения, он прекрасно понимал, как ему повезло жениться на Агнес, и потому ее просто боготворил. Если другие мужчины ходили в паб, то он каждую неделю приносил в дом свое жалованье в запечатанном крафтовом конверте и отдавал ей без всяких разговоров. Она никогда не уважала эту его щедрость. А содержимого конверта всегда ей не хватало.

Большой Шаг Бейн казался таким блестящим в сравнении с католиком. Он страдал тщеславием ровно на столько, насколько это позволяется только протестантам, был подозрительным при своем малом достатке, розовомордым от обжорства и расточительства.

Лиззи всегда это знала. Когда Агнес только появилась на пороге с двумя своими старшими и протестантом-таксистом, у нее мгновенно появилось желание захлопнуть перед его носом дверь, но Вулли не позволил бы ей этого. В том, что касалось Агнес, Вулли был оптимистом, а Лиззи называла его слепцом. Когда Шаг и Агнес поженились наконец, ни Вулли, ни Лиззи не пошли с ними в регистрационный отдел. Они сказали, что людям разных исповеданий нельзя жениться, и вообще нельзя сочетаться нецерковным браком. На самом же деле ее мать просто невзлюбила

Шага Бейна. Лиззи знала все с самого начала.

Энн Мари вышла одной из последних, у нее слишком много времени ушло на то, чтобы взять свой кардиган и сигареты, хотя все лежало точно на том месте, куда она бросила свои вещички по приходе. Она хотела было сказать что-то Шагу, но он поймал ее взгляд, и она попридержала язык. Агнес видела их безмолвный разговор.

— Рини, как поживаешь, детка? — спросил Шаг с кошачьей ухмылкой.

Агнес оторвала взгляд от тени Энн Мари и посмотрела на свою старую подружку, и сердце у нее защемило заново.

— Нормально, спасибо, Шаг, — неловко ответила Рини, не сводя глаз с Агнес.

Грудь Агнес сдавило, когда Шаг сказал:

— Одевайся, простудишься до смерти. Перевезу тебя на другую сторону улицы.

— Не. Ни к чему. Столько хлопот.

— Чепуха. — Он еще раз улыбнулся. — Все друзья нашей Агнес — мои друзья.

— Шаг, я поставлю тебе чайку, не задерживайся надолго, — сказала Агнес, и голос ее прозвучал куда как сварливее, чем ей хотелось бы.

— Я не голоден.

Он бесшумно закрыл дверь между ними. Зана-

вески снова безжизненно замерли.

Рини Суини жила на Пинкстон-драйв, 9, в квартале высоток, стоявших бок о бок с номером 16. Черному такси нужно было только сделать аккуратный пируэт, и Рини менее чем через минуту была бы дома. Агнес села, закурила и поняла, что ей не один час придется ждать, пока Шаг снова покажет свою физиономию.

Она чувствовала, как горит ее щека под взглядом Лиззи. Ее мать не сказала ни слова — она только раскалялась. Оказаться в ловушке материнской комнаты в роли подсудимой — это было слишком, равно как и иметь мать в качестве зрителя из первого ряда партера, свидетеля каждого злоключения ее брака. Агнес взяла свои сигареты и, пройдя по короткому коридору, заглянула к детям. В комнате было темно, если не считать направленного луча кемпингового фонаря. Лик прижимал его к груди подбородком и рисовал что-то в альбоме для набросков, на лице его застыло выражение покоя. Он не поднял головы, и она не увидела его серых глаз под мягкой челкой. В комнате было тепло и душно от дыхания его спящих брата и сестры.

Агнес сложила одежду, разбросанную по полу. Она взяла карандаш из руки сына, закрыла

альбом.

— Глаза испортишь, дорогой.

Он вырос — стал почти мужчиной, стал слишком взрослым, чтобы целовать его на ночь, но она его все равно поцеловала и сделала вид, что не заметила, как он отпрянул, почувствовав запах стаута в ее дыхании. Лик посветил для нее фонариком на одинарную кровать, и Агнес проверила свое младшее чадо, натянула одеяло до подбородка Шагги. Она хотел разбудить его, переполненная внезапно нахлынувшей на нее потребностью почувствовать кого-нибудь у себя под боком, подумала, не взять ли его к себе в кровать. Но рот Шагги во сне открылся, его веки чуть подрагивали, он пребывал где-то далеко-далеко — не стоило его тормошить.

Агнес тихонько закрыла дверь и прошла в свою спальню, пошарила между слоями матраса и извлекла оттуда знакомую бутылку водки. Встряхнув ее содержимое, она налила себе в кружку жалкие остатки, а потом присосалась к горлышку в надежде на последние капли и уставилась на огни города внизу.

Когда Шаг в первый раз не вернулся домой после вечерней смены, Агнес все предрассветные часы провела на телефоне — обзванивала боль-

ницы и всех знакомых таксистов. Просматривая свой черный список, она обзвонила всех своих подружек, спрашивала невзначай, как они поживают, но ни слова не сказала о загуле Шага, она даже себе не хотела признаваться в том, что он в конечном счете сделал это.

Женщины рассказывали ей про свое житие-бытие, а она только прислушивалась к другим звукам в их комнатах — не раздастся ли голос Шага. Теперь она хотела сообщить этим женщинам, что ей все известно. Она знала о запотевших окнах его такси, о его жадных руках, о том, как они, вероятно, с тоской в голосе умоляли Шага увезти их подальше отсюда, когда он вставлял им свой ствол. От таких мыслей она почувствовала себя старой и очень одинокой. Она хотела сказать им, что все понимает. Она все знала об этих восторгах, потому что было время, когда сама им предавалась.

Было время, когда ветер, прилетавший с моря, до синевы холодил ее бедра, но Агнес ничего этого не чувствовала, потому что была счастлива.

Тысячи мерцающих огней с набережной заливали ее светом, а она шла к ним с открытым ртом. Она была настолько ошарашена, что едва могла дышать. Черные блестки на ее новом

платье отражали яркие огни, отправляли их мерцание назад в толпу, пришедшую на Двухнедельную ярмарку, и толпа начинала светиться не хуже самой иллюминации. Шаг поднял ее, поставил на пустую скамью. Огни горели по всему берегу, насколько хватало глаз. Все здания соревновались друг с другом, мерцая тысячью собственных праздничных лампочек. Здесь были вывески американских салунов со скачущими лошадьми и подмигивающими ковбоями, рядом отплясывали танцовщицы в духе Лас-Вегаса. Она посмотрела на Шага, который сиял, глядя на нее. Он был красив в своем добротном черном зауженном костюме. Выглядел так, будто что-то собой представлял.

— Я уже забыла, когда ты в последний раз водил меня на танцы, — сказала она.

— Я еще могу зажигать. — Он осторожно перенес ее со скамьи на землю, на мгновение сжав ей талию. Шаг мог видеть набережную в ее глазах, захудалый гламур клубов и приключения танцплощадок. Он спрашивал себя, неужели и все это потеряет для нее блеск. Он снял пиджак, накинул ей на плечи.

— Да, огни Сайтхилла после этого будут казаться другими.

Агнес пробрала дрожь.

— Давай не будем говорить о доме. Сделаем вид, будто мы убежали.

Они шли по мерцающей набережной, стараясь не думать о мелких повседневных делах, которые сеяли рознь между ними, заставляли жить в квартире высотного дома, где за стенкой их спальни храпели ее мать и отец. Агнес смотрела на переливающиеся огни. Шаг смотрел, как мужчины пожирают ее жадными глазами, и ощущал нездоровую гордость.

В сером свете того утра она впервые увидела набережную Блэкпула. Ее сердце тихо разбилось от разочарования. Потрепанные здания выходили на темный, волнующийся океан и холодный песчаный берег, по которому носились посиневшие от холода детишки в трусах. Сплошные ведерки, лопатки и пенсионеры в клеенчатых шапочках от дождя. Это были приехавшие на денек семьи из Ливерпуля и любители путешествовать на автобусах из Глазго. Он планировал эту поездку как возможность побыть вдвоем. Она кусала щеку изнутри при виде посредственности, окружавшей ее здесь.

А теперь, вечером, она чувствовала притяжение того, что днем казалось ей обыденностью.

Истинное волшебство заключалось в иллюминации. Она не видела ни одной поверхности, которая не сияла бы. Старые трамваи, ходившие посреди улицы, были украшены огнями, хилые деревянные пристани, уходившие в солоноватое море, были подсвечены, как взлетно-посадочные полосы. Даже дамские шляпки «Целуй меня скорей»[12] то загорались, то гасли, словно снедаемые похотью. Шаг сжал ее запястье и повел сквозь толпу вдоль сверкающего променада. Ребятишки визжали на детском автодроме, оборудованном на пирсе. Ревели и сверкали электромобили, звякали монетки в игральных автоматах. Шаг тащил ее сквозь толпу к Блэкпульской башне[13], нырял то вправо, то влево по таксистской привычке.

— Дорогой, пожалуйста, сбрось газ, — взмолилась она. Огни пролетали мимо нее слишком быстро, она не успевала насладиться ими. Она вырвала руку из его пальцев — на запястье, там, где он ее держал, образовалось красное кольцо.

---

[12] Примечания: 12

«*Целуй меня скорей*» (*Kiss-Me-Quick*) — шляпы с такой надписью популярны на британских морских курортах. — *Прим. ред.*

[13] Примечания: 13

Блэкпульская башня — туристическая достопримечательность Блэкпула. Высота башни 158 м. Входит в состав развлекательного комплекса, который включает в себя саму башню, бальный зал, цирк. — *Прим. ред.*

Раскрасневшийся Шаг моргал в этой праздничной толпе. Кровь прихлынула к его лицу от злости и смущения. Посторонние мужчины покачивали головами, словно уж они-то знали, как нужно обращаться с такими красавицами.

— Ты ведь не собираешься устроить скандал?

Агнес потерла руку. Она пыталась прогнать недовольство с лица. Она ухватила его мизинец своим. Золото его масонского кольца, соприкоснувшегося с ее ладонью, было холодным и мертвым.

— Просто ты слишком спешил, ничего больше. Дай мне насладиться. У меня такое ощущение, будто я никогда не выхожу из дома. — Она отвернулась от него к огням, но волшебство исчезло. Иллюминация была дешевкой.

Агнес вздохнула.

— Выпьем немного. Чтобы холод прогнать, вдруг это поможет нам вернуть праздничное настроение.

Шаг прищурился, провел кулаком по усам, словно ловя все те жесткие слова, которые хотел сказать ей.

— Агнес. Я тебя прошу. Пожалуйста, можешь ты хоть сегодня не пить?

Но она уже шла — через трамвайные рельсы к

подмигивающему ковбою.

— Здрасьте, — сказала барменша с сильным ланкаширским акцентом. — Чудненькое платьице.

Агнес устроилась на вращающемся барном табурете, изящно скрестила щиколотки.

— «Бренди Александр»[14], пожалуйста.

Шаг принялся вертеть соседний табурет, пока тот не стал выше, чем ее. Он, подпрыгнув, уселся на него, повернулся к ней — их глаза были на одном уровне.

— Холодного молока, пожалуйста.

Он вытащил две сигареты из пачки, и Агнес жестом попросила его прикурить одну для нее. Барменша поставила перед ними заказ. Молоко было в детском стаканчике, Шаг, отодвинув стаканчик от себя, попросил его заменить.

Он сунул зажженную сигарету в рот Агнес, погладил ей затылок в том месте, где из прически выбились мягкие кудряшки. Она залезла в сумочку, поправила выбившиеся прядки, потом — *пш-ш-ш* — закрепила их душистым аэрозольным лаком для волос. Агнес отхлебнула большой глоток сладкого коктейля, облизнула губы.

---

[14] Примечания: 14

«*Бренди Александр*» — коктейль со сливками на основе коньяка (или бренди) и шоколадного ликера. — *Прим. ред.*

— В Блэкпуле побывала Элизабет Тейлор. Интересно, ей понравились морские улитки?

Шаг поковырял в носу своим окольцованным мизинцем, скатал извлеченную слизь между большим и указательным пальцами.

— Кто ж это знает?

Она повернулась к нему.

— Может, нам переехать сюда. Тогда все время будет как сейчас.

Он рассмеялся и отрицательно покачал головой, словно она была малое дитя.

— У тебя каждый день что-нибудь новенькое. Я уже устал под тебя подстраиваться.

Он провел пальцем по блесткам на кромке ее платья, а она перевела взгляд на толчею за дверями бара. Обычные люди, уже облаченные в зимние пальто.

— Знаешь, чего я хочу. Я бы поиграла в бинго. — Алкоголь теплом разливался по ее телу. Довольная, она обхватила себя руками.

— Столько огней. Мне сегодня повезет.

— Ты так думаешь? Я попросил зажечь эти огни только для тебя.

Принесли еще выпивку. Агнес огляделась, достала соломинку, пластиковую палочку и два кубика льда.

— Сегодня это точно. Я выиграю кучу денег. Начну жить по-настоящему. Я научу Сайтхилл процветанию. Я это просто чувствую. — Она одним глотком допила бренди.

Комната, которую они сняли, находилась на верхнем этаже викторианского дома, расположенного в трех улицах от променада. Комнатка была простовата даже для блэкпульской третьеразрядной гостинички, и пахло здесь так, как и должно пахнуть в доме, где комнаты сдаются постояльцам на день-другой, а не семьям на весь отпуск. Каждая покрытая ковром площадка имела свой стойкий специфический запах. Здесь все пропахло подгорелыми тостами и статическим напряжением телеэкранов, словно хозяйка никогда не открывала в доме окон.

В этот предрассветный час здесь стояла тишина. Агнес лежала мешком у основания лестницы, устланной ковровой дорожкой, и фальшиво напевала про себя. «Я тоооолькочеловек, я то-

оооолькожееенщна»[15].

За закрытыми дверями двигались ноги, наверху поскрипывали старые половицы. Шаг легонько приложил руку к ее рту.

— Шшш, давай-ка тихо, ладно? Ты тут всех перебудишь.

Агнес оттолкнула его руку от своего лица, выкинула в сторону свою и запела громче «Покажи мне лестницуууу, по которой я должна подняяяяться…»

В одной из комнат зажегся свет. Шаг видел это в щель под тонкой дверью. Он сунул руки ей под мышки и попытался ее поднять, протащить вверх по лестнице. Чем больше сил он прикладывал, чтобы тащить ее, тем с большей легкостью выскальзывала она из его рук, словно бескостный мешок плоти. Каждый раз, когда он вроде бы крепко ухватывал ее, она становилась бесформенной и выскальзывала из его рук. Агнес, хихикая, бухалась на ступеньки и продолжала

---

[15] Примечания: 15

Слова из популярной христианской песни в стиле «кантри» и «вестерн» One Day at a Time («Живи одним днем»), 1974, авторы Мэриджон Уилкин и Крис Кристофферсон. Первый куплет песни, которую напевает пьяная Агнес, звучит так: «Я только человек, / Я только женщина, / Помоги мне, боже, верить во все, чем я могу быть, / И во все, что я есть. / Покажи мне лестницу, по которой я должна подняться…» Общество анонимных алкоголиков сделало выражение «Живи одним днем» своим лозунгом.

петь.

Англичанин в одной из комнат прошипел из-за закрытой двери: «А ну — не шуметь! Или я вызову полицию! Люди пытаются спать». Судя по тому, как человек за дверью произносил шипящие звуки, Шаг решил, что голос принадлежит какому-нибудь женоподобному карлику. Шагу хотелось, чтобы человек открыл дверь. Шагу хотелось бы поставить на его физиономию свое персональное клеймо.

Агнес изобразила обиду.

— Эй, ты, давай, звони в полицию, зануда. У меня отпу…

Шаг плотно прижал руку к ее влажному рту. Она только хихикнула. Она посмотрела на него озорным глазом и жирным языком облизнула его ладонь. Шагу показалось, что ему положили в руку теплый, влажный кусок баранины. У него желудок чуть не вывернулся наизнанку. Он покрепче ухватил ее, своими окольцованными пальцами надавил на ее щеки с такой силой, что она непроизвольно раскрыла рот. Улыбка исчезла из ее глаз. Подавшись лицом вплотную к ее, он прошипел:

— Два раза повторять не буду. Встала и пошла наверх.

Он медленно убрал руку от ее лица. На щеках остались розовые пятна от его пальцев. В ее глазах появился страх, и она снова показалась Шагу чуть ли не трезвой. Но когда он отвел руку, страх исчез из ее глаз, а демон алкоголя вернулся. Она плюнула в него сквозь керамические зубы.

— Ты что это, блядь, о себе возом…

Шаг принялся за нее, не дав ей договорить. Перешагнув через Агнес, он ухватил ее за волосы. Он запустил руку в ее пряди, и закрепленные лаком волосы затрещали, как куриные косточки. С силой, которой могло хватить на то, чтобы вырвать весь клок с корнями, он, двинувшись вверх по лестнице, потащил ее за собой. Ноги Агнес страдальчески разъехались, она молотила конечностями, как неуклюжий паук, пытаясь найти опору. Невыносимая боль обжигала ее череп, она ухватила руками предплечье Шага, чтобы подняться на ноги. Шаг даже не почувствовал, как ее острые ногти впились в его кожу. Он протащил ее по одному пролету, потом по второму, потом по третьему. Грязная ковровая дорожка жгла ей спину, обдирала кожу с загривка, срывала блестки с платья. Подсунув свою мощную руку ей под подбородок, он протащил ее по еще одной ковровой площадке. Одним движением он уронил

ее на пол, достал ключ, открыл дверь, включил голую лампочку и втащил ее в комнату.

Агнес лежала перед дверью, словно брошенная драная тряпка от сквозняка. Платье в блестках задралось на ней чуть не до пупа, обнажив белые ноги. Она потрогала рукой голову в том месте, где волосы начали вырываться. Шаг пересек комнату, убрал ее руку с головы, внезапно устыдившись содеянного.

— Прекрати трогать себя. Ничего страшного с тобой не случилось.

Ее пальцы нащупали что-то липкое на голове — кровь. В ушах у нее стоял звон от непрерывного стука — ударов о каждую ступеньку. Пьяная немота покидала ее.

— Ты почему это сделал?

— Ты надо мной издевалась.

Шаг снял свой черный пиджак, повесил его на единственный стул, снял черный галстук, аккуратно скрутил его. Лицо у него раскраснелось, отчего его глаза почему-то казались меньше и темнее. Пока он тащил ее по лестнице, его волосы растрепались, открылась плешь, которую он тщательно прятал. Выбившиеся пряди висели у его левого уха, тоненькие, как мышиные хвостики. В глубине горла что-то пощелкивало, словно

потрескивало электричество в плохо соединенных проводах. И тут его руки снова взялись за нее. Она почувствовала его коготь у себя на шее, другой — на бедре. Он пальцами закапывался в ее нежное тело, чтобы быть уверенным в крепкой хватке. Когда плоть стала отделяться от кости и Агнес вскрикнула от боли, он своим перстнем дважды ударил ее по щеке.

Когда она смолкла, Шаг наклонился и, вонзив пальцы в ее плечо и бедро, перебросил Агнес на кровать, как порванный мешок с мусором. Потом он взгромоздился на нее. Его лицо пылало, жидкие волосы свисали с распухшей головы. Он словно наполнялся кипящей кровью. Он придавил локтями ее предплечья, впечатал их в матрас так, что они уже готовы были треснуть. А потом всей тушей, всем весом, который набрал, ведя сидячий образ жизни, навалился на нее.

Правой рукой он залез ей под платье, нашел ее мягкую, белую плоть. Она скрестила ноги под ним, он почувствовал, как сплелись ее щиколотки. Свободной рукой он ухватил ее бедра и попытался разъединить их неподвижную тяжесть. Она не поддавалась. Замóк был крепок. Он вонзил пальцы в мякоть ее бедер так глубоко, что ногти стали разрывать кожу, и тогда она от боли

сдалась и разъединила щиколотки.

Он вошел в нее под ее плач. В ней уже не осталось хмеля. В ней не осталось сил для сопротивления. Кончив, он упал головой на ее шею. Сказал, что завтра в сиянии огней пойдет с ней на танцплощадку.

Три

То лето, когда оно наконец наступило, было душным и влажным. Для человека, который ведет ночной образ жизни, дни казались слишком долгими. Долгий световой день был подобен бесцеремонному гостю, северные сумерки не спешили уходить. Большой Шаг с трудом перемогался в летние дни. Солнце пробивалось через плотные шторы, которые в конечном счете обретали мерцающий фиолетовый цвет, а дети всегда становились наиболее шумными именно в это время, когда они были самыми счастливыми, дверь постоянно хлопала, носились как угорелые громкоголосые подростки из других квартир, с утра до вечера женщины шлялись туда-сюда по ковру в прихожей, производя равно отвратительные звуки и своими розовыми пятками в плетеных сандалиях, и своими розовыми языками.

Когда наконец наступал вечер, Большой Шаг садился за руль и описывал несколько малых, узких кругов на своем черном такси. Оно крутилось, как жирная собака, гоняющаяся за своим хвостом, потом спешило прочь из Сайтхилла.

Увидев огни Глазго, он, вздохнув с облегчением, откидывался на спинку сиденья, позволяя себе расслабиться в первый раз за день. В течение следующих восьми часов город принадлежал ему, и у Шага имелись планы на этот город.

Он протирал окно и внимательно разглядывал себя в боковое зеркало. Улыбался себе, восторгаясь собственным потрясающим видом: белая рубашка, черный галстук, черный костюм. «Не слишком ли это шикарно для работы?» — спрашивала Агнес, но она в последнее время вообще много чего говорила. Он улыбался чуть не всем телом, размышляя: не в крови ли у него вождение такси. Для него и его брата Раскала это был практически семейный бизнес. Его отцу такая работа тоже пришлась бы по душе, не убей его судостроение.

Шаг притормозил у огней в тени Королевской больницы — там тайком курила стайка медсестер. Он смотрел, как они потирают замерзшие пальцы в прохладном ночном воздухе, подпирают свои сиськи плотно сложенными на груди руками. Они курили без рук, боясь потерять хоть кроху телесного тепла. Он неторопливо улыбался, разглядывал свою реакцию в зеркале. Ночная смена определенно устраивала его больше всего.

Он любил ехать по городу в одиночестве и темноте, приглядываться к подпольной стороне этого мира. Здесь появлялись персонажи, тертые этим серым городом, и на месте их удерживали годы пьянства, дождей и надежды. Он зарабатывал себе на жизнь, перемещая людей из одной точки в другую, но его любимое времяпрепровождение состояло в их изучении.

Тонкое окно с водительской стороны пискляво скрипнуло, когда он опустил его, чтобы насладиться сигаретой. Ветерок растрепал длинные пряди его жидких волос, они заколыхались, как прибрежная трава. Он ненавидел намечающуюся лысину, ненавидел приближающуюся старость — это так затрудняло жизнь. Он чуть опустил зеркало, чтобы не видеть собственной плеши, нащупал свои длинные густые усы и принялся рассеянно гладить их, как домашнего любимца. Ниже усов подрагивал второй подбородок. Он вернул зеркало в прежнее положение.

После дождя улицы Глазго сверкали в свете фонарей. Больничные сестры не задержались на улице, побросали недокуренные сигареты в лужи и поспешили в здание. Шаг вздохнул, тронулся с

места и через Таунхед[16] направился в городской центр. Ему нравилось выезжать из Сайтхилла, это было подобно спуску в сердце викторианской тьмы. Чем ближе ты подъезжал к реке, самой низкой части города, тем больше настоящий Глазго открывался перед тобой. Там были ночные клубы, втиснутые под мрачные железнодорожные арки[17], погруженные в темноту пабы без окон, где в солнечные дни сидели в потном, вонючем чистилище старики и старухи. Внизу близ реки тощие женщины с испуганными лицами продавали себя мужчинам в полированных машинах с просторными кузовами, а иногда именно здесь полиция находила их расчлененными в черных мешках для мусора. На северном берегу Клайда располагался городской морг, и потому казалось вполне уместным, что все потерянные души плывут в том направлении, чтобы не доставлять лишнего беспокойства, когда, дай бог, придет их время.

Проезжая мимо вокзала, Шаг порадовался, что

---

[16] Примечания: 16

Таунхед — район на северо-востоке Глазго. — *Прим. ред.*

[17] Примечания: 17

Так называемые железнодорожные арки появились в XIX веке как инфраструктура при железных дорогах, использовались они в основном как складские помещения. В настоящее время они сдаются в аренду под кафе, бары, магазины и т. п.

площадка для такси полна машин, а пассажиров не наблюдается. Туристы были унылыми, говорливыми гребаными скупердяями. Связываться с ними означало бесконечно грузить в багажник неподъемные чемоданы, после чего они садились сзади в своих шуршащих дождевиках, и от их дыхания запотевали стекла. Эти уродливые узкожопые ублюдки могли всучить тебе десятипенсовик на чай. Он ехидно бибикнул парням за рулем и поехал дальше вниз — к реке.

Дождь был для Глазго естественным состоянием. Благодаря дождю трава оставалась зеленой, а люди — бледными и подверженными простудам. Влияние дождей на бизнес таксистов было минимальным. Проблема состояла в том, что поскольку дожди были вездесущими, а высокая влажность повсеместной, то пассажиры не видели разницы между влажными сиденьями в автобусе и влажными сиденьями в дорогом такси. С другой стороны, в дождь молоденькие девочки после танцплощадки хотели добираться до дома на такси, чтобы не погубить прически или остроносые туфельки. По этой причине Шаг предпочитал бесконечные дожди.

Он остановился на стоянке на Хоуп-стрит. Долго ему стоять не придется. Тут, помимо него,

поджидали пассажиров лишь два-три таксиста. Отсюда можно было за минуту добежать вприпрыжку до танцзала на Сокихолл-стрит или до Блитсвуд-сквер, откуда подгоняемой холодом рысцой прибегали фабричные девчонки. В любом варианте шансы провести неплохую ночку были довольно высоки.

Шаг сидел, мрачно курил, слушал потрескивание рации. Женщина-диспетчер сообщила, что пассажиры есть в Поссиле, откуда им нужно в Тронгейт. Голос Джоани Миклвайт был единственным на этой волне, и он каждую ночь слушал, как она вела этот бесконечный круговой монолог, просила о помощи, ожидала ответов, раздавала заказы и пресекала любые препирательства. Всегда только односторонний разговор, словно она говорила с самой собой или говорила, казалось, только с ним. Ему нравились мирные интонации ее голоса. Он находил в них утешение.

Он докурил сигарету, увидел молодую пару — они жались друг к другу, возвращались домой после позднего сеанса. Таксисты перед ним один за другим подобрали пассажиров и уехали в ночь. Он теперь стоял первым, поедал глазами группку молодых девчонок. Они сорили чипсами на тро-

туар и спорили, как им лучше добраться до дому. Вроде они уже собрались ехать на такси, но нет, толстушка, самая практичная из них, пожелала ждать вечерний автобус. «Оставьте ее, — подумал он, — пусть вымокнет». Самая хорошенькая, промокшая насквозь, продолжала двигаться к нему. Шаг в сумеречном свете проверял свою улыбку.

От грязных мыслей его отвлекли костлявые пальцы, забарабанившие по стеклу.

— Приятель, пассажиров берешь? — спросил мужской голос.

— Нет! — крикнул Шаг, показывая на страдалиц-девчонок.

— Вот и хорошо, — сказал старик, словно и не слышал ответа. Он открыл дверь, прежде чем Шаг успел заблокировать ее, и занес свое небольшое тело в просторном пальто в машину. — Знаешь бар «Рейнджерс» на Дьюк-стрит?

Шаг вздохнул.

— Знаю, приятель. — Хорошенькая девица прошла мимо к следующей в очереди машине. Он неуверенно улыбнулся ей, но она словно и не заметила его.

Старик проигнорировал черное кожаное сиденье во всю ширину такси и, раскрыв откидное кресло, уселся ровно за спиной Шага. Это было

приметой разговорчивого пассажира. «Вот ебаное счастье», — подумал Шаг.

Снаружи было сыро, а в салоне — влажно. Теперь в машине запахло прокисшим молоком. На старике была желтая рубашка и помятый серый костюм, на который он натянул тонкое шерстяное пальто, а поверх надел еще одно — мешковатое, отчего стал похож на беженца. Его миниатюрная фигура утопала в ярдах шетландской шерсти и габардина. На голове у него сидела кепочка, в тени козырька которой торчал только его красный нос. Болтовня началась сразу же.

— Видал сегодня игру, сынок? — спросил молочный пассажир.

— Нет, — ответил Шаг, заранее зная, к чему приведет такое начало.

— Ай-ай, ты пропустил великую игру, просто охереть какую игру. — Человек разговаривал сам с собой. — А ты за кого болеешь?

— «Селтик», — солгал он. Шаг не был католиком, но воспользовался этим самым быстрым способом закончить разговор[18].

Лицо старика сморщилось, как упавшее полотенце.

---

[18] Примечания: 18

Болельщики глазговского футбольного клуба «Селтик» традиционно католики.

— О, мудило я грешное, как же я не просек, что это папистское такси.

Шаг наблюдал за ним в зеркало заднего вида и усмехался в усы. Он не болел за «Селтик», за «Рейнджерс» он тоже не болел, но гордился своим протестантизмом. Он бы повернул на пальце свой масонский перстень, но старик не смотрел в его сторону, он совершал руками такие движения, будто плыл под водой.

Шаг озадаченно наблюдал, как старик приводил себя в состояние рассеянного отчаяния, переходя от плаксивости к воинственности. Он держал ладони перед собой, словно молил о чем-то господа. Потом он положил руку на перегородку, приблизил лицо на несколько дюймов к стеклу, отделявшему его от уха Шага, и принялся пьяным заплетающимся языком скороговоркой выплевывать случайные слова, при этом он корчил гримасы, как малыш, осваивающий разговорную речь. Крупные капли слюны затуманивали перегородку. Шаг намеренно резко затормозил, и старик с глухим стуком ударился лбом о стекло. Кепочка слетела с его головы, но это не охладило его — пассажир продолжал бормотать. Шаг нахмурился. Придется ему потом протирать заплеванное стекло.

Этот старый глазговский бродяга принадлежал к вымирающему племени исконно безобидных душ, которые с распространением в городе наркотиков деградировали в нечто более молодое и гораздо более отвратительное. Шаг посмотрел в зеркало и прислушался к пьяному монологу, речи такой тихой и несвязной, что он выхватывал из нее лишь отдельные слова: «Тэтчер», «профсоюз» и «ублюдки». Без всякого сочувствия смотрел Шаг, как старик попеременно то смеется, то плачет.

Таверна «Лауден» стояла темная, без окон, с дверью, надежно встроенной в кирпичный фасад невысокого здания. Она была камненепробиваемая, бутылкостойкая и взрывопрочная. Фасад, выкрашенный в красно-бело-голубые цвета «Глазго Рейнджерс», выглядел вызывающе дерзким в тени Паркхеда — родины «Глазго Селтик»[19], спортивной Мекки всех католиков.

Шаг сказал старику, что с него фунт и семьдесят пенсов, потом смотрел, как тот роется в карманах. Так себя вели все глазговские пьянчужки. Свое пятничное жалованье они оставляли в каждом баре, мимо которого проходили, пока у них в карманах не оставались звенеть только пяти- и

[19] Примечания: 19

Паркхед — один из районов Глазго, известен тем, что здесь располагается база и стадион футбольного клуба «Селтик».

десятипенсовики сдачи. Общий вес этих тяжелых монеток придавал их походкам благородную шаткость и сутулость. Они доживали неделю на эти монетки, рассчитывая на удачу, которая улыбалась им редко. Даже спать они ложились в своих брюках и безразмерных пальто, боясь, что жена или дети первыми обчистят их карманы и купят на эту денежную шрапнель хлеб и молоко.

Старик целую вечность шарил у себя по карманам. Шаг слушал тихий голос в приемнике и пытался оставаться спокойным. Когда бродяга расплатился и исчез в темной пасти паба, Шаг уже мчался назад по Дьюк-стрит, чтобы не пропустить закрытия танцплощадки. У «Ска́лы» какая-то старушенция выставила руку и принялась махать ею, как пичуга крылом. Шагу пришлось остановиться, чтобы не переехать ее.

Она села на заднее сиденье, и он облегченно вздохнул, когда увидел, что женщина расположилась ровно по центру.

— Парейд, пожалуйста.

Она шмыгнула носом, поморщилась, презрительно посмотрела на Шага. Запах там, вероятно, стоял такой, будто кто-то нассал в кастрюлю с засохшей овсяной кашей.

Такси начало подниматься на холмы Деннista-

уна, застроенные многоквартирными домами. Шаг посмотрел в зеркало и увидел, что женщина смотрит на него. Глазговские домохозяйки всегда садились в такси ровно посредине и никогда сбоку, чтобы смотреть в окно, или на одно из откидных сидений, как это делали одинокие старики, которым не хватало общения. Она сидела, как и все они: с прямой спиной, положив сцепленные руки на колени, завернувшись в свое пальто, волосы у нее были расчесаны и уложены даже на затылке, а лицо застыло, словно на него надели маску.

— Совершенно ужасный был вечер, лило как из ведра, — сказала она наконец.

— Да, по радио говорили, что всю неделю будет моросить.

Что-то в этой женщине напоминало ему его мать, давно уже умершую. За огрубевшими руками и миниатюрной фигурой скрывались сила и воля, которыми природа явно ее не обделила. Он вспомнил те ночи, когда отец поднимал руку на мать. Чем больше она терпела, тем чаще он обрушивал на нее удары, от которых ее кожа краснела, потом синела, потом чернела. Шаг вспомнил о матери, сидевшей перед зеркалом — как она начесывала волосы на лицо, размазывала

косметику вокруг глаз, чтобы скрыть синяки.

— Я только хотела сказать, что обычно не пользуюсь такси.

Она отыскала его глаза в зеркале.

— Неужели? — сказал Шаг, радуясь тому, что она оборвала поток его воспоминаний.

— Да, но я, видите ли, выиграла чуток сегодня. Самую капельку, но все равно приятно. — Она нервно терла ноготь большого пальца — Понимаете, очень кстати эти деньги теперь, когда мой Джордж остался без работы. — Она вздохнула. — Двадцать. Пять. Лет. Вышвырнули с металлургического завода в Далмарноке, дали только трехнедельное жалованье. Трехнедельное! Я сама туда поехала, постучала в большую красную дверь начальника и рассказала ему, что можно сделать на трехнедельное жалованье. — Она открыла защелку своей маленькой жесткой сумки, заглянула внутрь. — И знаете, что мне ответил этот сукин сын? «Миссис Броди, вашему мужу еще повезло, что он получил трехнедельное. У меня есть молодые парни, у которых вся жизнь впереди, а они получают только то, что им причитается до конца смены». От этих его слов у меня кровь просто закипела, и я ему сказала: «У меня дома два взрослых мальчика, я их должна

кормить, а они тоже не могут найти работу, и как же мне, по-вашему, жить дальше?» Он посмотрел на меня и сказал, даже глазом не моргнув: «Пусть попытают счастья в Южной Африке!»

Она защелкнула сумочку.

— Да они в Южном Ланаркшире-то не бывали, какая уж тут Южная Африка! — Она продолжала тереть большой палец. — Это несправедливо. Правительство должно что-то сделать. Закрывают металлургические заводы и верфи. На очереди шахтеры. Вы только посмотрите! Южная Африка! Никогда! Отправляться в Южную Африку, чтобы строить там дешевые суда, которые потом доставят к нам, чтобы еще больше наших мальчиков оставить без работы? Скопище свиней.

— Алмазы, — сказал Шаг. — В Южную Африку едут добывать алмазы.

Женщина посмотрела на него так, будто он ей в чем-то перечил.

— Мне все равно, что они там добывают, они могут хоть лакрицу выковыривать из негритянской жопы, мне на это дело наплевать. Но они должны работать здесь, дома, в Глазго, и есть то, что им приготовила мать.

Шаг нажал педаль газа. Город менялся, он видел это по лицам людей. Глазго терял свое

предназначение, и Шаг ясно видел это через стекло. Он чувствовал это по своим пассажирам. Он слышал, как они говорят, что Тэтчер больше не нужны честные работяги, ее будущее — это технологии, атомная энергетика и частная медицина. Промышленные времена закончились, и остовы верфей Клайда и сталелитейного завода в Спрингберне лежат в городе, как разложившиеся динозавры. Все микрорайоны, населенные молодыми людьми, которые собирались пойти по стопам отцов, теперь не имели будущего. Мужчины теряли свои мужские качества.

Шаг наблюдал, как рабочий люд вымывается из их бедняцких кварталов. Чиновники средней руки и архитекторы сочли гениальным решение окольцевать город новыми застройками и дешевыми домами. Будто все городские болячки исчезнут, если дать людям по клочку травы и вид на небо.

Женщина замерла на заднем сиденье. Кожа вокруг ее больших пальцев сходила на нет, а в уголках ее рта затаилась тревога. И только когда она поправила у себя волосы на затылке, Шаг понял, что она все еще жива. Он остановил машину у входа в ее подъезд, и она сунула ему в руку фунт чаевых.

— Эй, что это вы? — Он попытался вернуть ей деньги. — Мне этого не надо.

— Для душевного спокойствия, — шикнула она на него. — Кроха от моего выигрыша. Я раздаю удачу. Удача — вот единственное, что в силах помочь нам выкарабкаться.

Шаг неохотно взял деньги. В жопу английских туристов с их ублюдочными «кодаками». Шаг видел такое и прежде: те, кому нечего давать, дают больше других.

К тому времени, когда Шаг вернулся в центр, последний сеанс уже закончился и город на несколько часов погружался в холодный сон. Из некоторых ночных клубов доносилась музыка, но ждать около них пассажиров было самоубийством, потому что первые пьяницы появятся из дверей далеко за полночь. Шаг вздохнул, подумал, не подождать ли ему. Может, подхватит какую пташку, которую оставили сторожить «Бейбичам»[20], пока ее подружки танцевали с парнями. Самые уродливые пташки обычно выходили первыми. Он уже отвозил их домой прежде, даже ждал их с выключенным счетчиком, пока они покупали себе в утешение пакетик с чипсами

[20] Примечания: 20
Легкий алкогольный напиток, напоминающий сидр.

и шоколадный бисквит у пакистанца на углу. Если с ними поговорить по-доброму, они в ответ становились совершенными очаровашками.

Он ослабил галстук, расположился поудобнее, приготовившись к долгому ожиданию, когда по радио раздался мягкий голос: «Машина тридцать один. Машина тридцать один. Отвечайте». Сердце у него упало. Это была Агнес. Никто другой не мог его искать.

Он взял черную трубку и нажал кнопку сбоку.

— Тридцать первый слушает.

Наступило долгое молчание, он замер в ожидании новостей.

— Вас вызывают в больницу Стобхилл, фамилия клиента Истон, — сказала Джоани Миклвайт.

— У меня пассажир, везу в аэропорт. Поближе у вас нет машины? — спросил он.

— Извини, солнышко! Вызывают именно тебя. — Он чуть ли не слышал ее улыбку. — Клиент говорит, можно не торопиться, спешки нет.

Он не думал, что будет вот так. Ну да, случалось с Агнес. Или даже с первой его — просила денег на четырех детишек. Но чтобы вот так — он себе и представить такого не мог. Их отношения еще не зашли так далеко.

Добраться до старой больницы в такое время

можно было за считаные минуты. Королевская лечебница — это место, где лечили после футбольных драк и домашних потасовок в день выплаты жалованья. Стобхилл — это место, где рождался Глазго и где он умирал. Теперь в освещенном фойе там стояла похожая на мышонка девица в голубом переднике уборщицы. Она проводила ногтями по своим вялым бедрам, месила их, чтобы придать им прямую, ровную форму. Вся ее косметика потекла от холода и слез, и он видел кольцо окурков у ее ног, словно она ждала его на холоде весь свой перерыв. Шаг улыбнулся. Ей было всего двадцать четыре, а она уже стала его дверным половичком.

— Я уж думала, что ты не приедешь, — сказала она, устраиваясь на заднем сиденье.

— Ты меня зачем звала?

— Соскучилась — только и всего, — сказала она. — Я тебя сколько недель не видала. — Она раздвинула свои толстые ноги и кокетливо их сжала. — Ты ведь меня не бросил, правда? — Она ухмыльнулась.

Шаг повернулся на сиденье.

— Ты какого хера о себе думаешь, Энн Мари? Я пытаюсь себе на жизнь заработать, а ты меня зовешь через весь город, словно я пес, который

нассал тебе на коврик. — Он ударил основанием кулака по стеклянной перегородке. — Мы должны быть осторожны. Типа, чтобы все шито-крыто. Ты хоть понимаешь, что будет, если Агнес узнает? Я тебе скажу, что будет. Она возьмет тебя за шкирку и для начала протащит по всему городу. Когда ей надоест волочить твое тело, она начнет трепать твое доброе имя. Будет каждый вечер звонить твоим родителям, как только они улягутся спать. Она их станет будить и рассказывать им, что их хорошенькая католическая дочурка завела шашни с женатым мужчиной. — Он помолчал, наблюдая, какой эффект произвели его слова. — Ты и в самом деле этого хочешь?

По ее щекам текли слезы, капали на фартук.

— Но я тебя люблю.

Шаг резко развернулся и припарковался в дальнем углу пустой стоянки. Посмотрел на часы, потом снова встретил ее взгляд в зеркале.

— Тогда снимай трусы на хуй. У меня только пять минут.

Возвращаясь в город, Шаг почувствовал, что проголодался. Он был уверен: Энн Мари теперь некоторое время не будет его домогаться. Она была хорошей девочкой, с большими сиськами, сладострастная вдобавок, но она обременяла его.

Проблема с молодыми состояла в том, что они не видели причин, почему бы им не ждать для себя лучшего. С ней определенно нужно расстаться.

Он думал о голосе по радио, когда тот снова заговорил с ним.

— Машина тридцать один, машина тридцать один, отвечайте.

Он взял трубку и затаил дыхание, удача перестала ему улыбаться.

— Джоани?

— Позвони. Домой. Сейчас, — раздался короткий ответ.

Он остановился у въезда на Гордон-стрит, достал из кошелька монетки, рванул под дождем к красной телефонной будке. Внутри было влажно и пахло мочой. Он прежде пытался игнорировать приказы Агнес, но это только затрудняло ему жизнь. Она с приближением ночи становилась настойчивой, более требовательной. Лучшее, что он мог сделать, это *«Позвонить. Домой. Сейчас»*.

Она сняла трубку, едва успел отзвучать первый гудок. Она наверняка сидела в коридоре за столиком, обтянутым кожзаменителем, выпивала, ждала, выпивала.

— При-вет, — раздался ее голос.

— Агнес, что случилось?

— О-го, неужели это сам старший блядовод собственной персоной?

— Агнес, — Шаг вздохнул, — который час?

— Я знаю, — прошипел пьяный голос.

— Что знаешь?

— Знаю. Всё.

— Ты плетешь хрен знает что. — Он переступил с ноги на ногу в тесной будке.

— Я знааааю. — Ее голос прозвучал, как раскат грома, ее влажные губы были совсем близко от микрофона.

— Если ты собираешься это продолжать, то я пошел дальше работать.

На другом конце провода послышалось приглушенное рыдание.

— Агнес, ты не должна больше звонить диспетчеру. Меня уволят. Я вернусь домой через несколько часов, тогда и поговорим. О'кей? — Но ответа он не получил. — Ну хорошо. Ты хочешь знать то, что знаю я? Я знаю, что люблю тебя, — солгал он. Рыдания стали громче. Шаг повесил трубку.

Через его туфли с кисточками просачивалась вода и моча. Он снова взял черную трубку, шарахнул ею по красной будке. Он выбил три стеклянных панельки, прежде чем трубка сло-

малась, и тогда он почувствовал себя лучше. Он вернулся в машину, и ему пришлось посидеть спокойно десять минут, пока его пальцы не смогли разжаться и отпустить баранку.

Может быть, ему полегчает, если он перекусит. Он пошарил под сиденьем, нащупал пластмассовую коробочку. Из нее пахло маргарином и белым хлебом, как от брака и тесных квартир. От кусков солонины, приготовленных для него Агнес, его желудок готов был вывернуться наизнанку. Он кинул их в водосток, проехал мимо нескольких боковых улочек и остановился у забегаловки «ДиРолло», работающей круглосуточно. «ДиРолло» пользовалась популярностью у таксистов и проституток, поскольку работала, когда все другие закрывались, а ее хозяин был не очень придирчив. На вывеске красовался красный омар, но никаких экзотических предложений клиенты внутри не получали.

Джо ДиРолло стоял за прилавком, казалось, круглые сутки семь дней в неделю. Ночью в свете флуоресцентных ламп он походил на покойника. Невысокий человек с редкими волосами, зачесанными назад и уложенными то ли жиром от чипсов, то ли «Брилькремом». Он напоминал маслянистый айсберг, поскольку над прилавком

виднелись только его голова и плечи. Остальная часть его хилой фигуры прижималась к мачете, которое он держал под прилавком. Он приветствовал всех клиентов хрипловатым покашливанием и наклоном большой головы.

— Как дела, Джо? — спросил Шаг без всякого интереса.

— Да ничего.

— Был занят с нашими прекрасными дамами?

Шаг показал большим пальцем в направлении тощей женщины, которая стояла с закрытыми глазами и покачивалась.

— Ну-у-у, с ними ты же сам знаешь — начал-кончил и привет. — Он рассмеялся собственной шутке. — Бизнесу от них мало прока. Съедят полпакетика чипсов, выпьют шипучки — и все! Просят воспользоваться моим туалетом, моим персональным туалетом, и старина Джо говорит: лады. Он хороший парень, но нельзя запираться в туалете на целый час. Они съедают полпакетика чипсов, а потом подмывают пизду в моем туалете.

Шаг разглядывал жареную рыбу на прилавке с подогревом.

— Это все наркота. Я бы теперь ни одной из них не сунул.

— Они дохнут, как мухи. Если наркотик их не прикончит, то придушит какой-нибудь ублюдок.

— Ты меня отвлек от моих морских улиток. — Шаг напустил на лицо деловое выражение. — Значит, так, рыбный ужин, побольше соли и уксуса, сделаешь?

Джо взял белую бумагу, высыпал на нее горку картошки фри, положил большой кусок золотистой рыбы в масле, потом посыпал горячую еду солью, полил уксусом, а Шаг покрутил над всем этим пальцами и сказал:

— Еще, Джо. Еще.

Джо поливал рыбу уксусом, пока та совсем не пропиталась жидкостью.

Он передал Шагу заказ.

— Так ты мне и не отвечаешь на мое предложение. Тебе нужен тот домишко или нет?

Джо ДиРолло не только заправлял в своей забегаловке, он еще был знаменит тем, что обводил вокруг пальца городской совет Глазго. Он подписывался на получение дотаций на квартиры от имени какой-нибудь из своих многочисленных дочерей, а потом сдавал их в аренду — получал лишнюю десятку в неделю на покрытие той суммы, которую первоначально взыскал с него совет.

— Я тебе дам знать, — сказал Шаг, пятясь поближе к двери. — Миссис Бейн, она, понимаешь, с трудом поддается убеждениям.

— Меня удивляет, что ты вообще хочешь оттуда съехать. Я-то думал, ты в этой сайтхилльской высотке будешь жить король королем.

— Король — парень что надо. Это королева требует обезглавливания. Ты еще попридержи этот свой пустой домик. Мне сначала нужно много дел уладить. Я хочу, чтобы все прошло без сучка и задоринки.

Он улыбнулся и вонзил зубы в рыбу.

Когда Шаг доел, часы показывали, что работать ему оставалось около часа. Он опустил окно, когда солнце взошло над Джордж-сквер[21]. Оно искупало город в теплых оранжевых лучах и подожгло статую Робби Бернса. Наступило лучшее время дня. Город пребывал в состоянии покоя, который неизбежно уничтожали дневные толпы. Он с нетерпением посмотрел на часы и раньше времени отправился в Норт-сайд.

Он всю дорогу до Джоани Миклвайт ехал медленно, опустив окна и освежив воздух прикосновением указательного пальца к рычажку

---

[21] Примечания: 21

Джордж-сквер — центральная площадь Глазго, названная в честь короля Георга III, основавшего ее в 1781 году. — *Прим. ред.*

зеленого аэрозольного баллончика. У нее вскоре закончится смена, и они смогут сказать друг другу то, что нельзя говорить по рации. Он втиснул машину среди других четырех или пяти и стал ждать ее, подавшись вперед на своем кресле и усмехаясь, как влюбленный мальчишка. Он смотрел на входную дверь, как на рождественскую елку.

Четыре

Они оба, все еще мокрые, сидели на краешке кровати, когда включили уличное освещение. Агнес наполнила для Шагги ванну, а потом, испытывая приступ одиночества, забралась туда же к своему младшенькому. Лиззи с ума бы сошла, если бы увидела. Это так или иначе вскоре придется прекратить, потому что он был слишком уж ушлый для пятилетнего мальчишки. Он недавно в первый раз обратил внимание на интимные части ее тела, а потом посмотрел на собственные, как на картинке «найди различия».

Ванна остыла, пока они баловались: наполняли водой флаконы от шампуня, а потом поливали друг друга пенистыми струями. Она позволила ему соскребать старую краску с ее ногтей на пальцах ног, его забота и внимание были для нее как монетка в один пенс, брошенная в пустой счетчик.

Сидя на краешке кровати, она расчесывала черные глянцевые волосы мальчика, а тот сидел, сосредоточенно опустив голову. Моделька машинки в его руках с визгом преодолевала рытвины на раздербаненных простынях, потом

поднялась на ее голую ногу с такой легкостью, будто это был склон одного из Кэмпсийских холмов[22]. Не понимая, на что он смотрит, Шагги проехал по оставленным ногтями его отца шрамам на внутренней стороне ее бедра. Потом машинка наклонилась и рухнула назад на простыни. Покрышки громко взвизгнули, и мальчик посмотрел на нее и улыбнулся довольной отцовской улыбкой.

Агнес достала невскрытую банку лагера из тайничка и аккуратно потянула за колечко. Сняла капельку пива с крышки рачительным пальцем, облизнула его. Мальчику она дала пустую банку из-под лагера «Теннентс»[23]. Ему всегда нравились фотографии полуобнаженных красавиц сбоку на банке. Эту красавицу он разглядывал с особым интересом — он видел ее в первый раз, и ему нравилось, как звучит ее имя, если произносить его медленно, как учил дедушка Вулли. Шиии-наа.

Шагги коллекционировал пустые банки, со-

---

[22] Примечания: 22

Кэмпсийские холмы — гряда вулканических холмов, расположенных к северу от Глазго, по большей части пологих. — *Прим. ред.*

[23] Примечания: 23

«*Теннентс*» был первым лагером, сваренным на территории Шотландии, что впоследствии и повлияло на ошеломительный успех этого пива у шотландцев. — *Прим. ред.*

бирал их по всему дому и выстраивал женщин на кромке ванны. Он гладил их волосы, они у него вели вымышленные беседы друг с дружкой, произносили монологи главным образом о том, как заказать новые туфли по каталогу, и о шляющихся мужьях. Большой Шаг как-то раз застал Маленького за этим занятием. Он с гордостью наблюдал, как Шагги выстроил своих женщин и произносил их имена. Потом он хвастался на парковках другим водителям. «Ты представь — ему ведь всего пять! — говорил он. — Моя порода, а?» Агнес с печалью смотрела на эти игры, зная, что происходит на самом деле.

Позднее в ту неделю она взяла Шагги в БХС[24] и купила ему куклу. Дафна была пухлощекой малявкой с пышной прической, популярной среди домохозяек в пятидесятые годы. Шагги куколка понравилась. Получив ее, он выкинул своих баночных женщин в мусорное ведро.

Шагги спокойно наблюдал за матерью. Он всегда наблюдал. Она всех троих воспитывала по одному лекалу, все ее дети были внимательными и настороженными, как тюремные охранники.

— А как нащот лёгкой развлекушки? — спросил

---

[24] Примечания: 24

British Home Stores — название сети универмагов, ликвидированной в 2016 г.

он, подражая какому-то идиоту из телика.

Агнес передернуло. Пальцами с накрашенными ногтями она сдавила его щеки.

— Насчет, — поправила она его. — На-счет.

Ему нравилось чувствовать прикосновения ее пальцев к своему лицу, и он чуть-чуть наклонил голову, поддразнивая ее:

— Нащот.

Агнес нахмурилась. Она сунул свой указательный палец ему в рот, зацепила его нижние зубы, легонько опустила подбородок.

— Нет никакой нужды опускаться до их уровня, Хью. Попробуй еще раз.

С ее пальцем во рту Шагги произнес слово правильно, хотя и не слишком внятно. Все звуки были в нем верные, как ей нравилось. Агнесса одобрительно кивнула и вынула палец из его рта.

— Значит ли это, что поросенок спросонок рисоет рисонок?

Он захихикал, даже не договорив своей дерзкой белиберды. Агнес присела на корточки, делая вид, что сейчас бросится на него, а он, взвизгнув от счастья и напускного ужаса, принялся скакать вокруг кровати.

Рядом с будильником, встроенным в магнито-

фон, стояла стопка кассет. Он принялся бросать их на пол и, наконец, нашел ту, которую искал. Будильник ей купил Шаг. Он сэкономил талоны на бензин, связал их резинкой и вручил ей, словно золотой слиток. Кассетоприемник открывался пластмассовой кнопкой. Шагги вставил кассету в магнитофон и со скрипом перемотал ее в начало. Звук у динамика был дребезжащий и глухой, но она не обращала на это внимания. С музыкой комната не казалась такой пустой. Шагги стоял на кровати и обнимал ее за плечи. Они некоторое время покачивались из стороны в сторону. Она поцеловала его в нос. Он поцеловал ее в нос.

Когда песня кончилась, Шагги увидел, как его мать, схватив банку с пивом и прижав ее к груди, принялась кружиться по комнате. Агнес сощурилась и вернулась в те края, где она была молодой, подававшей надежды и желанной. Назад в Бэрроуленд[25], где незнакомые мужчины в танцевальном зале провожали ее голодным взглядом, а женщины завистливо опускали глаза. Ладонью с растопыренными на манер прекрасного веера пальцами она провела по своему телу. Над бедрами она прошлась по упрямой складке

[25] Примечания: 25

Название комплекса в Глазго, где размещались танцевальный и концертный залы.

жира — роды оставили на ней следы. Вдруг ее глаза раскрылись, и она вернулась из прошлого в настоящее, чувствуя себя гадкой, глупой и неповоротливой.

— Ненавижу эти обои. Ненавижу эти занавески, и эту кровать, и этот ебаный ночник.

Шагги поднялся, встал в носочках на мягкой кровати. Он снова обнял ее за плечи и попытался прижаться к ней, но на сей раз она оттолкнула его.

В маленькой квартире никогда не было тихо. Сквозь слишком тонкие стены всегда доносилось бормотание телика, включенного на полную громкость, чтобы было слышно ее отцу. Тихие жалобы Кэтрин в трубку телефона, который она утаскивала в спальню. Телефонный провод повредил снизу облицовку двери, пока она ходила туда-сюда и сетовала на обиды, накопившиеся к семнадцати годам. На шестнадцатом этаже со всех сторон их окружали соседи, здесь всегда гуляли ветра, грохоча плохо подогнанными окнами.

Агнес обхватила голову руками. Она слышала взрывы смеха из родительской комнаты — по телевизору показывали какого-то женоподобного английского комика. Двоих ее старших не было дома — шлялись бог знает где. Теперь их, каза-

лось, никогда не бывает дома, они уворачивались от ее поцелуев, закатывали глаза при каждом ее слове. Она заставила себя не слышать легкого дыхания Шагги, и на мгновение ей показалось, что она не замужняя женщина под сорок с тремя детьми. Она снова Агнес Кэмпбелл, торчит в своей спальне, слушая, что происходит в комнате родителей за стеной.

— Станцуй для меня, — сказала она вдруг. — Давай устроим маленькую вечеринку. — Она нажала на кнопку магнитофона, новая кассета с визгом встала на свое место, медленная тоскливая музыка ускорилась до более счастливой.

Шагги поднял ее банку с лагером, поднес к губам, словно внутри был некий волшебный сок. Поморщился от горького овсяного вкуса, в котором чувствовались и шипучка, и молоко, и каша одновременно. Он начал танцевать для нее, щелкая пальцами и не попадая в ритм с музыкой. Когда она рассмеялась, он стал танцевать старательнее. Он повторял все, что вызывало у нее смех, по десять раз, пока искренняя улыбка на ее лице не превратилась в натянутую и фальшивую. Тогда он принялся искать новое движение, чтобы порадовать ее. Он подпрыгивал и раскидывал руки, а она смеялась и хлопала. Чем счастливее она

выглядела, тем больше ему хотелось кружиться и махать руками. От пляски узоров на обоях перед его глазами Шагги чуть ли не тошнило, но он продолжал трясти бедрами и молотить воздух руками. Агнес закидывала голову в приступах смеха, печаль исчезла из ее глаз. Шагги щелкал пальцами, как крутой парень, и выставлял вперед лоб, по-прежнему не попадая в такт. Это не имело значения.

Они оба держались за животы от смеха, когда услышали этот звук.

Входная дверь в коридоре открылась и закрылась. Скорее даже они не услышали звук, а почувствовали ветерок и сжимающееся пространство. Тяжелые шаги по ковру медленно приблизились к двери спальни. Агнес собрала пустые банки из-под лагера, спрятала за дальней стороной кровати. Она повернула перстни на пальцах вверх и, уставившись в ожидании на дверь, испробовала свою самую непринужденную улыбку. Тяжелые шаги остановились. Агнес и Шагги услышали тихое позвякивание монеток в кармане брюк. Потом раздался тихий вздох, и шаги проследовали по коридору в гостиную. Он вернулся домой на первый обеденный перерыв. Это время они должны были проводить вместе.

А теперь она услышала, как Шаг поздоровался с родителями своим равнодушным, без малейшего тепла голосом. Агнес знала — вот ее отец поднимает голову и улыбается, экран телевизора отражается в его очках. Вот он встает и предлагает Шагу свое удобное кресло. Вот они оба принимаются кружить вокруг этого кресла, словно в нескладной игре «Музыкальные стулья»[26], но вот наконец Шаг кладет руку на плечо Вулли и опускает его в кресло. Вот Лиззи с каменным лицом поднимается вскипятить чайник и дрожит, будто в комнату пришел не Шаг, а заявился сам холодный местный ветер с Кэмпсийских холмов.

Агнес слушала все это через стену. Потом она одним движением схватила кремы и пузырьки с парфюмерией со своего столика и швырнула их через всю комнату. Приевшийся ей ночник валялся разбитый на боку. Оголившаяся лампа своим светом так исказила ее черты, что Шагги перепугался. Все в одно мгновение встало с ног на голову.

---

[26] Примечания: 26

Суть игры в том, что участники под музыку медленно бегут вокруг стульев, число которых на единицу меньше числа участников. Как только музыка смолкает, участники должны сесть на стулья. Тот, кто не успел, выбывает из игры и уносит с собой стул. Игра продолжается до тех пор, пока не останется один стул и два участника, один из них становится победителем, если успевает сесть на стул раньше другого.

Агнес опустилась на край кровати. Шагги почувствовал, что ее банка с пивом пролилась на матрас, потому что его носочки стали намокать. Она, зарывшись лицом в его волосы, рыдала сухими горькими слезами, ее влажное дыхание неприятно холодило его шею. Упав на кровать, она притянула и прижала его к себе, и он увидел ее перекошенное лицо, тушь, размазанную по щекам. Мать выглядела так же, как иногда красотки с банок лагера — отвлекся печатник, съехал трафарет, и женщина внезапно оказывалась жуткой смесью разных слоев печати.

Агнес потянулась поперек матраса к сигаретам, закурила, шумно затянулась, отчего кончик сигареты разгорелся, заполыхал медным цветом. Она несколько мгновений смотрела на огонек, а потом надтреснутым от жалости к самой себе — «ах, бедная я, несчастная» — голосом принялась подпевать песне на кассете. Ее правая рука изящно вытянулась, она поднесла горящую сигарету к занавеске. Шагги смотрел, как материя сначала принялась тлеть, а потом пошла серым дымком. Он весь сжался, когда дымок взорвался оранжевым пламенем.

Агнес свободной рукой подтянула его ближе к себе.

— Шш-ш-ш. Будь большим мальчиком для мамочки.

Ее глаза смотрели с абсолютным спокойствием.

Комната обрела золотистый оттенок. Огонь стал пробираться по синтетическим занавескам к потолку. Черный дым взметнулся вверх, словно убегая от прожорливого огня. Шагги был готов испугаться, но его мать оставалась совершенно безмятежной, к тому же эта комната никогда не была такой красивой, как сейчас, когда огонь отбрасывал пляшущие тени на стены, и обои с огуречным рисунком ожили, будто тысяча дымчатых рыб. Агнес вцепилась в него, и они теперь вместе молча созерцали эту новую красоту.

Занавески почти исчезли, с них капало на ковер, как с мороженого. Загорелись отслоившиеся от сырости обои у окна, пластиковый карниз расплавился, разделился на две части, которые свесились, как рухнувший мост. Большая капля пузырящихся занавесок шлепнулась на угол кровати, и Шагги с матерью окутал дым. Мальчик снова начал ерзать. Он не мог унять кашель. Темный кашель, липкий и горький, как будто ему в рот снова попали чернила из шариковой ручки Лиззи. Агнес так и не шелохнулась, она только

закрыла глаза и запела свою печальную песню.

Большой Шаг стоял в темноте дверного проема. Когда в комнату попала новая порция кислорода, пламя побежало к Шагу по потолку. Он бросился к кровати и в одно мгновение открыл окно. Голыми руками он выкинул горящее синтетическое полотно вниз. Он подхватил с пола самые крупные куски расплавленной магмы и выбросил их следом за горящей тканью. Он внезапно исчез, и Шагги закричал, уверенный, что отец оставил их одних.

Когда Шаг вернулся, в руках у него были мокрые банные полотенца. С них брызгами разлеталась вонючая вода каждый раз, когда они обрушивались на источник огня, и пламя под ними умирало. Шаг повернулся к кровати и принялся хлопать влажными полотенцами по переплетшимся телам. Шагги старался не плакать, когда эти удары обжигали его кожу. Агнес лежала неподвижно с закрытыми глазами.

Когда погас последний язычок пламени, Шаг отвернулся от жены и сына. Глаза у Шагги жгло от дыма, но он заметил, что плечи отца сотрясаются от ярости, а когда тот все же повернулся, Шагги увидел, что его лицо раскраснелось от жара, а пальцы скрючились и побагровели в

местах ожогов.

Лиззи и Вулли стояли в темноте коридора. Шаг выхватил сына из-под руки Агнес и сунул в объятия Лиззи. Агнес лежала на кровати неподвижная и безжизненная, а когда Шаг ущипнул ее за щеку, рот у нее раскрылся и лицо обрело какое-то рыбье выражение. Шаг нагнулся, резко встряхнул ее, принялся снова и снова называть ее имя, пока уголки его рта не заполнились слюной.

Все это было бесполезно.

Он посмотрел на Лиззи, прижимавшую мальчика к себе. Вулли завел свою толстую мозолистую руку под очки, слезы уже стекали по его щекам. Шаг посмотрел на жену, на ее безжизненное тело. В комнате стояла тишина. Никто не знал, что сказать.

Агнес не доверяла тишине.

Она открыла один глаз, зрачок был темный и широкий, но смотрел сосредоточенно и разумно. Она сунула в рот измятую сигарету.

— Где ты был, блядь?

Пять

Центр города был набит оранжистами[27]. Со своими флейтами, дудками и барабанами они шли от памятника погибшим солдатам на Джордж-сквер через весь город к Глазго-Грин[28]. Кэтрин из окон офиса смотрела на знамена и ленты различных лож братства. Сначала протестанты пели в поддержку короля Билли[29], а потом, когда открылись пабы, они на какой-то, неизвестный Кэтрин мотивчик и вряд ли знакомый самим певцам, принялись вопить: «Ну что, кишка тонка, фенианские[30] ублюдки?»

Полицейские в светоотражательных жилетах весь день просидели на нервничающих лошадях.

---

[27] Примечания: 27

Оранжисты — члены протестантского ордена, существующего в Северной Ирландии и Шотландии.

[28] Примечания: 28

Глазго-Грин — старейший парк Глазго, расположенный на северном берегу реки Клайд.

[29] Примечания: 29

Имеется в виду Вильгельм III, принц Оранский (1650–1702) — с 1689 г. король Англии и Шотландии. Протестанты небезосновательно называют его защитником протестантской веры.

[30] Примечания: 30

Фении (от *др. ирл.* Fían — военная дружина древних ирландцев) — ирландские революционеры-республиканцы, члены тайных

организаций Ирландского республиканского братства. Сегодня фениями уничижительно называют шотландских католиков.

Теперь, когда марш закончился, молодые люди собирались в группы и пели агрессивные песни, словно исполненные ненависти христославы. Они кричали на проходивших мимо молодых девушек и преследовали любого мужчину, появившегося на улице в одежде не того цвета.

Кэтрин сколько могла оставалась в офисе, надеясь, что к вечеру волна ненависти спадет. Она постояла на улице у дверей здания из песчаника, ругая себя за то, что надела свое новое пальто изумрудно-зеленого цвета и замшевые сапожки на высоком каблуке. Она в душе проклинала этот вызов на рабочее место в оранжистскую субботу, когда дождевые тучи заволокли июльское небо. Она вовсе не так уж хорошо разбиралась в арифметике, но мистер Камерон настаивал на том, чтобы, когда приходит он, она тоже присутствовала на работе и отвечала на телефонные звонки, хотя телефон никогда не звонил, и готовила ему чай, хотя он никогда его не пил.

Для первой работы ее нынешняя была не такой уж плохой, как утверждал ее отчим Шаг, в особенности для бесшабашной вчерашней школьницы, чьи мозги заняты только парнями и тряпками. Кредитование было скучным занятием, но ей нравилось, когда все точно орга-

низовано и приведено в порядок. Ей нравилось смотреть на аккуратные пометки красной ручкой в конце каждой страницы бухгалтерской книги, проверенные, неоспоримые и истинные. В некотором роде она унаследовала это от Агнес — свою склонность к аккуратизму, этот острый глаз касательно всего, что у тебя есть и сколько ты можешь потратить.

Работа ее устраивала, к тому же у начальника был сын, высокий, красивый парень, и Кэтрин, пробираясь домой, позволила себе помечтать о младшем Камероне. В кинотеатре Кэмпбелл Камерон превращался в сплошные нахальные ручки, как грязный осьминог. Даже самые нежные его прикосновения казались самоуверенными и требовательными.

Бабушка как-то отвела ее в сторонку и сказала, что она безголовая девчонка и должна выйти замуж за Симуса Келли. Лиззи рассказала, как она вышла за своего хорошего католического мальчика, как он служил ей надежной опорой больше сорока лет при всех напастях. Игнорировать советы бабушки не составляло труда. В конечном счете Лиззи, сколько себя помнила Кэтрин, купила только два новых канапе, а брак должен быть чем-то бóльшим, чем потрескавшаяся кожа

на ладонях и опухшие колени. Лиззи так или иначе не было нужды беспокоиться о молодом Камероне. Отчим Кэтрин настойчиво навязывал ей своего племянника Дональда-младшего.

Когда она впервые увидела своего сводного кузена, ее втайне привела в восторг его манера держаться, умение чувствовать себя как дома в их маленькой гостиной. Дональд-младший сидел, уверенный в себе, широко расставив ноги, занимал больше пространства, чем следовало, и без малейшей скромности говорил о себе. Ей понравилось, как он ей намекнул, что его личность важнее ее личности. Именно так эти протестантские собаки и выставляли себя всегда, демонстрируя, как их любят, как хорошо кормят, как вертится вокруг них вся семья. Они были гордостью матерей, даже если покрывали себя позором и выставляли напоказ свои недостатки, и Дональд-младший, казалось, был полностью свободен от совести или обязанностей. Он выставлял себя золотым мальчиком, хотя на самом деле скорее был всего лишь наивно и очевидно розовым.

Кэтрин нравилось смотреть, как он ест. Она была шокирована его предпочтением ягнячьего топленого жира щам, а еще его уверенностью

в том, что в его тарелке со стовисом[31] всегда будут три целые сосиски. Он съел все и, протянув тарелку Лиззи, попросил добавки. Ну и как же она могла сказать своей маленькой бабушке, что будет счастлива заполучить этого типа себе в мужья? Все знали, что он охмурил десятки девчонок, пока она делила спальню с двумя братьями. Дональду-младшему не приходилось отдавать часть жалованья матери. Ему не нужно было ни за что чувствовать себя благодарным или виноватым.

Не успели они познакомиться, как он попытался лишить ее невинности. Кэтрин принялась читать ему лекцию о первом причастии, а он расхохотался, когда она серьезно сказала ему, что ищет брака. Племянничек пошел в дядюшку Шага. Она глубоко вонзила ногти в мякоть ладони и целомудренно отвергла его. Втайне ей нравился такой редкий дисбаланс сил, хотя она отчасти допускала, что именно по причине такого дисбаланса он бы и бросил ее. Но Дональд-младший не отвернулся от нее. Вместо этого он поговорил со своим дядюшкой Шагом и в день ее семнадцатилетия попросил ее руки. Сводный кузен

[31] Примечания: 31

Национальное шотландское блюдо из баранины, картофеля, лука и различных приправ в бульоне.

сделал это на втором этаже автобуса, шедшего по Тронгейт-стрит[32], — эффектная сцена, больше подходившая для него, чем для нее.

Дождь усилился, и Кэтрин в своих сапожках на высоком каблуке перешла на рысцу. Первые полосы вечерних газет взрывались черно-красными заголовками жутких историй, сопровождаемых сделанными в фотокабинах снимками изнасилованных и убитых в темных закутках города молодых женщин. Газеты писали, что жертвы были проститутками, и публиковали тенденциозные статьи о неблагополучной наркотической ситуации, которую им приходится освещать. Одна из молодых девушек была задушена и сброшена в неглубокую речушку рядом с шоссе. Убийца аккуратно сложил ее осквернённое тело и засунул в черный мешок для мусора. Она пролежала там несколько месяцев, пока какие-то ребята, собиравшиеся выкинуть мусор в неположенном месте, не разорвали тот черный мешок и из него не выскользнула ее фиолетовая рука. До этого дня никто не сообщал о ее исчезновении. Вулли, прочтя эту историю, сочувственно пощелкал вставной челюстью, а Лиззи поинтере-

---

[32] Примечания: 32

Тронгейт — одна из старейших улиц Глазго. — *Прим. ред.*

совалась, куда смотрела церковь.

Кэтрин в ужасе рассматривала фотографии мертвых девиц в газетах. Их впалые щеки и закатившиеся глаза контрастировали с прижизненными, сделанными в фотокабинах снимками на светло-оранжевом фоне. Убили молодую девушку, а наилучшая фотография, какую смогла предоставить для газеты ее семья, — из запасных копий, снятых для месячного проездного билета.

Темнота еще не наступила, когда она добралась до бетонированного двора высотки. В сумерках она увидела нескольких ребятишек, они стояли кружком и тыкали во что-то палками. Ребятишки были слишком юны, чтобы гулять в такое время, а на некоторых не было ни куртки, ни ботинок, несмотря на июльский дождь. Что-то во влажной груде привлекло ее внимание, что-то знакомое, но совсем здесь неуместное. Кэтрин пересекла двор в надежде, что это не очередная дохлая собака. Кто-то травил крысиным ядом всех бродячих животных Сайтхилла, считая, видимо, что это гуманнее, чем смотреть, как они мучаются во время течки.

На земле лежала влажная груда тлеющих занавесок с фиолетовым огуречным рисунком — точно такие же висели в спальне ее мате-

ри, — частично сгоревших и все еще дымящихся. Считая окна парами, она дошла до шестнадцатого этажа, увидела, что свет в квартире повсюду горит, а окна в этот поздний час широко распахнуты. Знак был плохой. Высока вероятность, что ее брата Лика нет дома. Если вечерние события развивались так, как она сейчас предполагала, то он за обедом понял, *что* ему светит, улизнул из дома и спрятался. Он это умел. Пока он помалкивал, никто его и не замечал. Но она должна его найти. Не может она одна предстать перед матерью.

Справа располагалась темная улочка с металлической оградой вокруг школы святого Стефана по правую сторону, а по левую — с сетчатым забором вдоль «Спринбернской мебели из палет». Улочка эта была известна как опасное место для прогулок: если ты вошел в нее, то выйти мог только на дальнем конце. Бандам это нравилось. На полпути к выходу по улочке шла пьяная пара, пробираясь через нанесенный ветром мусор, Кэтрин слышала шепоток женщины, дававшей грязные обещания старику. Она поспешила обогнать их, а потом пригнулась и пролезла в прореху сетчатого забора. Сетка зацепилась за ее волосы, и девушка запаниковала на мгновение, решив,

что ее схватила эта парочка. Кэтрин дернулась, вырвала клок волос, но, освободившись, упала навзничь в грязь. Вымокшая и скальпированная, она посмотрела на свои волосы, повисшие на сетке, словно мех животного, и подумала о том, как она отыграется на Лике.

На фабрике по переработке палет стояли тысячи кубов, составленных из тысяч синих упаковочных ящиков. Высота каждого куба составляла около тридцати футов, а ширина была не меньше, чем фундамент высотки. Бригадир расположил их так же, как располагаются высотки в жилых кварталах: десять — в ширину, десять — в глубину, оставив между ними пространство, достаточное для прохода тележки-роклы. Она рассчитала путь так, как неохотно научил ее Лик. Среди палет легко было заблудиться и днем, не говоря уже о ночи. Прожектора, установленные на стене склада, проливали слабый свет на эти деревянные улицы, тянущиеся с севера на юг, но стоило свернуть за угол, и ты оказывался в непроглядной темноте.

Когда она заметила оранжевые язычки, танцующие во мраке, было уже слишком поздно. Она попыталась свернуть, но влажные подошвы ее замшевых сапожек заскользили, и она съехала

дальше в темноту. Сильные руки ухватили ее и потащили к рою светляков. Она хотела было закричать, но чья-то рука закрыла ей рот. Она почувствовала вкус никотина и клея, въевшийся в пальцы. Множество рук принялись обшаривать ее, ощупывать. Послышался вельветовый шелест — пара ног подошла к ней вплотную. Кэтрин почувствовала их прикосновение, она чувствовала мужское начало через тонкую материю узких брюк. Его распирало от притока крови и возбуждения.

Один из янтарных огоньков приблизился и зловеще засиял перед ее лицом.

— Тебе какого хуя надо? — спросил огонек.

— Сиськи такие — норм, — сказал огонек слева от нее. Все горящие светляки засмеялись и заплясали.

— Пощупать разрешает. — Она ощутила маленькую руку, чуть ли не женственную, которая потащила с нее блузку.

Серебристый свет пронзил темноту, и Кэтрин почувствовала щекой холодный металл. Грязная рука, закрывавшая ей рот, спустилась ниже — на горло. Серебристый нож для разделки рыбы прикоснулся к краю ее рта и слегка вдавился внутрь. Она почувствовала металлический привкус, как

от грязной ложки.

— «Селтик» или «Рейнджерс»?

Кэтрин жалобно заскулила. Вопрос был неразрешимый: если она ответит неправильно, нож оставит на ее лице глазговскую улыбку, шрам от уха до уха, отметину на всю жизнь. Если она ответит правильно, то ее, вероятно, просто изнасилуют.

Много вечеров сидела Кэтрин на своей кровати, расчесывая длинные волосы и слушая, как Лик задает Шагги такие же дурацкие вопросы. Лик сажал младшего брата на пол, устраивался напротив него, придавливал к полу его короткие ноги своими долговязыми, потом подносил к его лицу сжатые в кулаки руки и спрашивал: «Кладбище или больница?» Каким будет ответ, не имело значения. Результат всегда был один и тот же. Ты получал то, что было на уме у этого более сильного сукина сына.

— Второй раз спрашивать не буду.

Разделочный нож звякнул о ее зубы, пробуя изнутри ее щеку. Из ее левого глаза выкатилась одинокая слезинка. Кэтрин подумала о пальцах в клее и выдавила из себя догадку:

— «Селтик»?

Человек разочарованно фыркнул.

— Фартовый ответ.

Он медленно вытащил нож из ее рта, получая удовольствие от выражения ужаса на лице девушки. Кэтрин засунула палец в рот, пощупала щеку изнутри, ощутила солоноватый вкус крови, но кожа, слава богу, осталась цела.

Яркий свет ударил ей в лицо, и она подалась назад, прямо на человека, который стоял у нее за спиной.

— Заебись! — сказал голос. — Это же сеструха крошки Лика.

Глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к свету фонарика; она протянула к нему руку и направила луч вниз. Вокруг нее стояли только парни, младше нее и, вероятно, младше Лика. Они курили и ждали в темноте. Дома у них шла вечная война, и они искали случая привязаться к кому-нибудь или пырнуть ножом ночного сторожа.

Она выкинула перед собой руку и попала по владельцу серебряного ножа. Легче от этого не стало, поэтому она выкинула вперед другую руку и обрушила оба кулака на шею, голову и плечи пацана. Тот закрыл голову руками и улизнул, хохоча.

Кэтрин с отвращением протиснулась сквозь

парней, пробежала мимо последнего блока палет. Быстрый и монотонный топот раздавался у нее за спиной. Она вцепилась пальцами в шершавые синие доски и со всей скоростью, на какую была способна, принялась подниматься по штабелю палет. Она почувствовала, как чья-то рука ухватилась за один из ее новых сапожков, резко дернула его и освободила из зазора в палете. Ей потребовались все ее силы, чтобы удержаться на занозистом дереве. Она брыкнулась — послышался треск чьей-то толстой черепной кости. Подняв колено, Кэтрин нашла опору и стала карабкаться дальше, на самый верх башни.

Луч фонарика забрался ей под юбку, пытаясь найти ее клинышек. Они подначивали ее, их голоса набирали высоту, были готовы сорваться. Это был опасный звук, испускаемый маленькими мальчиками, опьяненными властью созревания. Она преодолела последние десять футов до верха, ей хотелось прилечь там ненадолго, перевести дыхание, но она заставила себя встать и дерзко посмотреть вниз. Их было пятеро, с рябыми лицами, первым пушком под носом. Они усмехались, глядя на нее, а старший засовывал указательный палец в дырку из двух пальцев другой руки. Кэтрин плюнула на них. У нее получилась широ-

кая струя белой пены, и мальчишки завизжали, как дети, какими они и были, и бросились врассыпную, как крысята.

Стоя наверху штабеля палет, она смотрела на ровные поля ярко-синего дерева. Из-за парней внизу она сбилась со счета, но надеялась, что забралась на нужную башню. Лик без труда мог перепрыгнуть восемь футов, разделявшие два штабеля, но ей это было совершенно не по силам. В мокрых сапожках она наверняка поскользнется и упадет на землю. Ее пробрала дрожь при мысли о том, что эта гопота сделает с ее телом, когда увидит ее лежащей внизу со сломанной шеей.

Кэтрин отсчитала четыре штабеля от ограды и еще пять — от поворота. Все верно — со счета она не сбилась. Обшаривая верхушку штабеля, она остановилась на палете, которая находилась приблизительно в четырех футах от юго-восточного угла. Оглянувшись через плечо, как ей было сказано, она наклонилась и подняла синюю палету, которая свободно лежала на других. Откуда-то изнутри пробивался мерцающий свет.

Кэтрин засунула голову в отверстие и прошипела имя брата по направлению слабого света: «Лик, Лик!» Ответа не последовало. Она прошипела еще раз, и вдруг мерцающий свет погас, и в

дыре стало темно. Дождь капал с кончика ее носа, пока она вглядывалась в пустоту. Неожиданно из темноты возникло белое лицо с маленькими розовыми ушами.

— Бу!

Кэтрин отпрянула. Будь она поближе к краю, она непременно свалилась бы вниз. Она закашлялась и харкнула комком мокроты в белое лицо Лика.

— Ёбанарот!

— А ты какого хера меня пугаешь? — Кэтрин сдвинула колени и принялась искать голубые занозы на своих красных руках. Страх и стыд переполняли ее, а лицо заливали слезы бессилия.

Лик вытер рот рукавом свитера. Он неправильно истолковал ее плач.

— Перестань ты реветь из-за ерунды. Так ты идешь или нет? А то там дождь все замочит.

Кэтрин свесила ноги в дыру и принялась спускаться в берлогу брата. Лик закрыл вход незакрепленной палетой. Внутри стоял затхлый запах, как в открытой могиле, и было темно, как в гробу. Только-только Кэтрин осторожно вздохнула и уже собралась застонать, как Лик предупредил ее: «Не шуми и стой на месте», и зашаркал в кромешной тьме. Из самого дальнего

угла донесся звон металла, и берлогу вдруг залил тусклый свет.

Кемпинговый фонарь отбрасывал длинные тени на стены этого подобия пещеры. Освобожденное пространство внутри штабеля палет своим размером раза в два превосходило их спальню, но потолок находился всего футах в шести от пола. Лик покрыл пол и стены обрезками выброшенных старых ковров и сплющенными картонными коробками. Через узкую дыру наверху он спустил сюда всевозможную отправленную на свалку мебель и сломанные кухонные стулья. Несколько палет стояли, как опорные столбы, а некоторые, стоявшие под углом и укрытые старыми пледами, представляли собой что-то вроде жестких диванов. На завешанных коврами стенах висели снимки обнаженных фотомоделей. Кто-то повесил здесь фотографию Мэгги Тэтчер, а другой шутник пририсовал венозный член, засунутый в ее рот, распахнутый в пламенной речи.

Кэтрин смотрела, как ее брат старается сделать свой дом удобным для нее. Она знала несколько сайтхиллских мальчишек постарше, которые уже несколько лет как обжили эти штабеля. После того как самые бешеные из них зарезали слишком любопытного ночного сторожа, их

оставили в покое. Здесь было отличное место, чтобы напиться и нанюхаться клея в пакете. Большинству мальчишек помладше здесь нравилось просто потому, что сюда не дотягивались кулаки их отцов. Некоторые парни приводили девчонок, устраивали здесь постели из позаимствованных пальто и джемперов. Но постепенно, по мере того как хорошая репутация палетового убежища рушилась, девчонки перестали сюда приходить. Мальчишеские голоса ломались, их гормоны бушевали, а потому большинство из них покидали это место в погоне за сексуальными радостями. Палетовое обиталище пустело, становилось спокойнее. Теперь Лик мог проводить здесь в одиночестве все выходные.

Если Агнес напивалась в четверг, то Лик брал несколько банок с бобами и порошковый заварной крем с бабушкиной кухни и прятался здесь. Когда он возвращался вечером в воскресенье, они все смотрели телевизор. Агнес к тому времени становилась мягче и раскаивалась, алкогольный демон покидал ее. Она освобождала местечко на канапе, и он устраивался рядом, наслаждаясь теплом и приятным запахом ее шампуня. Лиззи поглядывала на него со сдержанной улыбкой и спрашивала, неужели он все выходные провел в

своей постели. Хорошо быть тихоней.

Не сказать, что он был маленький. К своему пятнадцатилетию он вытянулся выше шести футов. Лик с малолетства был тощим, а с возрастом стал еще более компактным и сухощавым. Волосы, как и телосложение, он унаследовал от своего давно забытого отца. Тонкие и пушистые, мышино-каштановые, они ниспадали ему на уши и глаза, серые и ясные, но всегда не особо щедрые на эмоции. Он давно довел до совершенства искусство смотреть сквозь человека, под любые разговоры погружаясь в свои сны наяву, пролетал через голову собеседника и дальше — в открытое окно.

Лик не транжирил свои эмоции, как и свое телосложение. От отца он унаследовал мягкость, спокойствие и задумчивость, склонность к уединению и замкнутости. Единственной физической уступкой матери был его нос, крупный, с горбинкой, слишком бросающийся в глаза, чтобы называться римским. Он нарушал линию его мягкой, скромной челки и сидел на его лице, как гордый памятник его ирландским католическим предкам. Агнес получила свой нос от Вулли, а Вулли нос достался от отца, который вынес его из

графства Донегол[33]. Этот нос не обошел никого, он преследовал всех мужчин и женщин по линии Кэмпбеллов.

Берлога представляла собой покрытый коврами бастион, чисто мальчишеское творение. Здесь пахло пивом, клеем и спермой, и Кэтрин не увидела в этом обиталище ничего привлекательного. Она обошла помещение, морщась при виде беспорядка и консервных банок с недоеденным содержимым. Она отерла слезы с лица, шмыгнула носом.

— Ты давно здесь торчишь?

— Не знаю, — ответил он, доставая из заплесневелой груды в углу найденное на помойке пальто. — Она к ланчу дохлебала остатки виски, подаренного на крещение.

Он протянул ей сухое пальто. Кэтрин сняла свое хорошее зеленое, надела мужское из харрисовского твида[34]. Оно пахло ланолином и по́том, но хрустящая сухость грубой шерсти была приятна на ощупь. Лик достал с полки над фотографиями

---

[33] Примечания: 33

Донегол — графство на севере Ирландии в составе провинции Ольстер.

[34] Примечания: 34

Харрисовский твид — единственная ткань, находящаяся под защитой британского законодательства. Харрис-твид жители Внешних Гебридских островов Шотландии изготавливают вручную. — *Прим. ред.*

девиц старую коробку из-под печенья и протянул ей. Они сели на самодельный диван. Он нежно обнял ее за плечи, забрался к ней под пальто — каждому досталось по рукаву, и они в таком виде устроились, прижавшись друг к другу.

Кэтрин вытащила из коробки кусочек торта. Она почувствовала вкус тростникового сахара в сиропе, который так любила ее бабушка, и ей сразу стало лучше.

— Я сегодня ничего не ела. Некого было посадить на телефон, и мистер Камерон обещал принести мне сэндвич, когда вернется с ланча. Но не принес. А я, понимаешь, не хотела ему напоминать, чтобы он не знал, как задел мои чувства.

— Чувства для слабаков, — проговорил он таким ненавистным для Кэтрин голосом да́лека[35].

Кэтрин высунула голову из воротника и холодно посмотрела на него.

— Игра в прятки для трусов.

Длинные застенчивые ресницы опустились на его порозовевшие щеки. Он с самого детства был таким ранимым мальчиком — обидеть его ничего не стоило. Кэтрин снова засунула руку под ткань плесневелого пальто, обняла брата, почув-

---

[35] Примечания: 35

Да́леки — внеземная раса мутантов из британского научно-фантастического телесериала «Доктор Кто» (1963 г.).

ствовала его ребра под школьным джемпером.

— Извини, Лик. Столько страхов натерпелась, пока тебя нашла. Я промокла, перепугалась до смерти, и мои новые сапожки погибли.

— Сюда нельзя надевать ничего нового.

Она притянула его к себе, своего брата, который был на два года младше нее и уже на фут выше. Она зарылась влажной макушкой под его широкий подбородок и позволила себе тихонько поплакать, постаралась выпустить из себя злость на гопников с их ножом для разделки рыбы.

— Ты здесь весь день прятался?

— Ну. — Его вздох прошел по ней. — Я тебе говорил. Она проснулась, и я уже за мультиками почувствовал: что-то будет. Ее так трясло — просто ужас, и она попросила меня приглядеть за малявкой, пока она сходит в магазин… — Он замолчал.

Она знала: брат смотрит перед собой в никуда.

— Она напилась в пабе?

Его глаза снова остекленели.

— Нет. Я… я так не считаю. У нее был виски, потом, думаю, она прикупила где-то еще и хлебнула в лифте, когда возвращалась.

— Ну да — на такой высоте *ужасно* сухо. — Кэтрин облизала липкие пальцы, положила

коробку.

— Да, она, похоже, помирала от жажды, — печально сказал он. Они надолго замолчали. Лик снял верхнюю фарфоровую челюсть и потрогал себя за щеку, словно искусственные зубы натирали ее. Агнес, которую достали постоянные походы к дантисту, убедила его к пятнадцатилетию удалить его слабые и начиненные алюминиевыми пломбами зубы.

— Что — все еще болит? — спросила Кэтрин, радуясь тому, что ее зубы оставались на месте.

— Да. — Он снял слюну с протеза и вернул его в рот.

— Прости, Лик, я жалею, что оставила тебя сегодня. — Она нежно поцеловала брата в щеку.

Эти нежности зашли слишком уж далеко. Он обхватил ее лицо руками и отвернул в сторону.

— Отстань от меня, уродина. И потом — никогда меня не жалей. Меня уже достало расстраиваться из-за этого говна.

Лик расстегнул мешковатое пальто и вылез из него на холод. Он натянул рукава школьного свитера на пальцы и стер с лица поцелуй сестры.

Глядя на него, Кэтрин подумала, что Лик, если бы не его крупный кэмпбелловский нос, выглядел бы сейчас как двенадцатилетний парнишка.

Она смотрела на его длинные пальцы, изящные и тонкие, как у часовщика, эти пальцы все время теребили нос, постоянно проходили по всей его длине, досаждали ему, измеряли его, а потом ему сочувствовали. Он убрал руку от носа.

— Перестань пялиться.

Лик вышел из освещенной части берлоги в темноту.

Кэтрин подобрала черный альбом для набросков. Лик снова вернулся к рисованию. Она листала страницы с замысловатыми эскизами красоток в бикини, расположившихся на капоте мускулистого «Феррари» или оседлавших крылатых виверн[36]. Рисунки Лика были не хуже, чем обложки рок-альбомов: прекрасно переданный мир стыдливой фантазии. Мускулы, сухожилия и обнаженные красотки в конечном счете сменились точными, по линейке вычерченными архитектурными планами и зарисовками деревянных изделий, техническими чертежами футуристических зданий и более мелкими, детализированными изображениями проигрывателей, а на одном рисунке она увидела

[36] Примечания: 36

Виверна — мифологическое существо, во многом сходное с драконом, но, в отличие от геральдического дракона, имеющее одну пару лап и одну пару крыльев. — *Прим. ред.*

самодельный мольберт. Она не помнила такой минуты, когда бы брат не держал карандаш в руке.

Она гордо улыбалась про себя, когда Лик возник из темноты и выхватил альбом из ее рук.

— Я что-то не вижу, чтобы на альбоме было твое сраное имя.

Он задрал джемпер и засунул альбом под ремень джинсов.

— Лик, я думаю, ты очень талантливый.

Он презрительно фыркнул, высунув язык, и снова исчез в темноте.

— Я серьезно. Ты станешь блестящим художником, а я выйду замуж, и, мы оба прекрасно понимаем, что дадим деру из этой помойки к чертовой матери.

Из темноты раздалось шипение.

— Иди в жопу. Я знаю, ты собираешься меня бросить. Видел я, как ты строила глазки этому оранжистскому хую. Я знаю, ты хочешь бросить меня, чтобы я один на один с нею разбирался.

— Лик, ты можешь выйти на свет, чтобы я тебя видела?

— Нет, мне здесь нравится.

Кэтрин вытерла волосы рукавом пальто и задумалась на секунду. Она все еще боролась со

страхом, который поселили в ней гопники.

— Жаль, я пришла сюда, чтобы раздеться и для тебя сразиться с гигантской крылатой змеей.

Он вышел из темноты, качая головой.

— Можешь не беспокоиться. Я предпочитаю рисовать сиськи побольше.

Кэтрин передернуло, но она сказала:

— Включи воображение.

— У меня нет достаточно тонкого карандаша, чтобы передать их замысловатую мини-а-тюр-иа-затив-ность.

Они сердито посмотрели друг на друга с серьезными выражениями на лицах. Кэтрин первая скривилась и сделала вид, что ее сейчас вырвет на старое мужское пальто. Лик сделал то же самое, и вскоре они уже оба плавали в луже воображаемой блевотины. Кэтрин увидела, как робкая улыбка вернулась на лицо брата, и пожалела о том, что теперь это случается так редко. Лик заметил ее испытующий взгляд и сказал:

— Чо уставилась-то?

Кэтрин попыталась смягчить выражение своего лица, чтобы не прогнать брата назад в тень.

— Так что, мамуля была в агрессивном настроении или скорее в плаксивом, когда ты ушел?

Он пожал плечами.

— Висела весь день на телефоне, искала Шага. Я сразу понял, что это может плохо кончиться.

— Почему?

— Она пила так, словно хотела оказаться где-то в другом месте.

— Шумела?

Он отрицательно покачал головой.

— Скорее грустила, чем шумела.

Кэтрин вздохнула.

— Бля. Нам нужно вернуться домой. Кажется, там случилась какая-то фигня.

— Нет уж. Я спер достаточно еды, чтобы остаться на ночь.

Он уже наполовину скрылся в темноте.

— Ты простудишься и помрешь.

— Вот и хорошо.

— Ну же, Лик. Ты староват для игры в домики.

Это было подло с ее стороны, и она знала, что не возьмет верх, если будет продолжать в таком духе. Природа наградила ее братца легендарным упрямством, он мог смотреть на тебя и не видеть, оставлял вместо себя одну оболочку — склевывай ее сколько хочешь. Кэтрин не хотела встречаться с матерью один на один. Она не хотела возвращаться домой в темноте без брата.

— Пожалуйста. Я за тобой пришла. Даром, что

ли, твои дружки-токсикоманы ко мне под юбку заглядывали. — Она жалостливо прикусила губу. — У них рыбный нож, Лик. Они меня за сиськи хватали.

Тут Лик страшно разозлился. Внезапная сила этих его вспышек ярости всегда пугала ее и втайне доставляла удовольствие. Они всегда приходили незаметно и проявлялись грубо, и малейшее оскорбление могло превратить медвежьи шутки в медвежью ярость.

— Пожалуйста.

Ее руки безвольно висели по бокам в утрированной беспомощности. Не в ее характере было давить на жалость.

Лик опять ушел в тень, но вернулся в своей куртке с капюшоном, со зловещим видом крутя в руке черенок садовой лопаты. Он погасил закопченный кемпинговый фонарь, и они стали тихо подниматься из пещеры на вершину штабеля. Лик накрыл лаз палетой, и они остановились, чтобы посмотреть на сверкающий внизу город. Он был прекрасен. Кэтрин подняла правую руку и указала в темноту за оранжевыми огнями города.

— Лик, видишь, что там? — спросила она.

Она показывала куда-то за линию пустоты на

горизонте, черной, как само ничто. Он проследил, куда целит ее палец, и ответил:

— Неа.

— Да вон же, — сказала она, тыча пальцем, будто это могло помочь. — Ты смотри туда дальше — за Спрингберн и Деннистаун[37]. Смотри за крайнюю границу города.

— Кэт! Оттого, что ты тычешь туда рукой, я не вижу лучше. Там тьма кромешная. Нет там ничего.

— Именно! — Она осознала это, прежде чем опустить палец и повернуться к высотке. — Я как-то случайно услышала слова Шага: он сказал, что именно туда мы и переезжаем.

[37] Примечания: 37

Спрингберн — центральный район на севере Глазго, населенный в основном семьями из рабочего класса. Деннистаун — скромный жилой район на территории Ист-Энда. — *Прим. ред.*

Шесть

Агнес бóльшую часть ночи пролежала, борясь с приступами кашля и сплевывая мокроту. А теперь ей не давал покоя утренний свет, проникавший в комнату через незанавешенное окно. Она больше не могла не замечать влажного сквозняка, который гулял по комнате и холодил ее потное тело. Она открыла глаза и безнадежно оглядела спальню в поисках чего-нибудь, что могло бы устранить эту досадную неприятность. Ее глаза не ожидали увидеть черные полосы сажи. Она вскочила в панике, но тут же признала в обгоревшей спальне свою собственную. Словно страшная открытка из прошедшей ночи, ее отражение таращилось на нее, полностью одетую, с разводами косметики на лице. Она посмотрела на подушку, на мокрое синее месиво, которое оставила после себя. Потом перевела взгляд на ту часть кровати, где обычно спал Шаг. Она была не расстелена.

Агнес опустила подбородок на грудь и постаралась вспомнить. Но верные образы никак не хотели возникать. Она провела рукой по своим черным кудрям, ощутила хрустящую хрупкость

избыточного количества лака. Потом по привычке обхватила голову руками и резко вдавила ногти в кожу выше лба, почувствовав, как к ней приливает отравленная кровь. Ей стало лучше. Воспоминания о минувшей ночи стали звонить, словно церковный колокол, в ее черепной коробке.

Бум — вот малыш танцует на кровати.

Бум — вот пламя пожирает занавески.

Бум — вот Шаг крутит свое обручальное кольцо, а на его лице снова разочарование.

Агнес рухнула обратно в постель. Она всхлипнула от жалости к себе, но слез не было. Она вспоминала, как прижимала к себе маленького, когда пламя устремилось вверх по занавескам. Она отбросила это воспоминание и сказала себе, что больше не будет думать об этом, но чем настойчивее она отворачивалась, тем сильнее, будто ужасный цветок, расцветало пламя. Чувство вины, словно влага, проникло до самого ее нутра, и теперь она не знала, куда себя деть от стыда. Агнес поискала сигареты, чтобы смягчить больное горло, которое было таким же черным и липким, как взлетно-посадочная полоса в июле. В комнате не нашлось ни сигарет, ни спичек. За ней установили наблюдение. Это по крайней

мере немного развеселило ее.

В коридоре стояла тишина. Вероятно, было уже довольно поздно, потому что дверь в комнату родителей стояла открытой, и она видела их аккуратно застеленную кровать. Она прошла в ванную без окон, закрыла дверь, села на унитаз. Подумала, не принять ли ей ванну, погрузиться на дно и ждать встречи с господом. В тазу лежали два мокрых полотенца, сильно почерневшие от огня. Она не могла заставить себя убрать их.

Агнес обхватила губами холодный металлический кран и сделала несколько глотков воды с запахом фторида, тяжело дыша, как измученная жаждой собака. Потом начала смывать с лица остатки косметики, ватный диск, которым она вытиралась, быстро почернел от сажи. Она открыла дверцу аптечки, оглядела полочку с лекарствами Вулли в поисках чего-нибудь, что помогло бы облегчить похмелье, но все болеутоляющие исчезли. Она взяла пузырек со сгустившимся сиропом от кашля, набрала полный рот, потом набрала еще раз.

Выйдя наконец в неосвещенный коридор, она долго приводила себя в порядок, примеряя в темноте всевозможные улыбки — слабую извиняющуюся, с опущенными глазами, взглядом

из-под нахмуренных бровей с плотно сжатыми дрожащими губами. Примерила она и несколько непринужденных улыбок — таких, которые надеваешь, только что вернувшись из магазина. Примерила зубастую, сияющую улыбку во весь рот, дерзкий кивок, который говорит: «Ну и что? Идите в жопу». Если Шаг дома, то именно этой улыбкой она и воспользуется.

Вулли и Шагги сидели за круглым обеденным столом и ели яйца всмятку, макая в них ломтики поджаренных тостов. Несмотря на шестидесятилетнюю разницу в возрасте, они прижались друг к дружке в дальнем углу, как старые собутыльники. Лик полулежал задом наперед на канапе, закинув босые ноги на спинку, в руке он держал альбом для рисунков. Увидев мать, он встал и, не сказав ни слова, вежливо кивнул ей, как незнакомому человеку на улице.

Все окна были распахнуты, квартира выскоблена с хлоркой. Воздух в комнате стоял горьковатый и резкий. Вулли, увидев ее, тут же отвернулся к еде. Вероятно, он ходил на утреннюю мессу, его хороший костюм был аккуратно повешен на спинку стула. Он сидел в майке, его толстые руки от запястий до плеч покрывало выцветшее чернильное кружево татуировок — имена

и названия мест, которые так и не забылись со времен Войны, имя смеющейся черноволосой девушки из Донегола и имя самой Агнес с датой ее рождения, вытатуированные великолепными изящными буквами.

— Ты пропустила мессу.

Агнес примерила несколько выражений лица и наконец остановилась на кающемся. Она услышала сопение из кухоньки.

— Шаг дома? — нервно спросила она, на ее фальшивом лице появилась ухмылка.

Вулли отрицательно покачал головой. Для него это было слишком: потасовка, пожар, рев малыша. Он сдвинул очки на нос и уставился на недоеденные яйца.

— Пожалуйста, не скалься, Агнес. Пожалуйста, не смотри на меня с такой улыбочкой.

Когда она вошла в комнату, ее сын, благослови его господь, засветился, как иллюминация в Блэкпуле. Шагги протянул к ней руки, вымазанные яйцом, на его голове красовалось, словно тюрбан, банное полотенце.

— Мамочка, Кэтрин меня обижала утром, она сказала, что я маменькин сынок. — Агнес взяла мальчика на руки, он прижался к ее ноющим костям, втиснул в нее жизнь. — Дедуля сказал, что я

сегодня могу съесть три королевских пирожных.

— Хью, возвращайся поскорее за стол, доедай завтрак, а то не будет тебе никаких пирожных.

Вулли махнул рукой мальчику, и Шагги с недовольным «ууу» соскользнул на пол с рук матери. Дрожь в костях вернулась к ней. Прежде чем снова заговорить, ее отец сунул в рот Шагги полную ложку. Заговорил он размеренным голосом, стараясь не встречаться взглядами с дочерью.

— Я знаю, Агнес, это моя вина. Я знаю, ты такая, какая ты есть, из-за меня.

Агнес почувствовала раздражение. «Опять двадцать пять». Горло ее отчаянно нуждалось в сигарете.

— Выслушай меня. Знаю, я тебя баловал, когда нужно было пороть. Знаю, что я сентиментален, знаю, что мягок. Но ты и понятия не имеешь. Ни малейшего понятия, на что это было похоже. — Вулли провел своим огромным кулаком по губам. Он посмотрел на дверь кухоньки, словно кто-то оттуда нашептывал ему слова. — Нас было четырнадцать. Моя старушка мать не видела, чтобы кто-то из них получил от жизни то, чего не заработал своим трудом. Даже наш маленький Френсис с его кривыми ножками. Этому бедолаге пришлось сражаться и толкаться локтями, как и

всем нам. И потому, когда твоя мама сказала, что у меня появишься ты, я молился о том, чтобы с тобой было по-другому. Я поклялся, что ты никогда не будешь знать нужду так, как довелось мне.

— Пап, прошу тебя, вовсе не обязательно… — «Куда подевались эти гребаные сигареты?»

Он хлопнул своими огрубевшими от труда ладонями, звук получился подобный удару грома.

— Неужели о меня всегда будут вытирать ноги в моем собственном доме?

Он был не из тех людей, кто привык повышать голос. Агнес захлопнула рот. Даже Лиззи перестала шмыгать носом на кухоньке. Природа наградила Вулли Кэмпбелла сложением, подходящим для погрузки мешков с зерном на баржи у причалов Клайда. Она как-то раз видела, как он в одиночку очистил паб от полудюжины дерзких ливерпульцев.

— Каждый день в четверть шестого ты выбегала на эту дорогу встречать меня, аккуратненькая, одетая с иголочки. Я просил твою мать, чтобы ты у нас была чистенькой. А она мне часто говорила: «Вулли, а есть ли и в самом деле нужда в такой мороке?» Конечно, это единственное, о чем я ее когда-либо просил. Мужчине нужно гордиться своей семьей. Но теперь людей такие вещи не

волнуют, верно? — Вулли сцепил татуированные пальцы от переполнявшей его ярости. — Я получал столько удовольствия от того, что всего лишь мог гордиться тобой. Я видел, люди мне завидовали. Торчали в окнах со своими кислыми физиономиями. Взрослые мужчины и женщины завидовали такой крохе, как ты, потому что ты могла жить достойной жизнью. Я только смеялся, когда они говорили, что это тебя погубит.

— Ты все правильно сделал, па. Я была счастлива.

— Правда? Тогда что с тобой случилось — почему ты так несчастна теперь? — Он втянул воздух сквозь зубы и положил на голову мальчика ладонь, под грузом которой шея Шагги, казалось, могла сломаться. В глазах Вулли стояли сентиментальные слезы, но смотрел он на дочь холодно, словно в первый раз толком разглядел, что она такое. — Так скажи мне, Агнес, я что — должен тебя выпороть?

Рука Агнес непроизвольно потянулась к горлу, она опасалась, что может рассмеяться.

— Папа! Мне тридцать девять лет!

— Так должен я выбить из тебя этого эгоистичного дьявола? — Он медленно поднялся из-за стола, его кулаки напоминали массивные ковши

экскаваторов. — Я устал от того, что твои прихоти всегда на первом месте. Устал видеть, как ты сама себя губишь, устал от того, что сам и виноват в этом.

Агнес сделала шаг назад. Она больше не улыбалась.

— Ты ни в чем не виноват.

Вулли тихо закрыл дверь гостиной. Из шерстяных брюк он вытащил свой тяжелый рабочий ремень, на коже которого был вытеснен логотип Медоусайдского профсоюза, и тот всей своей тяжестью протащился по ковру.

— Что ж, может, это к лучшему.

Агнес выставила перед собой руки и стала пятиться к двери. Нагловатая ухмылка сошла с ее лица. Отец наступал на нее, а она отступала, пока не уперлась спиной в буфет гостиной, не услышала, как предупредительно звякнули фарфоровые статуэтки. Сын был теперь у ее ног, выглядывал из-за ее джинсов. Вулли накрутил ремень на руку, один раз, второй — чтобы надежнее удерживать.

— Убери от себя малыша подальше.

Она крепко прижала к себе Шагги. Вулли ухватил ее руку выше предплечья. Другой рукой он мягко, но уверенно отодвинул мальчика от ее ног. Потом он подвел Агнес к стулу, сел на него и

уложил ее себе на колено.

Она не сопротивлялась, ни одной мольбы не сорвалось с ее губ.

— Господи Иисусе, прошу Тебя, дай мне силы, чтобы простить. — Ремень с громким хлопком опустился на ее мягкие ягодицы. Агнес не вскрикнула. Вулли снова поднял руку. — Я благодарю Тебя за то, что мое бремя никогда не было больше того, что я мог вынести. — Удар. — Даруй Агнес многие жизненные благодати. — Удар. — Уйми ее нужды. — Удар. — Дай ей немного покоя.

Агнес услышала рядом тихое шарканье, почувствовала прикосновение к своей левой руке. Почувствовала прохладные бескровные руки на своем потном загривке, ощутила нежные прикосновения матери. Лиззи опустилась на колени рядом с ней. Ее голос присоединился к молитве Вулли.

— Господи Иисусе, только через Твое прощение можем мы простить себя. — Удар.

После пожара Шаг ушел на ночную смену и второй раз на этой неделе не вернулся домой утром. Если не считать его брата Раскала Бейна и нескольких парней-таксистов, приятелей-мужчин у него почти не было. И все же Агнес знала, что есть миллион других мест, где он может на-

ходиться с превеликим удовольствием.

Она осторожно сидела на краю их кровати. Кожа на ногах сзади горела, словно ошпаренная ремнем Вулли, и она никак не могла сосредоточиться, складывая чистые носки Шага — один внутрь другого, чтобы полинявшая расцветка совпадала точно так, как ему нравилось. В чьих он сейчас объятиях? Она почувствовала, что бойцовский дух в ней снова набирает силу. Может быть, он совсем рядом — в соседнем квартале, с толстухой Рини?

Она должна выйти, должна появиться на людях.

Она достала из платяного шкафа один из раскладных шезлонгов, которые они брали с собой, когда жили в доме на колесах во время недельной ярмарки. Она вытащила и прополоскала в теплой воде свои зубы. В обтягивающих джинсах и новом черном бюстгальтере в качестве верха она вышла на площадку, дождалась пахнущей мочой кабинки лифта. Спустившись с шестнадцатого этажа, она вздохнула с облегчением, увидев, что ее обгорелых занавесок нигде не видно.

Кроме затвердевшего собачьего говна и каких-то едва заметных подпалин, ничего примечательного во дворе она не заметила. Агнес порыскала

на задах многоэтажки — не стоит ли там такси Шага. Один раз она таки поймала его. Он должен был работать в дневную смену, а на самом деле трахал какую-то неизвестную ей бабенку. Он устраивал свои развратные оргии рядом с семейным домом — всего бетонированную дорожку пересечь. Агнес весь день каталась в лифте с ведром, наполненным спитым чаем и мочой. Она часами ждала на каждой площадке — вдруг откроется дверь и оттуда выйдет он, а прекратила свою охоту, только когда из открывшихся дверей вышла группка хорошеньких девочек, спешивших на улицу поиграть. Девочки мельком взглянули на нее и в испуге отказались входить в лифт с сумасшедшей теткой с шестнадцатого этажа.

Поначалу она думала, как это глупо со стороны Шага — так позорно подставляться. И только позднее, когда она обвинила его, Агнес поняла, что глупой оказалась сама. Она его не поймала на месте преступления. Он просто хотел, чтобы она все знала. Некоторые вещи не должны проходить мимо нее.

Белое солнце светило с небес. Над бетоном уже поднималась рябь утренней жары. На пустыре загорала Лиззи, лежа на старом одеяле животом

вверх. Ее платье в цветочек было расстегнуто до груди и распахнуто, чтобы на всю катушку использовать такую редкость, как солнечный свет. Ее волосы были плотно накручены на светло-голубые папильотки и аккуратно замотаны клетчатым кухонным полотенцем. Она читала сегодняшнюю газету и сплетничала со стайкой таких же божьих одуванчиков, расположившихся на клочках травы. Другие женщины группкой сидели на кухонных стульях, чистили большие коричневые картофелины и кидали их в старый полиэтиленовый пакет.

Агнес села в свой шезлонг на почтительном отдалении от матери и ее шайки. Лиззи продолжала читать газету, и Агнес понимала, что наказана. Она пыталась сидеть под солнцем с беспечным видом, но ее глаза постоянно косились на Лиззи в надежде увидеть хотя бы малую толику сочувствия, чтобы облегчить одиночество в ее груди.

На стене над Лиззи появилось новое граффити. Оно выпрыгнуло из ее кудряшек, как «облачко» грязных мыслей: «Не стесняйся, мой дружок… Покажи свой пирожок». Лиззи это граффити могло казаться дружеской просьбой к скромнику-пекарю. Но Агнес понимала, что к чему, и не смогла сдержать смех.

Лиззи оскалилась на нее.

— Что тебе кажется таким смешным?

Она в первый раз открыла рот после благочестивой порки сегодня утром в гостиной, и Агнес несколько секунд взвешивала, чего ей хочется больше: то ли поощрить разговор, то ли пресечь его в зародыше.

— Ничего. Где мой мужичок?

Лиззи ответила со всем спартанским лаконизмом, на какой была способна:

— У пекаря, ест пирожное.

Агнес знала заведенный порядок. Днем в субботу и воскресенье Вулли с внуком проходили около полумили до магазинов — скудного ряда наполовину заколоченных витрин в сумрачной нише, куда, казалось, никогда не заглядывает солнце. Власти вытаскивали семьи из старых глазговских жилищ в этот район, который хотели сделать не похожим на другие, футуристическим, великолепно усовершенствованным. Но в реальности весь район получился слишком суровым, чересчур аскетичным, очень дешевым, ничем не лучше прежних их мест обитания.

Шагги, как послушный мальчик, стоял в пакистанском магазинчике, пока его дедуля покупал упаковку сладкого стаута и четвертинку виски —

этого хватало, чтобы прожить субботний вечер и благополучно перейти в священный день отдохновения. Подрастающий мальчик давал Вулли и Имрану тему для разговора, пока алкоголь укладывался в пакеты. Таков был заведенный порядок — ни одному из них не позволялось признавать, что алкоголь переходит из рук в руки, иначе это испортило бы всю игру. Вулли в полутемной пекарне болтал с хорошенькими девушками, а Шагги жадными глазами поедал сладости. Шагги всегда выбирал одну и ту же ярко-розовую бисквитную пирамидку, покрытую красной и белой кокосовой стружкой, а сверху украшенную сахарной конфеткой. Домой он шел очень медленно в тени Вулли, наслаждаясь вкусом своей добычи.

Агнес посмотрела в направлении магазинов, но эту парочку там не увидела. Она поднялась и встала на краю пустыря в своем черном бюстгальтере, запрокинула голову и широко развела руки, чтобы ощутить своей бледной кожей солнечные иголочки. Она поймала косой взгляд Лиззи. На пояснице у нее наливался лиловато-коричневый синяк. Именно это и привлекло внимание ее матери. Агнес провела окольцованными пальцами по следу, оставленному ремнем, и театрально поморщилась.

Лиззи гордо выпрямилась и прошипела:

— Да бога ради, прикройся.

Женщины, чистившие картошку, обменялись сочувственными взглядами, которые говорили о том, что они знают, почему синяки в браке встречаются чаще объятий. И не только у женщин. Уж кто-то, а Агнес об этом и так знала. Она в раздражении рухнула на свой шезлонг, отчего тот непристойно подпрыгнул, как детский хоппер[38], и в несколько прыжков подобрался к ее матери.

Агнес с наслаждением растянулась на нем, ее кожа начала обгорать, становясь светло-розовой. Она вытянула ногу и, как ребенок, поиграла с подолом желтого платья Лиззи, которая опустила газету и оттолкнула ногу Агнес.

— Ты ко мне не лезь с глупостями, — сказала она. — Еще имеешь наглость показывать мне свою физиономию сегодня утром. — Лиззи сняла полотенце со своих папильоток. Она раскрыла полиэтиленовый пакет, лежавший рядом с ней, и принялась распутывать волосы.

Агнес взяла материнскую расческу с длинными зубчиками и снова растянулась на своем липком

---

[38] Примечания: 38

Хоппер — резиновый мяч с ручками, которые позволяют сидеть на нем и не падать. Благодаря эластичным свойствам хоппера на нем можно прыгать.

шезлонге.

— У меня голова раскалывается.

Лиззи раскрутила одну папильотку, зажала заколку губами.

— Ах, бедняжка. Надеюсь, ты не ждешь от меня сочувствия.

— Ты должна была его остановить!

Теперь Лиззи краем глаза наблюдала за Агнес.

— Должна сказать, миледи, за сорок лет брака я ни разу не видела, чтобы твой отец в ярости поднял на кого-то руку. — Она повернулась к женщинам с картошкой. — Ты знаешь, Мейгрет, он такой кроткий, я думала, его через неделю привезут с этой треклятой войны мертвым.

— Ой, он такой превосходный человек, что верно, то верно, — дружно закивали картофельные женщины.

Лиззи снова развернулась к дочери.

— Я не хочу, чтобы ты трепала его доброе имя рядом со своим.

Агнес запустила зубья расчески в крашеный колтун.

— Я такая мерзкая?

— Мерзкая? — Лиззи презрительно фыркнула. — Ты знаешь, я тут сидела сама по себе, чтобы загореть чуток, так не дают покоя. Тут одной в ма-

газин сбегать неохота, но не поленилась пройти по траве и спросить, как я тут держусь.

— Люди не должны совать нос в чужие дела.

— Я тебе говорю про Джанис Маккласки, она притащила ко мне своего сынка-дауна через все эти сорняки. Пришла и такая: «Я слышала, твоя Агнес не очень того. У нее какие-то проблемочки?» — Костяшки пальцев, в которых Лиззи сжимала заколку, побелели от негодования. — Я сижу здесь с расстегнутым до самых моих красот платьем, а эта парочка идиотов глазеет на меня.

— Ма, не обращай на них внимания.

— Ублюдки! «Не очень того!» — Ее руки терзали воображаемых оскорбителей. Лиззи шумно выдохнула, и ее ярость сменилась выражением усталого фиаско. — Я ничем не заслужила, чтобы мне так выкручивали руки, Агнес. Я всю жизнь работала, как ломовая лошадь, без дня отдыха. И ради чего?

Следующее предложение Агнес прекрасно знала. Она продолжала отрицательно качать головой.

— Для того, чтобы у тебя было все, что душа пожелает.

Лиззи в этот момент, казалось, унесло куда-то далеко-далеко. Агнес захотелось вдруг обнять

мать, попросить у нее прощения, хотя при этом она не испытывала ни малейшего угрызения совести.

— Мы не можем снова быть друзьями?

— Нет. Теперь все стало не так просто. — Уголки рта Лиззи насмешливо опустились вниз. — Давай поцелуемся и помиримся? Нет, не думаю. — Она раскрутила еще одну папильотку. — Сколько женщин согласится на такое, Агнес?

Агнес ощетинилась.

— Мне нужно закурить.

— Тебе много чего нужно. — Она помолчала, потом добавила: — Тебе нужно было оставаться замужем за тем католиком.

Агнес порылась в материнском пакете с папильотками, вытащила пачку «Эмбасси» и сунула себе в рот две сигареты. Она глубоко затянулась и надолго задержала дым в легких.

— Иисус не заплатит за мой каталог.

Лиззи притворно рассмеялась.

— Не заплатит. И поделом тебе.

Агнес встала, потом села на одеяло рядом с матерью. Зажженная сигарета была жалким предложением мира, но Лиззи приняла ее и сказала:

— Помоги мне вытащить эти папильотки. Я,

наверно, похожа на полоумную. — Агнес взяла материнскую голову в свои руки, погладила редеющие волосы. Лиззи немного смягчилась. — Знаешь, твой отец всегда в пятницу вечером приходил в половине седьмого. Все остальные работяги пропадали. Во всем Джермистоне до послеполуденных часов воскресенья не было слышно ни одного мужского голоса. Помню, ты высовывалась в окно, смотрела, как они бредут домой к воскресному ужину, все с сильного похмелья.

Чистильщицы картофеля снова закивали в унисон.

— Я им не судья, — сказала Лиззи. — Так было заведено в те времена. Если ты хотела, чтобы у тебя были деньги на хозяйство, то должна была выковыривать своего мужика к пятничному ужину из паба. Но твой отец возвращался домой с песней к пятничному вечеру: жалованье целехонькое в кармане, а под мышкой новый пакетик. Дурачок заходил на рынок по пути из Медоусайда и покупал тебе маленькое платьице или новое пальтишко. Я никогда не слышала, чтобы у кого-то муж знал размеры своих чад, я уж молчу о том, чтобы он что-то им покупал. Я ему все говорила, чтобы он перестал, что он тебя

избалует. Но он только отвечал: «Какая от этого может быть беда?»

— Ма, я больше не могу об этом.

— Откровенно говоря, я порадовалась за тебя, когда ты вышла за этого Брендана Макгоуэна. Мне казалось, он мог тебе дать то, что твой отец дал мне. Но посмотри на себя: тебе непременно нужно было искать кого получше.

— А что — нельзя?

— Получше? — Лиззи прикусила кончик языка. — Посмотри, куда это *получше* тебя привело. Эгоист до мозга костей.

Агнес расплела последнюю папильотоку матери. Ей приходилось сдерживать себя — уж больно велико было желание дернуть, хоть чуть-чуть.

— Что ж, если ты меня считаешь эгоисткой, хочу попросить тебя об услуге.

Лиззи шмыгнула носом.

— Недавно помирились — рановато еще просить об услугах.

Она потерла мочку уха Лиззи, потерла легонько, с намерением.

— Мне нужно, чтобы ты передала ему кое-что от меня. Скажи ему, что мы съезжаем. Скажешь?

— Это убьет твоего отца.

— Не убьет. — Она покачала головой. — Но если

я останусь, я точно знаю, что потеряю его.

Лиззи повернула голову, внимательно посмотрела на дочь. Ее холодный взгляд отметил искорку надежды в глазах Агнес.

— Ты во что угодно готова поверить. — Это был не вопрос.

— Нам нужно начать с чистого листа. Шаг говорит, переезд может все исправить. Домик совсем маленький, но там свой садик, и отдельная входная дверь, и все такое.

Лиззи небрежно помахала сигаретой.

— Ах, какие мы! Собственная входная дверь. Скажи мне: сколько тебе замков понадобится повесить на эту дверь, чтобы не выпустить этого блядуна из дома?

Агнес почесала кожу вокруг своего обручального кольца.

— У меня никогда не было собственной входной двери.

После этого две женщины долго молчали. Первой заговорила Лиззи.

— Ну так и где она — твоя собственная входная дверь?

— Я не знаю. Это где-то на Истерн-роуд. Раньше ее снимала какая-то итальянская шлюшка или какой-то знакомый Шага. Он говорит, там много

зелени. И тихо. Как раз для моих нервов.

— А собственная бельевая веревка там есть?

— Думаю, есть. — Агнес перекатилась на колени. Она умела выпрашивать то, что ей хотелось. — Слушай, мы ведь снова друзья, правда? Мне нужно, чтобы ты сказала об этом папке.

— Время ты выбрала просто превосходное. После этой утренней фигни? — Лиззи опустила подбородок на грудь и растянула губы в грустной клоунской улыбке. — Если ты уйдешь, он будет корить себя до конца жизни.

— Не будет.

Лиззи начала застегивать свое летнее платье. Пуговицы залезали не в те петли, испытывая ее терпение.

— Помяни мои слова. Шага Бейна интересует только Шаг Бейн. Он увезет тебя к черту на рога, там-то тебе и придет конец.

— Нет.

Тут, неуклюже топая, во двор вошли Вулли и Шагги. Первой их увидела Лиззи.

— Ты только посмотри на это: ходячая реклама мыльного порошка.

Когда Агнес посмотрела на Шагги, тот слизывал со своих пухлых пальцев остатки «Эйфелевой башни». Она не смогла сдержать улыбку, глядя

на отца — гиганта, выпустившего полы рубашки поверх брюк, словно школьник, уклоняющийся от ношения формы. Они шли медленно, между ними покачивалась куколка Дафна, столь любимая Шагги.

— Если ты не можешь заставить Шага вести себя правильно по отношению к тебе, то по крайней мере заставь его вести себя правильно по отношению к мальчику. — Лиззи прищурилась, глядя на внука и его белокурую куколку. — Тебе надо будет пресечь это на корню. Неправильно это.

Семь

Агнес следила за красными кожаными чемоданами Шага, которые перемещались по квартире. Они появились из ниоткуда в начале этой недели, без ценников и почти как новенькие. Прежде чем тщательно упаковать вещи, Шаг аккуратно сложил всю свою одежду, носки затолкал в туфли, скрутил нижнее белье в опрятные рулетики. Часто в течение этой недели он открывал один из красных чемоданов и внимательно изучал содержимое, словно запоминая, где что лежит, потом закрывал крышку и надежно запирал замок. Агнес видела, что чемоданы полупусты, что внутри еще много свободного места. Несколько раз она оставляла рядом с ними маленькие стопки детской одежды, а потом с яростной ревностью наблюдала, как чемоданы перемещаются в другой конец комнаты, а вещички ее детей остаются там, где и лежали.

В день переезда он поставил красные чемоданы у двери в спальню. Агнес безуспешно попыталась ногтем отпереть замок на одном из них. Она недоумевала, почему муж до сих пор не показал ей нового дома. Идея переезда зародилась у Шага по-

сле одной из ночных смен, когда он разговорился с одним своим приятелем-масоном, которому принадлежала кулинарная забегаловка в центре города. Квартира в муниципальном доме с отдельной входной дверью, две общие комнаты внизу, две спальни на втором этаже. Шаг сразу же подписался на это жилье со всей беспечностью покупателя лотерейных билетов.

Агнес завернула последние из ее фарфоровых фигурок в газету и поставила свои старые парчовые чемоданы рядом с чемоданами Шага. Она расположила их через один с красными чемоданами, потом переставила, но что бы она ни делала, ее не покидало чувство, что эти чемоданы не созданы друг для друга. На багажной бирке одного из ее чемоданов была сделана надпись, которую она с трудом узнала. Это был счастливый уверенный почерк гораздо более молодой Агнес, бросавшей первого мужа ради обещания жизни, которая стоила того, чтобы ее прожить. Ее пальцы прошлись по знакомому имени: Агнес Макгоуэн, Белфилд-стрит, Глазго.

Лик еще ходил в подгузниках, когда она убежала.

В ночь, когда Агнес оставила мужа, она уложила в зеленые чемоданы новую одежду, показушные,

бесполезные вещи, которые купила на остатки кредита Брендана Макгоуэна и целый год прятала. Перед бегством она в последний раз сделала уборку в их квартире. Она знала, что известие о ее бегстве приведет сюда соседей. Они со своими мышиными глазками будут выражать сочувствие ее мужу, надеясь вволю нашамкаться своими беззубыми ртами о ее наглых манерах. Она не доставит им удовольствия считать ее ко всему прочему неряхой.

Она носком притоптала уголок шикарного ковра в коридоре, возвращая его на место и с грустью слыша, как ковровые гвозди снова входят в дерево. С утра пораньше она попыталась снять его, чтобы забрать с собой. Но сломала две хорошие свадебные ложки и сбила в кровь пальцы, после чего села на стул и расплакалась от бессилия. И пока тушь растекалась по щекам, Агнес подумала, не остаться ли ей еще ненадолго, чтобы хорошенько попользоваться этим новым аксминстерским ковром[39]. Она не пыталась забрать с собой все, но ковер купили недавно, и ей нравилось видеть, как одна старушка из квартиры напротив бледнела каждый раз при виде него.

---

[39] Примечания: 39

Аксминстерский ковер — род бархатного ковра с большими вытисненными цветами.

Это был один из тех коридорных ковров, ради которого стоило оставлять распахнутой входную дверь, чтобы все соседи увидели его красоту и пышность. Она столько намучилась, укладывая от стены до стены этот темплтоновский двойной аксминстер, но радость от покупки не продлилась долго, не продлилась даже вполовину от того, что она ожидала.

Живя с этим католиком в квартире на первом этаже, она видела только покрытую сажей стену жилого дома напротив. В ночь побега она смотрела, как гаснут одно за другим окна — славный трудолюбивый люд рано ложился спать, чтобы рано подняться. Снаружи сквозь шум дождя доносилось урчание работающего двигателя такси. Она не могла не чувствовать некоторого возбуждения, и внутри нее, несмотря на сомнения, усиливался восторженный трепет.

За спинкой дивана лежали две миниатюрных статуэтки, книги по обработке лучших сортов тяжелого сукна и мягкого бархата и неудобные туфли из лакированной кожи с вульгарными серебряными пряжками. Она разбудила своих спящих малышей. Кэтрин была похожа на пьяного старика, ее сонные веки открывались и закрывались, словно она раз за разом делала

трудные недовольные глотки. Пока Агнес будила их поцелуями, кто-то осторожно поскребся в дверь. Она выскользнула в коридор. Дверь открылась с тихим скрипом, и круглое загорелое лицо взволнованно заморгало на ярком свету. Шаг нетерпеливо переступал с ноги на ногу, словно готовый в любую секунду броситься наутек.

— Ты опоздал! — прошипела Агнес.

Запах кислого стаута в ее дыхании заставил его проглотить улыбку.

— Я, бля, просто не верю, что это происходит.

— Чего ты ждешь? — прошипела она. — У меня нервы как струны натянуты.

Агнес распахнула дверь и передала Шагу тяжеленные раздавшиеся в ширину чемоданы, в которых что-то радостно позвякивало, словно в них лежали елочные игрушки.

— Это все?

Агнес уставилась на пухлый ковер с его замысловатым рисунком и вздохнула.

— Ага. Все.

Шаг с чемоданами в руках зашаркал на улицу. Агнес повернулась, окинула взглядом квартиру. Подошла к зеркалу в коридоре, пробежалась пальцами по волосам, ее черные кудри сопротивлялись и возвращались в свое прежнее

напружиненное положение. Она взяла тюбик помады, провела по губам. «Не так уж и плохо для двадцати шести», — подумала она. Двадцать шесть лет сна.

В детской она застелила кровати, сунула грязные пижамки в карман своей норковой шубки, без всяких уговоров всучила детям по игрушке в руки и вывела в коридор. Остановившись перед широкой дверью в спальню, она повернулась к ним. Посмотрела на великолепный ковер и настоятельно прошептала:

— Значит, так: что бы ни случилось, никаких слез, договорились? — Лоснистые головки кивнули. — Когда мы войдем, вы сможете улыбнуться ради меня такой большой-большой счастливой улыбкой?

По привычке она щелкнула выключателем в спальне, и темнота взорвалась ярким режущим глаз светом. Спальня была маленькой и тесной, почти всю ее занимала слишком большая кровать в стиле рококо. Мальчик радостно крикнул «Папа!» и неопрятная груда на огромной кровати шевельнулась. Брендан Макгоуэн сел в недоумении, моргая, уставился на викторианских христославов в изножье своей кровати. У него отвисла челюсть.

Агнес величественным жестом подняла воротник своей шубки. Он купил ей эту шубку в кредит — расточительность, в которой не было необходимости, он просто надеялся сделать жену счастливой, чтобы она забыла о нужде, пусть и ненадолго.

— Значит, так. Спасибо за все. — Получалось как-то не очень. — Я ухожу, — сказала она, и эта неловкая недосказанность прозвучала, как слова горничной, которая, закончив свои дневные труды, уходила до следующего утра.

Сонному мужу оставалось только хлопать глазами, когда его семья помахала ему на прощанье и вышла из спальни. Он услышал, как негромко хлопнула входная дверь, потом раздалось рычание дизельного двигателя. И они исчезли.

Когда они с ревом умчались той ночью, черное такси казалось тяжелым и надежным, как танк. Агнес сидела на длинном кожаном диване, а к ней прижимались дети, согревая ее с двух сторон. Они вчетвером молча ехали по мокрым, сверкающим улицам Глазго. Шаг все время поглядывал в зеркало заднего вида, скользя по лицам спящих детей и чуть прищуриваясь.

— Так куда мы едем? — спросил он немного погодя.

После долгой паузы он услышал голос Агнес через воротник ее шубки:

— Почему ты опоздал?

Шаг не ответил.

— У тебя были сомнения?

Он отвел глаза от зеркала.

— Конечно, были.

Агнес поднесла руки в кожаных перчатках к лицу.

— Господи Иисусе.

— А что — у тебя не было?

— Разве похоже, что у меня были сомнения? — ответила она, и голос ее прозвучал выше, чем ей хотелось бы.

Улицы Ист-Энда были пусты. Последние пабы уже закрылись, и порядочные семьи согревались от холода в своих постелях. Такси протащилось по Галлоугейту, потом миновало рынок. Агнес никогда еще не видела его таким пустым, обычно он кишел людьми, пришедшими за ежедневными покупками, новыми занавесками, выбирающими мясо получше или рыбу к пятнице. Сейчас рынок представлял собой кладбище пустых столов и ящиков для фруктов.

— Так куда мы едем?

— Я, видишь ли, свои сомнения оставила дома.

Он сердито смотрел на нее в зеркало.

— Мы же договорились. Мы сказали, с чистого листа.

Агнес чувствовала, как горячие головки детей зарываются в ее бока.

— Да, но все не так просто.

— Но ты же говорила.

— Ну да. — Агнес отвернулась к окну. Она все еще чувствовала на себе его пристальный взгляд в зеркале. Она бы предпочла, чтобы он следил за дорогой. — Я не смогла это сделать.

Он посмотрел на детей, облаченных в их лучшие и дорогие старомодные воскресные костюмчики, надетые в первый раз, купленные для бегства среди ночи. Он подумал обо всей их одежке, аккуратно уложенной в чемоданы.

— Да, но ты даже и не попыталась, верно?

Она уставилась в его затылок.

— Не все мы можем быть так бессердечны, как ты, Шаг.

Взрыв гнева охватил его, и он ударил по тормозам. Все четверо резко клюнули головой вперед, а дети принялись недовольно бурчать.

— И ты спрашиваешь, хули это я опоздал? — Капельки слюны брызнули на зеркало заднего вида, засверкали на стекле. — А опоздал я потому,

что должен был попрощаться с четырьмя плачущими детишками, на хуй, бля. — Он провел тыльной стороной ладони по мокрым губам. — Я уж не говорю о жене, которая грозила отравить себя и их газом. Сказала мне, что, если я уйду, она включит духовку, но поджигать газ не будет.

Такси, взвизгнув покрышками, тронулось с места. Дальше они ехали молча, обгоняли пустые ночные автобусы, урчащие своими моторами, провожали глазами темные окна холодных домов. Когда он снова заговорил, его голос звучал спокойнее.

— Ты когда-нибудь пробовала уходить из дома, когда вся твоя гребаная семейка впилась в тебя, словно рыболовными крючками, а? Ты знаешь, сколько времени нужно, что освободиться от четырех визжащих малышей, ухвативших тебя за ноги? Чтобы раскидать их по коридору и закрыть дверь, прищемляя их пальчики? — Он посмотрел на нее в зеркало ледяным взглядом. — Нет, ты не знаешь, что это такое. Просто говоришь твоему покорному слуге, чтобы он приехал за тобой. А потом ты выходишь из дома с чемоданами, будто мы на денек в Милпорт[40] собрались.

---

[40] Примечания: 40

Милпорт — единственный город на острове Грейт-Камбро в заливе Ферт-оф-Клайд, Шотландия. — *Прим. ред.*

Она трезвела понемногу. Сидела, уставившись в окно, стараясь не думать о следе, который они оставляют за собой, — о детях без отца и об отце без детей. Она представляла себе это в виде шлейфа вязких, соленых слез, который тащится за черным такси. К этому времени ее возбуждение прошло.

Когда они в третий раз проехали под железным железнодорожным мостом в Тронгейте, начался рассвет, и на рынке стали разгружать фургоны со свежей рыбой. Агнес смотрела на женщин, столпившихся на автобусной остановке, на уборщиц, готовящихся наводить порядок в больших офисах в центре города с утра пораньше.

— Мы можем поехать в новую квартиру моей мамы, — пробормотала она наконец. — Остановимся там, пока не найдем собственное жилье.

Все прошедшие годы Агнес не хотела думать о той ночи, потому что воспоминание заставляло ее чувствовать себя дурой. А теперь она снова укладывала вещи в чемоданы католика. Парчовые чемоданы, которые уносили ее отсюда, были теми же самыми чемоданами, которые принесли ее сюда, в дом матери. Она посмотрела на зеленые чемоданы и разорвала пополам свою старую бирку с фамилией Макгоуэн.

Когда Агнес ушла от католика, Брендан Макгоуэн пытался поступать с ней по-человечески. Даже после того, как она улизнула посреди ночи, он нашел ее у матери, пообещал многое изменить, если она вернется к нему. Агнес стояла там, в тени высотки, сложив руки на груди, и слушала, как ее муж предлагает ради нее полностью измениться до такой степени, что родная мать его не узнает. Когда ему стало ясно, что она к нему не вернется, он попросил приходского священника поговорить с Вулли и Лиззи, чтобы они принудили ее вернуться. Агнес ничего не хотела слушать. Она не собиралась возвращаться к жизни, которую она знала от и до.

Следующие три года Брендан Макгоуэн каждый четверг присылал деньги, а каждую субботу забирал детей к себе. Последнее воспоминание, которое у Кэтрин сохранилось об отце: они сидят в кафе «Кастелани», и Брендан салфеткой вытирает ванильное мороженое с лица Лика. Агнес намеренно одела их в лучшие одежды, и пожилая дама с жемчугами на шее и в ушах похвалила Брендана — опрятный внешний вид и хорошие манеры детей привели ее в восторг. Женщина наклонилась к Кэтрин и спросила хорошенькую девочку, как ее зовут. И маленькая девочка

голосом чистым, как звон соборного колокола, ответила: «Кэтрин Бейн».

Брендан извинился, сказал, что ему нужно отойти на минуту. Он протиснулся между группками счастливых семей к туалету, потом развернулся и исчез на улице. Кэтрин не знала, сколько времени просидели они там вдвоем, но Лик доел свое мороженое, потом ее, а потом макал палец в растаявшие остатки на донышке стеклянной креманки в форме ракушки.

Добрый католик сделал все, что мог, чтобы удержать свою беспокойную жену. Она убежала от него, а он наступил на собственную гордость и просил ее вернуться. Она с ним развелась, а он опять наступил на свою гордость и считал своей священной обязанностью проводить время с детьми. Потом она дала им протестантскую фамилию, и они, как ягнята, отбившиеся от стада, оказались помеченными нестираемой маркировкой другого. Через это перешагнуть он не мог. Теперь, тринадцать лет спустя, Лик и Кэтрин, встретив отца случайно в толпе, не узнали бы его.

Агнес с трудом сдерживалась, чтобы не дергать каждую минуту ручки парчовых чемоданов. Она снова упаковала свои вопросы и сомнения

в католические чемоданы и понуро понесла их в такси. Теперь черная машина казалась Агнес катафалком. Вулли не сказал ей ни слова, помогая заносить детскую одежду в ржавый лифт. Лиззи стояла над большой суповой кастрюлей на кухне и ломала свои огрубевшие руки, опустив их на передник. Мать подвинулась, и Агнес в этот момент увидела, что газ не включен.

Лик и Кэтрин просидели всю ночь на своих кроватях, разговаривая о зловещем развороте их жизней. Агнес слышала их негромкое бормотание за стеной. Лиззи в начале недели подошла к ней и сказала, что дети попросили у нее разрешения остаться. Она умоляла Агнес дать Лику возможность окончить школу, а Кэтрин позволить жить ближе к работе. В день переезда Агнес заметила, что Лика все утро не было — улизнул в какую-то свою нору с карандашами и секретными альбомами. Кэтрин унимала дрожащую губу и покорно помогала матери собираться. Лиззи все утро тискала Шагги и нашептывала в его бледную шейку молитвы о благополучном возвращении. Агнес наблюдала за Ликом, когда тому казалось, что его никто не видит, а он опять умолял бабушку разрешить ему остаться, обещал быть пай-мальчиком, хорошо себя вести. Агнес порадовалась,

когда Лиззи мягко отказала ему: «Нет, Александр, твой дом там, где твоя мамочка».

Когда начался дождь, погрузили последнее, что оставалось: два красных кожаных чемодана Шага. Только после того как их уложили, Агнес призналась себе, что пришло время ехать. Лиззи и Вулли стояли под дождем серые и неподвижные, как многоэтажка за их спинами. Прощание было формальным и холодным. Лиззи не допустила бы никаких сцен на публике. Трещина в фасаде может расшириться, и Агнес понятия не имела, какой поток хлынет оттуда. А потому они делали вид, что беспокоятся о чайниках и чистых полотенцах.

Агнес села на заднее сиденье, втиснув Шагги себе между коленей. Лик и Кэтрин сели по бокам, обложенные коробками, их бедра прижимались к ее. Она выгладила всю их одежду, потратила время, чтобы накрахмалить рабочую блузу Кэтрин, выбрала из каталога блейзер для Шагги. Она отбелила свои вставные зубы, покрасила волосы в цвет чуть темнее черного, ближе к глубокому темно-синему оттенку.

Этим утром Агнес наклонила вперед голову и спросила Кэтрин, что та думает о ее новой туши. Ресницы были так густо накрашены, что

казалось, глаза Агнес вот-вот слипнутся, и она неожиданно заснет. Теперь, когда такси выруливало на главную дорогу, Агнес демонстративно обернулась, скорбно помахала в заднее стекло и моргнула, надолго прикрыв тяжелые веки. Она подумала, что в этом есть какой-то киношный шик, она словно стала звездой на собственном дневном спектакле.

Такси протарахтело по Спрингберн-роуд, мимо пустого железнодорожного завода «Сент-Роллокс», и Агнес только тогда повернула голову обратно. Она перебирала, словно четки, пустые доводы в пользу того или иного объяснения, почему реализует план Шага, но сколько она ни пыталась ими укрепить себя, ей все это казалось дурацкими фантазиями влюбленной девчонки в два раза моложе ее. Агнес терла подушечки пальцев, подсчитывая количество собственных глупостей: возможность украсить и содержать в порядке собственный дом. Сад для детей. Мир и покой ради их брака. Она копнула глубже. Есть шанс, что жизнь наладится, надеялась она, когда он будет подальше от своих женщин.

Окна в машине запотели, и Шагги нарисовал печальную мордочку на конденсате. Лик одним движением большого пальца превратил мордоч-

ку в стоячий член, а потом плюхнулся на сиденье. Агнес стерла рисунок унизанной кольцами рукой и сквозь чистое стекло увидела, что они за Прованмиллом[41] проезжают мимо больших голубых газгольдеров, сторожащих северо-восточные ворота Глазго.

Они очень долго ехали молча. Наконец такси остановилось на светофоре, и Шаг опустил стеклянную перегородку, чтобы сообщить им, что они почти приехали. Он снова поднял стекло, и Агнес задумалась: почему он это делает — то ли по привычке, то ли по каким-то своим соображениям. Она вспомнила времена, когда он ухаживал за ней: тогда перегородка постоянно была опущена, а он пытался обаять ее своей болтовней. Он подавался назад и постукивал своим масонским кольцом о перегородку, она видела белую полоску на том пальце левой руки, где должно быть обручальное кольцо. Воздух в салоне стоял тяжелый от его терпкого соснового лосьона после бритья и геля для волос. В будни в салоне воняло, окна запотевали, пока они занимались любовью. Она вспомнила о счастливых часах, когда

[41] Примечания: 41
Прованмилл — район на северо-востоке Глазго. — *Прим. ред.*

они парковались под Андерстонским мостом[42]. Счастливые часы до того, как они по-настоящему узнали друг друга.

Агнес смотрела на заросшие травой палисадники и одноэтажные домики, пыталась вернуть былое воодушевление, но это было сродни попыткам разжечь костер из сырого дерева. Существовала некая граница, за которой дома переходили из разряда принадлежащих муниципалитету в разряд выкупленных. Шаг со скрипом опустил разделительное стекло.

— Ты посмотри на эти садики, а?!

Домики были прекрасны — с розами и гвоздиками, улыбающимися статуэтками за окнами с двойными рамами. Они проехали чуть дальше, здесь дома возвышались над ними в насыпном тупике — вылизанном участке земли, приподнятом над шумом проезжей части. Перед каждым частным домом располагался сад с подъездной дорожкой, машиной, а иногда и двумя. Агнес поймала взгляд Шага в зеркале — в нем было столько любви, сколько она давно не видела.

---

[42] Примечания: 42

Андерстонский пешеходный мост, или «*мост в никуда*» — один из недостроенных объектов вокруг автомагистрали М8 в центре Глазго. Был построен в 1960-х как часть проекта внутренней кольцевой дороги города, достроен в 2013 году. — *Прим. ред.*

— Если тебе нравится это, подожди, еще и не такое увидишь. Джо сказал, это похоже на счастливую маленькую деревеньку. Настоящий семейный уголок, где все друг друга знают. Лучше места для жизни не придумаешь.

Лик и Кэтрин обменялись ехидными взглядами. Агнес обхватила рукой их колени и сжала в строгом предупреждении. Шаг, перекрикивая рев дизельного двигателя и наклоняясь к проему в стекле, сообщил:

— Это рядом с каменноугольной шахтой, и все мужики там работают. Жалованье такое высокое, что женщинам даже из дома выходить не надо. Джо сказал, что все их дети ходили в одну школу. Повезло Шагги: спустится с небес на землю, найдет ровесников для игр.

Его глаза искрились счастьем, он был доволен тем, как у него хорошо все устроилось. Агнес наблюдала, как он поглаживает свои усы.

— Тут, значит, пабов никаких нет. Сухота, если не считать Шахтерского клуба.

— Что — ни единого? — подалась вперед Агнес.

— Угу. А чтобы в клуб попасть, нужно быть шахтером или его женой.

Агнес почувствовала, как у нее вспотела спина.

— А как ты собирался развлекаться?

Но Шаг не слушал ее.

— Вот оно! — возбужденно прокричал он, показывая на поворот дороги. Такси накренилось, когда Агнес и дети подались к окну, чтобы увидеть поворот, за которым начнется их новая жизнь. На повороте расположилась пустая заправочная станция, где на широкой бетонированной площадке стояли одна колонка для бензина и одна — для дизельного топлива. Шаг притормозил и свернул на ближайшую улицу.

Агнес рылась в своей кожаной сумочке, бренча маркерами для игры в бинго и жестянками с мятными леденцами. Она вытащила тюбик кроваво-красной помады и подкрасила губы. Заранее поднеся руку к лицу, она украдкой сунула в рот голубую таблетку, раскусила ее пополам и проглотила всухую. Заметила это только Кэтрин. Дочь видела, как мать надула губы и тщательно вытерла их уголки. Потом Агнес нагнулась и поправила пряжки на своих высоких черных туфлях, длинными накрашенными ногтями разгладила шерстяную юбку и сняла с нее прилипшие пушинки от ее розового ангорского джемпера.

Кэтрин прищурилась.

— Как так получилось, что ты одета не для переезда?

— Ну есть переезды, а есть смена места. — Агнес плюнула на свою расческу, прошлась ею по волосам Шагги. Он принялся извиваться, но она обхватила его за плечи и причесывала, пока волосы не легли ровными рядами, между которыми просматривались розовые полоски его кожи.

— Мда… Ну и как я тебе? — спросил Лик, растрепав волосы у себя на голове. Его большой палец на ноге разорвал шов белых кед — теперь из дырки торчал грязный носок.

Агнес вздохнула.

— Если кто-нибудь спросит, то ты — грузчик.

Они опустили окна в машине до упора, и порывистый ветерок наполнил салон запахами свежескошенной травы и диких колокольчиков. Под яркими зелеными красками виднелся темно-коричневый цвет неухоженных полей, холмы коровьих лепешек и темные места у корней влажных деревьев. Отделанные бисером рукава розового ангорского джемпера Агнес трепыхались на ветру, она вся мерцала, как кролик, обвешанный стразами. Шагги протянул руку и провел пальцами по стеклянным бусинкам. Приоткрытый рот его матери искривила широкая

улыбка с выставленными напоказ белыми зубами, словно ее кто-то фотографировал. Ее можно было бы назвать счастливой, если бы ее глаза все время не искали с тревогой глаз Шага в зеркале заднего вида. Шагги сидел, играя с ее рукавом, и видел, как сомкнулись ее зубы и заходили ходуном желваки.

Дорога опять сузилась, последние ухоженные садики окончательно скрылись из виду. Они проехали мимо островка мертвых тисов, и по обеим сторонам возникло плоское заболоченное пространство. Бесконечную пустоту разнообразили небольшие коричневые бугорки и клочки кустарников и колючего дрока. Грязные медные ручьи змеились по открытым полям, и дикая коричневая трава росла по обе стороны оград, пытаясь предъявить свои права на изрытую глубокими колеями Пит-роуд[43]. Сама дорога была покрыта слоем угольной пыли, в которой колеса оставляли следы, будто на негативе свежевыпавшего снега.

Такси, сотрясаясь на выбоинах, неторопливо повернуло. Вдали простиралось море громадных черных насыпей, холмов, выглядевших так, будто

---

[43] Примечания: 43
От *англ.* pit — «шахта».

жизнь в них выжжена дотла. Они закрывали линию горизонта, а за ними не было ничего, словно такси добралось до края земли. На выжженные холмы падали отблески солнечных лучей, а ветер сдувал с вершин черные вихрящиеся клубы, точно с гигантских куч пыли, которые вытряхнули из пылесоса. Вскоре в зеленовато-коричневом воздухе появился темный, едкий привкус, металлический и резкий, какой ощущается, когда притронешься языком к электродам севшей батарейки. Они сделали еще один поворот, и сломанная изгородь закончилась большой автомобильной парковкой. В конце парковки стояла высокая кирпичная стена со старыми железными воротами, закрытыми и запертыми на навесной замок с цепью. Будка охранника у ворот наклонилась под странным углом, а ее крыша густо заросла сорняками. Шахта была закрыта. На фанерном ограждении кто-то написал «Тори, идите на хуй». Казалось, что шахта закрыта навсегда.

Напротив ворот стояло невысокое бетонное сооружение без окон. Из него выходили десятки мужчин, собирались мрачными группками на Пит-роуд. Могло показаться, что эти люди выходят из церкви, но, когда рычание дизеля приблизилось, они все, как один, повернулись.

Шахтеры прервали разговоры и прищурились, чтобы получше рассмотреть такси. На всех были одинаковые черные спецовки, они держали большие янтарные кружки и покуривали сигареты. У шахтеров были умытые лица и розовые руки, которые словно забыли о работе. Кроме этих людей, ничего чистого на протяжении нескольких миль не встречалось, и в этом, казалось, было что-то ущербное. Шахтеры неохотно расступились и пропустили машину. Лик смотрел на них, они смотрели на Лика. У него засосало под ложечкой. У всех мужчин был взгляд его матери.

Поселок возник перед ними неожиданно. Узкая пыльная дорога впереди резко упиралась в склон невысокого коричневого холма. Каждая из трех или четырех маленьких улочек, из которых и состоял поселок, горизонтально ответвлялась от главной дороги. Дома с пологими крышами, квадратные и приземистые, стояли тесными рядами. Перед каждым домом — невыразительные садики под одну гребенку, каждый садик рассечен идентичными белыми бельевыми веревками, натянутыми на серые столбы. Поселок здесь окружало торфяное болото, а на востоке землю в поисках угля разрыли, и она почернела, стала бесплодной.

— Это оно и есть? — спросила она.

Шаг не смог ответить. По его ссутулившимся плечам она поняла, что и его сердце упало. Задние зубы Агнес были стерты в порошок. Подъезжая к невысокому холму, они увидели невзрачную католическую церквушку и группку женщин в домашних халатах. Шаг покрутил головой в поисках указателей и резко свернул направо. На этой улице ровными рядами стояли скромные двухэтажные дома на четыре семьи. Это были самые жалкие и невзрачные дома, какие доводилось видеть Агнес. Окна большие, но тонкие, такие легко выпускают тепло и легко впускают холод. Из дымоходов по всей улице в небо уходили черные клубы дыма, в домах даже в теплый летний день стоял невыносимый холод.

Миновав еще нескольких домов, Шаг остановил машину. Он подался вперед над баранкой, чтобы получше разглядеть здание. На улице они почти не увидели припаркованных машин, а те, что стояли, явно были не на ходу.

Шаг отвлекся, и Агнес тем временем принялась рыться в своей черной кожаной сумке. «Вы трое, держите рот на замке, ясно?» — прошипела она. Она опустила голову во вместительную сумку и чуть наклонила ее к лицу. Дети видели, как

пульсировали мышцы на ее горле, когда она сделала несколько больших глотков из спрятанной внутри банки теплого лагера. Агнес вытащила голову из сумки. Лагер смыл помаду с ее верхней губы, и она протяжно взмахнула ресницами под слоями потраченной впустую туши.

— Какая сраная дыра, — неразборчиво проговорила она. — А я-то хорошо оделась ради этого.

1982
Питхед

Восемь

К тому времени, когда открылась задняя дверь фургона «Альбион», посреди дороги уже собрались несколько женщин, которые, не таясь, смотрели на то, что тут происходит. В руках они держали мокрые кухонные полотенца, недоглаженную одежду — они даже не дали себе труда оставить эти вещи дома, так спешили прийти и увидеть. Семьи появлялись из низеньких домов и усаживались на ступеньках крыльца, словно для просмотра хорошей передачи по телику. Ватага чумазых детишек во главе с бесштанным мальчишкой пересекла пыльную улицу и встала полукругом около Агнес. Она вежливо поздоровалась с детьми, которые в упор разглядывали ее, вокруг губ у них все еще оставались красные соусные кольца после обеда.

Поскольку шахтерские дома стояли довольно плотно, входные двери неизбежно располагались одна напротив другой. Участки разделялись лишь невысокой оградой и узкой полоской травы. Входные двери против двери Агнес были все широко распахнуты, в них стояли женщины, глазели, с полдюжины детей с одинаковыми лицами

толклись рядом. Как на фотографии бабушки Кэмпбелл и ее ирландской дюжины — Вулли как-то показывал ей этот снимок. Агнес стояла на своем крыльце, улыбалась над низкой оградой, махала, ее кроличьи рукава с бусинками пускали солнечных зайчиков.

— Привет, — вежливо обратилась она к общему собранию.

— Вы сюда переезжаете? — сказала женщина от двери соседнего дома. Ее светлые волосы вились на темно-каштановых корнях. От этого возникало впечатление, что на женщине детский парик.

— Да.

— Все вы? — спросила женщина.

— Да. Моя семья и я, — поправила ее Агнес. Она представилась, протянула руку.

Женщина поскребла голову. Агнес подумала, может ли та говорить иначе, чем вопросами, когда женщина наконец ответила.

— Меня зовут Брайди Доннелли. Я прожила на верхнем этаже двадцать девять лет. У меня за энто время сменилось пятнадцать нижних соседей.

Агнес чувствовала, что глаза всех Доннелли устремлены на нее. Тощая девочка с темными круглыми глазами вынесла через дверь поднос

с разными чайными кружками. Все взяли по одной, не отрывая глаз от Агнес.

Брайди кивнула над оградой.

— А это Норин Доннелли, моя родня. Но не моих кровей, вы меня понимаете. — Седоволосая женщина поболтала языком во рту и резко кивнула. Брайди Доннелли продолжила: — Эту девчонку зовут Джинти Макклинчи. Моя родня. Это моя кровь. — Миниатюрная женщина размером с ребенка рядом с Норин долго затягивалась коротким окурком. Она сощурилась от дыма, в своей косыночке женщина и впрямь походила на Брайди. Они все походили на Брайди, даже мальчишки, только выглядели они не совсем по-мальчишески.

Краем глаза Агнес засекла еще одну женщину — та переходила пыльную улицу. Она остановилась и что-то сказала стоявшим полукругом детям в обносках, покивала так, словно услышала от них какую-то скорбную новость, потом вышла через калитку к новым соседям. Деться Агнес было некуда. У нее за спиной из дома вышел мрачный Лик за следующим грузом.

— Это твой мужик? — спросила, не представляясь, новоприбывшая женщина. Кожа на ее лице была натянута туго, словно на кости черепа.

Глаза глубоко запали, а волосы имели сочный каштановый цвет, хотя уже и начали редеть, как шерсть на нечесаном коте. Она стояла перед Агнес в сильно растянутых штанах, которые когда-то сидели на ней в обтяжку, их штрипки терялись в мужских домашних тапочках.

Агнес ошарашила абсурдность этого вопроса. Разница между нею и Ликом была двадцать с лишним лет.

— Это мой средненький. Шестнадцать будет весной.

— Аа, весной говоришь? — Женщина задумалась на секунду, потом ткнула тонким пальцем в фургон для перевозки овощей. — А энтот мужик твой?

Агнес посмотрела на грузчика, боровшегося со старым телевизором, который она на всякий случай пыталась завернуть в простыню.

— Нет, это приятель одного приятеля, согласился помочь.

Женщина задумалась. Она втянула худые щеки. Агнес лениво махнула рукой и почти развернулась, чтобы уходить.

— А на рукавах-то у тебя чо? — спросила тощая женщина.

Агнес опустила глаза, бережно, словно котят,

погладила свои пухлые рукава. Стразы нервно позвякивали.

— Это просто маленькие бусинки.

Шона Донелли, девица, принесшая чай, медленно выдохнула.

— Ах, миссис, как они мне нравят…

Тощая женщина оборвала ее.

— А мужик-то у тебя есть?

Передняя дверь снова открылась, и на верхнюю ступеньку вышел Шагги. Не обращая внимания на женщин, он посмотрел на мать, упер руки в бока, выставил ножку вперед и произнес таким четким голосом, какого Агнес от него не слышала прежде:

— Нам нужно поговорить. Я всерьез думаю, что не смогу здесь жить. Тут воняет капустой и батарейками. Это просто невозможно.

Женщины, услышав эти слова, потрясенно переглянулись. Словно дюжина голов посмотрела на свои отражения в зеркале.

— Нет, вы его только послушайте. К нам приехал Либераче![44] — завизжала одна из женщин.

Женщины и дети заулюлюкали, как один,

---

[44] Примечания: 44

Владзю Валентино Либераче (1919–1987) — американский пианист, певец и шоумен. В 1950-е — 1970-е годы — самый высокооплачиваемый артист в мире.

зашлись в высоком визгливом смехе, закашлявшись, выплевывали мокроту.

— Ой, я надеюсь, пианина влазит в гостиную.

— Так было приятно со всеми вами познакомиться, — сказала Агнес с язвительной гримаской. Она посадила Шагги себе на бедро и развернулась, собираясь уходить.

— Ну что ж ты так. Приятно с тобой познакомиться и все такое, женщина, — прохрипела Брайди, жесткое выражение ее лица смягчилось вокруг глаз от одобрительного подвывания. — Мы здесь все одна семья. Просто новеньких тут почти не появляется.

Женщина с похожим на череп лицом на шаг приблизилась к Агнес.

— Ладно-ладно. Столкуемся. — Она втянула воздух так, словно у нее между зубами застрял кусочек мяса. — Если только ты не будешь показывать нашим ебарям эти свои рукавчики.

Остальную часть дня, пока мужчины разгружали фургон, Шагги ходил по улице близ дома. Женщины в обтягивающих рейтузах подтаскивали кухонные стулья к окнам и с безразличными лицами садились смотреть, как из фургона выносят коробку за коробкой. Они уже поприветствовали мальчика, неумеренно махая ему

руками, снимая воображаемые шапки и потом хихикая про себя.

Он в своей новой одежке дошел до конца улицы. Дальше ничего не было. Улица заканчивалась на границе торфяников, словно сдавшись природе. Темные лужи болотной воды были неподвижны, глубоки, выглядели страшновато. Необозримые леса бурого тростника поднимались из травы и медленно наступали на поселок, намереваясь вернуть его в свои владения, отобрать у шахтеров.

Шагги посмотрел, как босые дети играют в угольной пыли. Он близ посаженных муниципальными властями кустарников делал вид, что изучает маленькие красные цветочки, рассматривал каждый, оценивал размер, а на самом деле ждал, когда другие дети позовут его присоединиться к ним. А те гоняли кругами на своих велосипедах и не замечали его. Он давил белые ягодки между пальцами, напуская на себя безразличный вид, потом пытался вязкой жижей замазать блеск своих хороших ботинок.

Шахтерские подбитые гвоздями ботинки высекали искры из асфальта. Мужчины медленно, один за другим потянулись по пустой дороге. Гудок на угольной шахте, извещающий о конце

смены, давно молчал, но мужчины подчинялись мышечной памяти о существовавшем прежде порядке. Они направлялись домой с окончанием рабочего дня, хотя заканчиваться было нечему, только живот успел наполниться пивом, да спина согнулась под тяжестью забот. Их спецовки были чистыми, а ботинки сияли, когда они шаркали по дороге. Шагги отошел в сторонку, пропуская их — они прошли с опущенными головами, словно уставшие черные мулы. Каждый мужчина молча собрал по кучке тощих детей, которые послушно потянулись за отцами, словно почтительные тени.

Агнес встала за входной дверью и закрыла большую стеклянную дверь с защитой от сквозняка. Думать она не могла. В тесном карманчике между двумя дверями она допила банку, которую тайно привезла на дне сумки. Она прижалась лицом к стене, холодной и успокаивающей. Каменная стена была плотной и влажной, Агнес заранее могла сказать: нагреваться стена будет медленно.

Она долго стояла в этом своем укрытии, наконец прошла по коридору мимо двух маленьких спален. В середине первой неподвижно стояла Кэтрин. Дикие шахтерские дети, опираясь локтями о карниз, заглядывали в окно спальни, словно

в клетку зоопарка. Она, ошеломленная, только и могла, что смотреть на них в ответ. Деревянные рамы были плохо подогнаны, и потрескавшаяся оконная замазка предупреждала о холодных ночах и влажных стенах. Детские голоса с улицы доносились до Агнес с такой ясностью, словно дети стояли прямо перед ней.

Лик нашел другую комнату. Он открыл сумку, в которой лежали его рисовальные принадлежности, и теперь, лежа на голом полу, рисовал углем черные холмы. Потом он взял пастельный карандаш и нарисовал фигуры людей в темных спецовках — тех самых, которые наблюдали за их приездом. Они стояли на вершинах холмов, как деревья без листьев. Она наблюдала за сыном, завидуя его таланту исчезать, улетать, оставляя всех позади.

Других спален, кроме этих двух, в доме не было. Третья, обещанная им, явно оказалась гостиной, и она, обойдя дом трижды, поняла, что всем детям опять придется поселиться в одной комнате.

Шаг стоял в конце коридора и равнодушно смотрел на нее. Ветер растрепал его начес, и он, поймав выбившиеся пряди, попытался слюной закрепить их на прежнем месте, потом отошел в открытую кухоньку и поманил ее рукой. В кухне

была большая, похожая на дыбу, потолочная вешалка для сушки одежды. В дальнем конце был аккуратно повешен на просушку задеревеневший комплект шахтерской одежды от носков до белого нижнего белья и синей синтетической рабочей рубашки. Вернется ли сюда когда-нибудь из шахты владелец за своим добром? Может быть, они поселились не в том доме?

Дверцы шкафов из ДСП местами облупились, и Шаг ногтем мизинца отковыривал ламинированную облицовку с одной из них. За ним в углу над плитой протянулась лоза черной плесени. Он, не глядя на Агнес, сказал как ни в чем не бывало:

— Я не могу остаться.

Поначалу она даже глаз на него не подняла. Она подумала, речь идет о том, что ему пора отправляться на смену зарабатывать деньги. Он часто так делал — возвращался домой с работы только для того, чтобы сообщить, что уходит поработать еще. Он никогда не был домоседом.

— Когда тебе обед приготовить? — спросила она, уже начиная думать о том, где у нее лежат фритюрница и ножи для хлеба.

— Мне больше не нужны твои обеды. Ты что — не поняла? — Он покачал головой. — Все. Я больше не могу оставаться. Не могу оставаться с

тобой. Со всеми твоими потребностями. Со всем твоим пьянством.

И только тут она увидела, что парчовые чемоданы стояли в одном ряду с упаковочными коробками, а красных чемоданов в доме не было. На лице у нее, вероятно, появилось выражение абсолютного смятения, потому что Шаг, встретив ее взгляд, неторопливо закивал, как это делают, дав ребенку лекарство, и словно подгоняют его, чтобы эта бяка поскорее попала в желудок. Агнес отвернулась. Она не хотела понимать его слова. Она не желала глотать эту пилюлю. Она перестала вспоминать, где у нее фритюрница, принялась перебирать бисер на джемпере, поправлять его так, чтобы он играл на свету, она тянула время, не зная, что ей делать теперь.

— Все, — повторил он.

В кухне был единственный стул со сломанной спинкой, в пятнах краски, — стул, на который вставали, чтобы дотянуться до верхних полок. Агнес тихо закрыла дверь, дети в коридоре уже начали сетовать, что в доме не хватает спален. Она поставила сломанный стул перед дверью, села на него.

— Почему тебе мало меня?

Шаг моргнул, словно не веря собственным

ушам. Он тряхнул головой и, заговорив, ткнул себя в грудь.

— Нет, моя дорогая. Это почему *тебе* мало меня?

— Я ни разу не посмотрела на другого мужчину.

— Я не об этом говорю. — Он потер глаза, словно от усталости. — Почему твоей любви ко мне не хватает на то, чтобы ты бросила пить, а? Я покупаю тебе лучшие шмотки, работаю по две смены. — Он уставился в стену, нет, не в стену, а куда-то дальше, сквозь нее. — Я даже думал, если ты родишь от меня, может что-то изменится. Но нет. Даже ребенок не смог тебя угомонить.

Он грубо ухватил ее за локоть, пытаясь поднять со стула. Агнес резким движением оттолкнула его руку и снова села, как мирная протестующая.

Она оказалась в опасном промежуточном состоянии. Она выпила достаточно, чтобы пребывать в бойцовском настрое, но еще недостаточно, чтобы удариться в безрассудство. Еще два-три глотка, и ее разрушительные способности, сквернословие, коварство вышли бы из-под контроля. Он смотрел на нее, словно пытался предсказать погоду, надвигающуюся из ущелья. Он опять ухватил ее и попытался поднять, пока не хлынул ливень с

ее черных туч.

Агнес вырвала свою руку, снова села и выпрямилась. Она долго изучала его холодным взглядом, никак не могла поверить в происходящее.

— Нет. Ты ко мне относился не так, как я этого заслуживаю. Это не случается с такими женщинами, как я. Я что говорю: ты посмотри на меня. И посмотри на *себя*.

— Не ставь себя в дурацкое положение.

Он схватил ее за грудки.

Шагу пришлось применить силу. Она не закричала, когда он за волосы стащил ее на пол. Агнес прижалась к низу кухонной двери так, словно собралась удерживать его здесь вечно. Он шарахнул дверью ей по затылку, словно она была загнувшейся кромкой ковра. Когда он перешагивал через нее, его правый ботинок задел снизу ее подбородок, вспоров жемчужно-белую кожу.

— Пожалуйста, я тебя люблю. Правда, — сказала она.

— Да-да, я это знаю.

Когда черное такси вырулило на Пит-роуд, ее дети стояли в коридоре, а Агнес, сверкающая и пушистая, лежала, как вечернее платье, уроненное на пол.

Красные кожаные чемоданы так и не попали в шахтерский дом. Шаг не возвращался к ней несколько дней, а когда появился, чемоданов с ним не было. Чемоданы он отвез к Джоани Миклвайт и засунул в освобожденное для них место под кроватью. Агнес узнала об этом не сразу. Шаг просто объявился как-то вечером, нежно поцеловал ранку на ее подбородке и уложил на раскрытый диван в гостиной.

Шаг стал приезжать в свои ночные смены и использовать ее таким образом. Он дожидался ранней ночи, когда дети уже спали, а потом, в своей выглаженной рубашке, беспечно насвистывал в коридоре. Она, раздевая его, видела, что его нижнее белье выстирала и прокипятила другая женщина. Когда они заканчивали, он лежал какое-то время, пока Агнес не обвивала его руками, и тогда вставал и уходил. Если у нее была приготовлена для него какая-то еда, то он мог ненадолго задержаться. Если она донимала его вопросами или жалобами, он уходил и в наказание не появлялся несколько ночей.

Когда он ушел, Агнес осталась лежать на разложенном диване, потому что не могла лечь в их кровать без него. Остаток ночи она пролежала без сна, уставившись в потолок, а мальчики спали в

своей комнате рядом. В ту первую осень Кэтрин перебралась на матрас к матери, и они вместе лежали в этой влажной, пропахшей плесенью комнате.

— Почему бы нам не вернуться в Сайтхилл? — шепотом спрашивала Кэтрин. Но боль не позволяла Агнес объяснить это дочери. Она знала: он никогда не придет, если она вернется к матери.

Она должна была оставаться там, где он ее бросил.

Она должна была принимать малейшую его доброту.

Наконец наступила ночь Гая Фокса[45], и воздух наполнился запахом костров и горящих покрышек. Лик и Кэтрин стояли у окна и смотрели на костры, горящие в болотной тьме. Малышня пускала друг в друга фейерверки, словно свистящие ракеты. Такие забавы казались здесь делом редким.

Телевизор по-прежнему стоял частично завернутый в простыню на полу в углу — им еще предстояло заняться. Кэтрин уселась на диван,

---

[45] Примечания: 45

Ночь Гая Фокса, также известная как *Ночь костров* — ежегодное празднование в ночь на 5 ноября, когда был арестован Гай Фокс, один из руководителей так называемого Порохового заговора, и не состоялся взрыв, в котором могли погибнуть король и члены парламента.

ее мокрые волосы были замотаны полотенцем. Она собиралась послушать вечерние новости, а потом еще одну ночь провести под плач матери в темноте.

Агнес ждала в глубине кухни. При выключенном свете из этой комнаты открывался лучший вид на Пит-роуд. Каждую ночь она высматривала черное такси и загоралась надеждой, услышав рокот дизельного двигателя. Она весь день прикладывалась к пивной банке, но это ей не помогало. Она ходила между окном и своим тайничком под кухонной раковиной. По щелчкам фиксатора дети могли посчитать, сколько раз она открывала шкафчик, а значит, и делала глоток-другой.

— Ма, что можно поесть? — прокричал Лик с канапе.

Агнес перестала отковыривать корочку на подбородке. Она посмотрела на кастрюльку на электрической плите.

— Могу суп подогреть.

— Гороховый? — спросил Лик.

— Да.

— Не, если в нем горох, не надо, — сказал Лик, слегка уязвленный тем, что его пятнадцатилетняя война с овощными супами осталась

незамеченной.

— Слышь, ты, недоумок, — ну и пусть гороховый, зато музыкальный, — съязвила Кэтрин.

Лик уперся ногой сестре в бок и стащил с ее головы полотенце, прихватив заодно и немного волос. Он назло ей забросил полотенце в дальний угол. «Отсоси», — произнес он одними губами. Они пришли к молчаливому согласию не привлекать к себе лишний раз внимание матери.

Кэтрин встала, чтобы забрать полотенце в другом конце комнаты. Она хранила свою девственность, как ей и советовала Лиззи, а потому теперь свадьба с Дональдом-младшим была не за горами, а тогда ей уже не придется делить спальню ни с братом, ни с матерью в этой влажной морозилке. Только эта мысль и удерживала ее здесь — так или иначе она вскоре должна была покинуть этот дом.

Кэтрин снова намотала полотенце на голову и щелкнула брата по лбу, потом отправилась посмотреть, что делает мать. Агнес рассеянно кружила по кухне, как игрушечный поезд. Время от времени она останавливалась и открывала шкафчик под раковиной, наполняла кружку из банки в полиэтиленовом пакете, после чего делала большой глоток. Кэтрин открыла дверь

шкафчика ногой, с облегчением увидела, что Агнес наливает себе в кружку не хлорку.

Кэтрин поморщилась, заглянув в кастрюлю с застывшим супом.

— Ма, а давай закажем что-нибудь у китайцев с доставкой.

— Хорошая мысль! — поддакнул Лик из соседней комнаты.

Кэтрин сказала только про китайский ресторан, но Агнес услышала про Шага. У нее появилась странная способность что угодно связывать с Шагом. Ее глаза просветлели.

— Я могу позвонить в диспетчерскую, узнать, приедет ли Шаг сегодня, — радостно предложила она. — Может, он привезет чего-нибудь китайского.

Кэтрин застонала. Шаг предупредил Агнес, что она не должна звонить в диспетчерскую. К длинному списку того, что Агнес не должна делать, если хочет, чтобы он приезжал, Шаг добавил и пункт про диспетчерскую. Это были его штрафные санкции по больному месту. Но, может быть, если он узнает, что дети голодны, он приедет и на несколько часов все снова будет хорошо. Она могла бы привести себя в порядок, тогда он может провести с ней всю ночь на раскладном

диване. Агнес отхлебнула из кружки и задумалась над своим сценарием: вроде все нормально, трезво, просто. Говори легко и улыбайся в трубку. В прошлые разы ничего из этого не получалось, а сегодня она, сама не зная почему, ужасно хотела попробовать еще раз.

Агнес села за столик, обтянутый кожзаменителем, закурила для успокоения нервов. Набрав номер, она повернула помолвочное кольцо, словно человек на другом конце провода мог его увидеть. Золото ее обручального колечка отливало какой-то грязной желтизной.

Женский голос по телефону ответил с раздраженным хрипом:

— «Нортсайдское такси». — Голос Джоани Миклвайт. Агнес знала ее только шапочно.

— Привет, Джоани, это вы? Говорит миссис Бейн.

— О, привет, милочка. Чем могу? — Голос Джоани звучал неприветливо, как если бы она свернула за угол и наткнулась на человека, от одного вида которого ее коробило.

— Можете передать Шагу, чтобы позвонил домой? — сказала Агнес. «Знает ли Джоани, что Шаг меня бросил? — подумала Агнес. — Знают ли сослуживцы, что он не спит со мной?»

— Сейчас попробую. Повисите на трубке, милочка?

В трубке воцарилась тишина — Джоани перевела ее в режим ожидания, пока пыталась связаться с Шагом по рации. Вернулась она спустя целую вечность.

— Еще здесь?

Она застала Агнес на затяжке. Агнес выпустила дым вверх.

— Да, я здесь. Нашли его?

Джоани ответила не сразу, и Агнес замерла, опасаясь услышать отказ.

— Ага. Он сказал, что перезвонит через какое-то время.

Агнес оживилась, что-то вроде надежды загорелось у нее в груди, она теперь с нетерпением ждала его, своего собственного мужа. Она подумала, не надеть ли ей к его приезду бархатное платье, еще она подумала, есть ли у нее время побрить ноги.

Потом Джоани добавила:

— Агнес, я знаю, он вам всего не говорил, милочка. — Она запнулась: — Я… я только хотела, чтобы для вас это не стало неожиданностью, у меня и в мыслях ничего такого не было. У меня своих семеро детишек. Ну и мне жаль, что так

получилось.

К приезду Шага догорали последние костры. Дети уже лежали в кроватях, сердитые и голодные. Агнес не могла заставить себя прикоснуться к китайской еде. Она видела, как волосы упали у него с плеши, когда он заталкивал большие куски себе в глотку. Он, несмотря ни на что, не потерял аппетита, и это убивало ее. Агнес потерла виски и села распаковывать еще не распакованное. Красных чемоданов по-прежнему не было.

— Она хорошая хозяйка?

— Я бы не сказал, — ответил он, не поднимая глаз.

Агнес приложилась к банке лагера и пила, пока ей не понадобилось перевести дыхание. Она опустила банку, вздохнула и спросила:

— Симпатичная?

— Я тебе сказал по телефону. Не хочу я никаких гребаных разговоров о ней. — Он разломил пополам кусок белого хлеба. — Дай поесть спокойно. Я не ругаться сюда приехал.

Агнес надолго замолчала, тщательно обдумывая, что сказать дальше. Ее левая рука беспокойно трогала нож. Ее разрывало между желанием начать ссору и зарезать его и желанием оставить здесь подольше. Когда она заговорила снова, ее

голос звучал ровно и спокойно. Ей помогало и то, что она не смотрела на мужа.

— Так, значит, с нами этого не случится, да? Начать с чистого листа?

Шаг перестал жевать. Он пожал плечами.

— Это и есть чистый лист, Агнес. Я больше не мог выдержать.

Она закрыла лицо руками. Краска на ее ногтях была яркая, словно она только что ее нанесла.

— На кой хер ты привез меня сюда?

Шаг отодвинул тарелку. Его усы облепил загустевший розовый соус.

— Я должен был посмотреть.

— На что посмотреть? — спросила она, зазвеневшим от ярости голосом. — Я думала, *ты* этого хочешь.

— Посмотреть, рискнешь ли ты переехать.

Тогда Агнес ухватила его за воротник джемпера. Шаг взял свою поясную сумку и поцеловал Агнес, засунув ей язык в рот. Ему пришлось стиснуть все ее маленькие косточки ее рук, чтобы она разжала пальцы и выпустила его. Она его любила, а ему нужно было окончательно ее сломать, прежде чем оставить навсегда. Но Агнес Бейн была слишком редкой птицей, чтобы отдавать ее кому-то другому. Негоже было оставлять ее

осколки, чтобы другой мужчина спустя время мог их подобрать и склеить.

Девять

Агнес пришлось опустошить три полных банки лагера, прежде чем она смогла выйти на улицу. У забора, сложив на груди руки, как автомобильные бамперы, стояла группка женщин. Они словно ждали там с того дня, когда она въехала сюда четырьмя месяцами ранее. Холод, казалось, ничуть их не беспокоил. Земля здесь была усыпана окурками, а на столбики забора были надеты грязные чайные кружки. Как только она появилась из входной двери, они замолчали и дружно повернулись к ней. Высоко держа голову, Агнес постаралась пройти так, чтобы стук каблуков ее черных туфелек по тротуару был резким и четким. Она высокомерно улыбнулась, посмотрев на женщин в рейтузах и тапочках, и прошла мимо них в сторону дороги, которая вела в Шахтерский клуб, в забвение.

Женщины молча разглядывали. Она почти вышла из расстояния слышимости, когда одна из них заговорила.

— Мы вроде пока еще не разругались, а? — сказала Брайди. Ее тронутые сединой волосы были нерасчесаны, а толстую задницу в мужских спор-

тивных штанах прикрывал халат.

Агнес не повернулась.

— С чего это ты?

— Не пригласила нас на свою вечеринку. Мы разве не подружки?

— Какую вечеринку? — Агнес повернулась вполоборота.

— А куда еще ходят, так вот вырядившись?

— В Шахтерский клуб. Хотела посмотреть, как вы тут развлекаетесь.

Женщины переглянулись. Они нервно крутили в руках медальоны Святого Христофора[46].

— Ты бы лучше оставила эту затею, — сказала Брайди. — Мужчины не любят, если мы туда суемся. Оставайся лучше с нами, и мы выпьем маненько в своем кругу. — Брайди вытащила большую бутыль с прозрачной жидкостью, стоявшую за одним из столбиков забора. Она выплеснула содержимое своей кружки на землю и потрясла бутылкой водки. — Давай к нам, расскажешь про себя.

Агнес подошла поближе, посмотрела, как горькая жидкость поедает в кружке колечко,

---

[46] Примечания: 46

Один из наиболее почитаемых в католической традиции святых, согласно одной из легенд, он однажды перенес младенца Христа через реку. Христофор означает «несущий Христа».

оставленное чаем. Она подняла руку, останавливая Брайди, потому что уровень водки быстро приближался к краям кружки, и жеманно хихикнула. Брайди скосила на нее глаза и налила водку до самого верха.

— Это успокаивает. Не могу допустить, чтобы ты подумала, будто мы какие жадюги.

Агнес с благодарностями взяла кружку. Женщины с ног до головы оглядели новую соседку. Туфли с ремешками, укладка, хорошая шубка. Агнес не спеша, чтобы дать им возможность рассмотреть ее во всех подробностях, обводила взглядом пустую дорогу. Ночи снова становились длиннее. Зажглись уличные фонари, бездомные собаки бродили от одной канавы к другой, обнюхивая вонючие стоки. Одна из них задрала лапу, другие по очереди пометили то же самое место. Агнес повернулась обратно к женщинам, которые жадно ей улыбались.

— Ну, будем здоровы. — Она чокнулась со всеми кружкой.

Кто-то достал мешочек с табаком, пустил по рукам. Джинти принялась облизывать клочки папиросной бумаги и осторожно высыпать на них тоненькой струйкой золотистый табак.

— Уберите это! — сказала Агнес, видя возмож-

ность отблагодарить их за водку. Она залезла в глубокий карман норковой шубки, вытащила пачку «Кенситас».

Брайди посмотрела на глянцевую золотистую пачку, на золотистую зажигалку.

— Господи Иисусе, да сюда к нам королева английская переехала.

— Разница заметная, когда тебе не приходится выковыривать табачок из зубов, — согласилась Джинти.

Женщины взяли по сигарете, закурили. Они все делали долгие жадные затяжки, молча наслаждались вкусом. Сигареты они держали, зажав их большим и указательным пальцами, как дети держат духовую трубку для стрельбы горохом. Они разглядывали Агнес, ее наманикюренные ногти, пляшущие перед ее лицом, как рой божьих коровок. Сигарету она держала между тонкими пальцами, затяжки делала неглубокие, тогда как они втягивали внутрь щеки. Потом она подняла другую руку и сделала несколько жадных глотков из кружки.

— Ты откуда будешь? — спросила Джинти, протягивая руку, чтобы потрогать ее изумрудные сережки.

— Где родилась? В Джермистоне. Но я думаю,

если по большому счету, то вообще-то я много где пожила по всему Ист-Энду[47].

— По всему Ист-Энду? — повторила Брайди, глубокомысленно кивая. — Значит, ты добрая католичка. А что тебя привело в наш закуток?

Агнес задумалась на секунду.

— Моему мужику сказали, что тут хорошее место для жилья, безопасное для моих детишек. — Она помолчала. — *И соседи хорошие*.

— Ой-ой, — проговорила Брайди со смехом. — Тут не Бутлинс[48], но хорошо тут было в старые времена. Шахта уже, считай, померла. Тут почти больше ни для кого работы нет. С каждым годом все больше мужиков остается дома. Дрочат от нечего делать целыми днями.

— У одной парочки все еще есть работа. В основном ямы заделывают, чтобы детишки туда не падали, — добавила Норин. — Новые несчастные случаи никому не нужны.

— Несчастные случаи? — переспросила Агнес.

— Тут, понимаешь, всегда проходил газоносный пласт. Они прежде метан-то откачивали,

---

[47] Примечания: 47

Ист-Энд — центральный и старейший район Глазго.

[48] Примечания: 48

Бутлинс — название сети приморских курортов в Соединенном Королевстве, по имени основателя Билли Бутлина.

чтобы можно было работать. И заметь: мужики про это знали, они знали, что нарушают правила, и помалкивали, но в один прекрасный день все это на них рухнуло, завалило бедняг. Обрушилось подчистую. Взрыв был, сгорели все. Несколько малышей без папаш остались. — Джинти не отрывала глаз от сережек Агнес. — Многие женщины овдовели.

Они повернулись в сторону дома, который принадлежал женщине с лицом, напоминающим череп. Брайди вздохнула.

— Не обижайся на Коллин Макавенни. Лаять-то она лает, но не кусается.

— Она тоже твоя родня?

— Ну вообще да, но не по крови. Она просто боится за своего Джеймси. Когда-то был симпатичным парнем. Стволовым работал, крупный такой был, здоровый, опускал их в шахту, наверх поднимал на клети. Обгорел на этой шахте — на плече и на шее сбоку совсем кожу потерял. Красный стал, как солнечный ожог в июле. — Женщины склонили головы, словно отдавая дань уважения. — Но все равно красавцем остался.

— А скажи, куда это твой мужик умотал с шикарными красными такими чемоданами? — спросила вдруг Джинти.

— Он таксист, иногда ему нужно свое барахло с собой таскать, — Ложь была шита белыми нитками. — Он в ночную смену работает.

Джинти втянула воздух сквозь зубы. Она дружески коснулась руки Агнес.

— Мы не вчера родились, детка. Мне так показалось, что он уезжает наподольше.

Брайди махнула сигаретой на Джинти.

— Ай, не слушай ее. Не опускайся до ее уровня. Мы только хотим сказать, что у нас у всех есть мужики и у нас у всех проблемы с мужиками.

Женщины сочувственно выпускали облачка дыма в воздух.

— Как ты будешь кормиться, если он не вернется?

Мысли о деньгах не выходили у нее из головы, заботы грызли ее сердце.

— Не знаю.

Женщины переглянулись. Первой заговорила Брайди.

— Тебе нужно будет просить дотации. В понедельник утром сходи в контору. Скажи им, тебе нужно пособие по инвалидности, иначе тебе каждый четверг придется ходить за пособием по безработице.

— А меня они признают инвалидом?

— Не беспокойся, детка. Они раз только посмотрят на твой адрес — им больше и не нужно ничего. Ты только оглядись. — Брайди махнула рукой в сторону пустой улицы. — Тут вряд ли появятся новые рабочие места. Инвалидность — это наш единственный клуб, а по понедельникам у нас клубный день.

Агнес снова подняла кружку с водкой, уставилась на тусклые облачка в ней. В чай, вероятно, добавили много молока.

Брайди с улыбкой наполнила ее кружку до краев.

— Я сразу заприметила, что тебя хлебом не корми — выпить дай. — Она сделала затяжку. — Как тока тебя увидела, так сразу и поняла. Они все решили, что ты такая зазнайка, вся в блестки разодета, этакая городская куколка. Но я-то тебя сразу просекла. Я огорчение за милю чую, а то, что ты выпить не дура, у тебя на лице написано.

Женщины закивали и закаркали, как стая ворон. Агнес замерла с кружкой у рта.

— Ты пьешь что ни попадя и все подряд? — спросила Брайди.

— Что-что? — сказала Агнес, опуская кружку.

— У тебя это сильно серьезная проблема? — уточнила Брайди.

— У меня нет никаких проблем.

— Послушай, детка. Ты стоишь здесь, пьешь водку на улице. У тебя не будет никаких проблем с оформлением инвалидности.

— У тебя тоже кружка с водкой, — оскорбленным тоном сказала Агнес.

Женщины надулись, наклонили к ней свои кружки в оранжевом свете уличного фонаря. В каждой кружке она увидела белую молочную пленочку.

— Нет, детка, мы пьем остывший ссаный чаек, — недовольно сказала Брайди. — Только ты лакаешь водку, словно воду из-под крана.

Лицо Агнес побагровело. Женщины сочувственно улыбались, плотно сжав губы. Их зрачки, прикрытые веками, казались черными в оранжевом свете фонаря. Агнес посмотрела в кружку и выплеснула остатки водки себе в глотку.

Брайди подняла руку.

— Послушай. «Живи одним днем»[49] — знаю я всю эту херню. У меня у самой была проблемка. Шесть ртов и муж без работы? Можешь не сомне-

---

[49] Примечания: 49

Название книги-инструкции, издаваемой Обществом анонимных алкоголиков и один из лозунгов Общества, призывающий не строить планы на много дней вперед, а каждый день, двадцать четыре часа, не позволять себе алкоголя. И так день за днем.

ваться — выпивала я. — Она бросила окурок в грязь и раздавила его подошвой сандалии. — Но мои отключки в конечном счете достали меня. Я просыпалась каждый день и первые пять минут вообще не соображала, где я и что я, не могла вспомнить, кто что говорил и кому, с каким ублюдком я подралась. Прихожу на кухню раздобыть чайку, а на меня все смотрят как-то искоса. Потом присмотришься, а у одного из них синяк под глазом. Потом подходишь к зеркалу, и у тебя на морде синяк, и все такое. — Все женщины сочувственно закивали. Никто не засмеялся.

— Я стояла в магазине Долана, — добавила Джинти, — мы говорили о «Далласе»[50] с женщинами, которых я таскала за волосы по улице прошлым вечером. — Она сжала руки в кулаки, ее худое тело напряглось, оживленное воспоминаниями о том скандале. Потом она показала на дом женщины с лицом, похожим на череп, по другую сторону дороги. — А помните те времена, когда Коллин почувствовала, что Иза строит глазки Большому Джеймси?

---

[50] Примечания: 50

«*Даллас*» — американский телесериал, транслировавшийся с 1978 по 1991 г. Сериал повествует о состоятельной техасской семье Юингов, представители которой ведут бизнес в сельском хозяйстве и нефтедобыче.

— Ну-ну, — сказала Брайди. — Это были глупости. Они же кровная родня. Все об этом забывают.

— Об *этом* Коллин ничего и слушать не хотела. — Джинти обратилась к Агнес. — Теперича наша Коллин ни капли не пьет. Она теперича близко к младенцу Иисусу, носит его повсюду с собой в сердце. Но в то утро понедельника она нажралась будьте-нате. Отправилась на почту и обналичила свое пособие, потратила все до последнего пенса и залила за воротник. Малышня ждала ее, голодная, а она выпила все до последней капли. Потом она взяла полиэтиленовый пакет и ходила по этой дороге туда-сюда, собирая собачье говно. Белое, черное, поносное и твердое, почти забила пакет до верха. Она взяла этот пакет, набитый говном, и пошла во-о-она туда. — Джинти показала в сторону шлаковых холмов. — Надела она желтые резиновые перчатки и как начала швырять. Я тебе скажу: весь фасад дома Изы был в говне, полностью. Она бросала говно и кричала, чтобы Большой Джеймси вышел и посмотрел ей в глаза как мужчина.

— И что дальше? — спросила Агнес.

— Вот я к тому и веду — что дальше-то. — Джинти бросила лукавый взгляд через плечо на

калитку в ограде дома Коллин. — Она забросала дом собачьим говном так, что за милю вонь можно было учуять. Говно текло по окнам, прилипло к каменной штукатурке. Впиталось в нее. Господь свидетель, я не ахти какая поклонница Изы — ее мужик рано попал под сокращение, а она все деньги, что ему причитались, поставила на бинго, и ей выпал неплохой выигрыш, — но-о я не оправдываю кидание говна на улице, будто ты дикарка какая.

Рассказ подхватила Брайди.

— А потом выяснилось, что Большой Джеймси вовсе не трахал Изу. Он работал. *Работал*! Вот чем он занимался. Он нашел себе работу на неполный день: возил металлолом, но никому не говорил: боялся, что его заложат и он лишится инвалидности.

Джинти поцеловала Святого Христофора.

— А Коллин думала, что он другим делом занят, тогда как мужик пытался заработать немного лишних деньжат.

— Хвала господу за отключки. — Брайди торжественно перекрестилась. — Слушай, я знаю, почему ты пьешь. Иногда с собой трудно совладать. Я держусь подальше от выпивки, но все равно пару этих штук в день мне нужно. — Она

достала пузырек детского аспирина из кармана. — Маленькие друзья Брайди.

— Аспирин? — спросила Агнес.

— Не! — Брайди облизнула верхнюю губу, а Агнес подалась к ней поближе. — Валиум. Если хочешь — возьми пару штук. Только так — для пробы. Если захочешь больше, я о тебе позабочусь. По специальной цене. — Брайди надавила на крышечку, а потом, улыбаясь, открутила ее с пузырька. Она вытряхнула две таблетки на ладонь Агнес, словно две конфетки. — На вот. Попробуй. И добро пожаловать в Питхед.

Десять

Мать его куда-то исчезла. Он держал в руке белоснежный зуб; его маленький резец плавал в лужице слюны и крови, и он был уверен, что сейчас умрет. Неужели это случится теперь, когда ему исполнилось семь? Он боялся потрогать зубы языком — вдруг и все остальные вывалятся. Ему нужно было найти ее и спросить.

Но его мать пропала.

Шагги встал, прижался лицом к ржавой металлической калитке и смотрел, как рядом рыщет стайка собак с шахты. Пять кобелей преследовали маленькую черную сучку. Они звонко скулили, преследуя объект своей страсти. Шагги просунул губы между прутьев забора и присоединился к их хору — уиии, уиии, уиии. Он послушал собачью песню — они словно звали его за собой. Ему не разрешалось выходить за калитку, не предупредив мать, но сейчас ведь ее здесь не было.

Он твердо уперся кедами в землю, голову высунул наружу, посмотрел налево, потом направо. Он затеял игру: затаив дыхание, выскакивал за калитку и тут же запрыгивал назад, все время украдкой поглядывая на короткий отрезок доро-

ги — не покажется ли мать.

Ее не было.

Стая собак звала его за собой. Шагги взял свою грязную светловолосую куклу, кинул ее на дорогу. Дафна приземлилась с хриплым треском, начертив «снежного ангела» в пыли. Он выскочил на дорогу, схватил куклу и маленькой костлявой рыбкой нырнул обратно, закрыв с металлическим лязгом калитку. Посмотрел через плечо. Никто не подошел к окну в их доме, и никто не подошел к окну в доме Брайди Доннелли. Никто его не видел. Ее здесь не было.

Шагги открыл калитку и последовал за собаками. На углу стояла группка женщин в мужских тапочках. Они оживленно о чем-то разговаривали, но он заметил, что с его приближением они заговорили тише. Одна из них повернулась и сделала ему реверанс. Он старался выглядеть естественно, словно ему на все плевать, и сплясал что-то на пыльной дороге, идущей вверх по склону мимо часовни. Он придумал классную игру, посылая вихри пыли в небеса, и оттанцовывал все дальше и дальше от дома. Он дошел до католической школы, посмотрел, как играют дети во время утренней перемены, постоял в тени конского каштана, задаваясь вопросом: а почему

он не в школе. Утром мультики не показывали, значит, сегодня не суббота, это он точно знал, но она не разложила его одежду, как делала это иногда, поэтому он не ушел, а она ничего не сказала.

Мальчишки безжалостно лупили по футбольному мячу в углу детской площадки, но Шагги они увидели раньше, чем он их.

— У тебя там что? — крикнул младший из загорелых братьев, сыновей Коллин Макавенни, женщины с лицом, похожим на череп. Шагги инстинктивно спрятал куклу Дафну за спину.

— Привет, — сказал Шагги, вежливо помахав. Он, подражая реверансу шахтерской жены, изящно отставил левую ногу назад.

Они с открытыми ртами смотрели на него сквозь облупившиеся прутья ограды, мерили его взглядами с головы до ног.

— А ты чо не в школе? — спросил, сковыривая чешуйки зеленой краски с железа, Джербил, младший из них.

— Не знаю, — признался Шагги, пожав плечами. Мальчишки были не многим старше его, а уже раздались в плечах и здорово загорели, шастая целое лето под открытым солнцем по болотам и швыряя котов в шахты. Он видел, как они без труда таскают тяжелый металлолом,

который привозил их отец в своем грузовичке.

Френсис Макавенни прищурился, посмотрел на него темными глазами и сказал:

— Это потому, что твоя ма — старая алкашка. — Он внимательно смотрел на лицо Шагги, ожидая реакции на свои ядовитые слова.

Джербил Макавенни ухватил губами чешуйку зеленой краски.

— А почему у тебя нет папашки? — Голос у него уже сломался.

— Е… есть, — пробормотал Шагги.

Джербил улыбнулся.

— Где же он тогда?

Шагги не знал. Он слышал, что отец блядун, что он воспитывает детей другой женщины и постоянно ебет всех шлюх, что садятся к нему на заднее сиденье. Но признаваться в этом ему казалось неправильным.

— Он работает в ночную смену. Зарабатывает деньги нам на отдых.

Раздался звонок — переменка закончилась, и отец Барри, выйдя из школы, принялся строить учеников. Джербил просунул руку сквозь прутья ограды и длинными пальцами ухватил куклу Шагги. Френсис загукал, как счастливый младенец, и присоединился к игре — теперь они

оба терзали его куклу. Шагги отступил в тень конского каштана.

— Я про тебя скажу отцу Барри! Ты должен быть в школе, — завопили они.

Прижимая Дафну к груди, Шагги развернулся и припустил во всю прыть. Когда он добежал до Шахтерского клуба, дыхалка у него совсем сдала, но он все еще слышал, как мальчишки зовут отца Барри.

Клуб являл собой жалкое зрелище и казался пустым. Шагги подтянулся и повис, ухватившись за решетки на окнах. Потом он побродил по дворику, где из опорожненных пивных кегов растеклись лужицы выдохшегося эля. Грязный лагер смешался с бензином и образовал озерца, переливающиеся всеми цветами радуги. Шагги опустился на колени и макнул светлые волосы Дафны в радужную лужицу. Когда он вытащил куклу, ее глянцевые желтые волосы стали чернее ночи, и он недовольно пощелкал языком. Куда девались радужные цвета? Он снова сунул ее в лужу и подержал там подольше. Ее глаза автоматически закрылись, словно она уснула, но улыбка осталась, а потому он знал, что с ней все хорошо. Он вытащил куклу из лужи, черная жижа стекла с ее лица на ее белое шерстяное платьице. Ее де-

шевые желтые волосы стали тускло-черными. Он уставился на куклу и на минуту забыл о матери. От Дафны исходил какой-то странный запах.

Некоторое время он петлял по пивным лужам, потом вгляделся в дорогу и, когда абсолютно уверился, что отец Барри не ищет его, перебежал на другую сторону к началу не замеченной им раньше тропинки, уходящей в лесок. Тропинка вела к старым шахтерским коттеджам, выходящим своими задними двориками в общий сад. У ближней границы сада расположился большой кирпичный сарай для мусорных баков, плоский и прямоугольный, без окон и с темным проемом, в котором болталась сломанная зеленая дверь. Сбоку сарая лежала стиральная машина, какими пользуются в больницах или правительственных зданиях, надежная и большая, как шкаф. Она была слишком тяжела, а потому мусорщики не смогли ее увезти, и теперь она ржавела рядом с сараем, а вокруг нее кружили жирные ленивые мухи.

Внутри машины сидел мальчишка, его ноги торчали над головой, он свернулся в барабане, как кот со сломанным позвоночником.

— Хочешь покрутиться в моей карусели?

Шагги испугался, увидев в машине мальчиш-

ку.

А тот раскачивался в барабане, описывал в нем полукруги — в одну секунду торчала его голова, а в другую ноги.

— Слушай, это ужасно весело! — уговаривал его мальчишка.

Шагги протянул мальчишке Дафну — пусть она первая попробует — без него. Мальчишка вылез из барабана, высунув наружу загорелые ноги, словно паук из замочной скважины. Он выгнулся назад, выпрямился — ростом мальчишка не уступал металлической машине. Он был не менее чем на год старше Шагги — ему наверняка стукнуло восемь, а то и девять — порог взрослой жизни.

— Привет. Я — Джонни. Моя мамка называет меня Бонни Джонни, — сказал он с натянутой улыбкой. — Это, кажись, имя одного рестлера, но я думаю, это полная херня. — Он похлопал себя по предплечьям, как рестлеры по телевизору перед схваткой, и рубанул пустой воздух. — А тебя как зовут, малец?

— Хью Бейн, — сказал он стеснительным голосом. — Шагги.

Мальчишка смерил его взглядом из-под полуопущенных век, точно так же смотрели на Шагги шахтерские дети, когда он поднимал руку

в классе. В этом взгляде была смесь недоверия и презрения. Он часто видел, что его бабушка смотрит на его отца точно таким же взглядом. Шагги вывернул левое колено внутрь.

Потом Джонни улыбнулся. Выражение его лица поменялось так быстро, что Шагги сделал шаг назад. Словно кто-то щелкнул выключателем, и лицо мальчишки прояснилось, загорелось, как голая лампочка в пустой комнате.

— Это у тебя кукла такая, Шагги? — Мальчишка называл его имя так, будто давно был с ним знаком. Не дожидаясь ответа, он добавил: — Может, ты девочка?

Мальчишка шагнул в высокую траву, приминая ее.

Шагги опять отрицательно покачал головой.

— Если ты не девочка, то, наверно, ты гомик. — Его улыбка стала еще более натянутой. Говорил он низким ласковым голосом, словно со щенком. — Так ты не гомик, нет?

Шагги не знал, что такое гомик, но понимал: это что-то нехорошее. Кэтрин так называла Лика, когда хотела его обидеть.

— Ты не знаешь, кто такой гомосек, малец? Гомосек — это такой мальчишка, который вытворяет всякие грязные вещи с другими маль-

чишками. — Джонни стоял теперь прямо перед Шагги, он чуть не в два раза превосходил его ростом. — Гомик — это мальчик, который хочет быть девочкой.

Бонни Джонни был весь какой-то желтоватый, словно его искупали в чае: светло-коричневая кожа, медовые волосы, а глаза цвета янтарного лагера. Когда Джонни улыбался, обнажались его взрослые зубы. Шагги потрогал щербинку во рту кончиком языка. А Джонни в этот момент выхватил у него куклу и швырнул ее в барабан.

— Смотри! Она хочет прокатиться.

Джонни прижался к Шагги сзади, обхватил его руками за талию, поднял его к горловине барабана. Шагги залез в барабан, почувствовал дружескую руку, подтолкнувшую его, когда он замешкался на краю. Схватив Дафну, он оглянулся и посмотрел на светлое небо, металл холодил его голые ноги.

Джонни ухватил торчащий внутри рычаг и принялся легонько раскачивать барабан туда-сюда, как люльку младенца. Шагги упал и попытался подняться, удержать равновесие в этом бесконечном раскачивании, он напрягал все мышцы, скалился, как испуганный кот. Дафна, выскользнув из его рук, перекатывалась по

цилиндру.

Джонни продолжал тихонько раскачивать барабан.

— Ну видишь, как здорово, да?

Движение барабана напомнило Шагги о качелях в виде пиратского корабля, стоявших рядом с любимой пекарней его деда. Непроизвольный смех сорвался с его губ.

— Держись, — сказал Джонни, ухватился покрепче за металлический рычаг и, прижавшись к машине для опоры, принялся раскачивать барабан сильнее. Голова и колени Шагги стали описывать полукруги, а Дафна ударилась о крышку. Мышцы на шее Джонни напряглись — он теперь изо всех сил раскачивал барабан. Шагги перекатился через голову. Он перекатывался снова и снова, его голова ударялась о металлические валики, а нога попала точно по спине.

Барабан замедлился, и Шагги рухнул беспомощной грудой головой вниз. Крепкая рука ухватила один из металлических стержней и остановила центрифугу. Внутри Шагги словно завыла сирена — боль распространялась по его телу от макушки до расцарапанного колена и покрытых синяками голеней. Сквозь водопад своих слез он различал большую руку, которая снова и снова опускалась

на голову Джонни, мальчишка старался увернуться, чтобы защитить лицо. Нападавший был слишком высок, и Шагги никак не мог разглядеть его лицо, видел только злобные удары татуированной руки, хлеставшей по голой шее и плечам мальчишки.

— Я тебе, черт подери, сколько раз говорил — не играй с этой гребаной стиральной машиной?! — отчитывал мальчишку торс с невидимой головой. Человек своим большим пальцем ткнул в сторону барабана. — *Слушай. Сюда.* Вылезай оттуда на хуй, а то получишь кой-чо такое, чо тебе не понравится.

Фигура, появившаяся так неожиданно, так же неожиданно и исчезла. Джонни, стоявший рядом с барабаном, напоминал побитого пса. После такого нагоняя улыбка исчезла с его лица, мальчишка поджал хвост. Он протянул руку и помог Шагги вылезти наружу.

— Слушай, прекрати тут выть, а то получишь кой-чо такое, чо тебе не понравится.

Когда он вылез из барабана, яркий свет чуть не ослепил его. Боль в голове была настолько сильной, что окружающие цвета словно исчезли.

Джонни оглядел мальчика с головы до пят. Ноги Шагги были в крови в тех местах, где металл

порвал кожу. На ногах и руках уже проступали синяки. Джонни подтолкнул его за угол сквозь рой черных мух в прохладную темень сарая. Внутри пахло прокисшим молоком.

Джонни в темноте плюнул себе на ладонь, протер мокрое лицо мальчика, потом его окровавленные ноги. От этого стало только хуже. Кровь смешалась со слюной и размазалась, а не стерлась. Мальчишка запаниковал, его глаза широко раскрылись от страха. Он вырвал из земли горсть широких зеленых листьев щавеля и принялся ими оттирать ноги Шагги. Он тер, пока крови не осталось — ее вытеснил густой зеленый след растительной слизи. Хлорофилл обжигал порезы. Шагги снова начал скулить.

— Заткнись, слышь, ты, маленький педик. — Все его прежние дружелюбные тона исчезли. Шагги видел у мальчишки красные отметины, оставленные рукой отца и теперь расцветающие на его смуглой коже.

В сарае для мусорных баков было тихо, если не считать жужжания жирных мясных мух. Джонни тер и тер ноги мальчика, пока дыхание у того не успокоилось. Это оттирание превратило Шагги из белокожего в краснокожего, а потом в зеленокожего. Когда паника исчезла из глаз Джонни, на

его загорелое лицо вернулась фальшивая улыбка. В сарае стояла почти полная темнота.

Бонни Джонни распрямился — поджарый силуэт на фоне яркого дневного света. Он протянул Шагги зеленую кашицу листьев, а потом спустил с себя спортивные шорты.

— Кончай ныть, — сказал он сквозь свои взрослые зубы. — Теперь ты меня потри.

К тому времени, когда Шагги доковылял до Шахтерского клуба, солнце почти высушило радужные лужи. Дафну он оставил в стиральной машине, но возвращаться за ней ни за что не хотел.

Поднимаясь по лестнице в коридор, он услышал ее голос, говоривший в трубку: «Иди на хуй, Джоани Миклвайт. Скажи этому блядуну, этому ебаному сынку протестантской сучки, что жопа треснет, если на двух стульях сидеть!» Каждый грязный слог произносился четко с пугающей ясностью королевского английского языка. «Ты поганая хуесоска. Ты такая же простая и безвкусная, как жопа у горбушки». Трубка с лязгом грохнулась на аппарат, от удара раздался звон.

Шагги дошел до конца коридора, завернул за угол. Его мать сидела, скрестив ноги, у маленького телефонного столика с кружкой на коленях.

Она посмотрела на него, словно он поднялся с ковра. Она не заметила, что у него отсутствует зуб, не заметила его ногу в крови, слюне и щавелевом соке.

На ее лице застыла безжизненная гримаса, источники которой находились в шкафчике под кухонной раковиной. Она вытащила сережку из уха и швырнула ее через всю комнату, потом снова взяла телефонную трубку.

— А теперь мне хочется сказать твоей бабульке, на какой хуй ей пойти.

От автобусной остановки до дома было рукой подать, но Лик еле плелся. Его ноги отяжелели после целого дня занятий в Центре профессиональной подготовки молодежи[51], его желудок скручивался узлом в предчувствии того, что он может увидеть дома. Он только надеялся, что у него выдастся свободный час, чтобы он мог порисовать, но после их переезда в Питхед прошел

[51] Примечания: 51

ЦПП, или Программа обучения молодежи — учебный курс для выпускников школ в возрасте 16–17 лет. Начала действовать в Соединенном Королевстве с 1983 г. Программа должна была стать эффективным противодействием сокращению количества и заметному росту безработицы среди молодежи. Критики утверждали, что она позволяла работодателям использовать выпускников школ для получения дешевой рабочей силы и не обеспечивала реального образования. — *Прим. ред.*

уже год, в котором не было ни дня покоя.

Он знал, что Кэтрин сегодня снова не вернется домой. Она приспособилась обводить вокруг пальца их опускающуюся все ниже и ниже мать, скрывать от нее свою тайную жизнь с Дональдом-младшим. Кэтрин обвиняла своего босса во всех смертных грехах, в рабовладельческих замашках, она сказала матери, что задержится на работе и ночевать будет у бабушки. Лик видел, как их мать озабочена отсутствием денег, как она ждет еженедельных подачек Кэтрин, а потому она и в этот раз промолчала. Лик знал, что на самом деле Кэтрин ночует у Дональда-младшего на надувном матрасе в свободной комнате в доме его матери и пытается защищать рукой свою невинность до дня свадьбы. Лик после стольких лет подготовки злился на Кэтрин за то, что первой уходит она, а не он.

Еще не стемнело, но во всех комнатах горел яркий свет, и занавески были позорно раздвинуты. Это был плохой знак. В гостиной между тюлем и стеклом сидел без дела Шагги. Он то прижимал ладони и нос к окну, то качал головой назад-вперед, чтобы успокоиться, и никто не говорил ему прекратить. Увидев брата, он произнес одними губами «Лик» и оставил жирное пятно на стекле.

Тюлевые занавески пришли в движение. На окно упала тень, и за спиной своего младшего появилась Агнес. Лик поднял руку, осторожно имитируя приветствие, другую руку положил на калитку, показывая, что возвращается домой. Агнес улыбнулась ему, он увидел слишком зубастую гримасу, которая несла тысячу посланий. Ее глаза показались ему тусклыми, взгляд расфокусированным, и он мгновенно понял, что она пьяна.

Она снова исчезла — вернулась к телефонному столику, вернулась к выпивке.

Лик поднял свою сумку с инструментом и отвернулся от дома. Он услышал настойчивое стук-стук-стук по стеклу. Шагги широко раскрывал рот, театрально произнося слова:

— Куда. Ты. Уходишь?

Лик так же одними губами ответил:

— К ба-буш-ке.

Губы Шагги дрожали.

— Возьми. Меня.

— Нет. Далеко. Я тебя не донесу.

Он так и не сказал Шагги, что некоторое время назад нашел адрес своего настоящего отца. Брендана Макгоуэна. Адрес он отыскал в телефонной книжке Агнес, обведенный чернильными линиями разных цветов и толщины, словно она раз за

разом на протяжении лет возвращалась к нему. Лик сходил по этому адресу прошлой зимой, посидел на стене против большого викторианского многоквартирного дома. Он видел, как какой-то мужчина вернулся с работы домой, он не узнал его, но усталая, сутулая походка показалась ему знакомой. У человека были такие же светло-серые глаза. Он припарковал машину перед зданием, прошел мимо Лика по улице, вежливо кивнув — не более.

Дверь открылась, и три маленькие фигурки бросились ему навстречу. Лик видел, как счастливая шумная семья села и принялась есть за обеденным столом, придвинутым к окну. Он смотрел, как они говорят, перекрикивая друг друга, как дети дерзко становятся ногами на стулья, а человек смеется, видя их возбуждение. Он долго наблюдал за ними, потом сложил бумажку с адресом и уронил ее в водосток.

Лик поднял свою сумку с инструментами и двинулся из Питхеда. Он отвернулся от Шагги и не осмеливался оглянуться, боясь увидеть умоляющее выражение лица в окне. Собирался дождь, а путь до Сайтхилла был неблизкий. Он устал, он давно уже носил в себе усталость. Он хотел одного — отдохнуть.

Одиннадцать

В комнату сквозь тюлевые занавески лился бледный свет дня. Свет коснулся ее лица, и Агнес, всхрапнув, очнулась. Она медленно открыла глаза и обнаружила, что таращится на кремовый потолок, отделанный фактурной штукатуркой с ее холодной сталактитовой текстурой. Губы у нее никак не закрывались из-за липкой пленки на ее верхних зубах, потому что из желудка уже поднималась волна рвоты. Правой рукой она нащупала склизкую камчатную обивку кресла. Ее пальцы нашли знакомые дырки, прожженные окурками. Она полулежала, прижимая к себе молчащую телефонную трубку.

Некоторое время она посидела без движения, запрокинув голову на спинку кресла, словно педальное мусорное ведро с распахнутой крышкой. Она снова закрыла глаза, прислушалась к громкому стуку в голове. Кровь, словно волна, накатывала и отступала, накатывала и отступала внутри черепной коробки. В моменты отлива она чувствовала, что дом пуст. Было еще рано, но мальчик уже сам ушел в школу. Он и без того пропустил много дней. Слишком много дней

просидел у ее ног, лишь ждал и смотрел. Школе такие дела не нравятся. Отец Барри сказал, что ему придется поставить в известность социальную службу, если мальчик не начнет регулярно приходить на занятия.

Иногда она по утрам просыпалась в страхе и обнаруживала, что Шагги смотрит на нее. Он был одет, казался совсем маленьким из-за рюкзака, висящего на его плечах, лицо у него было умыто, волосы расчесаны и разделены на пробор спереди. Она лежала полностью одетая, пытаясь сомкнуть сухие губы, а он говорил: «Доброе утро», а потом тихо разворачивался и уходил в школу. Он не хотел уходить, не сказав ей, что сразу после занятий вернется домой. Он зацеплял ее мизинчик своим и приносил клятву.

В доме стояла тишина. Она наклонила голову вперед и закрыла лицо руками, и кровь прилила ее к глазам. Шагги, обычно стоявшего рядом, сегодня не было. На столе перед ней была кружка холодного чая, затянувшегося молочной пленкой. Рядом с кружкой, проткнутый ножом, лежал кусок белого тоста с такими толстыми кусками масла, что размазать их было невозможно. Приложив козырьком руку ко лбу, она осмотрела низкий кофейный столик — не найдется ли на

нем что-нибудь такого, что могло бы унять ее дрожь. Она наклонила к себе кружки, заглянула внутрь — не осталось ли там глотка пива. Все кружки были пусты. Агнес потянулась за сигаретой и с жалобным стоном вытащила из пачки последнюю. Она закурила трясущимися пальцами, глубоко затянулась.

Лучше ей не стало, и она поднялась и стала обшаривать диван в поисках припрятанных четвертинок или недопитых банок пива. Она перерыла пустой дом, заглядывая во все свои схроны, где могла заваляться бутылка: в корзину с грязным бельем, на полку за виниловой панелью с корешками футляров видеокассет, подделанных под тома энциклопедий. Она опустилась на колени, повытаскивала из-под раковины в кухне все пустые пакеты, пока ее по пояс не завалило разноцветным полиэтиленом.

Ее паническое состояние усиливалось. Он переходила из комнаты в комнату, издавая звуки разочарования — то пронзительно взвизгивала, то всасывала воздух сквозь зубы. Ей приходилось все время останавливаться, чтобы выплевывать поднимающиеся из желудка комки блевотины в раковины и немытые кружки из-под чая. Она откопала свою большую черную кожаную сумку,

порылась в ней, нащупала кошелек, открыла металлическую защелку наверху. На дне кошелька среди пуха и песка лежал медальон с изображением святого Иуды Фаддея[52]. Сегодня был четверг, а все понедельничные и вторничные пособия она уже израсходовала.

В предыдущий понедельник она не сомкнула глаз всю ночь, ожидая, когда часы с радиоприемником покажут восемь. На шпильках, кое-как намазавшись, она чуть не стрелой понеслась по Пит-роуд, чтобы обналичить то, что шахтерские жены называли «Понедельничная книга». Она высоко держала голову, стоя в очереди за пособием, а ее руки в карманах дрожали. Агнес старалась не замечать женщин в тонких нейлоновых куртках, сухо шуршащих при малейшем соприкосновении друг с другом. Она стояла отдельно и отрешенно, а они заходились своим курильщицким кашлем, клокоча липкой мокротой.

Считалось, что тридцати восьми фунтов в неделю достаточно, чтобы прокормить семью. Матери, получив деньги, стояли в маленьком магазинчике и смотрели на картонные паке-

---

[52] Примечания: 52

Иуда Фаддей — согласно Библии — один из 12 апостолов. — *Прим. ред.*

ты с пинтой молока, как на непозволительную роскошь.

Агнес же, обналичив с королевским видом «Понедельничную книгу», прошла мимо полки с молоком в другой отдел, где быстренько купила двенадцать банок «Спешиал Брю»[53]. Она весело сообщила продавцу о нынешней хорошей погоде, но тот промолчал. Она не сомневалась, что синий слон с плаката за спиной индийца неодобрительно косится на нее. Она чинно защелкнула кошелек, пока мужчина укладывал холодные металлические банки в полиэтиленовый пакет. Женщины за ее спиной подсчитывали в уме, одними губами произнося цифры; они складывали в свои сумки хлеб, замороженный картофель фри, сигареты, а потом, признав поражение, тихо возвращали хлеб на полку. Агнес прошмыгнула на улицу, зайдя за стену низенького каменного магазина, присела на корточки среди битого стекла и открыла первую холодную банку.

Во вторник утром она вернулась в магазин, уже подогретая пивом. Она перешла дорогу с разделительной полосой, ее колени изящно подгибались с каждым шагом. Агнес обналичила

[53] Примечания: 53

«*Спешиал Брю*» — крепкое пиво, которое в Соединенном Королевстве долгое время ассоциировалось с алкоголиками. — *Прим. ред.*

свою «Вторничную книгу» в восемь с половиной фунтов детского пособия. Подкрепленная «Спешиал Брю», она сообщила хозяину магазина, что у нее от синего слона мурашки по коже.

Но сегодня был четверг. Она заглянула в кошелек, пустой, если не считать святого Иуды и пушинок, набившихся в складки. Грустные эгоистичные слезы «ах, бедная я, несчастная» навернулись ей на глаза. Она провела пальцем по грязной пепельнице. Она должна была подумать, что делать дальше.

Выветриваясь из организма, алкоголь мешал смотреть телевизор, поэтому она наполнила горячей водой ванну. В воде ей будет не так холодно, не так больно. Она смыла с волос пот и грязь. Взяв фланелевую салфетку, она принялась счищать неприятный привкус с зубов, потом легла в обжигающую воду и задумалась о том, где ей достать денег. По ее мягкому животу тянулся глубокий красный рубец — след от ее черных колготок, которые врезались ей в кожу, когда она отключилась. Она потыкала рубец пальцем. Он проходил по ее жировой складке, словно железнодорожный рельс, и это навело ее на мысль о глазговском поезде, о Падди-маркете, расположившемся под арочными сводами, о ломбарде,

который там находился.

Не вытираясь, она в мокром халате принялась рыскать по дому в поисках чего-нибудь, что можно было бы заложить. При свете дня все казалось дешевым и бесполезным. Она покрутила в руках все фарфоровые безделушки «Каподимонте»[54], попыталась даже поднять черно-белый телевизор, но поняла, что ей никогда не донести его до города пешком. Она зашла в спальню, вспомнив о своих драгоценностях, обо всех необычных вещицах, лежавших в старой сумочке-копилке: кладдахских колечках[55], подаренных ей матерью, медальоне ее бабушки, крестильном браслете Кэтрин. Преодолевая себя, она вернула сумочку в ящик.

Она воровато скосила глаза на тяжелый инструментальный ящик Лика. Толкнула его ногой. Ящик оказался пустым — Лик все инструменты унес на стройку. Он забрал все, включая и то,

---

[54] Примечания: 54

История фарфора «Каподимонте» началась в Неаполе. В XVIII в. эти изделия пользовались огромной популярностью, но в начале XIX в. завод был распродан, после этого под маркой «Каподимонте» выпускались в основном дешевые подделки.

[55] Примечания: 55

Тип традиционного ирландского кольца, которое преподносится в знак дружбы, а также используется в качестве обручального. Кольцо имеет форму пары рук, которые держат сердце, увенчанное короной. Сердце символизирует любовь, руки — дружбу, а корона — верность.

что ему наверняка не понадобится. Он выучил урок, когда ее в прошлый раз обуял ломбардный зуд. Агнес поскребла ладонь. Она лягнула пустой ящик и направилась к гардеробу Кэтрин. Удивилась тому, что в нем почти ничего нет, словно Кэтрин была постояльцем, который не обжился на новом месте. Она покрутила в руке замшевые сапожки на высоком каблуке, но их уже давно погубили дождь и грязь.

Теряя надежду, она открыла небольшой бельевой шкаф с хорошими полотенцами. Там в мешке для мусора лежала ее старомодная норковая шубка, которую она купила на кредит, взятый Бренданом Макгоуэном. Она вытащила из шкафа полиэтиленовый мешок и запустила пальцы в пушистый мех. На ощупь — чистые деньги.

Не прошло и часа, как она, причесанная, в длинной норковой шубке шагала по главной дороге — до Падди-маркета ей предстояло пройти не одну милю. Она шла против движения с высоко поднятой головой, понимающе улыбаясь. Мелкие камушки забивались в ее босоножки на высоком каблуке, как пляжный песок. Она шла с прямой спиной, делая вид, что ей нравится, когда воздушный поток от встречных машин треплет ее волосы, и старалась не замечать мелкий

гравий между пальцев на ногах. Водители, проезжающие мимо, замедляли ход при виде такого необычного зрелища. Ее лицо горело от летящего на нее песка и от стыда, но она продолжала идти, высоко держа голову. Она чувствовала, что со стороны, вероятно, кажется сумасшедшей.

Каждый раз, подходя к остановке, она притормаживала, словно в ожидании автобуса, демонстративно смотрела на наручные часы, которых у нее не было. Потом ждала, когда автомобильный поток немного спадет, и шла до следующей остановки. В голове у нее стучало, в груди жгло. Примерно в четырех милях от поселка около Агнес притормозил автобус, чтобы подобрать ее. Смотря в другую сторону, она вытащила руку из кармана шубки и махнула — мол, проезжай, мне ничего не требуется, а шахтерские жены тем временем смотрели на нее из окон, разинув рты.

Когда она добралась до окраины города, зарядил дождь. Поначалу крохотные капли повисали на мехе ее шубки и сверкали, как лак для волос. Агнес устала от ходьбы на шпильках, но, пересекая узкие улочки района, где жила с первым мужем, она ускорила шаг из страха встретить кого-нибудь из прежних знакомых.

Дождь, поморосив, перешел в ливень, и вскоре промокшая шубка хлестала ее по голым ногам, как хвост мокрой собаки. Она забежала в подъезд жилого дома и теперь смотрела оттуда, как автобусы окатывают тротуар грязными волнами из луж. На мгновение она пожалела, что ушла от доброго католика.

По ее щекам стекала черная тушь. У нее в кармане лежал кусок туалетной бумаги, и она, сложив его так, чтобы пятна блевотины оставались внутри, отерла подтеки под глазами. Шуба промокла, и мех свалялся там, где собралась и впиталась вода. Она вытащила по фигурке балерины из каждого кармана и принялась досуха оттирать их фарфоровые лица.

По другую сторону улицы стояло длинное серое здание. Слева располагалось что-то вроде ремонтной мастерской таксопарка, вокруг, словно кости динозавров, лежали детали разбитых черных такси и микроавтобусов, а где-то в глубине играло радио. За площадкой находился маленький офис, и Агнес сквозь грязное стекло видела стены с полками, на которых лежали ремни вентиляторов, ступичные колпаки, банки со смазкой, бутыли моторного масла. Эта мастерская предназначалась для обслуживания и ремонта своих

— служебных — машин, а не случайных с улицы. Тут не было ни сэндвичей в упаковках, ни карт с достопримечательностями.

Когда Агнес вошла внутрь, зазвонил колокольчик. С Агнес успела натечь целая лужа, когда на звонок вышел человек в спецовке, рыжеволосый, коренастый и плосколицый, с головой, посаженной прямо на плечи, словно шея была ненужной роскошью. Он оторвал взгляд от своих грязных рук и удивился, увидев перед собой красивую даму в шубе.

— Извините, бога ради, что беспокою вас, — начала Агнес своим лучшим милнгевийским[56] произношением. — Но я попала под дождь и подумала, может быть, тут есть туалет, которым я могла бы воспользоваться. *Вы меня понимаете*. Немного привести себя в порядок. — Она показала на мокрую шубку.

— Ну… — Он потер щетину. — Вообще-то он не для клиентов.

Агнес провела рукой по меху — с него скатились большие капли воды.

— Ну извините, — сказала она, опустив глаза

---

[56] Примечания: 56

Милнгеви — пригород Глазго, который приобрел хорошую репутацию у представителей бизнеса и профессионального сообщества. — *Прим. ред.*

на грязный пол.

Он разглядывал ее с полминуты, потом, почесав свою мощную руку, изрек:

— Но вы, кажись, и не клиент, так что, думаю, ничего, сойдет.

Он повел ее через мастерскую. Машины, стоявшие тут, пребывали в плачевном состоянии, а она на шпильках с трудом шла по полу с масляными лужами. Она видела, как капли воды с ее шубки утекают, словно слезки, упав на цемент, покрытый масляной пленкой.

— Э… подождите здесь чуток, — сказал человек. Он нервно поспешил за тонкую красную дверь. Она услышала шипение освежителя воздуха, а минуту спустя он появился со скрученными журналами и газетами, которые прижимал к себе рукой. — Он такой — без изысков, но вы найдете все, что вам нужно.

Он придержал для нее дверь, и она, проходя, увидела, как у него из-под мышки ей нагло подмигивает блондинка с большими сиськами.

Агнес вошла в грязный туалет и плотно закрыла дверь. Она долго стояла, рассматривая в зеркале оплывшую физиономию старой шлюхи. Автоматической сушилки в туалете не было, поэтому она оторвала кусок бумажного полотенца

и принялась отжимать мех, прикладывая к нему полотенце, как это делают, когда проливают что-то на ковер. Но сколько бы она ни отжимала, в шубке оставалось еще море воды.

Ей потребовалось немало времени, прежде чем она почувствовала в себе силы выйти назад в мастерскую. Человек этот стоял ровно напротив двери, словно примерз, в руках держал две разные кружки.

— Похоже, вам бы не помешала чашка горячего чая.

— Я так плохо выгляжу?

— Да не…

Она взяла кружку, чуть испачканную маслом.

— Наверно, я похожа на утонувшую крысу, — сказала она в надежде, что он не согласится.

— Скорее уж на утонувшую норку.

Человек огляделся в поисках чистого стула, а Агнес внимательно разглядывала его. Он вымыл лицо, пока она находилась в туалете. На его шее виднелось масляное кольцо, масло осталось на бакенбардах в тех местах, которые он не сумел протереть, а его светлая челка еще не успела высохнуть. Она подумала, что он красив, как настоящий шетландский пони. Он вытащил высокий табурет, и она отметила, что на его левой

руке всего три пальца, включая большой, два других отсутствовали, словно он сжевал их на нервной почве.

Он перехватил ее взгляд и убрал руку за спину.

— Это длинная история.

Агнес поежилась, смущенная тем, что ее застукали за подсматриванием.

— У всех у нас найдутся две-три такие истории.

— Истории про пальцы, что ли?

— Нет, — рассмеялась она. — Длинные истории.

— Например, как вы шлепали в ломбард, чтобы заложить вашу шубу?

Она снова рассмеялась, на сей раз слишком резко, но быстро остановилась. Теперь он не смеялся вместе с нею. К ней снова вернулся милнгевийский голос, который должен был свидетельствовать: «Я женщина при богатом муже и с большим домом».

— Я не собираюсь закладывать эту шубу. С чего вы взяли?

Человек ответил без колебаний:

— Да я вам больше скажу: вы отправились заложить вашу шубу, прошлепали всю дорогу от

Бейллистона или Рутерглена[57]. — Он посмотрел в сторону. — Нет, постойте! В Рутерглене есть ломбард. — Он опять ненадолго замолчал. — Вы пришли из… — Он щелкнул пальцами неискалеченной руки. — Из Питхеда!

Агнес побледнела.

— Скажете «нет»?

— Скажу.

Он задумался на несколько секунд и посмотрел на нее поверх своей треснутой кружки.

— Господи Иисусе, простите меня, миссис. Я хочу сказать, охеренная грубость с моей стороны. Я-то решил, что вы собираетесь заложить эту шубу. Ну на выпить типа не хватает. Вы меня понимаете?

Агнес опустила кружку от холодных губ. Ее глаза перехватили его взгляд.

— Нет, вы ошиблись.

— Ну зато теперь я извинился, и все хорошо, да?

— Да.

— Значится, так оно и к лучшему будет, верно?

---

[57] Примечания: 57

Бейллистон — пригород Глазго, расположен примерно в 7 милях к востоку от центра города. Рутерглен — это город в Южном Ланаркшире, Шотландия, расположенный к юго-востоку от Глазго, в 3 милях от его центра. — *Прим. ред.*

— Почему? — спросила она, сама того не желая.

— Потому что ломбард в Галлоугейте закрыт — газ там ложат, вот почему.

Она сердито посмотрела на него, пытаясь понять, блефует он или нет. Но он только вскинул бровь.

— Слушайте, я не хотел вас задеть. Вот ей-богу. Просто рыбак рыбака видит издалека, ага? — В подтверждение этой истины он помахал своей трехпалой рукой.

Агнес резко поставила кружку, расплескав чай.

— Спасибо, что позволили воспользоваться вашим туалетом, но мне пора. А то муж изведется от волнений.

— Да-да, конечно. Поспешайте — под дождем долго идти. К тому же, может, сыщете обручальное колечко, которое посеяли.

Агнес поняла, что недооценила его. Она высоко подняла голову, откинула назад с лица свои черные кудри.

— Вы чего этим всем добиваетесь?

Уголки его губ разочарованно опустились вниз.

— Ничего. Ну, по крайней мере, ничего такого, о чем вы думаете. Послушайте, миссис, вы при-

шли сюда в довольно разобранном состоянии, и, глядя на вас, легко можно было сделать одно-два предположения. — Он чуть притормозил, потом продолжил: — Мне это было легко, потому что я через все это сам прошел, только и всего. Вы уж так не переживайте. Допивайте ваш чай, ладно? Я новый чайный пакетик заварил и все такое.

Агнес снова взялась за кружку, надеясь с ее помощью скрыть потрясение, остановить бурление в желудке.

— Так вы уже побывали у АА?

Агнес недоуменно уставилась на него.

— У Анонимных алкоголиков? — Он начал петь: — «Добрый Иисус, научи меня жить одним днем»?

Агнес отрицательно покачала головой.

— Ну вы хоть готовы признать, что у вас проблемы? — Он наклонил голову, как усталый учитель. — Когда вы пришли сюда, у вас была трясучка пятого уровня.

— Я… я промокла… и замерзла.

Он рассмеялся.

— Послушайте, ежели человек промок и замерз, то у него дрожат колени и зуб на зуб не попадает. Ну знаете: вот так. — Он карикатурно изобразил замерзшего психа. — Но! Когда вы рыскаете

глазами в поисках бутылки с жидкостью для зажигалок и готовы ее вылакать, вас трясет вот так. — Человек затрясся, как оживший труп.

Снова волна стыда накатила на нее.

— Что вы об этом знаете?

— Я знаю, что вашей норки хватит на шесть пузырей водки и, может, на жареную рыбу с картохой. — Он поковырял у себя в зубах. — Столько, по крайней мере, стоила норка моей матушки, когда я ее украл. А еще я знаю, что шесть пузырей водки, жареная рыба и три ночи, проведенные под забором, закончатся заражением крови. — Он опять помахал искалеченной рукой.

После его признания они некоторое время молчали. Он открыл пачку сигарет, вытащил оттуда одну зубами, предложил пачку Агнес. Она закурила и затянулась, как будто изголодалась по никотину. Плечи ее опустились, стараясь перевести дыхание, она оглядела кладбище черных такси.

— Вы случайно не знаете таксиста по имени Шаг Бейн?

— Не могу сказать, что знаю, — ответил мужчина, вглядываясь в ее лицо.

— Такой невысокий, жирный боров с плешью. Воображает из себя Казанову.

— Ну, так почти про любого из них можно сказать. — Он рассмеялся. — Он из какого парка?

— Из Нортсайда.

— Не, у них своя мастерская на Ред-роуд. Наверно, никогда его не видел.

— Если он вам когда-нибудь попадется, не могли бы вы подправить ему тормоза?

Мужчина улыбнулся.

— Для вас, красавица, — безусловно.

Он докурил сигарету, продолжая разглядывать Агнес.

— Не он причина того, что вы пустились во все тяжкие? — Агнес не ответила. Он начал подленько подвывать. — Ай-ай, вы безрассудная идиотка. Все за-ради мужика?

Она снова гордо подняла плечи.

— Ну, а если и так?

— Вы знаете, что нужно делать, если и в самом деле хотите вернуть себе свое добро? — Он помолчал.

«Как это похоже на мужчин! На все-то у них есть ответ», — подумала Агнес.

— И что?

— Ну это дело нехитрое. Вы должны просто послать все на хуй. — Он хлопнул в ладоши, а потом широко развел руки победным жестом. — Живи-

те на хер в свое удовольствие. Наслаждайтесь. Я вам точно говорю: ничто так не выведет из себя этого плешивого борова. Га-ран-тия!

Двенадцать

В конце концов Кэтрин ухватила запястье Шагги и потащила его по Ренфилд-стрит. Мальчишка останавливался почти на каждом углу, чтобы бессловесным протестом показать, как сильно ему не хочется идти. Хитро прищурившись, он молча наступал на шнурок одной ногой, а другую отводил в сторону, пока шнурок не развязывался.

— Засранец, ты это специально делаешь! — вскипела Кэтрин, наклоняясь, чтобы завязать шнурки на его школьных ботинках в четвертый раз за последние десять минут.

— А вот и нет, — отвечал Шагги с довольной улыбкой. Она достал из кармана куртки один из любовных романов матери и, раскрыв книгу, уложил ее на макушку Кэтрин, словно его сестра — столик в коридоре. Он начал читать. Кэтрин встала, внутри нее все клокотало, она выхватила у него толстую книгу и стукнула ею сзади по ногам брата. Она снова вцепилась в его запястье.

— Если мы опоздаем на автобус, другого сто лет не будет, а когда ты начнешь стонать «Я хочу е-есть, я хочу пи-ить, я уста-ал…» — проговорила она, подражая его нытью, — …не рассчитывай,

пожалуйста, что я тебя пожалею.

— Я так никогда не говорю, — обиженно ответил Шагги, он семенил ногами, едва поспевая за сестрой, потом выкрутил руку из пальцев Кэтрин. Она остановилась и развернула брата лицом к себе.

— Шагги, я думала, мы с тобой друзья. Ты и я. — На ее лице было, однако, вовсе не дружеское выражение.

— Я не хочу быть *твоим* другом, — фыркнул он.

Она взяла брата за подбородок и мягко повернула его лицо к себе, глаза мальчика неохотно посмотрели на нее. Она разворошила пальцами его аккуратный пробор и разделила густые черные волосы так, как это нравилось Агнес. Шагги так сильно вырос за два последних года в Питхеде. Описать происходящее с ним было нелегко: он стал выше, но и как-то просел, словно слишком тонко раскатанное тесто. Она видела, что он ушел в себя, стал более внимательным и настороженным. Ему вот-вот должно было стукнуть восемь, а он часто казался гораздо старше.

— Слушай, я хочу, чтобы ты, когда мы доберемся до места, вел себя наилучшим образом. — Кэтрин приветственно улыбнулась пожилой

паре, которая прошла мимо в цветных ветровках. — Пожалуйста, сделай это для меня, а? В моей жизни происходят очень, очень важные события, и я только прошу тебя о крохотной помощи. — Кэтрин посмотрела на его маленькое лицо, надутые губы — он напоминал упрямую старуху. Она уронила руку, признавая свое поражение. — Ладно, ты победил. Как всегда. Но я хочу, чтобы ты знал: если ты скажешь маме, куда я тебя брала сегодня, она *умрет*. Ты меня слышишь? Умрет.

Его глаза под сердито опущенными веками снова посмотрели на сестру.

— Как?

— Если ты ей скажешь, она станет пить еще больше и никогда не сможет остановиться.

Кэтрин выпрямилась, расстегнула свой кошелек коньячного цвета с нарисованным на нем верблюдом — подарок ее матери от Вулли. Она отсчитала несколько серебряных монеток, чтобы хватило на два автобусных билета.

— Она станет столько пить, что это вымоет всю доброту из ее сердца. Цыц! Если это случится, то, я думаю, Лик навсегда прекратит с тобой разговаривать. — Она с довольным щелчком закрыла старый кожаный кошелек, и ее лицо прояснилось. — О, смотри! Автобус.

Они сосали зеленые кислые карамельки и прижимали носы к переднему окну на втором этаже автобуса. Автобус пересек реку, и Кэтрин показала на кости Клайда — краны, которые навсегда остались без работы. Она рассказала ему о Дональде-младшем — о том, как его уволили из судостроителей, как он собирается теперь отправиться на работу в Африку.

— Помолись за меня, Шагги… — попросила она.

— У меня длинный список. Я добавлю тебя туда, — прошепелявил он, его щека раздулась от леденца во рту.

Кэтрин могла поверить, что ее брат очень настойчиво молится о многих вещах. Она обкусала заусенцы с большого пальца, и ее снова обуяла тревога: правильно ли она поступает? С тех пор как Шаг ушел от ее матери, Кэтрин убеждала себя, что это случилось не по ее вине. У нее это плохо получалось, но ее эгоистичная часть не хотела разуверяться. Это было несправедливо: если ее мать потеряла мужа, то почему она должна отказываться от своего?

Сойдя с автобуса, они прошли мимо ряда одинаковых коричневых домов, перед которыми располагались садики. Цветов здесь не сажали.

Кэтрин свернула на узкую тропинку, они подошли к тяжелой коричневой двери, и Кэтрин без стука открыла ее, ступила на чужой ковер в коридоре, махнула брату — иди за мной. Шагги никогда прежде здесь не был. Его вдруг испугало, что Кэтрин ведет себя здесь как дома.

Внутри было тепло, словно в счетчик засунули кучу монет, здесь сладко пахло богатством, стоял запах жареной картошки и мясной подливки. Кэтрин села на устланные ковровой дорожкой ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж. Она расстегнула молнию на его куртке, повесила ее на перила. Шагги слышал рев телевизоров — разные каналы из разных комнат. В гостиной смотрели матч «Старой фирмы»[58], а откуда-то сверху доносились гудки и щебет мультиков. Кэтрин поправила на нем галстук, поцеловала холодную щеку.

— Примерное поведение, договорились?

Она повела его внутрь дома, где теплая столовая через окно подачи соединялась с узкой кухонькой. Когда они вошли, в их сторону одновременно повернулись шесть или семь незнакомых Шагги взрослых людей, на их лицах играли улыбки.

---

[58] Примечания: 58

«*Старая фирма*» — так называют встречи двух шотландских клубов из Глазго «Селтика» и «Рейнджерс».

Кэтрин отпустила руку брата и подошла к человеку, похожему на Донни Осмонда[59]. Кэтрин легонько поцеловала его в губы.

— А мы тут думали, куда вы задевались, — сказал человек, нежно потирая костяшками пальцев ее холодную щеку.

— Попробуй-ка протащить его через центр города, когда там яблоку негде упасть. — Она повернулась к брату, который стоял в дверях. — Шагги, не стой там, подойди сюда и поздоровайся со своим дядей Раскалом.

Шагги вошел в столовую, от тепла и запаха жареной свинины у него закружилась голова. Одной рукой он обхватил ногу Кэтрин и стоял так, пока она представляла его взрослым, которые столпились у раздвижной двери, курили и с демонстративной усердностью выдыхали дым на задний двор. Большинство имен он забыл сразу же. Она развернула его к креслу в углу.

— Вот твой дядя Раскал. — Она слегка подтолкнула мальчика. Шагги вежливо протянул руку и пожал лапу дяди.

Его воспоминания об отце были настолько туманными, что ему на мгновение показалось,

---

[59] Примечания: 59

Дональд Клар Осмонд (р. 1957) — американский певец, танцор, актер, телеведущий и в прошлом кумир молодежи.

будто он видит перед собой Шага. Те же румяные щеки и такие же густые аккуратно подстриженные усы полумесяцем. Этот человек походил на фотографию, которую Шагги видел когда-то, — спрятанную под бельем его матери в комоде, правда, у человека перед ним были густые волосы, выкрашенные в превосходный каштановый цвет, но свои, настоящие. Раскал так тряс руку мальчика, что ему стало больно.

— Долго ты к нам собирался, мужичок! Ужасная ситуация, да.

Человек улыбнулся. В его глазах горели счастливые искорки.

Кэтрин представила его Донни Осмонду — тому, кто ее целовал.

— Это Дональд. Ты ведь его помнишь, правда? Мы с Дональдом собираемся пожениться.

Мальчик посмотрел на нее.

— А мне пирожное дадут?

Человек подошел к Шагги и пожал ему руку. Его каштановые волосы были расчесаны как бы изнутри, отчего они изогнулись, словно покрытая лаком шляпка шампиньона. Он был розовый, плотный и смотрел по-дружески. И он не только пожал, но и потряс ему руку.

— Я вижу. Да. Да. Сходство есть, — громким

голосом прорычал он.

— Мне жаль, что ты теперь не можешь делать большие корабли, — серьезно сказал Шагги.

— Не переживай, мужичок, — сказал Дональд. — Приедешь к нам в гости в Африку?

Кэтрин сердито посмотрела на Дональда, когда приподняла брата и чуть не засунула в кухоньку через окно подачи. Там дым шел коромыслом — что-то булькало в кастрюлях, во фритюрнице в углу скворчала жареная картошка. Кэтрин представила Шагги матери Дональда, тетушке Пегги. Все в ней было какое-то маленькое и заостренное — от счастливых морщинок в уголках глаз до розовых кончиков ушей. Кэтрин шептала Шагги на ухо, и мальчик повторял за ней:

— Спасибо. Что. Пригласили. Меня. На. Обед. Тетя. Пегги.

— Так где же он? — спросила Кэтрин, опуская брата. — Я врала и врала, и тащила этого мальчонку через весь город ради него. Хотите сказать, что он не появлялся?

Шагги почувствовал легкий щелчок по загривку, плотный плоский удар ногтем, вроде тех, что он получал от Джербила Макавенни, когда отец Барри отворачивался.

— Ой!

— Не стой ко мне спиной, сынок. — Человек в черном костюме заполнил дверной проем, но не в высоту, а в ширину. Шагги осторожно разглядывал его. Те же густые усы и проницательные глаза с фотографии. Человек этот с розовой вылизанной головой, с начесом тонких каштановых прядей на макушке, весь казался каким-то румяным. У него был маленький и изящный нос, не то что кэмпбелловская кость, прямые и темные брови, скрывавшие бегающий взгляд ясных глаз. Шагги смотрел на мужчину, и ему хотелось прикоснуться к своему лицу, пощупать его и убедиться, такие же ли у него румяные пухлые щеки, такие же ли густые волосы на верхней губе.

За мужчиной, скромно сцепив перед собой руки, стояла женщина — ждала, когда ее представят. Шаг покрутил кольцо на мизинце.

— Ну что — так и не хочешь обнять своего старика?

Шагги давно не видел отца — тот перед каждым приездом в Питхед сначала непременно выяснял, спят ли дети. Мальчик стоял, держась за ногу сестры. Вместо брата заговорила Кэтрин.

— Шаг, он такой пугливый. Оно и не удивительно — ты сразу на него так напустился.

— Это фирменная манера Бейнов. Бить их до

того, как они начали бить тебя. — Он присел на корточки, и Шагги услышал громкий звон серебряных монет в его кармане. — Мне нравится твой галстук, просто потрясающий. Ты уже начал разбивать девичьи сердца, пошел по стопам отца?

За его спиной что-то пришло в движение — женщина, которая стояла в ожидании, шагнула вперед.

— Ей-богу, ехать куда-то в день дерби «Старой фирмы» — плохая идея, — сказала она. У женщины был усталый вид, в уголках глаз появились морщинки, когда она натянуто, через силу улыбнулась. Она в росте уступала его отцу, а значит, была пигалицей. Шагги отметил ее коротко подстриженные волосы с сединой у корней. На ней были женские брюки, простой джемпер с треугольным вырезом и большим принглским львом[60] на груди. Она своим внешним видом напоминала школьных поварих, когда те после ланча выходят покурить у мусорных бачков.

Кэтрин вышла вперед и сдержанно произнесла:

— Рада познакомиться, Джоани.

Чего нельзя было сказать по ее лицу. Они

---

[60] Примечания: 60

Pringle of Scotland — модный шотландский бренд одежды, логотипом которого стал лев.

обменялись рукопожатием, потом сошлись в неловком, нервном объятии.

Шагги чуть шею себе не свернул, так он задрал голову, а челюсть, вероятно, отвисла, потому что на лице Кэтрин тут же появилось выражение «немедленно прекрати». Его отец, все еще сидевший на корточках, не сводил глаз с сына и улыбался, будто получал удовольствие от происходящего. Шагги потянул Кэтрин за блузку. Она наклонилась, а он прикрыл ее ухо ладонью, чтобы никто не услышал, и сказал: «Кэт, это плохая Джоани. Ты ее не должна любить. Это та шлюха, которая украла моего папу».

— Поздоровайся со своей новой мамой, — стал подначивать его Шаг, продолжая довольно ухмыляться. — Ну-ка, обними свою новую мамочку.

— Нет. Некоторые из нас знают, с какой стороны ветер дует, — сказал Шагги, покидая безопасное место у ноги предателя. Он не знал, откуда ему известно это выражение, может быть, его выкрикивала мать в телефонную трубку.

— Ну-ну. Тебе будет нужна новая мама, Шагги. Прежняя, которая у тебя была, отправляется на свалку. — Шаг встал с хрустом в колене и помор-

щился. — Вероятнее всего — в «Истерн-отель»[61].

Джоани приветственно помахала мальчику, в руке она держала бумажный пакет для покупок.

— Не слушай, что он говорит, сынок. Иногда, могу поклясться, что сердце у него такое же пустое, как кладовка фения к четвергу. — Она подошла к нему с пакетом. — Слушай, ты можешь называть меня просто Джоани. — Она заглянула в пакет. — Наша Стефани уже переросла такие штуки, но они как новенькие, у меня духу не хватило их выбросить. Хочешь взять?

Он отрицательно покачал головой, но его губы спросили:

— А что там?

Она подошла к нему, поставила пакет между ними, словно хотела накормить опасливого зверька. После этого Шлюха Джоани отступила на два шага.

— Ты сам посмотри.

Его отец вышел из кухни с высоким стаканом молока, с его усов уже капали сливки. Он оперся о стену, наблюдая, как мальчик держится в облюбованном безопасном уголке. Шагги хотел отойти подальше от пакета, пытался сделать вид, будто

---

[61] Примечания: 61

Так называемый «Истерн-отель» в Глазго, на самом деле — приют для бездомных, в этом качестве он просуществовал до 2001 года.

содержимое его ничуть не интересует, но пакет манил его, и он вдруг понял, что шагнул вперед. Он прикоснулся к низу пакета носком — тот оказался довольно тяжелым. Он приоткрыл его пальчиком. На дне лежали восемь ярко-желтых колес. Его глаза стали огромными, как блюдца, когда он вытащил первый роликовый конек.

— До сих пор не понимаю, почему мы не могли отдать ему старый футбольный мяч Эндрю, — сказал Шаг, обращаясь к Джоани.

Ботинки были замшевые, шмелино-желтого цвета, с белыми полосками и белыми шнурками. Шнурки продевались через десяток отверстий, а сами ботинки доходили ему чуть не до коленей. Ах, как они ему понравились.

— Что нужно сказать тете Джоани? — напомнила брату Кэтрин.

Он хотел сделать вид, что ему безразличны эти коньки. Он хотел убрать их назад в пакет и сказать Кэтрин, что им нужно уходить. Он чувствовал себя предателем. Он был ничем не лучше своей сестры.

Из кухонного окна донесся голос тетушки Пегги.

— Шаг. Ты не поверишь, что натворил этот Блудный.

Шаг ухмыльнулся, глядя на племянника, потом так ухмыльнулся Кэтрин, что ей захотелось прижать руки к груди, к животу.

Первым заговорил Дональд-младший.

— Нет, речь не про то, дядя Шаг. Мне предложили работу, хорошую, высокооплачиваемую, на которой у меня в подчинении будет больше четырех десятков человек.

Шаг допил остатки молока.

— А я ждал, что ты подашься в таксисты.

— Пока еще ты можешь его увидеть на стоянке такси на Ренфру-стрит, — сказала Кэтрин, помогая Шагги надеть новые ролики. Она повернула голову, заговорила с Дональдом-младшим через худенькое плечо. — У меня своя карьера. Я не собираюсь срываться с места и мчаться за тобой абы куда.

Шаг понаблюдал, как она пытается загнать его племянника под каблук, и рассмеялся.

— Донни, сынок! Я думал, ты на пути к успеху, но посмотри, как бунтуют католики.

Дональд-младший повернулся к своему дяде.

— Это хорошая работа на палладиевых шахтах.

Где-то там, в Трансваале[62], кажется, это так называется. Они нам сказали, что возьмут почти всех гованских[63] клепальщиков. Они доставят нас туда самолетом, дадут жилье. Даже выплатят нам жалованье за месяц вперед. Йеесс! Ююююжная Аааафрика. Ураааа.

— Ты там будешь начальником кафров![64] — сказал Шаг, оттопырив в искренней гордости нижнюю губу.

— Не произноси это ужасное слово при ребенке, — сказала Кэтрин. Она помогла брату подняться на ноги и развернула его в сторону двери. — Иди, поиграй в коридоре. Не забудь дверь за собой закрыть.

Они проводили его взглядом — Шагги шел, разведя руки в стороны для равновесия, растопырив пальцы, словно птичка — крылышки. Он на каждом шаге отталкивался одной ногой для

---

[62] Примечания: 62

Трансвааль (иное название Южно-Африканской Республики) — независимое государство в Африке, завоеванное Великобританией в 1899–1902 гг. — *Прим. ред.*

[63] Примечания: 63

Гован — район в Глазго на реке Клайд, где располагались судостроительные верфи.

[64] Примечания: 64

Кафр — так белые завоеватели с XVI века называли чернокожих жителей Южной Африки, впоследствии это слово стало употребляться как оскорбительный расистский термин.

последующего изящного скольжения, но ролики почти сразу же зарывались в ворсистый ковер. Он выбрался в коридор, на лице расплылась улыбка до ушей.

Шаг разочарованно втянул воздух.

— Не думаю, что это мой сын.

Шагги опустил руки. Он перестал скользить по ковру. Он вдруг ощутил, какие тяжелые на самом деле эти старые роликовые коньки.

Шаг развернулся к Кэтрин и спросил:

— Что, по-твоему, она скажет, когда узнает, что я с ним встречался?

Кэтрин посмотрела на Шагги, увидела его пылающие щеки.

— Нет-нет. Ей никак нельзя говорить, что он был здесь.

На лице Шага появилась злорадная улыбка. Он заговорил провокаторским тоном, каким в школе говорят хулиганистые ребята, жаждущие увидеть драку.

— Ну-ну. Пусть он сам ей скажет.

Кэтрин резким движением закрыла дверь между ними. Шагги услышал, как его отец разразился смехом. Услышал, как Кэтрин сказала:

— Зачем, черт побери, ты попросил меня привести его, если у тебя свара на уме?

Шагги весь день провел, приминая ворс на коридорном ковре, стараясь из всех сил уничтожить его. Он слышал, как взрослые спорили о чем-то, что, как ему показалось, зовется Джоанны Друг живет на юге Африки[65]. Он услышал, как Кэтрин сказала, что к Рождеству обоснуется там. Он размышлял над тем, как выглядят черные люди и зачем им нужен Дональд-младший, чтобы работать лучше. Еще он не понимал, почему его старшая сестра должна уезжать и оставлять его.

[65] Примечания: 65

На самом деле речь идет про Йоханнесбург, самый большой город ЮАР.

Тринадцать

Черные шлаковые холмы уходили вдаль на мили, как волны окаменевшего моря. Угольная пыль оставила тонкий серый налет на лице Лика. Она заострила его и без того худые черты, подчеркивала мощную носовую кость, чернила тонкие волоски, пробивающиеся над его верхней губой. Его пушистая челка перестала развеваться, теперь она, тяжелая и серая, лежала на его лбу. Он, казалось, был сделан из графита, как один из его черно-белых рисунков.

Подниматься по оползающим склонам черных холмов оказалось делом медленным. С каждым шагом его ноги чуть не по колено погружались в шлак. Тонкие струйки пыли забивались во все отверстия. Пыль струилась по его лоферам, их кисточки поднимали черные облачка, словно хвост грязной коровы. На спуске шлак преследовал его, словно голодная волна. Хотя это его мало беспокоило, и все же, несмотря на его худобу, подошвы разрушали затвердевшую корку, и шлак сыпался вниз. Шлак вел себя так, словно пытался вывернуться наизнанку, скинуть Лика и показать свою еще бóльшую нетронутую черноту внутри. Каж-

дый раз, когда очередной холм сбрасывал его, он чувствовал себя еще более незаметным, более похожим на невидимого призрака, чем обычно.

Пересекать это черное море лучше всего было в безветренную погоду, при высокой влажности. Когда ветер облизывал сухие терриконы, они реагировали на воздух, как начинка «Волшебного экрана»[66], как графитовая пыль от миллиона заточенных карандашей. Если эта пыль попадала ему в рот, он потом несколько дней ощущал ее вкус. А когда над шахтами шел дождь, холмы выглядели усталыми и побитыми. Они застывали, словно сдались и умерли.

Лик забрался на вершину самой высокой груды и сел там. Он закурил бычок и оглядел мертвую шахту и умирающий поселок внизу. Словно в диораме, поселок, аккуратный и симметричный, стоял на торфяном болоте, так игрушечные домики стоят на потертом коричневом ковре. Даже отсюда, подумал Лик, все это выглядит жалким и маленьким.

---

[66] Примечания: 66

«*Волшебный экран*» — игрушка, представляющая собой герметичную коробку, закрытую сверху стеклянным экраном. Внутри находится специальный порошок, который счищает тонкий указатель с внутренней поверхности экрана, оставляя за собой темную линию. Рисуют на экране, крутя две ручки в нижних углах. Если экран перевернуть и встряхнуть, рисовать можно заново. — *Прим. ред.*

Он вытащил из куртки блокнот для зарисовок. Его покрытые пылью пальцы оставляли на бумаге пятна, когда он попытался нарисовать горизонт широким грифелем мягкого карандаша. Если этот шахтерский поселок создал профессиональный моделист, то каким же скрягой он, вероятно, был. Почему он не воспользовался миниатюрными оловянными машинками, коровками и овечками, зеленым пушистым кустарником, похожим на игольчатые морские кораллы? Лик рассматривал фигуры в черном, околачивающиеся у мужского клуба, и спрашивал себя, почему этому моделисту не нравились красочные фигурки веселых цветов.

Он разглядывал ландшафт за деревьями, похожими на ершики для чистки труб, и ковром мертвого болота. С такого расстояния игрушечным казался и поезд Глазго — Эдинбург, бегущий по пустоши, которая отделяла шахтеров от остального мира. Этот поезд создавал некую невидимую границу и никогда-никогда не останавливался. Много лет назад Городской совет в целях грандиозной экономии на жалованьи начальника станции отказался от единственной в этих краях остановки. Местные могли рассчитывать только на автобус, который приходил сюда

три раза в день, а добраться на нем куда-нибудь можно было не меньше чем за час.

Теперь по вечерам старшие из шахтерских сыновей стояли у железнодорожных путей с пивом и пакетиками клея и с горечью и злостью смотрели на счастливые лица за окнами вагонов, с ревом проносящихся мимо каждые полчаса. Они тискали состоявших с ними в родстве девчонок, одетых в мешковатые аранские свитера[67], и перебегали железнодорожные пути перед несущимся поездом, их мягкие волосы трепал ветер от промчавшихся мимо вагонов, колеса которых лишь по чистой случайности не перемололи их тела. Они кидали в окна бутылки с мочой, а когда машинист недовольно гудел, им казалось, что мир заметил их, что они живы.

После закрытия шахты они стали раскладывать на путях толстенные ветки. Парни, чтобы отломить их от умирающих деревьев, подпрыгивали, повисали на них и раскачивались. Когда выяснилось, что колеса состава легко перерезают ветки, мальчишки стали подкладывать камни и красные строительные кирпичи. Мальчишка чуть старше Шагги потерял глаз — в него попал

[67] Примечания: 67

Аранский свитер — однотонный вязаный свитер, украшенный косами, переплетениями, жгутами и шишечками. — *Прим. ред.*

вылетевший с искрами из-под колеса камень. И тогда вместо этого они, вооруженные газовыми баллончиками для зажигалок — прежде они этим газом нанюхивались до бесчувствия, — начали поджигать тростник. Лик видел, как эти ребята подожгли коричневые пустоши по обе стороны путей. Но глазговские поезда все равно проходили мимо без остановки.

Лик израсходовал свой изжеванный карандаш, рисуя этот безрадостный пейзаж. Сидя там в одиночестве, он не отдавал себе в этом отчета, но, пока он рисовал, его сутулые плечи распрямлялись.

Ему становилось все труднее вставать по утрам, впускать в себя новый день, возвращаться в свое тело, отказываясь от свободного полета за закрытыми веками, где он был свободен. На учебу он приходил все позднее и позднее. Лик видел, что его бригадир начинает опускать руки. Они проплывали мимо друг друга с равным отсутствием интереса.

Поначалу бригадир, жилистый прагматичный человек, произносил заученные речи. По мере того как учеба продолжалась и Лик все чаще смотрел сквозь него, речи бригадира наполнялись желчью. Лик кивал, как метроном, пока

бригадир, брызгая слюной, читал ему лекцию о том, как новое поколение разрушает страну. Разгневанный мужчина протянул руку и грубой ладонью отбросил челку Лика со лба. Глаза молодого человека были пусты, как у римских статуй. За свои тридцать лет в строительстве бригадир видел все это много раз: ленивые и ничем не интересующиеся или горластые и хитрые поколения парней, которых чуть не силой поселяли в спланированных властями поселках. Со временем они ломались и занимали предназначенное им место, вырастали мужчинами, которые вовлекали в свои беды еще и девчонок и нуждались в регулярном жалованье. Но за все эти годы он ни разу не встречал душу, подобную этому парню.

Рассерженный бригадир вытащил огрызок карандаша у себя из-за уха и, сжав челюсти, всадил его в пустоту в полудюйме от лица Лика. Лик даже не моргнул, его к таким штукам давно приучила Агнес. Он ушел в себя, оставив тело, гипсовую пыль, термос с холодным чаем и сердитого бригадира.

Бригадир мог бы и отпустить его, но Лик учился по программе профессиональной подготовки молодежи, и пока Тэтчер ссужала деньги на его жалованье, бригадир не возражал — пусть оста-

ется. Им всегда требовался кто-то, кто готовил бы чай. Ученики постарше Лика взяли себе в привычку отправлять его в магазин за тартановой краской[68]. Они заставляли его проверять ящики с полудюймовыми гвоздями и сортировать их по восходящему размеру. Лик только пожимал плечами под их смех и продолжал жить по-своему, радуясь тому, что теряет свое тело, выполняя их монотонные бесполезные задания, пока его разум свободно витает над миром.

Теперь он молча перевернул страницы блокнота и вытащил два конверта, лежавших в конце. Первый был тоненький красочный конверт авиапочты, аккуратная небесно-голубая бумага, складывавшаяся гармошкой, это письмо, обклеенное марками с антилопами, прислала Кэтрин из Трансвааля. Он покрутил его в руке и не стал перечитывать: оно приносило ему слишком сильную душевную боль. Ее восторги по поводу мебели для патио, сосисок из вяленого мяса вызвали у него ощущение собственной ненужности, вещи, которую можно легко бросить.

---

[68] Примечания: 68

Речь идет о бессмысленных поручениях, которые дают новичку. В строительной сфере это может быть «отвертка для левой руки», «стеклянный молоток». В данном случае — «клетчатая» краска. — *Прим. ред.*

И все же Лик думал, что эта новая грусть лучше, чем злость, которую он чувствовал поначалу. Грусть была более приятным гостем, по крайней мере, она казалась тихой, надежной, постоянной. Когда Кэтрин только вышла за Дональда-младшего, они все разозлились. Агнес, залив глаза водкой, вытащила матрас Кэтрин на обочину. Ей удалось справиться с этим в одиночку, а мальчикам оставалось только отойти в сторонку и смотреть, как те немногие вещи, что остались от их сестры, заталкиваются в черные мешки.

Лик взял второе письмо. Оно загрязнилось по углам, потому что он не один раз читал и перечитывал его. Конверт был из плотной кремовой бумаги, в пятнах, как спектры дорогих акварельных красок. Кто-то каллиграфическим почерком вывел его имя «мистеру Александру Бейну» черными чернилами. И при этом не поленился провести по линейке черту, на которой расположить надпись. Лик открыл конверт и развернул напечатанное на машинке письмо. Бумага поражала своим высоким качеством. Его грязные пальцы нащупали знакомый гребешок в верхней части листа. Он мог бы прочесть это письмо с закрытыми глазами.

Уважаемый мистер Бейн,

Рад сообщить Вам, что, внимательно изучив Ваше заявление и Ваш портфолио, мы готовы зачислить Вас без приемных экзаменов на бакалаврский (с углубленным обучением) курс по специальности «изящные искусства»…

Лик сложил письмо и аккуратно убрал его в конверт. Он знал, что за этим письмом последует новое с дополнительной информацией, и что ему нужно будет связаться с секретарем курса изящных искусств, чтобы подтвердить свое согласие принять столь желанное для него место. Еще в письме говорилось, что занятия начинаются в сентябре. Вот только в сентябре двухгодичной давности. Он вспомнил то время, когда получил это письмо. На его глазах ушел от матери Шаг. На его глазах Кэтрин пристально следила за дверью и их чудны́м младшим братишкой, голодным и испуганным, пока их мать сидела, засунув голову в газовую духовку.

На окаменевшем море было холодно и тихо. Поэтому-то ему так здесь и нравилось. Он грезил наяву и поначалу даже не обратил внимания на этот звук, пока тот не приблизился и не стал настойчивее: отвратительное пукание резино-

вых сапог. На вершине шлаковой горы появился красный и запыхавшийся Шагги. Его обычные кремовые цвета посерели от налета пыли, но вокруг глаз и рта оставались розовые круги. Лик спрятал письмо в блокнот, осторожно засунул все в свою куртку.

— Я просил тебя подождать! — простонал Шагги. Его нижняя губа казалась розовым пузырем в серой грязи.

— Если не можешь поспевать, то и не просись.

Он был уверен: они уже не в первый раз ведут этот разговор, ему казалось, что они ведут его нескончаемо. Лик встал и ринулся прочь. Он был похож на комара-долгоножку, который пытается скользить по поверхности чернильно-черной воды, его голубая нейлоновая куртка сверкала, как надкрылья жука. Он пытался оторваться от младшего брата, спускаясь по крутым склонам длинными прыжками. Он надеялся, что мальчишка остановится и повернет к дому. Но Шагги не отставал.

Лик слышал астматическое дыхание брата у себя за спиной, и это надрывало ему сердце. Лику нужно было сразу сказать ему, что он не берет его с собой, но его братец был отъявленным стукачом. Шагги виртуозно освоил искусство

доноса, но использовал его топорно. Он распространял худшую информацию за самое малое вознаграждение и обычно заходил слишком далеко. Агнес, если ее спровоцировать, могла гоняться за Ликом по дому с тяжелой сандалией «Доктор Шолль»[69]. Плоская резиновая подошва оставляла фиолетовые рубцы посреди красных пощечин, отчего Шагги ухмылялся с совершенно невинным видом.

Лик удивлялся, с чего это мать волнуют его походы на заброшенную шахту. Он был уверен, что дело не в опасности шлака и не в бездонных ямах, наполненных водой. Агнес беспокоила пыль. Ее волновало, что подумают соседи, когда увидят, как он возвращается домой в саже и грязи. Беспокоило, что она больше не сможет делать вид, что она не такая, как они, что она более благородного происхождения и только временно оказалась в их забытом богом уголке нищеты. Гордыня была причиной ее злости, а не страх за сына.

Ударом подошвы Лик поднял шлаковую пыль за собой и услышал тоненький кашель и скулеж. Потом Шагги заворчал, словно сердитый барсук, и Лик рассмеялся и решил заставить брата про-

---

[69] Примечания: 69
Британский бренд обуви и средств по уходу за ногами.

делать то же самое на обратном пути домой.

Лик галопом проскакал по последнему шлаковому холму и стал дожидаться брата внизу. Шлак сползал с террикона, как оползень. Шагги делал большие прыжки, размахивая руками как ветряная мельница. На его втором или третьем прыжке шлак неожиданно затвердел. Ноги его двигались слишком быстро, и он с визгом упал вперед и остальную часть пути проделал на животе. Когда он резко остановился, шлак стал бесшумно скапливаться вокруг него, заглатывая, как прожорливая могила. Лик протянул руку и вытянул мальчика из угля за лямку его рюкзачка. Почерневшее личико моргало, глядя на него в смятении и страхе.

Лик не смог сдержать смеха.

— Что я тебе говорил? Спускаться нужно осторожно, иначе вся эта херня придет в движение.

— Я знаю, но она начала сползать, и я испугался, что она меня засыплет. — Шагги стряхнул пыль со своих черных волос. — Мама бы тебя разорвала, если бы я умер.

Лик поставил брата на ноги.

— Тебе обязательно быть таким вредным? Почему ты не можешь побыть нормальным человеком хотя бы раз?

Мальчик отвернулся от брата.

— Я нормальный.

Лику показалось, что он видит, как краснеет загривок у брата. Его плечи сотряслись, предвещая плач. Лик развернул Шагги, заглянул ему в лицо.

— Не отворачивайся от меня, когда я с тобой говорю. — Он внимательно разглядывал Шагги. Дело было не в слезах. Лик хорошо знал эту краску стыда и досады. — Мальчишки в школе тебя по-прежнему поколачивают?

— Нет. — Он вывернулся из рук Лика. — *Иногда.*

— Постарайся не обращать на это внимания. Они, если видят что-то чуточку непохожее на них, тут же наваливаются кучей-малой.

Шагги посмотрел на брата.

— Я пожаловался на них отцу Барри. Попросил его сделать так, чтобы они перестали. — Шагги расправил складку на брючках. — Но он только заставил меня остаться после звонка. Заставил меня прочесть о гонимых святых.

Лик постарался сдержать ухмылку.

— Вот же бесполезный старый хрен. Все церковники такие: «Прекрати жаловаться, могло быть и хуже». — Он скинул с ноги свой лофер с кисточкой, наклонился и вытряс из него шлаковую

пыль. — Знаешь, когда я учился, поговаривали, что есть один священник, который забавляется с одним тихим парнишкой. Ты можешь такое представить? — Он поднял глаза, посмотрел в лицо Шагги. — Он тебя никогда не трогал, Шагги? Я говорю про отца Барри.

Лицо Шагги затмила туча, такая темная, что Лик перестал стряхивать с себя пыль.

— Нет, — тихо ответил Шагги. А потом слова посыпались из его рта с такой скоростью, что он не успевал их правильно выстраивать. — Но они сказали, что я делал ему всякое. Что всякие грязные дела. Но я никогда. Правда. Я даже не знаю, о чем они говорили.

— Я тебе верю, братишка. Они тебя так подначивают. — Лик крепко обнял брата, прижав его лицо к своим ребрам. — Скажи-ка мне, сколько тебе теперь лет.

Шагги ответил не сразу — он был счастлив, что его задушили в объятиях. Потом он заговорил, тщательно взвешивая слова, будто вызубренный урок у пыльной доски.

— Шестнадцатого июля. Четыре часа двадцать минут пополудни. Ты никак не хотел рожаться, Лик, твои роды были очень трудными.

— Твою ж мать!

Шагги еще глубже зарылся лицом в бок Лика.

— Я просто думаю, мы должны знать такие вещи друг о друге. — Потом он угрюмо добавил: — Восемь. Мне почти восемь с половиной.

— Господи боже! Почему ты не мог просто так и сказать? Как бы то ни было, ты уже достаточно взрослый. Пора тебе слиться с толпой. Ты должен попытаться стать таким, как остальные мелкие придурки.

Шагги повернул голову и судорожно вздохнул.

— Я пытаюсь, Лик. Я все время пытаюсь. Эти мальчишки выпускают из брюк подолы рубашек так, будто у них совсем стыда нет, они только и делают, что пинают этот дурацкий мячик. Я видел, как они засовывают пальцы себе сзади под брюки, а потом нюхают. Это так… Это так… — Он подыскивал подходящее слово. — *Вульгарно*.

Лик пропустил это мимо ушей.

— Если хочешь выжить, ты должен стараться еще упорнее, Шагги.

— Как?

— Для начала никогда больше не произноси слова «вульгарно». Мальчишки не должны говорить на языке старух. — Лик отхаркался, сплюнул мокроту. — И ты должен следить, как ты ходишь. Постарайся ходить не как девчонка. Поэтому-то

они и смеются над тобой. — Лик продемонстрировал, как ходит Шагги. Ступни развернул наружу, вилял бедрами, а руками размахивал так, будто в них нет костей. — Не скрещивай ноги при ходьбе. Постарайся оставлять место для своего петушка. — Лик ухватился за выпуклость на своих брюках и сделал несколько шагов туда-сюда отчасти самодовольной, отчасти ленивой походкой. — Не сгибай так сильно ноги в коленях. Шаги делай более длинные, более прямые.

Лик описал несколько легких, естественных кругов перед братом. Шагги шел следом за ним, подражая его движениям. Он изо всех сил старался поменьше размахивать руками. Как же это было трудно — выглядеть естественно.

Они расхаживали вальяжной походкой, как два ковбоя по плоской вспаханной земле. Над шахтой, над миром возвышалось главное шахтное сооружение. Высоченное, как Кафедральный собор Глазго, заброшенное здание стояло, словно одинокий гигант на луне. Большие разбитые арочные окна располагались слишком высоко, чтобы в них можно было заглянуть, но достаточно высоко, чтобы уловить весь дневной свет для огромного мрачного нутра. Уцелевшие окна почернели от угольной пыли. В дальнем конце

сооружения уходила к небу огромная труба, и в дождливые дни ее верхушка была едва видна — тучи затягивали ее. На земле были разбросаны трубы и штанги, на концах которых виднелись поспешные следы ножовки — мародеры уносили что могли, прежде чем шахту официально демонтируют на лом.

— Я хочу, чтобы ты подождал меня здесь. — Лик нарисовал крест на земле. Он протянул руку над головой брата, ухватился за ручку рюкзака, развернув парнишку так, чтобы тот стоял спиной к нему. Потом он расстегнул молнии, колени у Шагги подогнулись, когда Лик принялся копаться в рюкзаке. — Ты здесь стоишь на страже, понял? Если ты увидишь, что кто-то сюда идет, сразу беги предупредить меня. — Лик вытащил из рюкзака болторезы и ломик.

Мальчик кивнул, почувствовав, насколько легче стал рюкзак.

— А зачем нам вообще это нужно?

— Я тебе уже тысячу раз говорил. Мне нужны деньги. У меня есть планы. Не могу я вечно оставаться учеником.

— А я вхожу в твои планы? — спросил Шагги.

— Не мели языком. — Он показал на здание шахты. — С каждым разом это становится все

труднее, потому что брать уже почти нечего, так что я, может, задержусь. Ты меня слышишь?

Лик, громко хрустнув молнией, закрыл пустой рюкзак и развернул брата назад.

— Смотри в оба.

Сказав это, Лик исчез в темноте шахтного сооружения. Шагги смотрел, как брат пересекает сумеречные полосы дневного света, а потом исчезает в темных углах угольного собора.

Некоторое время Шагги чертил что-то в угольной пыли, лежавшей на земле высоким и мягким слоем. Он нарисовал лошадку, потом нарисовал Агнес. Ему нравилось рисовать кудрявые волосы. Он рисовал их на чем угодно. У кудряшек был такой веселый вид.

Лик дошел до самого конца здания, собираясь содрать медь с дальней стены, где кабели подключались к электрогенератору. Работы на шахте прекратили три года назад, доступы к ней перекрыли. Владельцы стали постепенно разбирать ее и продавать металлы на лом, а шахтеры и их старшие сыновья пытались их опередить. Медь в проводах стоила трудов, и они разбирали монтажные коробки, вырывали кабели и обгладывали их, как мыши. Лик увидел, что резиновую изоляцию уже отодрали от стен,

а та, что лежала на полу, была пуста, как кости, из которых высосан мозг. Он вышел на улицу, прошел вдоль кабеля туда, где провода начинали уходить под землю к основному стволу. В сотне футов от задней стены производственного здания провода обрывались. Последний из мародеров выдернул все, что смог, а остальное оставил торчать, как разорванную артерию. Лик согнулся и острым концом ломика принялся разбивать затвердевшую землю.

Он провел за этим занятием около часа и поднял голову, только когда почувствовал запах разожженных очагов, доносящийся из поселка. Запах горящего угля подсказал ему, что день клонится к вечеру. Им нужно было до захода солнца пересечь черное море — в темноте прогулки по терриконам становились делом небезопасным.

Он рубил и пилил, жалея, что Шагги еще маловат, что он такой мелкий нытик и носильщик из него никакой. Медь сама по себе была тяжелая, но резиновая изоляция вообще весила тонны. Оголять провода прямо здесь, на виду, грозило неприятностями. Тут как-то поймали двух питхедских ребят помоложе — они воровали медь и получили за это такие штрафы, что даже если бы им удалось снять провода со всего поселка, они

бы не расплатились.

Лик несколько раз обмотал себя обрезиненным проводом немалой длины, словно альпинист перед подъемом в горы. Подобрав свой ломик, он пересек тусклые полосы света и нырнул в темное зимнее предвечерье. Он подбадривал себя мыслями о комнате, которую снимет однажды на сэкономленные медные деньги — он уже начал их откладывать — на самом верху Гарнетхилла[70] близ Школы искусств Глазго. Еще и на небольшую подачку для братца-доносчика осталось бы. Он чуть не улыбался, возвращаясь на свет дня, но там, где его должен был ждать Шагги, стояла тишина. Доносчик исчез.

* * *

Шагги мог бы заняться швырянием камней. Веселое занятие. В прошлый раз он целый час потратил, пытаясь докинуть камень до высоких окон. В конечном счете ему это удалось. Разбитое стекло грохнулось на землю с оглушающим звоном. Лик выскочил из темноты и устроил брату

---

[70] Примечания: 70

Гарнетхилл — преимущественно жилой район, на территории которого расположен ряд зданий, внесенных в список памятников архитектуры, в первую очередь Школа искусств Глазго, спроектированная. — *Прим. ред.*

выволочку.

Но сегодня он принялся ходить широкими кругами, часто останавливаясь, чтобы ухватиться за пустоту в паху брюк и расставить ноги по-ковбойски — пошире. Он сосредотачивался изо всех сил, пытаясь представить тело, как у Лика, у которого, казалось, совсем не было никаких изящных или подвижных суставов, как вдруг увидел человека. К тому времени, когда Шагги осознал опасность, этот незнакомец бежал, оставляя за собой шлейф шлаковой пыли. Когда Шагги понял, что и ему нужно бежать, человек успел миновать огромные копры и был уже совсем рядом.

Шагги должен был предупредить Лика. Он должен был наблюдать и немедленно сообщить брату, когда возникнет опасность. Человек быстро приближался, и Шагги посмотрев в глубь здания, где царила темнота, побежал в другую сторону.

Он удирал, а пустой рюкзак болтался у него за спиной. Первый террикон он взял с разбега, атаковав его сбоку, погружаясь в шлак по колено и неприлично попукивая резиновыми сапогами. Добравшись до вершины, он увидел, что человек взбирается по склону холма широкими шагами, как это делал Лик: погружает в угольную пыль

ногу, пока не находит опоры, а потом перемахивает через сыпучий шлак. Шагги повернулся на гребне черной дюны и побежал что было сил. Он ощущал решимость незнакомца, он чуть ли не чувствовал, как руки преследователя хватают его за ноги. Когда он летел вниз по противоположной стороне, шлак с ревом пополз за ним, и он, подняв клубы пыли, свалился в пространство между двумя терриконами. Его преследователь появился наверху. Шагги смотрел, как тот стоит на фоне темнеющего неба, как в такт с тяжелым дыханием поднимаются и опускаются его плечи, как сжимаются от досады кулаки.

Шагги побежал по черной плоской земле, но человек припустил за ним, как пустельга за мышонком.

Шлаковые холмы заканчивались, впереди лежали только кочковатые торфяные поля. Человек мог соскользнуть с террикона и легко поймать его, поэтому мальчик прибавил скорости — он пробежал по сланцевому и заросшему сорняками шлаку, пересек линию, где трава одержала победу над шлаком и начались заброшенные поля. Он спотыкался, прислушиваясь, не раздается ли сзади шорох сорняков. Но больше шагов за собой он не слышал.

Шагги добрался до густых зарослей желтой травы и мешком рухнул на нее. Человек стоял на вершине последнего холма, его плечи вздымались и опускались, и он, сложив ладони рупором, прокричал: «Я тебя достану, помяни мои слова, воровской сучонок!» С этими словами он исчез.

Шагги лежал неподвижно в высокой траве, пока не уверился, что человек ушел. Он пролежал так долго, что промок спереди: торф поспешил отдать ему оставшуюся от последнего дождя влагу, мертвая земля в этой воде не нуждалась. Шлаковое море лежало между ним и поселком, и его преследователь залег между ним и домом. Мультяшный монстр, жестоко расправляющийся с ним, живо возник в воображении Шагги, когда он подумал, что будет, если преследователь доберется до него. Шагги не хотел быть похороненным навсегда в шлаковом море. Ему хотелось вернуться домой. Он почувствовал прилив тепла от земли, когда описался.

Зимнее предвечерье быстро сходило на нет, серое небо раскинулось толстым флисовым одеялом. Шагги начал обходить терриконы, держась края болота, которое их окаймляло. Шел он медленно, его ноги стали синюшными от краски индиго, которую вымывала из его брюк напи-

тавшая их жидкость. Он подошел к широкому кратеру в земле, просевшему участку в форме сковороды в том месте, где темно-серая земля провалилась, как середина плохо пропеченного пирога. Путь по наружной границе терриконов был долгий. Если бы он мог срезать по прямой, то был бы дома через считаные минуты. На дальней стороне кратера просматривалось тусклое свечение поселка, согревающее низкие тучи, как прикроватная лампочка. Шагги как мог помолился за себя и спустился в кратер.

Земля просела приблизительно на десять футов, не больше, но стенки кратера были крутые, и, скользя вниз по шлаку, он не знал, сумеет ли выбраться наверх. Под ногами у Шагги что-то хлюпнуло, когда он приземлился на дно. С безопасной, хотя и крошащейся площадки у стены он вытянул ногу и прощупал поверхность дна. Она была сырой и липкой, но более или менее твердой, словно скользкий кусок мыла. Он поставил на ровную поверхность одну ногу, проверил. Выдержала. Он поднял ногу, посмотрел на отпечаток резинового сапога, который, помедлив недолго, словно по волшебству, исчез прямо на глазах.

Он смело сделал два быстрых шага по ровной

поверхности, остановился и поспешил вернуться к каменистому краю. Он смотрел, как исчезают призрачные следы. Его словно преследовала собственная тень, и здесь он видел доказательство этому. Улыбка загорелась на его холодном лице, и он на мгновение забыл про свои натертые бедра. Он раскинул руки и принялся описывать круги по влажной серой склизкой поверхности, танцуя со своим призрачным партнером. Он начал тихонько напевать себе под нос.

До противоположной стороны кратера даже в резиновых сапогах бегом можно было добраться менее чем за минуту. Подпрыгнув, он двинулся по осклизлой грязи. Шлеп-шлеп… Он делал короткие быстрые шаги по дну кратера, шлеп-шлеп… красные резиновые сапоги шлепали, словно толстая рука ударяла по толстому бедру. Звук его шагов отдавался от стенок кратера и эхом разносился по яме. Первым делом он заметил изменение тональности.

Звук становился медленнее. Ниже. С вязкого шлеп-шлеп звук сменился на влажные причмокивания, словно кто-то стучал обратной стороной ложки по остывшей овсяной каше. Пройдя половину расстояния, он почувствовал усталость. Слякоть стала расползаться и засасывать его

сапоги. Ему приходилось выше поднимать колени, отчего его движение замедлилось, к тому же ноги он поднимал, а сапоги оставались в жиже, тогда он стал растопыривать пальцы на ногах, впивался ими от безысходности в резину, словно когтями.

Неожиданно его охватила паника, и он изменил курс. Когда он обнаружил, что не может вытащить ноги из грязи, от крошащейся площадки его отделяли уже четыре роста Лика. Он вылез из своих резиновых сапог, отпрыгнул от своей маленькой красной обувки. Теперь, босой, он понял, какую совершил глупость; грязь на ощупь была как вода в ванной. Он сделал еще пару-тройку шагов и остановился. Он чувствовал, как грязь заглатывает его ноги, словно прожорливая пасть — эскимо. Эта пасть снова стала пожирать его. Ему не выбраться, подумал Шагги.

Если ему суждено умереть, то он хотел умереть в своих сапогах. Он представил себе ее лицо, когда его найдут без сапог, представил ее сандалии «Доктор Шолль» и следы, которые они оставят на его трупе. Он добрался до красных сапог, засунул в них ноги. Ухватившись за голенище одного, он попытался вытащить его вместе с ногой, но, когда он поднял одну ногу, другая увязла в мокрой

пасти еще сильнее. Сапог засосало до застежки, выше его голени, почти до колена. Его брюки намокли. Он смотрел, как вода заливается внутрь через край сапог, чувствовал ее пальцами ног. Наконец он сдался, выпрямился и, поскольку не знал, что еще ему делать, снова начал петь.

— «Верю я в детей воюющих, хорошо учите их, пусть поют еще. — Шагги смотрел, как угольная грязь наполняет другой сапог, шанс бросить красные сапоги был упущен. — Покажите крысату, что на их пути».

Он стал петь громче, подражая песне, которую услышал по радио.

— «Я не буду больше прятаться, пусть другие мимо катятся, я живу, как сам хаааачу, все мне в жизни паплечу».[71]

Из темноты раздался приглушенный голос.

— Ебана? Как ты? Уитни Хьюстон. Здесь.

Шагги не заметил тени на краю кратера, даже теперь он не мог разглядеть Лика на фоне угольного неба.

— Какого хуя ты тут делаешь?

---

[71] Примечания: 71

Слова из песни «Самая большая любовь» (*Greatest love of all*), ставшей широко известной в исполнении американской актрисы и певицы Уитни Элизабет Хьюстон (1963–2012). Авторы песни Майкл Мэссер и Линда Крид. Шагги поет, безбожно перевирая слова.

Шагги изо всех сил зажмурился.

— АААААА, ТЫ ХЕРОВ УБЛЮДОК С ЯЙЦАМИ, ГОВНО ГОВНЯВОЕ, СКОРЕЕ! ВЫТАЩИ МЕНЯ ОТСЮДА, ЕБАНЫЙ ТЫ ПАЛЬЦЕСУЙ!

В темноте он услышал какую-то возню на земле, хлюпанье тяжелых ног по грязи.

— ДА ШЕВЕЛИСЬ ТЫ УЖЕ. — Он прислушался — ноги боролись с ползучим шлаком. — ВЫТАСКИВАЙ МЕНЯ ОТСЮДА, ПИЗДЮК.

Хлюпающий звук стал ближе, он услышал знакомое дыхание — Лик стал ругаться себе под нос. Он ухватил младшего брата за рюкзак и, крякнув, вытащил его, как тощий садовый сорняк. Шагги почувствовал, что его извлекли из грязи, а потом уронили назад — на ее поверхность. Теперь Лик ухватил Шагги за капюшон куртки, как за поводья, и потащил на твердую почву.

— Ааа, нет. Постой! НЕТ!

Они резко остановились. Лик приблизил свое лицо к лицу брата, вглядываясь в него в темноте, чтобы понять, что еще приключилось.

— Оставь меня. *Оставь меня*!

— Ты рехнулся или что?

Лик подтащил его к краю и сильно ущипнул за ухо. Он, казалось, злится на Шагги и спешит поскорее уйти отсюда.

— Я не могу вернуться домой. — Мальчик театрально взмахнул руками. — Не могу без сапог. Она меня убьет! Она все еще расплачивается за каталог.

— Господи Иисусе!

Шагги почувствовал, что рука отпустила его капюшон, когда брат соскользнул в кратер. Из темноты оттуда донеслось кряхтение и звук раздраженной борьбы с грязью, которая то засасывала, то отрыгивала сапоги. Несколько секунд длилось молчание, потом он услышал шлепанье ботинок брата и снова почувствовал его руку на вороте своей рубашки. Лик потащил Шагги от кратера, и только когда Шагги заскулил, что ему больно наступать босыми ногами на острые камни, Лик отпустил его и позволил надеть сапоги. Шагги медленно обувался, поглядывая на брата, который нервно расхаживал туда-сюда. Глядя на далекий горизонт, он всматривался в шахту с преодоленного ими расстояния. У него, казалось, начался зуд от притока адреналина.

— Быстрее! — Лик встряхнул Шагги за плечо, его длинные пальцы встретились на позвоночнике младшего брата. Шагги, моргая, посмотрел на Лика. Он впервые обратил внимание, что брови брата срослись посредине. Шагги это показалось

странным образом неуместным, и он собрался сказать Лику об этом.

Но голос Лика звучал как-то необычно — невнятно и искаженно. Это пугало Шагги. Лицо Лика было забрызгано кровью, клейкой, как сироп. Под глазом налился синяк, который в сумеречном свете напоминал глубокую впадину, а его нижняя губа распухла и была рассечена. Лик потер челюсть так, будто она причиняла ему сильную боль. Он засунул пальцы в рот и с мучительной гримасой вытащил нижние вставные зубы. Одного зуба недоставало, другой треснул на расколотом пополам керамическом протезе, словно кто-то ударил брата в челюсть.

— Ты как?

— Хуууяк, — простонал Лик. — Я тебе сказал стоять и наблюдать. Ты должен был предупредить о стороже. — Он потер челюсть, и Шагги увидел, что на костяшках его пальцев нет кожи. Его глаза испуганно горели в темноте. — Я его здорово уделал, Шагги. У меня не было выхода. Это ты виноват.

Лик сунул треснувший протез в карман, и теперь Шагги увидел, что у брата в руках нет ни ломика, ни медного провода. Лик тронулся с места и сразу перешел на бег трусцой, он бе-

жал, постоянно оглядываясь, словно за ними кто-то гнался. Сапоги на Шагги сидели плохо, мокрые носки натирали пальцы, сдирали кожу со ступней, но он не осмеливался попросить брата сбавить темп.

Добравшись до поселка, они оба порадовались безопасности тошнотворно оранжевого света уличных фонарей. Когда Лик говорил без своего нижнего протеза, его лицо отчасти сминалось. Голос его звучал тихо, приглушенно, и разобрать слова было непросто, но Шагги ясно прочел страх и разочарование в глазах брата.

Четырнадцать

Лик больше никогда не ходил за медью. Шахтенный сторож попал в больницу: череп его раскололся от удара ломиком Лика, и теперь мысли сторожа рассеивались, как игральные карты из оброненной колоды. Полиция обходила поселок дом за домом в поисках молодого человека, который сделал это. Когда они постучали в их дверь, Агнес заставила полицейских ждать на нижней ступеньке крыльца. Она поигрывала своей вульгарной сережкой, искренне возмущенная, потом фыркнула, словно они оскорбляли ее одним своим присутствием. Она легко выпроводила их, и Лик никогда прежде не был так благодарен матери за ее безупречное поведение.

Агнес ни разу не спросила, его ли рук это дело. Ей это и в голову не пришло. Брайди Доннели стояла у столба забора и курила, пока полиция обходила улицу. Ее, казалось, удивляло только одно: то, что это совершил не кто-то из ее выводка. Брайди сказала, что ничего лучше случившегося с семьей сторожа произойти не могло. Его контракт уже подходил к концу, а теперь ему гарантирована пожизненная инвалидность. Еще

она сказала, что сторож этот все равно был не особо разговорчив.

Всю эту зиму и в течение весенней оттепели зубы Лика доставляли ему мучения. Национальная служба здравоохранения не спешила заменить ему протез, а потому он надевал треснутый, только когда выходил из дома, и старался держать рот на замке, потому что протез норовил выпасть всякий раз, как Лик начинал говорить. По дому он слонялся без протеза, отчего напоминал прикусом мультяшную черепашку. Увидев Шагги, он садился на него и щипал так, что на детской коже появлялись рубцы. Шагги чувствовал, что заслужил наказание, а потому изо всех сил старался не кричать.

Когда НСЗ наконец заменила ему протез, оказалось, что в новом нижние зубы соединяются с верхними под странным углом, а керамическая челюсть сзади давит на десну и оставляет на ней язвочки. Шагги ходил за братом, как апостол, с ломтями белого хлеба. Он отрывал маленький кусочек, скатывал его в комок и давал Лику, а тот подкладывал мякиш под керамику, чтобы хоть чуточку смирить боль, которую доставляли ему новые протезы. Шагги носил хлеб в кармане для Лика до самого лета. Агнес не раз, стирая

его школьные брюки, находила в них забытые куски батона, затвердевшие и покрытые голубой плесенью.

Потом наступили летние каникулы, и дорогу наводнили дети Макавенни и их родня, и родня их родни. Они использовали на всю катушку две недели хорошей погоды, установившейся на западном побережье, играли в футбол на дороге, или гоняли на велосипедах, или визжали, посылая в воздух огромные мышиного цвета облака шлаковой пыли.

Шагги держался от них подальше.

Он чувствовал: что-то с ним не так. Словно что-то внутри него неверно соединилось. Казалось, все вокруг видели это, а он единственный не мог сказать, что же оно такое. Просто оно было какое-то другое, а потому просто неправильное.

Он прятался в темных уголках дома, пролезал под основание сеточной ограды, уходил в торфяники вокруг поселка. Он уходил подальше от муниципальных домов. Скупое солнце если и обжигало его, то неизменно через свитер, и тогда его кожу покалывало от жары. Он сворачивал с протоптанной тропы, прокладывал новую дорожку в высоких камышовых зарослях. Он ходил кругами, пока не вытоптал большой, абсолютно

ровный овальный участок. Мертвая трава лежала плотным коричневым ковром. Шагги снимал тяжелые резиновые сапоги и начинал обучаться тому, что показывал ему Лик.

Он становился на краю круга и переходил на другую сторону. В первый раз он прошел быстрой зажатой походкой, делая короткие, резкие шажки и размахивая руками. От досады он вонзил свои чистые ногти в ладони, развернулся и попробовал еще раз. Теперь он делал более медленные, размеренные шаги, оставлял место для своего петушка, выворачивал ступни наружу, твердо ставил пятки на мягкую землю. Потом он снимал свитер, отирал им пот со лба, а потом, выбранив себя, разворачивался и предпринимал еще одну попытку.

Он проделывал эти упражнения весь день, каждый раз убеждая себя идти медленнее, не размахивать так выразительно руками, быть больше похожим на Лика, на настоящего парня. Этим парням все давалось так естественно, они даже не задумывались об этом, не нуждались в оправданиях.

* * *

Агнес с прямой спиной сидела на стуле у окна и смотрела на улицу. Там играли стайки малышей, но Шагги среди них не было. В половине одиннадцатого ее дом был приведен в порядок, и хотя она никуда не собиралась, но успела накраситься и надеть джемпер с низким вырезом и облегающую серую юбку. Она сидела, допивая остатки старого лагера и размышляя о том, где ее мальчишка может прятаться от своего детства.

Она от скуки снимала белые ворсинки от шерстяного носка с подлокотника, потом собрала из них аккуратную горку на квадратике туалетной бумаги, сложила квадратик и сунула себе в карман. У нее становилось погано на душе при мысли о том, что она все еще выплачивает деньги за эту старую мягкую мебель, а ее мальчики относятся к гарнитуру без всякого уважения. Она еще в течение восьми лет будет отдавать по пять фунтов в неделю, чтобы расплатиться, а они усаживались в кресла верх ногами и поперек, в обуви и без.

Сломанная калитка на другой стороне улицы открылась, и Агнес выпрямилась. Ватага Макавенни в обносках выкатила на пыльную дорогу

собранные из разномастных деталей велосипеды. Она не могла не признать: они красивые ребята. Безалаберность матери сделала из них настоящих диких львят. У них были густые гривы и красивые цыганские глаза, как у их отца.

Она как-то пригласила к себе их среднюю девочку. В ее намерения это не входило, но она мыла окна водой, разбавленной уксусом, и никак не могла сосредоточиться. Дети играли на улице, в том самом месте дороги, где собралось много пыли. Она не могла получать удовольствие от мытья окон, видя, что они сидят в грязи. Агнес подозвала одну из них, которую остальные называли Грязная Мышка, и заманила ее на задний двор, дав половинку яблока. Она битый час жесткой щеткой для волос расчесывала патлы девочки, осторожно срезала узлы и колтуны на затылке. Закончив, Агнес с удивлением обнаружила, какие у девочки прямые волосы, какие глянцевые и шелковистые, цвета карамели и рыжей полосатой кошки. Они вместе собрали ее волосы в аккуратный хвостик, потом заплели косички, потом сделали французский узел, потом большие французские косички, вроде тех, что носила в школе Кэтрин. День прошел очень мило.

Коллин с катушек съехала, когда об этом узна-

ла. Она заорала во всю глотку, даже еще из дома не выйдя. Она, словно смерч, пересекла дорогу и замолотила в дверь Агнес, крича: «Что ты о себе возомнила? Ходишь тут при всем параде, будто что-то собой представляешь. Ты бы лучше следила за своим мальчонком-пидорчонком».

Потом начались бешеные плевки. Но Агнес, заторможенная лагером, и глазом не моргнула. Она перевернула жесткую щетку и ободряюще похлопала себя по ноге. «Давай-давай, — подумала она, — и ты увидишь, как хорошо я умею пользоваться и другим концом щетки».

Случались дни (их было немного), когда Агнес думала: жаль, что они не могут жить по-соседски. Между ними двумя было столько общего, хотя Агнес скорее откусила бы себе язык, чем признала это. Агнес узнала от Джинти, что как-то, когда Большой Джеймси потратил остаток своего пособия на ушатанные тачки и пневматические ружья для мальчишек, Колин пришлось отправиться в супермаркет «Файн-Феар»[72] и украсть для них рождественский ужин. Они обе знали крайнюю степень нужды. А потому могли сой-

[72] Примечания: 72

Fine-Fare — сеть бюджетных супермаркетов в Британии, просуществовавшая с начала 1950-х до конца 1980-х гг. В середине 80-х спонсировала Шотландскую футбольную лигу. — *Прим. ред.*

тись. Они, каждая по отдельности, разглядывали жадным взглядом страницы «Фриманса» и лежали по ночам без сна, размышляя о том, как свести концы с концами. Если одному купить это, а другой то, тогда от чего самим придется отказаться? Такая вот материнская арифметика.

Две эти женщины проводили целые дни, прячась каждая за своим канапе от агента из «Провидент»[73]. Это было разновидностью необычного синхронного плавания — женщины Питхеда ложились на ковры и ползали по полу. Этот тип из «Провидент» был худосочным мужиком в большом не по размеру костюме. Он без стеснения заглядывал в окна. Он годами наблюдал, как завитки сигаретного дыма необъяснимо поднимаются из-за канапе в пустых домах.

Коллин опосредованно, через Брайди, даже научила Агнес обдуривать электросчетчик, открывать монетоприемник шпилькой для волос, не повреждая замка. Один раз в месяц в воскресенье, она доставала свои монетки, и ее мальчики съедали по вафельному брикету тающего пломбира перед раскаленным электрообогревателем. Серебряные монетки лежали на ее ладони, как

[73] Примечания: 73

Британская финансовая компания, специализирующаяся на высокорисковых кредитах.

горка бриллиантов, и Агнес засовывала несколько монет назад и получала двойную месячную субсидию на электричество. Записи в журнале инспектора никогда не сводились. Агнес могла себе представить этого инспектора в пабе вместе с мужиком из «Провидента», как они сидят и заламывают руки, обсуждая изобретательность питхедских матерей.

Агнес спрашивала себя, почему Коллин так сильно ее ненавидит, глядя, как та прижимает к груди Грязную Мышку. Агнес завидовала Коллин. Ее большой семье. Они были дружны и всегда под боком. Ее дети были юными, сильными, но все еще нуждались в ней. Но самое главное, у Коллин был муж, и этот единственный муж оставался при ней. А еще у нее был ее Бог, и, по ее собственным словам, Он наделил ее превосходством, дал ей право быть примером нравственности для окружающих, и она стала таковой, она, как посредник, несла в мир заветы Большого Босса. Одно дело, считала Коллин, мошенничество и воровство в магазинах, это неизбежный грех. И совсем другое дело — черные колготки и высокие каблуки, они принадлежали к разряду грехов смертных.

Допив свой лагер, Агнес увидела, как дикие Ма-

кавенни на велосипедах мчатся к Пит-роуд. Она увидела Коллин, которая вышла из калитки со своей хозяйственной сумкой и пошла из поселка в облаках оставленной ими пыли. И вот тут у нее родилась одна мысль.

Муж Коллин, Большой Джеймси, лежал под ржавым кузовом «кортины»[74]. То ли он был уже в грязи, то ли все еще в грязи, этого Агнес не могла понять. Она, стуча каблучками, пересекла узкую дорогу. Он лежал на спине, пятно темного масла разлилось вокруг него, словно лужа патоки. Агнес постучала своим большим перстнем по металлическому кузову.

— Что там еще?

Его дыхание было таким неприветливым, что она почувствовала его жар своими щиколотками. Металлические инструменты упали на бетон, и человек боком, по-крабьи, выбрался из-под своей консервной банки. У него на это ушла чуть ли не вечность.

На ее лице сменилась череда вымученных, натянуто-беззаботных улыбок. Когда он поднялся

---

[74] Примечания: 74

«*Форд Кортина*» — автомобиль среднего класса, производившийся европейским подразделением Ford Motor Company с 1962 по 1982 год, был самой продаваемой маркой на территории Соединенного Королевства в 70-е гг. — *Прим. ред.*

на ноги, оказалось, что он на добрых две головы выше нее. У него была кожа черного ирландца[75], настолько забронзовевшая, что грязь и масло на ней становились почти незаметными. Его шея сбоку была обожжена и сморщена — последствия взрыва на шахте, а линия волос сзади обрела странную асимметрию. Но он все еще был привлекателен. Это вызвало у нее волну ненависти.

— Ваша Коллин дома? — спросила она.

Джеймси настороженно оглядел ее. Его глаза остановились на ее джемпере с глубоким вырезом.

— Пустое это дело — обманывать обманщика, — без обиняков сказал он. — Вы чего хотите?

Агнес опустила глаза. Руки у него были грубые и мозолистые.

— Я хотела попросить вас об одной услуге.

— Ааа, вот как. — Теперь он улыбался, как улыбались мужчины, которых она знала. Его острые зубы были направлены внутрь, как у акулы.

— Я голову сломала, — сказала она. — У меня проблемы с моим мальчиком. С младшим.

Его лицо снова окаменело. Он разглядывал

---

[75] Примечания: 75

Черные ирландцы — некорректный термин, называющий темноволосых ирландцев и ирландцев с несколько более темной кожей, чем у большинства. Об этногенезе этой группы до сих пор идут споры.

ее тело.

— Это да, что-то с ним не так. Вы за ним присматривайте. Слишком уж много о себе воображает. Я видел, он на днях скакал через веревочку. Это нужно пресекать в зародыше.

— Я поэтому и пришла. — Агнес сложила руки перед собой, но он не сводил глаз с ее груди.

— Вы хотите, чтобы мои ребятки его поколотили чуток?

— Нет!

— Такая мальчуковая поколотушка. Закалит его маленько.

— Нет. Это не его вина. Трудно расти без мужчины в доме.

— А что Лик? — Чумазый мужик задумался над собственным вопросом на секунду, но его скривившиеся губы говорили, что он невысокого мнения и о ее старшем. — Так какого хера вам от меня тогда нужно?

— Я просто вижу, какие чудеса вы творите с вашими мальчиками, — вырвалось у нее.

В этом человеке не было жалости. Его суровость, даже по отношению к собственным чадам, была в поселке притчей во языцех.

— Ну и что вы от меня-то хотите?

— Я подумала, может, я дам вам пару фунтов,

а вы его возьмете в следующий раз на рыбалку. Или поучите пинать мяч?

По тому, как напряженно задвигались мышцы его лица, она решила, что он размышляет над ее предложением.

— Агнес, мне не нужны ваши деньги.

Агнес почувствовала себя идиоткой. Ей захотелось вернуться к своему пиву, чтобы залить злость и смущение.

— Да. Конечно. Извините, что побеспокоила вас. Я просто подумала. Забудьте об этом.

Она распрямила спину, готовясь перенести свой стыд на другую сторону дороги.

— Постойте. Я же не говорю, что вы ничего не можете сделать для меня.

Большой Джеймси улыбнулся, обнажил свои похожие на ножи зубы. Он сунул руку в масле под грязную жилетку. Провел ладонью по мясистому животу.

После этого с ней долго оставался запах смазки и моторного масла. Его член оказался значительно темнее его тела, словно он его испачкал или, понадеялась она, словно тот затвердел и обесцветился от чрезмерного использования. Он был темный, как куриные окорочка, и ей показалось странным, что он не стал медовым, как

остальное тело.

Джеймси был еще тверд, когда застегивал ширинку и ставил Агнес на ноги. Все закончилось очень быстро, и он выпроводил ее из дома Коллин, весь из себя заискивающий и опозоренный. Он действовал как жалкий неудачник, как клиент, который сожалеет, что сделал покупку, но не может вернуть ее продавцу. Он ворчливо сказал, что возьмет ее ребенка в это воскресенье, они будут удить рыбу на канале, в котором полно мусора и щук.

Поначалу Шагги отшатнулся и посмотрел на нее так, будто никогда не слышал идеи хуже. Она тем вечером плакала в ванной, стараясь смыть масло с кожи и чувствуя себя идиоткой. Шагги слышал ее — она в слезах сидела в холодной воде. Она теперь по большей части была трезва, и для него это в лучшую сторону отличалось от ее пьяного «бедная я, несчастная». Он решил проявить интерес к рыбной ловле — что угодно, лишь бы она снова была счастлива.

Он стал планировать, как проведет этот день, составил список, что нужно сделать и что нужно проверить. Он спланировал перекус и одежду, решил, какие вещи положит в свой рюкзак, а какую мелочовку рассует по карманам: сэндвичи

с помидорами, игрушечный робот для игры с мальчишками, маленькие пластмассовые очки и рождественский свисток с хлопушкой. Выложив все, что нужно взять, и аккуратно разложив по своим местам, он сел на край кровати, как маленькая терпеливая собачка.

После воскресного завтрака дом напротив начал оживать. Длинноногие мальчишки Макавенни выскочили из двери и принялись грузить пакеты и удочки в кузов отцовского ржавого грузовичка. Френсис принес опарышей в старом ведре из-под штукатурки и закинул его в кузов. Агнес услышала шум и свернула из коридора в спальню Шагги. Она изобразила радостное выражение на лице, посмотрев на потеющего, завернутого в целлофан сына.

— Видишь, я же тебе говорила! — произнесла она, испытывая большее облегчение, чем он.

Шагги не сводил глаз с грузовичка на другой стороне улицы. Он прикоснулся по очереди ко всем карманам водонепроницаемой куртки, как священник во время мессы.

— Я поймаю тебе самую большую в мире рыбу.

— Знаю, что поймаешь, — сказала Агнес, причмокнув.

— М… мне уже идти туда? — спросил он.

Агнес задумалась на секунду. Потом в ней заговорила гордыня.

— Нет, подожди здесь. Мистер Макавенни придет за тобой.

Большой Джеймси вышел на дорогу.

— Мне уже идти? — снова спросил Шагги.

Лик пытался выспаться этим утром. После недели физического труда он с нетерпением ждал продолжительного отдыха. Он слышал их препирательство и испустил приглушенный крик из-под простыней.

— Да иди ты уже, БОГА РАДИ!

— Нет! — Агнес шлепнула нескладную груду под простынями. — Я сказала, мистер Макавенни придет к нам.

Она смотрела, как темнокожий сосед широкими шагами идет по тропинке; толстой ногой он затолкал разбросанные по земле детали машины под стоявшую на кирпичах «кортину». Она чуть не до крови растерла большой палец, пока он переставлял пакеты в кузове, закреплял их шнуром, потом он прошел за машиной и появился на дороге.

Шагги в ожидании нервно ломал руки. Она поправила воротник его куртки.

— Слушай, будь хорошим мальчиком, веди себя

с мистером Макавенни, как полагается. Делай, что он тебе скажет. Постарайся не быть для него обузой, договорились?

Она поцеловала его горячий ротик с капелькой пота, блестевшей на верхней губе.

Бугор на кровати Лика заговорил снова.

— Не утони, мудила. Я этого не переживу.

Послышался звук двигателя старой машины, что удивило их обоих. Они увидели, как это чудище слегка подпрыгнуло и накренилось, когда его сняли с ручного тормоза.

Глянув в боковое зеркало, Большой Джеймси вывел машину на дорогу. Лицо мальчика в панике исказилось. Грузовичок стоял на дороге неправильно — капотом не к выезду, а в расширявшийся, как ложка, тупик, за которым начиналось поросшее тростником болото, и у машин, заезжавших сюда, не оставалось иного выбора — только ехать до широкого места, разворачиваться там и возвращаться.

Агнес прикусила губу.

— Я думаю, он хочет развернуться. — Она попыталась поверить в это. — Но, может быть, давай-ка лучше выйдем и подождем у двери.

Мальчик кивнул, его лицо пылало. Они вышли, встали перед дверью, словно актеры, готовые к

триумфальному выходу на сцену. Взявшись за руки, они спустились по ступенькам и встали на краю дороги. Зеленый грузовичок развернулся вдалеке и теперь, грохоча, возвращался.

Они стояли на обочине, прямые и гордые, как другие люди могли бы стоять на широком перроне. Она держала его за руку, а он свободной рукой держал влажные сэндвичи с помидорами. Агнес помахала своими окольцованными пальцами.

— Ну, вытри лицо и помни, о чем я тебе сказала.

Грузовичок не замедлил хода. Большой Джеймси даже не взглянул на них. Грузовичок, стреляя глушителем, пронесся мимо, оставив после себя облако сажистой пыли. Они долго стояли, глядя ему вслед.

Когда пыль осела, раздался стук — тук-тук из окна напротив. Коллин Макавенни подняла неподатливую раму и выглянула на улицу с подозрительным выражением на лице.

— Вы чего это там стоите, как оба два идиота?

Агнес могла только улыбнуться в ответ, словно автобус, к которому она бежала, но не успела, оказался совсем не тем автобусом, какой ей требовался. Ее вставные зубы сияли белизной

в обрамлении красных напомаженных губ, к которым уже прилипла пыль.

Ее мальчик сидел в угольном контейнере на заднем дворе, выуживая теплые помидоры из сэндвича. Он не плакал, вопреки ее предчувствию. Агнес вскрыла монетоприемник электросчетчика и опустошила его. С серебряными монетками она отправилась в магазин Долана и купила горсть шоколадных батончиков и кусочек рыбного филе. Когда она протянула ему филе, он не зашелся в смехе, как она надеялась. Он отер пыль со своего разгоряченного лица и пожал плечами.

— Я все равно никуда не хотел ехать.

По ее щекам текли слезы разочарования, когда она извинялась перед ним.

— За что ты извиняешься? — спросил он, посмотрев на нее.

— За то, что у тебя отец — хер моржовый.

Лик по настоянию матери пинал с Шагги мячик в саду за домом. Агнес смотрела на них в окно, и ей было ясно, что они оба с удовольствием занялись бы чем угодно другим. Она вытащила несколько банок «Спешиал Брю», спрятанных под раковиной, покатала в руке холодную бронзу, подумала, не вызвать ли ей демонов, обитавших

в ней. Если она напьется, то еще до конца дня учинит драку на улице. Она села на краешек чистого канапе с банкой мужества, откупорила ее — из банки с шипением вырвался дымок.

Коллин перенесла свой мусорный бачок с обочины на участок, остановилась поболтать с домохозяйкой, жившей слева от нее. Она, как девчонка, поигрывала своим распятием. Агнес видела, что эта Коллин довольна собой. Все утро женщины порхали вокруг разобранной «кортины» Джеймси. Агнес видела, что общение доставляет им удовольствие, потому что они быстрым шагом ходили туда-сюда, поджав задницы, как всегда это делали в предвкушении хорошей сплетни. Брайди Донелли ухватила свои рейтузы в паху и оттянула их. У Агнес улучшалось настроение, когда она видела их грязные юбки и колготки чайного цвета, их мешковатые рейтузы и халаты.

Выпивая лагер, Агнес действовала стратегически. Она хотела приурочить свой проход через ржавую калитку к тому времени, когда Большой Джеймси будет дома. Она хотела, чтобы он присутствовал, когда она скажет Коллин, что он делал с ней своими маслеными пальцами. Если пожар крови вспыхнет слишком рано, то она

достигнет высшей точки, ее мозг будет работать плохо, а язык станет заплетаться, когда она будет выплевывать правду.

Агнес почувствовала первую волну опьянения, когда на дороге появилась какая-то незнакомая женщина. Женщина проверяла адрес, записанный на клочке бумаги, считала на ходу одинаковые дома. Дорогие стрижка и укладка сразу выдавали в ней неместную. Она не была родней католиков, потому что держала в руке ярко-красную сумочку, которая точно подходила к ее ярко-красным туфлям.

Румянец на щеках Коллин подсказал Агнес, что та тоже не знает этой женщины. Женщина подошла, сказала что-то Коллин, и та в ответ задумчиво кивнула. Она выкинула окурок, взяла кружку с холодным чаем и, оглянувшись через плечо, впустил незнакомку на свой участок. Вороны-сплетницы разлетелись кто куда.

Агнес села поближе к окну. Она подумала, что женщина, вероятно, из службы социального обеспечения, и пожалела, что сама их не вызвала. Они напустились в последнее время на Питхед, отлавливали получателей пособий по безработице, которые работали пусть и неполное время, и получателей пособий по инвалидно-

сти, которые лазали на крыши и устанавливали телевизионные антенны. Но, судя по тому, что женщина вскоре вышла, заявилась она не за этим. Она покинула дом Коллин, все так же держа под мышкой свою красивую красную сумочку. Агнес смотрела, как та прошла по автомобильным останкам и вежливо закрыла сломанную калитку. Она вытащила из сумочки дорогие с виду солнцезащитные очки и с их помощью убрала волосы с лица. Это доставило Агнес удовольствие, потому что она знала: Коллин от таких вещей впадает в ярость. «Солнцезащитные очки? Да что эта сука, прости господи, о себе думает?» Аккуратная женщина с высоко поднятой головой прошла по улице и исчезла из вида.

Агнес ждала-ждала, но Коллин так и не вышла.

Три девчонки Макавенни, проголодавшись, выплыли на улицу, словно призрачные невесты. Их золотистые волосы запутались и закрывали их лица, как вуаль, а их длинные летние платья, некогда нежно-голубые, повыцвели от времени. Агнес только на миг закрыла глаза, а когда открыла их, ржавая громадина Большого Джеймси уже стояла на обочине с другой стороны улицы. До вечера было еще далеко, но в доме Макавенни вовсю горели голые лампочки, в свете которых из

комнаты в комнату быстро переходили люди. Агнес открыла новую банку и быстро ее выхлебала.

В спальне она сменила юбку на одежду, которая позволяла лягаться, облачилась в ангорский джемпер с блестками — тот самый, непрактичный и ворсистый, который вызывал у Коллин такое раздражение. Она некоторое время разглядывала свои украшения в шкатулке, выбрала самые большие кольца с камнями, по размерам не уступающие папским перстням. Стекляшки были так плохо вставлены в оправу, что рвали колготки и цеплялись за кухонные полотенца. Иногда, если она сильно напивалась вечером, по утрам просыпалась с царапинами на щеке или на внутренней стороне предплечий. Агнес посмотрела на свои пальцы, унизанные кольцами — на это сверкающее оружие, кастеты с отслаивающейся позолотой. Остатки выпитого лагера стыли в ее пустом желудке, и она знала: время пришло.

Агнес нетвердой походкой вышла из дома и прислонилась к поломанной ограде. Набрала в грудь побольше воздуха, почувствовала легкое головокружение, и снова ее одолело сомнение. И в этот момент начались крики.

Дверь дома Макавенни распахнулась, и оттуда

на полном ходу выскочил младший мальчишка и бросился к центру поселка. Из распахнутой двери голос Коллин отчетливо доносился до обитателей приземистых домишек.

— Джеймс Френсис Макавенни! Опять за старое! Да ты не лучше, чем какой-нибудь протестантский кобель.

Агнес замерла посредине пустой дороги. На улице дети перестали играть, беззвучно приоткрылись окна. Она знала, что женщины приглушили звук телевизоров и вздрогнули за своими занавесками.

— Чё? Ну, тогда давай, побей нас. Думаешь, тут тебя сильнее нету, да? Вот приведу сюда моих братьев, и тогда посмотрим, кто здесь сильней, а? И почему я не послушалась маму? Ты грязный оранжистский ебарь.

Раздался мужской голос, произнесший что-то резкое, но неразборчивое, и Коллин завизжала еще громче:

— Я не собираюсь говорить тише. Ты нарушил обеты, а Господь никогда не прощ…

Агнес подумала, что Большой Джеймси, вероятно, ухватил жену за горло, потому что на несколько мгновений на улице воцарилась тишина. Потом голос Коллин зазвучал снова, на сей

раз с меньшей яростью.

— Ты это куда собрался? Джеймс? *К ней*?

Большой Джеймс Макавенни выскочил из дома, футболка у него на шее была разодрана, словно Коллин цеплялась за нее. На нем все еще были болотные сапоги, в руках он держал два черных мешка для мусора, наполненных, кажется, одеждой и постельным бельем. На его лице и шее со следами старой травмы виднелись полосы солнечного ожога и свежие царапины от ногтей. Он уселся в свой грузовичок и завел двигатель.

Агнес, стоявшую посреди дороги, покачивало. Он не мог не заметить ее, пьяную, но гордую, со сжатыми в кулаки окольцованными пальцами. Он, бешено крутя ручку, опустил окно и закричал на нее, как отчаявшийся человек, потерявшийся в большом городе:

— Тебе какого хуя надо, Блядища? — Последнее слово он произнес так, будто оно было ее именем. — Пришла косточки обгладывать? Не поспешила ли? Мясу сначала остыть надо.

После этого машина с ревом покатила прочь. Когда он добрался до тупика и развернулся, из двери с безумным видом выскочила Коллин.

— Джеймс! Джеймси!

Агнес на нетвердых ногах вернулась на обо-

чину. Джеймси намеренно вильнул и едва не задел ее задним колесом. Над дорогой повисло привычное облако сажи.

Агнес, мигая, смотрела на противоположную сторону, но Коллин не хватило душевного спокойствия, чтобы взглянуть на соседку. На ее худом лице застыло выражение ярости и пустоты, живое и мертвое одновременно. Ноги у нее разъехались, она рухнула на асфальт да так и осталась лежать в пыли.

Агнес посмотрела по сторонам, как человек, который хочет украдкой пнуть лежащего или убежать с места аварии. Она не могла сказать, какое желание преобладало.

Слабый ветерок шевелил занавески, но никто не пришел на помощь — ни родня, ни другие женщины Питхеда. В окне вырисовывались силуэты четырех оставшихся детей Макавенни, они выстроились по росту, как маленькие матрешки. У всех были одинаковые красивые и грустные лица. Она когда-нибудь возьмет и искупает их всех в хорошей горячей ванне, чтобы как следует досадить Коллин.

Со стороны водостока неслось «трык-трык», будто трещали скопившиеся на старой щетке выдираемые волосы, неприятный протяжный

звук, словно от пола отрывали старый, липкий линолеум. Агнес подошла поближе к молотящей руками женщине. Полный живот лагера, пыль, мельтешение конечностей затрудняли понимание того, что она увидела. Поначалу она решила, что Коллин рвет на себе в клочья футболку, но, подойдя поближе, она увидела, что в руках у Коллин выдранные волосы. Трык-трык. Она выдирала их целыми клочьями.

Агнес обежала лежащую на земле женщину. Она сама не поняла, как опустилась в грязь на колени и своими окольцованными пальцами попыталась остановить яростные когти молодой женщины. Она всем телом прижалась к Коллин, обхватила ее руками.

— Тихо, тихо, что такое случилось? — сказала она голосом таким сочувственным, что, услышав его, сама удивилась. Ведь не помогать же она сюда пришла.

Коллин обмякла в ее руках, и Агнес осторожно разогнула руки женщины когтями к коленям. Агнес разжала кулаки Коллин, в которых оставались клочья выдранных волос, и начала вытаскивать их из тонких пальцев, словно очищала гребешок. Пустые глаза Коллин долго смотрели в землю, прежде чем она заговорила.

— Не нужно было мне на него напускаться, пока он в тяжелом положении. Я только сказала ему, что больше не могу кормить ни одного лишнего рта. — Руки Коллин дрожали. — После закрытия шахты он мне ноги раздвигал что днем, что ночью, как мальчишка, у которого внутри все горит. А он никогда не заморачивался такими глупостями, как вовремя вытащить своего торчуна.

Агнес уставилась на проплешины в голове Коллин — на разодранной коже уже оседала пыль.

— Пять ребятишек — вполне хватит для любой женщины.

Коллин фыркнула.

— Будь у него сотня баб, он бы их всех обслужил. Но я просто подумала, иди-ка ты в жопу, Макавенни, и, чтобы ему насолить, закрыла лавочку.

Коллин снова начала плакать. Слезы полились ручьями, словно внутри у нее сорвало кран. Они стекали на ее костлявый нос, капали на подбородок. Коллин перевела взгляд на Агнес и посмотрела на нее так, словно видела впервые.

— Наверно, тогда он и начал трахать все, что шевелится.

Агнес была в замешательстве. Она бы любой женщине сказала, что время лечит, хотя и знала, что никуда боль не денется, а так и будет терзать

тебя всю жизнь. Она не стала лить этот бальзам на душу Коллин. Ей пришло в голову, что они теперь на равных, и ей нечего стыдиться того, что у нее поднялось настроение, когда она узнала плохие новости про Коллин. Она прикусила губу, чтобы не ухмыльнуться.

Теперь шахтерские жены появились на улице. Родственники и жены родственников нервно выхаживали вокруг нее, словно Коллин превратилась в зверя, а они не знали, с какой стороны к нему приблизиться.

— Она заявилась ко мне, словно ангел небесный. Со своими солнцезащитными очками. Сказала, что ее зовут Элейн. Спросила, не могла бы она переговорить со мной приватно. Я думала, что она притащила каталог и хочет всучить мне какую-нибудь фигню для детишек на Рождество.

Здесь Коллин испустила стон. Она раскрыла кулак и ухватила себя за подол юбки. Одним рывком она разорвала ткань от подола до самого живота. После этого она снова без сил упала на землю.

— Ради всего святого. — Агнес ухватила разодранную ткань и прикрыла срам. На Коллин не было нижнего белья, пушок ее лобковых волос производил неизгладимое впечатление на фоне

землистой кожи живота. — Мы должны увести тебя в дом. Вставай. ВСТАВАЙ!

Агнес попыталась поднять ее, но от выпитого у нее слишком нарушилась координация. Они вдвоем рухнули в пыль, и Агнес ободрала колени. Она попыталась затащить Коллин в дом, но измученная женщина, от которой остались лишь кожа да кости, расслабила все мышцы и сползла в грязь, как непослушный ребенок. Агнес встала над ней, потея и отплевываясь.

— Ты не можешь лежать здесь так.

Коллин с закрытыми глазами провела рукой по грязной земле, словно погладила роскошные простыни. Теперь она заговорила медленнее и с большей хрипотцой.

— Мне насрать. Пусть Джеймси Макавенни узнает. Что его. Жена умерла. На дороге. Со своей. Старой. Пиздой. Напоказ.

Кто-то из прикатившей на велосипедах малышни нервно рассмеялся. Агнес хорошенько встряхнула Коллин, а когда поняла, что ей самой это понравилось, тряхнула еще разочек.

— Мадам, неужели у вас гордости нет?

Глаза Коллин широко раскрылись, потом закрылись. Дыхание стало легче.

Агнес ущипнула ее.

— Слушай! Что с тобой? Ты что приняла?

Но обмякший мешок с костями не ответил.

Заборы облепили женщины, голосящие, как большие шумные вороны. Новость быстро разлетелась по поселку. Родня Коллин орала благим матом, а сестры Джеймси вскидывали кулаки, защищая его доброе имя. Мать Джеймси, которой на днях стукнуло восемьдесят, плевалась и размахивала потертой шваброй, как косой.

Не зная, что еще делать, Агнес сняла с себя колготки, а потом и трусики из-под юбки. Она сделала это прямо на улице без малейшего стыда, пьяно раскачиваясь. Она принялась надевать свое белье на Коллин. Это напоминало одевание куклы размером с человека, у которой вместо негнущихся и жестких конечностей были обмякшие и отяжелевшие от замедленного кровообращения руки и ноги.

Когда приехала «Скорая», Коллин уже не говорила. Агнес села в пыль рядом с ней. Она смотрела на свое дорогое белое белье, светящееся после стирки с отбеливателем. Ее трусики сидели на тощей женщине, как кружевной подгузник, и Агнес подумала, что они свидетельствуют о большей доброте, чем заслужила Коллин.

Пятнадцать

Он напоминал ей цвет сосисочной шкурки, только у него был не столько цвет, сколько водянистый оттенок, слишком тонким слоем распределенный по всему телу. Выглядел он изможденным. Лиззи пришлось действовать двумя руками, чтобы ухватить одну его, и, положив на нее свою щеку, она ощутила вспухшие синие вены, испещрявшие тыльную сторону ладони. Это были руки человека, двадцать лет грузившего мешки с зерном, руки, которые клали едкий гудрон, которые убивали итальянцев в Северной Африке[76].

Теперь Вулли даже дышал с трудом. Воздух в его легких издавал такой звук, будто проходил над рашпилем, задевал за бороздки и останавливался только для того, чтобы прохрипеть и с таким же шумом направиться обратно. Лиззи отерла его лицо носовым платком, который держала в рукаве. Рот его теперь всегда был открыт, уголки губ

---

[76] Примечания: 76

Северо-Африканская кампания (10 июня 1940 года — 13 мая 1943 года) — военные действия между англо-американскими и итало-немецкими войсками в Северной Африке — на территории Египта и Магриба во время Второй мировой войны. — *Прим. ред.*

спеклись и высохли. Она хотела поцеловать его еще раз, она хотела сохранить воспоминание о том прекрасном человеке, каким он был прежде и оставался до сих пор.

Старики на других кроватях дремали. Она видела, как сестра дала им по капле морфина, и теперь они словно пребывали в беспокойном сне. Лиззи расстегнула пальто и сняла шарф с головы. Она подняла руку Вулли, спустила простыню. Поначалу она хотела лечь рядом с ним, прикоснуться к каменной стене его тела и заплакать. Но, залезая на больничную кровать, она передумала. Она взобралась, а потом, не снимая своего хорошего пальто, оседлала мужа. Никто другой не заметил бы этого, но Лиззи была уверена: она увидела, как вспорхнули его веки, как растянулись в лукавой улыбке уголки его рта. Она принялась тихонько покачиваться туда-сюда. У нее в мыслях не было ничего грязного, какими бы ни казались ее движения со стороны. Ей хотелось одного: прижаться к нему, ощутить его тело, теплое и живое, сквозь его хлопковую пижаму, сквозь липкую синтетику ее нижнего белья. Она хотела только дать ему кроху утешения в его боли. Разве не в этом состоял ее долг?

Лиззи, покачиваясь на Вулли и трясь о его тело,

закурила новую сигарету. Она глубоко затянулась, а потом выпустила дым в лицо мужу. Она могла только догадываться, как он мучается без своих сигарет «Регалс».

— С вами все в порядке, миссис Кэмпбелл? — раздался голос у нее за спиной. Чьи-то руки осторожно, но твердо ухватили ее за локти. — Что поделаешь, дорогая, — сказал голос, помогая ей слезть с кровати. — Что поделаешь, родненькая?

Вулли не шелохнулся, пока медсестра помогала Лиззи слезть с кровати. Пижама на нем помялась в тех местах, где побывала Лиззи, но в остальном ничего не изменилось. Без всяких слов осуждения медсестра потушила окурок, вытащив его из пальцев Лиззи, потом одернула на ней юбку. Лиззи почувствовала, как ее усаживают на прежнее место, почувствовала стакан с холодной водой у своих губ. Сестра утешала ее дружелюбным, спокойным голосом, гладила, словно кошку, и у Лиззи появилось желание поделиться с ней своими тайнами. Лиззи взяла руки сестры в свои и сказала:

— Господи, пожалуйста, не забирай его. *Пожалуйста*. Не забирай еще раз.

Ни лице Агнес было столько косметики, что Шагги казалось, будто ее накладывали несколько

лет слой за слоем, и она забывала ее смывать. Мальчик шел за ней на приличном расстоянии, останавливаясь время от времени, чтобы подбирать вещи, выпадавшие из карманов ее норковой шубки, мех которой давно слежался.

Когда Агнес ввалилась в автоматические двери больницы, к ней подбежала озабоченная медсестра, решив, что Агнес нуждается в срочной помощи. Шагги смотрел, как эта девушка пытается поймать и усадить его мать в потрепанное кресло-каталку. Агнес оттолкнула сестру и направилась в сторону онкологических палат. Шагги услышал, как сестра сказала санитару, что решила, будто Агнес работница панели.

— А вот и нет, — с гордостью сказал Шагги. — Моя мама ни дня в жизни не работала. Она слишком красива для этого.

Слежавшаяся норковая шубка придавала ей видимость превосходства, а ее черные туфли на шпильках выбивали нестройный ритм на мраморном полу длинного коридора. Резиновая набойка на правом каблуке износилась, и, как бы она ни подкрашивала туфлю старым черным маркером, о трудных временах извещал металлический гвоздь, скрежещущий по полу.

Пока она скрежетала по коридору, с белых кро-

ватей на нее смотрели исхудавшие лица. Крупная медсестра с сочувственным выражением на лице вышла из бокса и встала точно перед ней, прижав к груди, словно щит, зеленую папку-планшет. Она была широкой, как невысокая стена.

— Прощу прощения. Чем могу вам помочь? — сказала сестра с усталой улыбкой. — Меня зовут сестра Мичан. — Она показала на официальный бейджик на своей голубой форме.

Агнес она показалась добрее тех сестер, с которыми много лет назад работала Лиззи — громадных глазговских женщин, способных удержать взрослых мужиков в субботний вечер и вытащить осколки разбитых бутылок, застрявшие у них между ребер. От просмотра бесконечной мыльной оперы бессмысленного насилия их лица стали холодными и жесткими, словно гранит. Сестра Мичан явно старалась изо всех сил. Агнес посмотрела свысока на коренастую фигуру, вгляделась в маленький бейджик. Буквы на нем шевелились. Она набрала в грудь воздуха и попыталась говорить трезвым голосом.

— Нет, спасибо. Я знаю куда. Я иду.

Сестра Мичан смотрела на нее все с той же улыбкой.

— Знаете? Уже десятый час. Посетителей сего-

дня больше не впускают.

Тяжело моргнув, Агнес отвела глаза от назойливой тетки. У той кончик носа был в ямочках, как клубника. Агнес задержала на них взгляд и сочувственно цокнула, давая сестре знать, что засекла этот ее дефект. Потом она уверенно положила окольцованные пальцы на толстую руку сестры — каждый палец ударил по руке так, будто проигрывал гамму на рояле.

— Я пришла повидать отца.

Агнес дышала перегаром прямо в лицо медсестры.

— А как зовут вашего отца? — даже не поморщившись, спросила сестра. Каких только подарков не преподносил ей Глазго чуть не каждый день.

— Вулли… Уильям Кэмпбелл.

Сестра хотела было проверить имя в своей зеленой папке, но остановилась.

— Ой, я понимаю. — Ее отрепетированное выражение лица треснуло, и под ним дали о себе знать несколько настоящих эмоций. Она прижала папку к груди, протянула свободную руку и бережно прикоснулась к Агнес, которая вдруг поймала себя на том, что уставилась на пальцы медсестры.

— Ах, милочка, — ласково сказала сестра, отходя от формализма своих обязанностей. — Я вам так сочувствую. Папа ваш в тяжелом состоянии. Он один из наших любимцев, такой крупный красивый чертяка и так старался никому хлопот не доставлять. — Тут сестра Мичан сделала еще шаг к Агнес и заговорщицки добавила: — Вот матушка ваша меня беспокоит. Она, кажись, плохо справляется с тем, что на нее свалилось. Я вечером проверяла, прибрали ли там посуду, но, когда дошла до кровати вашего отца, увидела, что шторочка все еще наполовину задернута. А время-то уже было позднее — ее давно было пора открыть. Ну вот, я отдернула шторку-то и увидела, что она, бедняжка, оседлала его и старается вовсю.

Шагги сказал бы, что сестра — добрая дама. Агнес непременно возразила бы ему. А если бы была трезвой, то, наверное, не рассмеялась бы. Если бы добрая сестра не коснулась ее руки и так сочувственно не заглядывала ей в глаза, Агнес, возможно, не рассмеялась бы. Но она была нетрезва и не в настроении проявлять снисходительность. Поэтому она рассмеялась. Поначалу ее смех звучал, как виноватое хихиканье, но потом она стала сотрясаться от смеха, запрокинула назад голову и зашлась в истерическом, высоко-

мерном хохоте.

— Завидно?

Челюсть сестры Мичан захлопнулась.

— Боже мой! — Нос-клубничка вздрогнул. — Неужели мне нужно вам напоминать, что это общая палата?

Шагги увидел, как сжались кулаки его матери.

— Да бросьте вы. — Агнес приоткрыла рот, в глазах еще сверкали искорки смеха. Она подалась поближе к медсестре.

— После почти сорока семи лет, прожитых вместе, бедная женщина сошла с ума от горя. — Она вытянула руку в норковой шубке и оттолкнула коренастую сестру, словно занавеску отдернула на окне. Она процокала по коридору к дверям в палату. Когда она развернулась, гвоздь оставил позорную царапину на полу. — И *мой* папочка настоящий красавец.

Шагги наблюдал за ней из темного уголка, ждал, когда его мать пройдет через большие распашные двери в палату. Он бесшумно подошел к сестре — она стояла с открытым ртом и смотрела в сторону скрежещущих каблуков. Он не сомневался, что сестра теперь прониклась бóльшим сочувствием к старухе с умирающим мужем, потому что теперь у нее появилась еще и

пьяница-дочь. Шагги дотронулся до ее мясистой руки, и сестра подпрыгнула от неожиданности.

— Простите, — заговорил он, будто робот. — Пожалуйста, простите ее за резкость. На самом деле она хороший человек. — Потом он добавил: — Значит, вот откуда люди отправляются на небеса?

Сестра Мичан от испуга прижала руку к сердцу. Мальчик в приталенном костюмчике стоял очень близко к ней. Он сцепил руки за спиной, словно старик, словно он возглавлял эту больницу. Она захотела прикоснуться к нему в ответ. Убедиться, что он не призрак.

— Ах, сынок. Нельзя так неожиданно подкрадываться к людям.

— Я отдаю себе отчет, где я хожу. Я не подкрадываюсь. — Он поправил свой узкий галстук. — Не могли бы вы ответить на мой вопрос?

Сестра моргнула.

— На небеса? Пожалуй. Иногда.

Шагги пожевал губу.

— Значит, они и в ад могут отсюда отправиться?

Она могла бы ответить ему, что все зависит от смены, что большинство людей, поступивших в палату в день игры «Старой фирмы», вероят-

но, должны отправляться прямиком в ад. Она оглядела его с ног до головы — мальчику было не больше восьми-девяти лет.

— Нет, сынок, это случается не слишком часто, — солгала она.

Он своими любопытными пальцами начал гладить металлическую цепочку от часов, свисавшую из ее кармана.

— А они в небеса уезжают на автобусе?

На ее губах появилась снисходительная улыбка, и она протянула свою стерильную руку, чтобы потрепать его по голове. Он инстинктивно увернулся и проворчал:

— Пожалуйста, не делайте этого! Я только что расчесал их на пробор.

Он с мрачным видом снова приблизился к ней и опять принялся ощупывать звенья цепочки.

Рука сестры Мичан, непривычной к подчиненной роли, неловко повисла в воздухе.

— Ты очень аккуратный маленький мальчик.

— Моя мать говорит, что человеку ничего не стоит гордиться своей внешностью.

Она скользнула глазами по коридору и спросила:

— Так эта женщина — твоя мама?

Шагги кивнул.

— Угу.

Он накрутил цепочку на свои пальцы и украдкой посмотрел на ее доброе лицо.

— Но ничего страшного. Вы не обязаны ей симпатизировать. Иногда она пьет то, что у нее спрятано в шкафчике под раковиной. Тогда ее вообще никто не любит. Ни мой папа, ни моя старшая сестра, ни мой старший брат. Но ничего страшного. Лик вообще никого не любит. Мама говорит, что он социально недоразвитый.

Сестра Мичан закрыла глаза, свои ясные серые глаза, которые чего только не повидали в жизни.

— И часто она выпивает?

Шагги уронил цепочку. Он посмотрел на сестру из-под насупленных бровей.

— Я с этим справляюсь. Я могу ходить в магазин и напоминать ей, что пора ложиться спать. Но вы, сестра-медсестра, так и не ответили на мой вопрос. Мама сказала мне, что дедушка скоро отправится на небеса, и я хотел узнать, он автобусом поедет или мы его на черном такси отвезем?

Рука сестры переместилась от сердца к горлу.

— Ах, сынок, на самом деле все происходит не так. Они не уезжают на автобусе. Их иногда увозят на большой черной машине. — Она принялась теребить петличку на воротнике, словно

это было ожерелье. — Но когда человек уходит на небо, он не берет с собой свое тело.

Шагги задумчиво выпятил нижнюю губу. Его правый глаз закрылся, выражая презрительное недоверие.

— И что — они и сердец своих с собой не берут?

— Не берут.

— И глаз не берут?

— И глаз тоже не берут.

— И пальцы остаются?

— Да, сынок. Они не берут ни ног, ни рук, ни носов. Они ничего не берут, потому что к Богу отправляется не тело, а дух.

Судя по виду Шагги, эти слова его утешили. Сестра увидела, как с его плеч словно камень свалился. Он развернулся на своих отполированных каблуках и последовал за благовонным облаком Агнес по коридору. У двойных дверей он остановился.

— Значит, если твое тело не уходит на небо, то не имеет значения, если другой мальчик делал с ним что-то нехорошее в мусорном сарае, верно?

Дверь в общую палату с грохотом распахнулась. Свет там горел приглушенный и навевающий дремоту; мужчины в бежевых пижамах полу-

сидели на своих белых кроватях. У дальней стены палаты стояла кровать Вулли, а вокруг нее оранжевые стулья для посетителей. Каждый из пустых стульев стоял в отдельном пятне отраженного света, и Лиззи сидела в одиночестве, ее серое пальто, серая юбка и коричневые колготки терялись на фоне яркого пластика.

Агнес, выставив в стороны локти, театрально прижимала ладони к лицу, как в детской игре в прятки. На ее спину падал яркий свет из коридора, и она исполняла свою роль, будто на сцене Королевского театра. Она прошла по палате, уронив на ходу сумочку и шубку и оставив их лежать на полу у себя за спиной. Бросая вызов сестре Мичан, она поставила туфельку на перекладину и забралась на кровать. Лиззи опустила глаза на ногу дочери, с упавшим сердцем увидела крашеные ногти, торчавшие из драных черных колготок. Агнес забралась на кровать и улеглась на своего спящего отца, словно его вдова. Потом она принялась обнимать его и стенать, словно его любовница. Вулли не шелохнулся. Лиззи поднялась со стула и молча одернула юбку на дочери, чтобы не было видно ее белое нейлоновое белье.

Дверь в палату приоткрылась, и появился Шагги с вещами Агнес в руках.

— Ты бы и голову потеряла, если бы она не была у тебя прикручена.

Умирающие мужчины снова зашевелились, когда в палате появилось это видение юности. Дама-посетительница в костюме-двойке из овечьей шерсти сложила руки на груди, неодобрительно выставив в его сторону носок замшевого мокасина. Мальчик в костюмчике прошел по палате, молча подбирая попадавшиеся ему на глаза материнские вещи, он волочил брошенную шубку, как мокрое полотенце. Его бабушка улыбалась ему. Точно так же она улыбалась, когда по воскресеньям смотрела телик, не особо обращая внимания на то, что происходит на экране. Вид у нее был ничуть не печальный, подумал Шагги, она казалась умиротворенной, смирившейся. Он сел на один из пустых стульев рядом с ней, взял ее худую руку в свою. Они оба посмотрели на Агнес, которая оступилась, слезая с кровати. В тусклом свете лицо его деда обрело цвет сгущенного молока. Кожа казалась тонкой, как желтая липучка от мух, и была так туго натянута на костлявый кэмпбелловский нос, что Шагги на ум пришла куриная дужка.

Агнес села на другой стул рядом с матерью, взяла ее другую руку.

— Сейчас не время для посетителей, — сказала Лиззи.

Голова Агнес дернулась.

— Ма, мне это тяжело. Я с трудом набралась мужества прийти.

— Ну, судя по твоему виду, сейчас тебе мужества не занимать.

— Я только-только прикончила все свои запасы. Как только все это завершится, я пойду на поправку. Я даже поступлю в АА.

Она лгала, и ее слова отдавали фальшью.

— Я никогда не любила этих ААшников. Туда приходят люди с самого дна. Дай Господь тебе силу воли. Ты должна ею воспользоваться, чтобы спасти себя.

Три поколения долгое время сидели молча, сплетя руки, как звенья одной цепочки. Кольца Агнес с их дешевыми камнями были такими же большими и синими, как костяшки пальцев Лиззи. Агнес вытащила обрывок туалетной бумаги из рукава джемпера, отерла глаза, протянула бумагу Лиззи, которая сделала то же самое и передала бумагу Шагги. Он сложил ее так, чтобы остатки туши и сопли оказались внутри. Агнес сунула руку в свою черную сумочку и вытащила две банки лагера. Она открыла их с пенистым

всхлипом, аккуратно бросила ушки в сумочку.

— Я думаю, что не справлюсь с этим. Неужели они все меня бросят?

Лиззи взяла из руки Шагги белую туалетную бумагу и стыдливо прикрыла полуобнаженную красотку на банке.

— У меня такое ощущение, будто он только-только вернулся с той треклятой войны. Слишком рано ему снова уходить.

Шагги смотрел на женщину в овечьей шерсти, чей рот укоризненно скривился при виде открытых банок лагера. Он повернулся к матери, чтобы сказать ей об этом, но заметил, что Агнес пребывает где-то далеко, не в этой палате с ними. Она ни слова не слышала из того, о чем говорила ее мать. Шагги поправил пуговицы на бабушкином шерстяном пальто, чтобы пластиковые цветочки располагались правильно: листочки внизу, а лепесточки наверху. Он ждал, а женщины между тем все говорили и говорили, не слыша друг друга.

Старик лежал в кровати и едва дышал. Воздух с хрипом выходил из пораженных опухолью легких. Агнес со злости так сжала челюсти, что фарфоровые протезы взвизгнули, как две трущиеся друг о друга тарелки.

— Какую я совершила глупость, уехав с этим ублюдком Шагом. — Она закурила две сигареты, дала одну матери. — Я скажу об этом папе, когда он проснется.

Именно эти слова и заставили Лиззи сосредоточиться. Она сделала глубокую затяжку, аккуратно выдула дым в лицо Вулли.

— Твоему отцу уже никогда не станет лучше.

Агнес похлопала по кровати.

— Это не про моего папочку. Он через пару дней будет как огурчик.

– *Агнес*! Доктора сказали, что он больше не вернется домой.

Агнес отхлебнула пива из банки. Шагги видел, как слезы растворяют старые слои туши и черными ручейками стекают по щекам матери.

— Почему мы должны так вот лежать и покорно принимать все, что с нами происходит в жизни?

Лиззи пожала плечами.

— Какой сейчас может быть прок от твоих стенаний?

После этого они надолго погрузились в молчание. Время наступило такое позднее, что уже перешло в раннее. Женщина в овечьей шерсти наконец ушла, а вскоре после этого сестра Мичан принесла им матовые кружки для лагера, а вы-

зывающие пустые банки убрала. Сестра ничего не сказала, и тогда Агнес поняла, что конец, вероятно, близок. Сестра дала Вулли еще морфина, дала Лиззи кубик льда для его губ, а потом задернула тяжелую штору, отгородив их четверых от остальной палаты. Ноги Шагги онемели от жесткого стула, но он знал, что шума из-за этого лучше не поднимать.

Агнес медленно начала трезветь в тишине. Чтобы унять дрожь, они принялась читать каталог «Фриманс». Она с начала февраля загибала уголки некоторых страниц, чтобы подготовиться к следующему учебному году в августе — Шагги вытягивался и рос как на дрожжах.

— Как ты будешь управляться без него? С деньгами и всем остальным? — поинтересовалась Агнес, наполняя их кружки, на это раз не торопясь.

Лиззи пожала плечами.

— А как *ты* управлялась?

Агнес посмотрела на отца.

— Не хотелось бы рассказывать.

Лиззи позволила мальчику прикорнуть у нее под боком, она прижала его к себе рукой, убедилась, что он спит, и только тогда проговорила:

— Мне нужно сказать тебе кое-что, Агнес. Не хо-

чу, чтобы ты отпускала критические замечания на мой счет. Я не вынесу, если ты меня осудишь.

Агнес подалась к матери.

— Ты о чем? Ты не больна?

Лиззи отрицательно покачала головой.

— Я тебе спуску не давала. Я сама это знаю. — Лиззи помолчала, словно ждала возражений от Агнес, но та не стала возражать. — Большой Шаг меня всегда раздражал, но тебе я спуску не давала сильнее, чем следовало бы.

— Ничего. Ты была права, что не давала.

— Нет, я побывала в твоей шкуре. И, наверное, надеялась, что ты будешь жить лучше.

Лиззи снова проверила, спит ли мальчик, и только тогда начала свою историю. Глаза Шагги были крепко закрыты, но он не спал. Он очень внимательно слушал слова бабушки.

Лиззи набрала полную грудь воздуха и задержала дыхание, насколько смогла, потом выдохнула и заговорила снова.

— Как бы ни было трудно, Агнес, жизнь должна продолжаться, если не ради себя, то хотя бы ради них. Таков материнский долг.

Она возила шваброй с серой веревочной насадкой по лестнице многоэтажки, периодически останавливая свой танец, чтобы голыми руками

отжать насадку. Она гоняла воду со ступеньки на ступеньку, а потом выгнала последнюю маленькую волну с площадки на улицу. Едкий запах хлорки и сосновой смолы щипал ей глаза. Лиззи вытащила тяжелое жестяное ведро на улицу и вылила грязную воду на склон холма. Полуодетая малышня, визжа от удовольствия, заскакала и заплясала на берегах новой речки.

Остальную часть утра она провела, стирая простыни в маленькой детской ванночке Агнес. Она бы никогда в этом не призналась, но ей не хватало старой доброй общей прачечной. Она любила этот ритуал; прачечная была местом, свободным от мужчин, от малышни, местом, где женщины могли поделиться своими проблемами, о которых не поговоришь в церкви. Она платила деньги, получала свою раковину и клала туда свои занавески и рабочую одежду. Грязь смывалась в кипящей воде, а женщины стояли полукругом и кипятились по пустякам, полоща грязные сплетни. Если что-то происходило в Джермистоне, то прачечная непременно об этом знала.

А теперь Лиззи знала, что говорят о ней. Теперь они ждали, когда она заберет белье с пресса для отжима, потом с радостью с ней прощались, а когда дверь за ней закрывалась, они принимались

грызть ее доброе имя, как собака косточку.

Она выдавливала грязь из одежды, а потоки воды хлестали через край жестяной ванночки. Она проклинала эту грязищу, но теперь ей хотя бы не приходилось стирать его вещи. Теперь ей хотя бы не приходилось стирать вещи Вулли Кэмпбелла. Да она все равно и представить себе не могла, как может его комбинезон поместиться в крохотной ванночке. Там бы просто места для воды не осталось.

Раскрасневшаяся Лиззи полоскала белье, когда вдруг заметила, что Агнес крутится у нее под ногами, а ее белые носочки с оборочками впитывают воду из мыльных луж. Лиззи подняла дочку с мокрого пола, опустила на кухонный стул и перевязала бархатный бантик в ее волосах.

— Ты, наверно, опять проголодалась?

Лиззи нахмурилась, когда принялась шарить по кухонным полкам. Еды там не было никакой: горстка картофелин с глазками, кусок жесткого сала и куль муки, откуда она настолько выгребла содержимое, что его могло сдуть ветром. Она поискала за пустой хлебницей, взяла старую коробку мыльной стружки с нижней полки, чуть-чуть наклонила ее — оттуда выкатились припрятанные яйца. Они были коричневые и

крупные, без малейшей крапинки. Она отрезала кусок сала, разбила яйца на черную сковородку, и они роскошно растеклись по донышку и заскворчали в пузырящемся жиру. Она повернулась к Агнес, заговорщицки приложила палец к губам. Пухлощекая девочка посмотрела на мать, приложила пальчик к своему розовому ротику и попросилась к мамочке на ручки.

Лиззи усадила Агнес к себе на колени, и они вместе съели с одной тарелки яичницу из припрятанных яиц. Желток был такой густой и жирный, что Лиззи чувствовала, как он обволакивает ее зубы, и видела, как он склеивает губы ребенка. Счастливая и сытая, она некоторое время покачивала Агнес на колене, слыша, как ребята на улице играют в индейцев, слыша сирену Прованского газового завода[77], призывавшую рабочих возвращаться на места. Лиззи задумалась: а чувствует ли человек, возвращающийся на газовые башни, стыд? Хотя бы капельку стыда. Она помнила, как чувствовал себя Вулли перед тем, как сказал ей, что больше не вынесет.

День выдался ясный. Из открытого окна до

[77] Примечания: 77

Прованский газовый завод известен своими тремя массивными газометрами, которые стали знаковой промышленной достопримечательностью района Ист-Энд в Глазго. — *Прим. ред.*

Лиззи доносилась целая гамма звуков — тихие приглушенные голоса, радостные вопли и визги, когда маленькие индейцы нападали на тупоголовых ковбоев. Потом тональность резко изменилась. Что-то другое привлекло внимание малышни, они теперь охали и улюлюкали, и что-то перемещалось вверх-вниз по улице со скоростью, превышающей пешеходную. Многие голоса повторяли одни и те же слова, передавая их из уст в уста, словно по испорченному телефону. Лиззи юркнула за тюлевую занавеску, стараясь подсмотреть одним глазком. Другие женщины беззастенчиво высовывались из открытых окон. Малышня выкрикивала новости матерям, и женщины поворачивались и делились вестями с темными комнатами у них за спиной.

В дверь неожиданно постучали. Лиззи посмотрела на Агнес, перемазавшую свой ротик густым желтком. Она стерла его, пряча улику. Лиззи знала, что дверь не заперта, она никогда не запиралась. Площадка у них была хорошая — одни паписты. Вероятно, в дверь стучал кто-то совсем чужой. Лиззи остановилась у зеркала в коридоре, попыталась хоть как-то оживить прическу. Она в уме перебрала список долгов, прикинула, каковы их финансовые возможности. Она еще

раз окинула взглядом пустые полки на кухне и, ощущая себя в полной безопасности, открыла входную дверь.

Зеленовато-синий свет, льющийся сквозь окно на лестничной площадке, оседал на нем, как мелкая пыль. Человек ничего не сказал. По его лицу гуляла полуулыбка, когда он скинул мешок с плеча — высокий, тяжелый хлопковый мешок, набитый какими-то вещами так, что мог стоять сам по себе и доходил ей почти до переносицы. Она не знала, почему сказала то, что сказала. Может быть, ничего другого ей не пришло в голову.

— Только чтоб без грязной одежды в мешке.

Он рассмеялся, и впоследствии она была благодарна ему за это: он только посмеялся над ней и не позволил смущению украсть радость этого дня.

— Я могу войти? — Он снял с головы пилотку.

У нее было странное чувство, будто она никак не может вспомнить, кто этот незнакомец. Лицо у него не отличалось от лиц, какие можно увидеть на Ройстон-роуд, и встреть она его на улице, не узнала бы и ответила ему на кивок просто из вежливости. И все же Лиззи отступила в коридор, и незнакомец перешагнул через порог. Он втащил за собой тяжелый холщовый мешок и закрыл дверь. Он складывал и разворачивал

свою пилотку, когда увидел глаза, смотрящие на него из-за стола.

— Это она?

Лиззи смогла только кивнуть. Когда он видел ее в последний раз, она была розовенькая, как свиная рулька, и завернута в расшитое руками бабушки Кэмпбелл одеяло. Конечно, ему присылали фотографии крещения и пасхальные открытки, но это не то, что видеть вживую. Он тогда словно впервые увидел ее собственными глазами. Его взгляд пожирал густые черные волосы, прозрачные зеленые глаза, а самое главное — пухленькие ножки. Вулли опустился на колени, он плакал неспешными слезами облегчения оттого, что видит перед собой счастливого и здорового ребенка. Он открыл горловину своего мешка и очень осторожно вытащил оттуда красивую куклу, завернутую в расписанную вручную ткань, яркие разноцветные чудеса появлялись одно за другим, ленточки, расшитые бисером, из Африки и крохотные бумажные крестики из Италии. Дешевые сладости в полосатых обертках и еще куколки, все — разных цветов и форм. Таких оттенков кожи и разрезов глаз Лиззи в жизни не видела. Агнес брала все, что Вулли выкладывал перед ней, наконец, вещи стали падать из ее

рук. Агнес прильнула к его коленям и принялась перебирать это богатство, а он зарылся носом в корону ее волос, упиваясь ее сладкой мыльной свежестью.

Вулли стоял на коленях, а Лиззи легонько прикасалась к нему, так легонько, что почти и не прикасалась. Его шея стала медово-коричневой — она прежде не встречала такого золотистого оттенка, напоминающего подгоревшую сливочную помадку. Она видела его кожу на спине и чуть ниже воротника, видела, как цвет ее резко меняется с этого солнечного загара на здоровый золотистый тон. Она нежным взглядом рассматривала завиток его волос за ухом; его светло-каштановые волосы не были напомажены и казались такими живыми от пребывания на солнце, такими новыми от кончиков до корней, что она их не узнала, не узнала и его самого. Она недоумевала, куда подевались его прямые черные волосы, которые она знала и любила. Она пропустила его роскошные пряди сквозь свои пальцы, а потом дернула их, дернула сильно.

И тогда Вулли посмотрел на нее. Он закрыл один глаз и улыбнулся своей кривоватой улыбкой. Он был живой. Он вернулся домой.

Газеты ничего не сообщали; она просматривала

их каждый день, иногда два раза, иногда — десять. Возвращаясь из больницы, она отправлялась в коммунальный сортир на заднем дворе, садилась на теплый унитаз и читала газету, которую там иногда оставлял мистер Девлин. В газетах писали о том, что одержали великую победу в Северной Африке, но еще они сообщали о многих сыновьях из Глазго, Инвернесса и Эдинбурга, которые полегли на полях сражений и никогда не вернутся домой. Длинные, длинные списки имен. Даже эти крохотные улочки Джермистона понесли немалые потери. Казалось, каждую неделю семьи возвращались домой из церкви, где они молились о своих погибших сыновьях. Их было столько, что она счет потеряла. Мистер Голди, молодой Дейви Аллан, братья Коттрелл, которым было всего двадцать два и двадцать три и которые оставили сиротами семерых детей на двоих.

Все эти несчастные солдаты один за другим были объявлены мертвыми, а про Вулли не говорилось ни слова. Она сказала своей матери Изобел, что это дает ей надежду, но Изобел прожила долгую и нелегкую жизнь, а потому обняла свою младшую дочь и сказала, чтобы Лиззи оставила надежду, посвятила себя делам насущным: своему новорожденному ребенку, своей подра-

ботке, мыслям о том, как прокормить двоих. «Кто надеется, у того жизнь не клеится», — сказала Изобел.

Ничто из этого теперь не имело значения. Вулли Кэмпбелл вернулся, и Лиззи двигалась по комнате, еще даже не понимая, зачем она двигается. Со двора доносились счастливые голоса, она слышала, что они напевают его имя, и знала: вскоре они придут за ним. Она схватила Агнес на руки и отнесла в шкаф для сушки белья. Она приподняла часть полотенец в стопке и вытащила спрятанную среди них жестяную коробку из-под печенья, тихонько открыла ее, и воздух насытился сладким ароматом бисквитного кекса. На полке лежал также жирный окорок, и Лиззи оторвала кусок от кости. Она поставила на колени Агнес коробку с кексом, сунула ей в руки по куску жирного мяса.

— Мамочке надо, чтобы ты тут немного посидела. — С этим словами она прикрыла дверь шкафа, оставив дочь внутри.

Они придут за ним.

Лиззи быстро стащила с себя нижнее белье, она не целовала его, она еще не заключала его в свои объятия. Всего этого было бы недостаточно, чтобы заполнить ту пустоту, которую она ощу-

щала внутри. Она согнулась пополам у спинки деревянного кресла, ухватилась для надежности за подлокотники. Она почувствовала его присутствие сзади, поначалу малозаметное, он словно всего лишь шел за ней по улице, но потом он прикоснулся к ней, поцеловал затылок, и она почувствовала, как он грубо вошел в нее. Она видела его загорелые руки, его незнакомые пальцы, обхватившие ее бледные предплечья. Поначалу он двигался медленно, потом — быстрее, а вскоре он прижался к ней, накрыв собой, будто одеялом, словно они были одно существо.

Они придут за ним.

Он пахнул как-то иначе — не так, как она помнила. От его волос исходил резкий запах перезрелого апельсина, а его дыхание, хотя и приятное, пахло патокой сильнее, чем ей хотелось бы. Лиззи повернула назад голову, посмотрела на него — его глаза были открыты и сосредоточенно смотрели на нее, и она точно знала: это он. Этот зеленый и медный цвет, цвет золотистого солнца, пробивающегося сквозь густую буковую крону, оставался прежним.

Когда-то, еще до появления Агнес, Вулли возил ее с пересадкой на трех автобусах в выставочный

центр[78]. Она никогда прежде не была в таком грандиозном здании и потому робела, идя за ним по этим великолепным залам. Ей казалось, что ее туфли стучат слишком громко, скрипят слишком сильно, а подол ее хорошего платья слишком низко торчит из-под пальто. Вулли не обращал внимания. Он своим мощными руками раздвигал перед ней скопления людей. Он вел себя так, будто имел такое же право находиться здесь, как и любой доктор с Байрс-роуд[79]. Он только потом признался ей, что узнал об этом шикарном месте лишь потому, что ремонтировал черепицу на его крыше.

День выдался редкостный. На вершине лестницы из песчаника была выставлена картина — прекрасная картина маслом: буковая рощица на берегу неторопливой реки, усеянном осенними дикими цветами, еще золотистыми и темно-коричневыми. Вулли тогда улыбался ей, и она напрочь забыла о своем церковном платье.

---

[78] Примечания: 78

Кельвин-холл — один из крупнейших выставочных центров в Великобритании, на сегодняшний день многофункциональный центр искусства и спорта. Открылся в качестве выставочного центра в 1927 году. Он также использовался как концертный зал, где размещалась Международная спортивная арена. — *Прим. ред.*

[79] Примечания: 79

Центральная улица в глазговском районе Уэст-Энд.

Крапинки на его радужке были того же цвета, что она видела на картине — тот же цвет увядшей зелени неубранного сена и сочный коричневый цвет марала. Теперь, когда она искала в этих глазах любимого человека, она знала: зелень на картине осталась прежней, хотя рама, в которую поместили картину, немного изменилась.

Раздался тихий звук. Она забыла. Как она могла забыть, когда ночей не спала, думая об этом?

Вулли перестал двигаться. Он выпрямился и уставился в угол, словно увидел что-то приближающееся издалека, что-то такое, что ему не понравилось. Лиззи почувствовала, что он вышел из нее. Он оправил свои форменные брюки и теперь шел к дальнему углу. Он шел на цыпочках, широко раскрыв ладони, словно то, что пряталось там, могло испугаться и попытаться проскочить мимо него. Младенец снова закричал. Он заскулил, когда Вулли задернул занавеску, закрывавшую люльку.

Она никогда не забудет этого выражения на его лице. Он смотрел на нее поверх широкого плеча, когда входная дверь наконец подалась. Никому и в голову не пришло стучать. Раздались шаги и приветственные выкрики, когда профсоюзные активисты с женами вошли в дом, неся тарелки

с сэндвичами и четвертинки «Маккинли»[80]. Ей едва хватило времени, чтобы отпустить подлокотники кресла и выпрямиться, прежде чем были вскрыты первые банки сладкого стаута. Он изображал радость, обнимая друзей, но при этом не сводил своих зеленых и янтарных глаз с ее лица. А она только и могла, что одними губами кричать ему через головы незваных гостей: «Прости меня».

Позднее, еще до ухода последних поздравителей, они задернули плотную штору и забрались в кровать, установленную в нишу. Он сказал, что устал, но Лиззи чувствовала пьяный жар, исходящий от него, лежащего рядом с ней. Она не знала, горит ли таким же образом от стыда и ее кожа. Они не разговаривали. Они лежали, не прикасаясь друг к другу, и ей казалось, что он теперь дальше от нее, чем когда воевал в Египте.

Когда она проснулась утром, на нем уже был его хороший шерстяной костюм. Брюки ему теперь стали широковаты и выглядели немного старомодно, и она видела, что пиджак висит на нем свободнее, чем прежде. Он нашел ее тайные

---

[80] Примечания: 80

Марка шотландского виски, известна тем, что была выбрана Эрнестом Шеклтоном для сопровождения его экспедиции 1907 года на Южный полюс. — *Прим. ред.*

консервы со свининой, припрятанный окорок и остатки кекса, который дал ей бакалейщик. Он пытался накормить дочку поджаренной свининой, и каждый раз, когда она отказывалась, он смеялся и давал ей откусить немного кекса.

Ей не хотелось видеть его с этой грязной едой. Она могла себе представить мистера Килфизера, кривоногого бакалейщика, но не могла точно вспомнить, как все началось, потому что это тщательно скрывалось. Может быть, началось все с нескольких лишних яиц? Чуть больше, чем полагалось по продовольственной книжке? Или это была лишняя хлебная горбушка? Как она может рассказать об этом Вулли?

Ребенок, еще один мальчик Килфизера, тихонько гулил сам с собой в уголке. Вулли сидел спиной к младенцу, словно его там и не было.

Когда она вышла из-за шторы, Вулли поднялся, не глядя на нее. Он застегнул на себе пиджак, поцеловал на прощание Агнес, потом вытащил из старой коляски стопку выглаженных пеленок. Лиззи смотрела, как он достает из люльки младенца. Розовая ручка мальчика потянулась к Вулли, будто ребенок знал тот глубокий колодец доброты, из которого выпрыгнул Вулли Кэмпбелл, и доверял ему. Лиззи смотрела, как Вулли

положил младенца в дорогую коляску, нежно подоткнул ему под подбородок вязаное одеяло, потом повернулся к двери.

Что-то заставило ее сделать шаг вперед. Она взялась за ручку коляски.

— Ты куда?

— Ухожу.

— Ты вернешься?

— Конечно. — Ее вопрос словно удивил его.

Она чувствовала, что если заплачет, то не сможет остановиться. Лиззи отпустила ручку коляски.

— Прости меня, — прошептала она. — Я получала немного мяса. Мы хорошо питались. Я не знала. Я. Я не знала, вернешься ли ты когда-нибудь.

— Я знаю, — только и сказал он.

Она заговорила умоляющим голосом.

— Когда я поняла, я аспирин горстями глотала. Но было… Было уже поздно.

— Мне это не обязательно знать, Лиззи.

Он взял ее лицо в ладони и поцеловал. Это был его первый поцелуй, после того как он поцеловал ее на площади Святого Еноха в день отъезда. Она ни разу не позволила мистеру Килфизеру поцеловать ее, она чувствовала, что должна сказать мужу об этом.

— Извини, что меня так долго не было, — сказал он и покатил коляску с чужим ребенком на улицу, в это теплое весеннее утро.

Это был самый долгий день в ее жизни.

Вулли вернулся еще до того, как зажглись уличные фонари. Лиззи весь день просидела у окна, и о том, что он возвращается по Сарацин-стрит[81], она узнала по его свисту. Миссис Делвин сказала ей потом, что он напугал ее, потому что сначала она подумала, это какой-то индеец, такой он был темный и золотистый. Потом она сказала, что он, поднимаясь по лестнице, пел и раскачивался на перилах — ну просто как Фред Астер[82].

Он вошел без коляски, без одеяла, без чужого мальчика. Он подхватил на руки свою девочку, и Лиззи почувствовала исходящий от него запах прохладного свежего воздуха, словно от далеких бескрайних полей.

Вулли с аппетитом пообедал, съел две большие миски горохового супа, густо заправленного сливками и соленого от нарезанной баранины.

---

[81] Примечания: 81

Сарацин-стрит — центральная улица района Поссилпарк, который развивался вокруг литейного завода. — *Прим. ред.*

[82] Примечания: 82

Фред Астер (1899–1987) — американский актер, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда.

Лиззи не могла ему сказать, откуда взялась эта еда, чем она заплатила за нее, и когда он ни о чем таком не спросил, ей стало легче на душе.

Тем вечером, прижимаясь к нему за шторой, она погладила густые волосы на его руке и спросила, где мальчик.

Вулли покрепче обнял ее, посмотрел на нее своими глазами в крапинку и сказал только:

— Какой мальчик?

Шестнадцать

Агнес думала о том, что ей рассказала мать, она постоянно думала об этом в дни, предшествовавшие смерти отца. Рак легких в конечном счете забрал его. Он хрипел до самого конца.

Вулли Кэмпбелла похоронили в дождливый мартовский день на пологом склоне в дальней части Ламбхиллского кладбища. В те дни Агнес, когда оставалась трезвой, плакала по отцу. Потом она плакала по себе, завидуя матери, которую Вулли любил так, как Шаг никогда не любил ее саму.

Когда она напивалась, то звонила матери и донимала старуху тем, что та испортила ее воспоминания об отце. Что же это за человек, который уносит из дома ребенка, и тот просто исчезает? Потом, через месяц после смерти отца, умерла и ее мать, и не осталось никого, кому она могла бы выплакаться.

Элизабет Кэтрин Кэмпбелл умерла в тапочках.

Когда Агнес упросила диспетчера прислать за ней такси в Питхед и отвезти в больницу, Лиззи уже полтора часа как была с ангелами. В расстроенных чувствах Агнес вышла из дома и пошла по

середине пустынной Пит-роуд навстречу такси. Увидев свет фар, она бросилась перед машиной прямо в дорожную пыль.

Когда Агнес приехала в больницу, полиция сказала ей, что водитель автобуса совершенно подавлен. «Он хороший человек, — сказали они, — много лет безупречно служил корпорации». Просто он никак не ожидал, что старуха вдруг ни с того ни с сего сойдет с тротуара. Он никак не хотел ее убивать, но теперь, когда он вспоминает случившееся, он думает, что она сама вознамерилась убить себя. Так они сказали.

Агнес знала, что констебли из-под козырьков своих фуражек оглядывают всю ее пьяную суть, словно эта пропащая женщина могла любую мать свести в могилу. Их холодные глаза и теплые слова никак не согласовались друг с другом. «Такое случается довольно часто», — сказали они потом, словно Ливзи сама выбрала этот трусливый способ покончить с жизнью. Ее мать *никогда* бы этого не сделала. Она была хорошей католичкой. Уж Агнес-то знала.

Позднее на этой неделе, когда похоронная контора наконец отпустила Ливзи, Агнес выставила тело для прощания в спальне матери. Лик помог ей поднять двойную кровать и поставить

ее на попа к стене, чтобы освободить место для козел и небольшого гроба. Их матрас тоже стоял, закрепленный ремнями, и она знала: он уже никогда не вернется на кровать. Она достала белую простыню из бельевого шкафа и накрыла ею матрас, словно он был призраком хороших воспоминаний, теперь умерших. Она и месяца не оплакивала отца, как уже стояла в ногах мертвой матери. Ее кости в голос кричали о выпивке.

Агнес сидела в одиночестве рядом с открытым гробом Лиззи. Она убрала волосы под самую темную из своих косынок и надела уже второй раз за месяц черное вязаное платье. В сайтхиллской квартире для нее больше не осталось хороших воспоминаний. Сначала ушел отец, потом мать. На этот раз она не стала класть на ковер в прихожей картон — пусть провожающие покойную изгваздают его.

Лиззи в гробу казалась совсем крохотной. В похоронной конторе наложили густой грим на раны на ее лбу, спрятали ее искалеченные руки под декоративной полосой шелка. Агнес уложила в гроб материнскую Библию и прикрепила к шелку ее медальон святого Иуды. На этом отношения ее матери с церковью заканчивались.

Агнес попросила одеть Лиззи в ее оливковый

воскресный костюм и покрасить ей волосы у корней. В похоронной конторе ее попросили принести какую-нибудь материнскую шляпку, чтобы прикрыть раны на голове, а она показала им фотографию, как уложить локоны Лиззи в тугие розеточки и как они должны обрамлять ее лицо. Гример постарался придать ей умиротворенное выражение, но в восковом лице с трудом угадывалась истинная Лиззи. На ее щеках не было того счастливого оттенка, как не было и легкого розового отблеска на кончике ее маленького носа. Агнес тогда поцеловала ее. Она, плача, просила у матери прощения.

Исчерпав запас слез, она сидела с прямой спиной и слушала жужжание телевизора в соседней квартире. Она сняла последнюю пару своих незаложенных в ломбард сережек и нежно вставила их в мочки материнских ушей.

— Я знаю, они разные. — Она обвила тугую кудряшку вокруг левой серьги. — По крайней мере, папа от души посмеется, увидев тебя.

Ее руки выправили большую оловянную брошь на Лиззи — красивый оттиск, изображающий Деву Марию с Младенцем, — которую Нэн Флан-

нигэн привезла из Лурда[83].

— Бедняжка Нэн. Ей бы получше за тобой приглядывать, — выдохнула она. — Зачем же тебе понадобилось совершать такую глупость?

Агнес плюнула на комок туалетной бумаги и потерла лицо Лиззи там, где проступали скуловые кости. Плотный слой грима каким был, таким и остался.

— Я в этот раз собиралась приготовить сэндвичи из консервированного лосося вместо сырных. Ничего? Мне не понравилось, как затвердели по краям папины сэндвичи, простояв целый день. Я видела, как эти неблагодарные закатывают глаза. Видела я, как эта нахальная Анна О'Ханна выпячивала губы. Я даже слышала, как Долли сказала своему Джону: «Все люди из Донегола, и ни одного кусочка мяса на хлеб».

Агнес вытащила свою яркую губную помаду, провела ею по тонким губам матери. Нанеся немного помады на большой палец, она наложила капельку «румян» на впавшие щеки. Она хотела выровнять изумрудно-зеленую шляпку на Лиззи, но побоялась прикасаться к ее затылку, а потому только аккуратно подправила рыжева-

[83] Примечания: 83

Лурд — город во Франции. Один из наиболее важных в Европе центров паломничества.

тые кудряшки на ее макушке кончиком расчески с длинными зубчиками.

— Ну, вот — немного жизни у тебя на щеках, и ты уже выглядишь получше. — Слова застревали в ее горле.

Агнес оставалась рядом с матерью всю ночь. Влажным апрельским утром они опустили гроб Лиззи на гроб ее мужа. Могила оказалась затоплена, и, прежде чем поставить гроб с телом Лиззи на крышку гроба Вулли, воду откачали.

После похорон Агнес завернула сэндвичи в бумажные полотенца и трижды отправляла Шагги обойти комнату, пока черные сумочки не переполнились и не стали источать ароматы горячего лосося и масла. Даже когда люди отказывались, Агнес снова и снова посылала Шагги с красивыми тарелочками, нагруженными толстыми кусками мяса.

Когда они добрались домой после поминок, было уже темно. Шахтерские жены все еще опирались на просевшие калитки, пользуясь короткой паузой между дождями. Она была трезва — опасалась, что мать наблюдает за ней, но теперь, стоя у Лика над душой, она позволила янтарной сладости «Спешиал Брю» напитать ее сердце.

Агнес стояла рядом, когда он открыл свой альбом. Из конверта в конце альбома он вытащил длинный лист бумаги, развернул его, и она увидела на нем то, что ей показалось бесконечным рядом цифр. Смущаясь, он ловко прикрыл от ее глаз телефонный диск и медленно набрал длинный африканский номер, тот самый номер, который Кэтрин категорически запретила ему сообщать матери. Это вызывало у него чувство глубочайшего одиночества.

Агнес пыталась выудить из него как можно больше информации, но он был скуп на слова. Она напрягала слух, пытаясь услышать голос Кэтрин. Из влажного коридора в Питхеде голос дочери казался пением канареек, парящих в воздухе. Она хотела представить себе Кэтрин среди роскошных ковров из тропических цветов, красивые имена, которых она никогда не выучит по книгам, которых никогда не прочтет. В глубине души она надеялась, что ее дочь счастлива. Она надеялась, что Кэтрин позовет ее, попросит, чтобы Лик передал ей трубку, и она сама сможет сказать дочери, как она нужна здесь, дома.

— Кэтрин, это я. Лик, — сказал он. — Извини. Я с телефона мамы. Да. Она вообще-то сама здесь, стоит рядом. — Он подозрительно оглядел Агнес с

головы до ног. Последовала пауза. Агнес услышала возбужденный крик Кэтрин. — Не волнуйся — я никогда. Как я тебе и обещал. Тебе нравится в Южной Африке? — Пауза. — Нет, он в порядке. Чуть не провалился тут в яму с концами, но в порядке. Все еще немного странный. Ну ты же знаешь — *странно* странный. — Он изогнул запястье и прошепелявил в трубку: — Джеральд Фицпатрик, а Патрик Фицджеральд[84]. Типа того.

С другого конца провода донесся смех. Агнес подтолкнула его.

— Так я вот что, Кэтрин. Дональд там далеко? Нет, я ничего не проверяю, я просто… В общем у меня плохие новости. Дело в том, что бабушка умерла.

Еще одна долгая пауза.

«Она плачет?» — жестом изобразила Агнес.

Лик отмахнулся от нее.

— На прошлой неделе. Ее сбил автобус. Двухэтажка. Быстро все произошло. Да она уже умом была не того. Да. Отлично. Нет. Слушай, я не знал, как тебе сказать, но дедушка тоже умер. Это не шутка. Клянусь тебе. Мы не хотели тебя

---

[84] Примечания: 84

Игра слов, основанная на том, что английское Gerald Fitzpatrick звучит так же, как Gerald fits Patrick, что переводе означает «Джеральд годится Патрику».

расстраивать. Недели три — около того. — Он начал говорить сквозь зубы. — Да, это было мое решение не говорить тебе, вообще-то это все последствия того, что ты остаешься один в этом гребаном говне, тебе нужно принимать все эти сраные решения. — Снова долгая пауза. Агнес показалось, что она слышит плач Кэтрин, или ее извинения, или и то, и другое вместе. — Значит, ты приезжаешь домой? О! Ого. Ого. Хорошо. Ого. Отлично. Что ж, мои поздравления, наверно.

«Она меня не спрашивает?» — проговорила Агнес одними губами, стараясь не выдавать отчаяния.

Лик вздохнул.

— Слушай, Кэт, ты с мамой не хочешь поговорить? Трезвая. По большому счету. Печально. Я думаю. О'кей. Непременно. О'кей. Нет. Я понимаю. Как тебе больше нравится. Спасибо.

С этими словами он повесил трубку.

Агнес, не отдавая себе в этом отчета, протягивала руки, пока Лик не отключился. Он пожал плечами и заговорил, обращаясь главным образом к ковру.

— Она была слишком расстроена, чтобы говорить. — Он потер больную челюсть. — У них на обед южноафриканская колбаса. На палочке с

кусочками фруктов. Гадость, да?

Семнадцать

Ее тело свешивалось с края кровати, и, судя по странному углу, Шагги понимал, что алкоголь крутил ее всю ночь, как Катеринино колесо[85]. Он повернул набок ее голову, чтобы она не захлебнулась подступающей рвотой. Потом поставил ведро из-под швабры рядом с кроватью и осторожно расстегнул молнию на спине ее кремового платья, ослабил застежку на бюстгальтере. Он снял бы с нее и туфли, но она была босая, а ее ноги без обычных черных колготок пугали своей белизной и наготой. На ее бедрах виднелись новые синяки.

Шагги расставил три чайные кружки: одну с водой из-под крана, чтобы смочить ее пересохшее горло, вторую с молоком, чтобы утихомирить ее беспокойный желудок, а третью со смесью выдохшихся остатков «Спешиал Брю» и стаута, которые он собрал по всему дому и вспенил вилкой. Он знал: эту смесь она выпьет в первую очередь, чтобы смирить крик своих костей.

---

[85] Примечания: 85

Одно из названий казни колесованием по имени Святой Екатерины, которую в X веке казнили именно таким способом.

Он склонился над ней — послушал дыхание. От нее несвеже пахло табаком и сном, поэтому он пошел на кухню и наполнил четвертую кружку отбеливателем для ее зубов. Он вырвал страничку из своей домашней работы «Папы Империи» и написал на листочке мягким карандашом: «*ОПАСНО! Зубной отбеливатель. Не пей. Даже случайно*».

Он услышал, как тихонько закрылась входная дверь. Лик снова опоздает на работу. Он всегда неохотно покидал защитный кокон своей кровати; пока он не вылезал из-под одеяла, его день оставался неиспорченным. Шагги посмотрел в щелочку между занавесками, увидел сутулые плечи брата, идущего по дороге. В сторону школы потянулись первые шахтерские дети. Те мальчишки, что крутились рядом с ним и толкали его, когда им становилось скучно, приходили пораньше, чтобы погонять в футбол на забетонированной площадке. Шагги нашел ее синюю шариковую ручку и, как бухгалтер, прошелся по пунктам своих домашних обязанностей, добавив витиеватым росчерком ее имя — *миссис Бейн*. Запись в блокноте смотрелась странно.

Часы с радиоприемником, подмигивая ему, показывали, что времени у него достаточно, что-

бы незамеченным проскользнуть на утреннюю мессу, и потому он развернулся на вращающемся стульчике, сцепил руки и принялся терпеливо ждать. Туалетный столик пребывал в полном порядке, как ей нравилось. Когда белая горячка отпускала ее, она опрокидывала на него свою шкатулочку для украшений и протирала каждую вещицу, независимо от ее стоимости. Иногда она раскладывала все безделушки на туалетном столике, и они играли в ювелирный магазин. Она позволяла ему придумывать новые сочетания для нее, подбирать сережки к подходящим ожерельям. Играть было легче, пока она еще не заложила лучшие свои вещицы.

Он посмотрел на ее отражение в зеркале — ее спина то вздымалась, то опускалась. Шагги открыл трубочку с тушью и втер черные чернила в серые трещины на своих школьных ботинках. Потом он этой же косметической щеточкой провел по своим ресницам. Его красивые ресницы превосходно выделялись на его лице.

Агнес поднялась с кровати, как скелет в парке аттракционов. Он попытался засунуть щеточку назад в трубочку, но она никак туда не вставлялась, а потому он воровато затолкал тушь за зеркало.

Но Агнес не смотрела на него. Состояние опьянения проходило, и это заставило ее встать на ноги, и теперь она неподвижно застыла у кровати, одна ее грудь наполовину вывалилась из чашечки бюстгальтера, который и сам выбился из-под вчерашней одежды. Потом она опустилась на колени рядом с кроватью, словно собиралась помолиться перед сном.

Ее мальчик, вероятно, ушел в школу. Она знала, что раньше он стоял там на страже, как попавший в ловушку призрак, но, когда она открыла глаза, он исчез. Она поднялась и села на край кровати, поставила ведро с водой у себя между колен и попыталась утихомирить бешеный пульс, стучащий в висках. Рвота поднималась по ее пищеводу, и она склонилась над ведром, выгнув спину, как кошка, отрыгивающая комок шерсти. Она попыталась притянуть ниточку воспоминаний к себе и принялась осторожно разглядывать все изображения, которые ее мозг прикрепил к этой ниточке. Она увидела стул, часы, пустой дом. Увидела себя — вот она прошла из кухни в гостиную, потом вернулась в кухню, потом она стояла на коленях и соскребала ногтями пыль с плинтуса. Она снова увидела часы, потом включился свет в окнах поселка, занавески отдернули,

и мальчик вернулся из школы.

В остальном ее мысли перескакивали с одного на другое, как стираное белье, трепыхающееся на веревке. Был телефон и такси, было бинго и сидение в одиночестве. Она пила и пила, она не выигрывала и опять пила, и опять не выигрывала, и женщина рядом с ней спросила, не заболела ли она, а Агнес спросила, есть ли у нее маленькие дети, и женщина ответила, что нет у нее маленьких детей, и отвернулась. Потом такси — но не Шаг — повезло ее домой, но остановилось у неосвещенного въезда на шахту. Она едва разглядела лицо водителя, а потом она закричала и стала задыхаться в парах его лосьона после бритья, а потом осталась только паника.

Рвота открылась, хлеща бешеным потоком. Лицо Агнес побагровело. Брызги покрыли ее руку, часть кровати и черную кожаную сумочку на полу. Держась липкой рукой за край кровати, она легла на подушку, дыхание с хрипом и бульканьем вырывалось у нее из груди, словно она тонула. Боязливо и мягко скользнула она по простыням сухой рукой к паху, легонько надавила, ощутила в этом месте какую-то новую боль. Потом ее снова вырвало.

Ей понадобилось какое-то время, чтобы на-

браться достаточно сил и сесть. Ей ужасно хотелось принять обжигающую ванну, но полупустой счетчик означал, что вода будет всего лишь чуть теплой. Погрузившись в неглубокую воду, она увидела синяки на внутренней стороне бедер и черные размером с оладью рубцы, глядя на которые можно было подумать, что плоть под ее желтоватой кожей умирает. Вода вскоре совсем остыла. Агнес пробирала дрожь, пока она вытиралась и надевала чистый джемпер. Ей еще хватило сил побрызгать волосы лаком и наложить немного синих теней на веки, после чего она рухнула в кресло и замерла, как восковая статуя королевской особы.

Она не шелохнулась, и когда раздался легкий, бодрый стук в дверь и звук длинных ногтей, выцарапывающих отчаянное приветствие. «Аг-нисс! Аг-нисс. Это всего лишь я». Джинти Макклинчи уже стояла рядом с ней, задавая свой вопрос:

— Можно к тебе? — Она посмотрела на неподвижную женщину, втянула воздух сквозь зубы и пискляво рассмеялась. — Ах, детка, у тебя вид, как после хорошей пьянки. Я это проходила. Можешь мне поверить.

Из всей ее родни в Питхеде от нее единственной пахло жирным ночным кремом и духами от

Элизабет Арден. Она завязывала узлом платок на голове в солнечные дни и любила обувать свои крошечные ножки в удобные туфли без каблуков. А еще Джинти носила медальон с изображением Святого Христофора, а если изрекала какое-то суждение о тебе, непременно клялась на Библии. Если Агнес, выпив, погружалась в уныние и печаль, то Джинти становилась резкой и язвительной. Она любила сидеть и решать мировые проблемы, говорить людям, в чем те ошибаются. После двух банок лагера ее маленькие глаза сужались до размеров глаз въедливого судьи на состязаниях по приготовлению варенья. Она была мегерой, и ходили слухи, что в поселке нет такого дома, из которого ее не выгоняли.

Джинти сочувственно покачивала головой, глядя на Агнес.

— Может, тебе приготовить маленький тост?

Она стала снимать с головы свой платок в цветочек.

Агнес молча кивнула, края ее губ не могли долго выдерживать вежливую улыбку. Джинти удалилась на кухню, и, хотя хлеб лежал рядом с тостером, Агнес услышала, как Джинти в поисках выпивки засовывала нос во все шкафчики. Когда ей не хватало роста заглянуть на верхние полки,

она подпрыгивала, подпрыгивала, подпрыгивала, как легкомысленная собачонка, ее плоские сандалии шлепали по жесткому линолеуму.

Спустя какое-то время Джинти вернулась с единственным подгоревшим тостом.

— Плохая была ночка, детка? — спросила она высоким детским голосом, шаря глазами по комнате.

— Да.

— Ну ладно, детка. Я к тебе ненадолго. Ненадолго. Заглянула на чашечку чая. Дел невпроворот.

Она сняла пальто и уселась в ожидании.

Агнес попыталась поставить тарелку на край кресла, но руки у нее тряслись, и тост упал на пол.

— Ай, ай, ай. Ты посмотри на себя. До чего же ты себя довела.

Агнес поднесла руки к лицу. Голова у нее болела, руки ныли, а тело словно все было в синяках.

— Ну-ну. Ну-ну. Не могу видеть, как ты страдаешь. — Джинти скосила на нее глаза и шмыгнула носом. — У тебя, наверно, ничего не осталось, да?

Агнес знала: Джинти уже известен ответ — она обыскала все полки на кухне.

— Я думаю, последняя банка в шкафчике под раковиной еще осталась. В пакете. За хлоркой.

Голова у нее кружилась.

Джинти шмыгнула носом.

— По чуть-чуть, да? Ну ты понимаешь. Чтобы привести тебя в порядок.

Агнес кивнула, и Джинти, скрипя коленями, вскочила с канапе и чуть ли не понеслась в кухню. Она быстро нашла банку, в чем Агнес и не сомневалась, и вернулась с ней и двумя сполоснутыми кружками. Она поставила кружки на стол, мизинцем потащила колечко на «Спешиал Брю». Пиво пенилось, когда она умело разливала его поровну в две кружки. Потом она белым пальцем провела по кромке пустой банки и облизнула его, словно слизывала взбитые сливки.

— Вот это прекрасно, — тихо простонала она. — Я думаю, чай мы можем пропустить и выпить это. — Она скосила глаза. — Я бы этого не стала делать, но по тебе видно, что надо, а я ненавижу, когда страдают творения Господа.

Джинти, словно на кукольном чаепитии, двумя маленькими ручками подняла кружку и предложила ее Агнес. Агнес взяла кружку, поднесла ее ко рту, сделала маленький глоток. Рвота зашевелилась в ней. Она сделала еще один глоток и по привычке поставила кружку в уголок кресла — в тайное и укромное местечко.

Джинти подняла свою кружку, отхлебнула самую капельку. Потом издала счастливый звук, сделала еще один глоток, и еще один. Две женщины не разговаривали, пока пива в кружках почти не осталось. Агнес почувствовала, как лагер уносит рвоту назад, в желудок, дрожь в ее костях немного унялась. Она провела рукой по своим страдальческим бедрам и стала наливаться злостью.

Отхлебывая по глоточку, Джинти видела, что до дна остается всего ничего.

— Ну долго-то у тебя я не могу оставаться. — Она вытащила носовой платок, отерла помаду с кромки пустой кружки. — А после еще одной кружечки тебе не стало бы еще лучше? — сказала она и шмыгнула носом.

Агнес слабо кивнула.

Хитрые глазки Джинти прищурились.

— Я там у тебя под раковиной больше ничего не видела. У тебя, наверно, еще тайничок есть?

Агнес подумала об обычных местах: за кипятильником, на крышке самого высокого шкафа — и отрицательно покачала головой.

— Ну мне все равно пора, — печально сказала Джинти, тонкие морщинки по краям ее рта страдальчески сгустились. — *Но ты только*

посмотри на себя. Видок у тебя такой, будто ты умрешь, как только я уйду. Может, у тебя пара фунтов найдется? Я, наверное, смогла бы сбегать в магазинчик.

Агнес протянула руку вниз, вытащила свой кошелек. Он был пуст, если не считать оберток от жевательной резинки. Ее мысли вернулись к водителю такси и темной шахте, и она снова почувствовала, как поднимается в ней желчь.

— И совсем ничегошеньки от твоей Вторничной книги не осталось, детка? — печально спросила Джинти.

Агнес отрицательно покачала головой.

Джинти Макклинчи нервно заерзала на стуле, словно у нее зудело в заднице. Она посмотрела на Агнес, посмотрела на пустую кружку. Наконец она вздохнула, потом шмыгнула носом.

— Дай-ка я посмотрю, что у меня в кошёлке.

Тяжело вздохнув, эта миниатюрная женщина подняла с пола свою большую кожаную сумку, положила ее себе на колени и чуть не залезла в нее с головой. Агнес услышала, как на дне сумки звякают монеты и ключи, потом послышался радостный для слуха глуховатый всплеск — Джинти извлекла из сумки три банки тепловатого «Карлсберга».

— Потом отдашь, — сказала Джинти, открыв банку. Она повторила изысканный процесс наливания и ожидания, облизывания пены с мизинчика. Только приступив к третьей банке, они начали чувствовать себя самими собой.

— Я вчера была у дочери. Посмотрела бы ты, до чего она дом довела. — Джинти отерла кончик носа своим нечистым платком. — У меня на руках бездельник с гнилой печенью, но у меня хватает времени на то, чтобы содержать дом в чистоте.

— А как там новорожденный? — спросила Агнес без особого интереса.

— А, этот… наверное, хорошо. Она это существо просто обожает, — бесстрастно сказала Джинти. — Она теперь, конечно, субсидию-то побольше будет получать. Я ей сказала, чтобы она откладывала по чуть-чуть и наняла уборщицу. *Грязища*. Честно тебе говорю, я смотрю на нее иногда и не понимаю, как я такую воспитала. — Джинти заводилась все сильнее. — У нее пыль на плинтусах вот такой толщины. А она смотрит на меня, словно просит: «Мамочка, а ты никак *не поможешь*?», а я посмотрела на нее и говорю: «Я воспитала моих детей. *Я. Сама*. Точка». — Джинти рубанула рукой по воздуху.

Агнес печально кивнула. Ей бы хотелось иметь

полный дом внуков и собственных детей.

Джинти продолжила.

— А старшенький сынок у Джиллиан назвал меня на днях «бабушка». Я ему чуть язычок не вырвала. Я бы не стала возражать, но его другая бабушка требует, чтобы он называл ее Ширли, а я не собираюсь быть единственной старой сукой на Рождество. — Она взяла свое пиво и посмотрела на Агнес поверх кружки. — Слушай, а ты чего все помалкиваешь?

— Я? — переспросила Агнес. — Да ничего.

— Агнес, я, может, и пьяница, но ты-то вруша просто охереть.

Женщины молча допили остатки. Наконец Агнес спросила тихим голосом:

— Джинти, если я тебе скажу кое-что, ты обещаешь, что это останется между нами, что ни одна живая душа не узнает?

Глаза Джинти засверкали, как бусинки. Она перекрестила пальцем сердце, правда, ненароком с правой стороны.

— Жизнью тебе клянусь.

— Я нехорошо вырубилась прошлой ночью. — Агнес поведала Джинти свою историю игры в бинго, такси, водителя, который заехал прямо ко входу в шахту. Она задрала рукав своего джем-

пера и показала Джинти отметины, которые насильник оставил на ее белой коже.

Джинти зацокала языком, покачала своей кудрявой головой.

— Вот ублюдок. Так поступить с беззащитной женщиной. Куда только катится этот мир? Как люди используют свое преимущество. В наше время такого не случилось бы. Эту свинью поймали бы и провезли по Тронгейту на колу. — Она костлявым пальцем изобразила острый кол, вонзенный прямо в задницу насильнику. Потом она вытащила носовой платок и отерла нос. Потом этим же платком протерла верхушку последней банки, скорбно посмотрела на нее. — Так ты никак не сможешь достать пару фунтов?

Агнес смотрела, как остатки золотистой жидкости разливаются по кружкам. Она мысленно встряхнула телесчетчик, газовый счетчик, электросчетчик — все они были пусты.

— Нет, — печально ответила она.

— А кому-нибудь из своих друзей-мужчин ты не можешь позвонить?

Агнес подумала о своих синяках и ответила:

— Нет.

Джинти посидела минуту молча, смакуя последние капли золотистой жидкости.

— А как насчет того, чтобы звякнуть этому парню? — спросила она. — Ну ты знаешь, такой невысокий, с длинными волосьями сзади. — Она изобразила стрижку, модную среди футболистов и поп-звезд. — Я слышала, у него денежки водятся, и выпить он не дурак.

— Ты о ком?

Джинти задумалась на секунду.

— Ламби. Да, о нем. Мы могли бы ему звякнуть.

Родственники в Питхеде говорили всем, что Йэн Ламберт был шахтером, жена которого ушла от него, оставив без гроша в кармане, перед тем как закрытие шахты нанесло последний удар. Не имея женщины, на которую можно было бы тратить мизерное выходное пособие, он прятал денежки под кроватью. Если другие шахтеры все пропивали или кормили и одевали свои выводки, то Ламби сидел на своих сбережениях и выходил из дома, чтобы подработать на ремонте взятых напрокат теликов. Родня говорила, что Ламби — одинокий, скучный человек, не рожденный для романтических приключений. Он завел себе модную футбольную прическу, но выглядел по-прежнему как недокормленный тинейджер. Хотя он на рынке мужской привлекательности ничуть не котировался, те же самые женщины

приносили ему подгоревшую картошку с серым мясом и миски с холодным бульоном. Родня говорила, что он хороший малый, который живет сам по себе, а после закрытия шахты сумел найти для себя занятие. Они скармливали ему объедки, зная, что его выходное пособие могло бы кормить их малышей в течение года, а то и дольше.

Джинти продолжила:

— Мы могли бы устроить маленькую вечеринку. На троих.

Агнес посмотрела на кружку, в которой пива оставалось на донышке, и почувствовала, как паника все сильнее охватывает ее. Она кивнула.

Джинти тут же вскочила на ноги, как испуганная кошка. Она вытащила телефонный справочник из телефонного столика и, облизывая свои маленькие пальцы, принялась листать страницы, пока не добралась до буквы «Л». Она громко прочла «Л. Л. Ламберт. Мистер С.». Джинти проверила адрес (да, это был Ламби), подошла к телефону и набрала его номер. Она откашлялась, когда раздался гудок. И хотя был четверг, время ланча, ей ответил мужской голос.

— Ламби, привет, — начала она своим лучшим произношением. — Это маленькая Джинти. Да-да, верно… Я живу по другую сторону поселка. Ты

знаешь моего Джона. Я когда-то дружбу водила с Мхари Макклур, да-да, с ней. — Она помолчала. — Мхари? Она от валиума впала в ужасное состояние. Я знаю, это чистый позор. Она была хорошенькой девочкой. Последнее, что я о ней слышала, она работала в отеле «Блитсвуд». Да-да, что ж, слава богу, да? Да, но есть большая разница между выпить мирно в свое удовольствие и продать себя ради рецепта, ты так не думаешь? Грустно это. Я присутствовала, когда она затеяла эту фигню с валиумом. Да, это ужас что было. — Джинти шмыгнула носом. — А я чего звоню-то — хотела узнать, не заглянешь ли ты в дом к моей подружке выпить чуток. — Она замолчала. — Да, сейчас еще рановато, да. Она такая раскрасавица, и мне так хотелось, чтобы вы познакомились. Да, Агнес Бейн. Да-да, верно, сразу Лиз Тейлор на ум приходит, но малость бледнее. — Джинти возбужденно ухмыльнулась в сторону гостиной и показала Агнес, чтобы та начала наводить марафет. — Так ты придешь? Отлично! Ламби, мне не хочется об этом спрашивать, но ты бы не мог по дружбе принести бухлишка? Да. А то мы тут маленько на мели. Да, она та еще красотка. Такая безупречная, умница… Ну да, у нас будет маленькая вечеринка. Принеси шесть банок и

четвертинку. Да и все, что сам хочешь выпить. Не ошибись — это дом на углу.

Джинти закончила говорить по телефону и сказала Агнес, что Ламби обещал прийти через час. Она стала убирать пустые пачки из-под сигарет, ушки пивных банок.

— Знаешь, детка, я бы на твоем месте чуток причесалась. И синяки прикрыла. Постарайся привести себя в порядок, чтобы выглядеть поаппетитнее.

Они на нервах прождали час, наконец Ламби появился. Джинти впустила его. Он сел на краешке канапе и принялся, как тинейджер, возиться со своей модной курткой-бомбером. Агнес видела, что все, говорившееся о нем в поселке, — правда. Джинти представила их и взяла из его руки тяжелый полиэтиленовый пакет.

— Рад с вами познакомиться, Агнес, — сказал он, показывая ровный ряд зубов.

Агнес изо всех сил старалась обаять его.

— Очень мило с вашей стороны прийти к нам. В этом пустынном месте трудно самой себя развлекать.

— Я вам вот что скажу — не каждый день такой парень, как я, получает приглашение от таких красавиц, как вы, — сказал Ламби. Джинти

взвизгнула от грязного восторга.

Агнес доводилось слышать и более лестные слова. Она сидела в кресле, откинувшись на спинку.

— Так значит, вы не родственники? — спросила она. — Кажется, я пока не встречала тут никого, кто не состоял бы с Джинти в родстве то ли по крови, то ли по браку, то ли по детям.

— Нет, я думаю, моя бывшая была как-то связана с Макавенни. А я из рода О'Хара, мы всегда жили на болотной стороне ручья… в домах с плоской крышей.

— Еще чудо, что у некоторых детей вообще появляются кости.

Ламби дружески улыбнулся на это оскорбление.

— Ну, да. Вероятно, поэтому весь поселок только о вас и говорил. Свежая кровь и все такое.

Джинти вытащила из пакета четвертинку водки «Смирнофф» и налила во все три кружки на толщину большого пальца. Поверх водки она налила немного яркого, пенистого «Айрн-Брю». Напиток пузырился, шипел и казался таким же невинным, как имбирный эль.

— Ой, жаль я не могу остаться подольше. — Она шмыгнула носом, сделав большой глоток.

Ламби курил самокрутки; он насыпал табак

на бумагу, провел розовым языком по клейкой кромке.

— И потом, я ведь видел вас раньше, — сказал он Агнес. — Я всегда думал, что у вас непременно есть муж. При такой-то внешности.

Он лизнул первую самокрутку, закрепляя бумагу, и передал ее Джинти.

— Ну, тут особо гордиться не…

— Она счастливая разведенка, — вмешалась Джинти. — Ей везет. Любая женщина может прекрасно обойтись без мешка с жиром, который храпит у тебя под боком все ночи подряд. Разве нет, детка?

— Вот это слова настоящей женщины, — сказал Ламби.

Агнес подумала, что он слишком молод, чтобы знать настоящих женщин, но возражать не стала. Она сделала большой глоток из кружки. У водки был чистый вкус, как у хлорки. Следующую самокрутку Ламби облизывал очень медленно. Агнес увидела, что у него очень чистые ногти, а уши и шея раскраснелись, словно он только что принял горячую ванну.

— Я что хочу сказать — ладно уж! На что-то мужчины все-таки еще да годятся, — похотливо проговорил он.

Эти слова рассмешили Джинти. Она закинула одну свою ножку на другую и захихикала, как девчонка.

— Абсолютно ни на что на хер не нужны, — пропищала она. — Агнес, ты слышишь, какую дерзость себе позволяет этот грязный маленький шельмец? Он думает, мы вчера родились. — От водочных градусов на ее щеках появилась венозная сеточка. — Ты с кем-нибудь в последнее время встречался, Ламби?

— С парой пташек, — сказал он, глядя на Агнес. — Я пребываю в поиске. Стараюсь, чтобы связи не переходили во что-то постоянное. — Он подмигнул ей.

— Ах, эти чертовы мужчины, они все одинаковы. Правда, Агнес? Они даже младенцами лежат на спинках, очарованные своей маленькой штучкой-дрючкой.

— А вы? — спросил он Агнес. — Вы с кем-нибудь встречаетесь?

Джинти возбужденно затопала ногами, не вставая с кресла, и ответила вместо Агнес.

— Она?! — пропищала Джинти. — Да у нее практически отбоя нет от глазговских таксистов.

Хотя эти слова и обожгли синяки на теле Агнес новой болью, она подняла кружку и кивнула,

печально принимая хвалу.

Джинти вытащила полиэтиленовый пакет, стоявший между ее миниатюрных ступней, и жестоко добавила:

— Если ты не таксист, то у тебя с ней нет шансов.

— Это правда? — сказал Ламби. Он снова в упор посмотрел на Агнес и, уязвленно нахмурившись, спросил: — И как это у вас получается?

И опять вмешалась Джинти.

— Это не то чтобы ее выбор. Это проклятие! Она слышит стрекот дизельного двигателя — и сразу трусики долой и шурует на всех парах, потому что счетчик щелкает.

В комнате похолодало. Послышался медленный вдох, и лицо Агнес словно остекленело. Алкоголь теперь бродил в крови, и слова сорвались с ее языка тихим, угрожающим шипением:

— Ты грязная маленькая пизда, Джинти Макклинчи, ты всегда готова нанести удар ножом в спину.

Маленькая ведьма оборвала свой бессмысленный смех.

— Да успокойся ты, я ж ничего дурного в виду-то и не имела. — Она жадно поднесла кружку ко рту, но ее маленькие глазки так и сверлили Агнес.

Ламби словно окоченел, он переводил взгляд с одной женщины на другую. В комнате повисла тишина.

— Эй, слушайте, может, мне лучше уйти?

Джинти чинно сомкнула колени над пакетом и успокоила его.

— Не обращай на нее внимания. Ей просто немножко не повезло с любовью прошлым вечером. Ты должен остаться. Ты должен помочь и поднять ей настроение, ага.

Остальную часть дня Агнес просидела тихо, пила то, что наливала ей Джинти, курила то, что сворачивал Ламби. Он пытался разговорить ее, но, когда ей выпадал шанс ответить, у нее получалось только «да» или «нет». К тому времени, когда банки пива были на исходе, Джинти решила, что достаточно насмотрелась и наслушалась.

— Ламби, сынок, не знаю, что на нее нашло, — кисло пробормотала она. — Обычно она душа любой компании.

— Это ничего. — Его щеки раскраснелись, как у Джинти, он по-прежнему сидел в своей куртке-бомбере. Агнес подумала, что он, наверное, смущается, потому что дома у него нет никого, кто бы постирал и отгладил ему рубашку.

— Нет, я не хочу, чтобы ты уходил, думая, что

провел день со старухами. Поставь-ка какую-нибудь кассетку, а? Мы устроим маленькую вечеринку.

Ламби протянул руку и открыл старый стереокассетник Лиззи. Потом вставил в него одну кассету из стопки.

— Моя жена любила это, — сказала он главным образом для себя.

— Ах, какой голос у этой женщины. Какой. У нее. Голос! — сказала Джинти между затяжками. Она покрутила рукой в воздухе в такт музыке. — Ламби, бога ради, подними из кресла эту несчастную идиотку.

Он нервно оглядел Агнес.

— Нет. Не трогай ее. Она не хочет танцевать.

После четвертинки и шести лагеров уверенности в нем не прибавилось.

— Леди Бейн! — брюзгливым голосом, словно директриса, проговорила Джинти. — У нас вечеринка! Этот человек принес нам выпивку! Станцуй с ним!

Агнес посмотрела на Ламби, который горел желанием, как молодой парнишка на дискотеке. Она улыбнулась ему лучшей своей полуулыбкой, какую смогла выдавить, чтобы дать ему понять: все, мол, в порядке. Ламби поднялся на нетвердые

ноги. Он взял ее за руки и попытался поднять с кресла, как водопроводчики вытягивают упрямый засор из канализации. Агнес не стояла на ногах с того момента, как села в кресло, от выпивки и бездействия мышцы ее расслабились, и когда она поднялась, он, чтобы она не упала, заключил ее в объятия так, будто они сто лет были любовниками.

— Ну вот, совсем другое дело, — пропищала Джинти, наливая себе украдкой, пока они не видят, полную кружку. — Держи ее крепко.

Они вдвоем станцевали что-то вроде последнего танца на вечеринке — неловкий вальс, старомодный и медленный. Они удерживались на ногах исключительно потому, что их потные тела опирались друг на друга. Лицо Агнес находилось в дюймах от его лица, и она только теперь заметила, что он специально побрился для их маленькой вечеринки. Кожу на его шее усеивали мелкие порезы. От него исходил сосновый аромат того средства после бритья, которое пахнет, как очистители для ванной — без малейшего намека на сексуальность.

— Вы великолепная танцорка, — дружески сообщил он ей. Агнес старалась быть внимательной и слушала его. Но мыслями она была далеко.

Джинти опустошила кружку.

— Поцелуй его маленько!

— Я после развода ни разу не танцевал, — сказал он.

— Не будь неблагодарной! Он принес столько выпивки! Поцелуй его! — прокричала Джинти.

— Если вы не против, я бы пригласил вас куда-нибудь вечерком.

— Он больше не придет! — предупредила Джинти.

Агнес была почти на два дюйма выше этого молодого человека. А при их разнице в возрасте танцевать с ним было все равно что танцевать с ее Ликом. Теперь она увидела шрам на его лице, который проходил от уха до подбородка — нередкая ножевая отметина, но на таком молодом человеке она показалась ей досадным недоразумением. Она неуверенной рукой дотронулась до шрама.

— А, так значит, вы заметили, — застенчиво сказал он.

— Вы похожи на моего старшего мальчика.

— Да поцелуй ты его маленько, бога ради! — взвизгнула Джинти, вскрывая новую банку.

Агнес задержала руку на лице молодого человека и подумала о том, как она тоскует по своему

старшему. Даже когда он был здесь с нею, она тосковала по нему. Он так умел уходить из дому, что она всегда испытывала чувство одиночества. Ламби, этот молодой человек перед нею, прикоснулся рукой к ее лицу и губами к ее губам. Джинти завопила от восторга. Агнес приоткрыла рот, почувствовала, как он втягивает ее губы в свои, как его язык ищет ее. Его рука соскользнула вниз по ее спине.

— Нет-нет, вы двое не делайте ничего такого, за что мне пришлось бы отвечать на исповеди. — Джинти Макклинчи пьяновато обмахивала рукой свое лицо, довольная тем, что она-таки заслужила свою порцию.

Руки, которые поначалу вели себя так вежливо, стали ловко ощупывать ее задницу. Он своими любопытными пальцами надавил на синяк у нее над самым копчиком. И тут рвота рванулась вверх из ее желудка. Она отвернула голову, но было слишком поздно. Она выблевала кислую смесь лагера, водки и «Айрн-Брю» на грудь его модной куртки.

— Ебанарот! — заорал молодой человек, с которого стекала водянистая желчь.

— Мама? — В дверях стоял Шагги.

Агнес упала в свое кресло, закрыла лицо рука-

ми, и по ее щекам потекли пьяные обжигающие слезы. Мужчина перевел взгляд со сломленной женщины на маленького мальчика в школьной форме, потом на женщину, которая заталкивала полиэтиленовый пакет с тем, что в нем осталось, в свою кожаную сумку. Он ринулся прочь мимо Шагги, а Джинти крикнула ему вслед:

— Ламби, сынок! Обычно она совсем не такая! Я тебе звякну на днях, и мы устроим еще одну маленькую вечеринку!

Маленькая женщина вздохнула, когда входная дверь с грохотом захлопнулась, потом заглянула во все открытые сигаретные пачки на столе, переложила их содержимое в одну и сунула в свою сумку. Потом она потрясла одну за другой все открытые банки, и если слышала бульканье жидкости внутри, выливала остатки в свою кружку, пока не опустошила все. Потом Джинти тремя большими глотками осушила кружку, после чего вытащила из сумки свой платок в цветочек.

— Ну что ж, жаль, что не могу остаться подольше.

Восемнадцать

Шагги держался как можно дальше от мяча. Когда мяч летел к нему по площадке, Шагги делал вид, что бежит к нему навстречу, но всегда давал кому-нибудь возможность опередить его и нанести удар. Ему больше нравилось оставаться в тени ближе к углу поля и смотреть, как девчонки играют в резиночку, как лучшие из них изящно перепрыгивают через радужные ленты.

Внезапно его левое ухо взорвалось оглушительным треском. Прилетевший мокрый мяч застал его врасплох, ударив по лицу сбоку. Щека загорелась, словно после удара ладонью. Мяч откатился к ногам соперников, и те немедленно отправили его в ворота.

Френсис Макавенни остановился рядом с Шагги. Поскольку он был старшим из Макавенни, разрыв между Коллин и Большим Джеймси сказался на нем сильнее других; повышение до главы семьи было мгновенным, и он взял на себя заботы о младших своих братьях и сестрах, когда Коллин довела себя до ступора голубыми таблеточками Брайди. Он подался к Шагги как можно ближе, так близко, что Шагги чувствовал брызги

его теплой слюны. «Ебанарот. Перестань ты быть таким пидорчонком». Остальные ребята стояли рядом, как питбули, смотрели на него хищными глазами.

— Ты хочешь быть девчонкой? — Френсис ухмыльнулся, демонстративно широко раскинув руки. Шагги отрицательно покачал головой, ему хотелось совсем другого — приложить руку к ссадинам на лице. — Ты бы предпочел напялить на себя юбочку?

— Нет, — пробормотал Шагги.

— Ты со мной не пререкайся, педик. — Френсис, который был на добрый фут выше Шагги, толкнул его в грудь. — Ты голубок паршивый. Ты и отец Барри будете гореть в аду за то, что делаете.

Раздался хор смешков, потом смех перешел в хоровое пение: *дай ему, дай ему, дай ему*. Френсис поднял руку, собираясь ударить Шагги по покрасневшей щеке. Шагги увернулся, но Френсис на ходу перестроился, сжал в кулак другую руку и ударил Шагги в висок. Потом повернулся к радостно визжащим мальчишкам.

— Мой батя называет такой удар «Крысолов».

Шагги лежал на земле, и теперь у него звенело в обоих ушах. Перед ним появились две ноги в приспущенных белых носках. Девчонка шипе-

ла, как кошка, ее длинные волосы походили на струю пенящегося лимонада.

— Прекрати это, Френсис, бандюга ты ебаный! Попробуй что-нибудь такое проделать со мной, тогда узнаешь, что почем. У меня родни побольше будет, чем у тебя.

Девчонка повернулась, чтобы помочь ему. Шагги видел, что мальчишки у нее за спиной показывают ей средний палец, но при этом все равно отходят.

На ее голых коленях были болячки, и Шагги не мог глаз отвести от порванных манжет на ее носках. Пока она подсовывала руки ему под мышки и поднимала на ноги, он под юбкой видел клинышек ее трусиков в цветочек.

— Тебе нужно было вмазать ему в ответ, — сказала она. — Зуб дам, если раз ему ответишь, он больше не сунется. — Шагги не знал, какую сторону лица начать тереть первой. — Тебе хочется плакать? — спросила девчонка. Шагги кивнул. — Ты тогда дождись, когда мы завернем за угол, а там можешь и поплакать. Я никому не скажу.

Она повела его с площадки, а мальчишки забирались на ограду, чтобы поплевать в них.

— Вы на пару в дочки-матери идете играть? — спросил рыжеволосый парнишка. Девчонка

мигом оказалась на ограде. Она схватил парня за школьный галстук, подтянула его лицо к толстым металлическим прутьям. Раздался звон, когда костлявый лоб мальчишки ударился о ржавеющее железо.

— Бежим! — взвизгнула девчонка. Они мчались, оставляя за собой облако пыли, и не останавливались, пока не преодолели половину склона невысокого холма на пути в Питхед.

Когда они перевели дыхание, девчонка с лимонадными волосами начала громко хохотать. Между зубами у нее была щербинка размером с толщину мизинца. На носу высыпали веснушки, а глаза блестели и голубели, как шарики «кошачий глаз».

— У тебя и вправду хватит родни, чтобы драться с Макавенни? — спросил он, все еще пытаясь сдержать слезы.

Она отрицательно покачала головой.

— Не. Нас всего двое — я и мой па. Он тебя может поколотить, если куда-то делся пульт от телика, но не больше. — Она пожала плечами. — Меня зовут Анни. Я на год старше тебя.

— А я тебя никогда раньше не видел.

— А я тебя видела. Тебя все видели. — Анни показала на вершину холма, где располагался

импровизированный тупичок с передвижными домами. — У нас там дом на колесах. А тебя я провожу. Они не осмелятся тебя тронуть, пока я рядом. — Она выпятила свою цыплячью грудь. — А ты где живешь?

Шагги поднял руку, собираясь показать в сторону приземистых шахтерских домов, но потом опустил ее. Она наверняка пьяна. Звонит небось диспетчеру такси, бушует, требует, чтобы соединили с его отцом.

— Я пока не хочу домой.

— Сегодня четверг, — глубокомысленно изрекла Анни. — Наверняка все деньги на выпивку уже потрачены.

Шагги скосил глаза на девочку.

— Откуда ты это знаешь?

Она положила руку ему на плечо.

— Я видела ее как-то раз. Твою мамку. Она сидела у нас на канапе после школы. Я никогда не слышала, чтобы человек так красиво говорил.

— Очень надеюсь, она никому не доставила хлопот.

— Да нет, никаких хлопот. От нее так хорошо пахло. Она мне показала, как заплести французскую косу. — Ее лицо помрачнело. — Меня злит, когда про нее говорят всякие гадости. Ты должен

ее защищать.

— А я и защищаю! — сказал он. — Главным образом от нее самой, но все равно это настоящая битва.

Девочка хмыкнула, давая понять, что сама она опустила руки.

— А я просто перестала его одергивать — хочешь пить, ну и хрен с тобой. Если мой папа хочет допиться до кладбища, это его дело. Я думаю, его уже не исправишь. Он тоскует по маме.

— Она умерла?

— Да, типа того. Она живет в Камбусланге[86] с моими младшими братьями и полупрофессиональным футболистом. — Они пошли к полю, на котором стояли передвижные дома. — Но я думаю, что вы двое должны давать отпор. Я слышала, как люди говорят, что она подходящая шлюшка, если выпить охота, что тебе нужен отец, она виновата в том, что ты такой, какой ты есть. — Она посмотрела на него задумчиво. — Но я никогда не видела такой красивой дамы. Я бы гордилась, будь у меня такая мамка.

Двенадцать домов на колесах стояли полукругом, а неровная грунтовая дорожка перед ними

---

[86] Примечания: 86

Камбусланг — город на юго-восточной окраине Глазго.

была вымощена тяжелыми камнями с поля. Жестяные домики выставляли напоказ самые разные личные вещи, участок был замусорен пластиковым игрушками и отсыревшей мебелью. Такое бесстыдство потрясло Шагги. Анни по двум шлакоблокам поднялась в передвижной дом бежевого цвета. В дверном проеме лежала большая немецкая овчарка. Шагги осторожно последовал за Анни, перешагнул через собаку, стараясь не наступить на нее и прижимая к груди школьный рюкзак. Дом на колесах был узкий и длинный, кухонька находилась по центру, а в дальнем конце располагался обеденный уголок в форме подковы. На скобах, вделанных в потолок, висел цветной телевизор, который быстрым четким голосом выкрикивал результаты скачек. В неглубокой раковине лежала гора грязной пластиковой посуды. Шагги увидел несколько муравьев, деловито снующих между рассыпанных кукурузных хлопьев.

— Па. Это я, — сказала Анни.

Шагги едва мог разглядеть человека, который сидел в обеденном уголке, сгорбившись над газетой и подчеркивая шариковой ручкой клички лошадей.

— Ты ел чего-нибудь? — спросила она. — Могу

тебе овсянку сварить. Даже молоко могу тебе подогреть, если хочешь.

Человек со слезящимися глазами не ответил. Шагги увидел, как он отхлебнул что-то из старой кружки и продолжил подсчитывать результаты скачек. Шагги пытался не представлять себе здесь своей матери.

Анни открыла тонкую дверь в задней части дома и затолкала Шагги внутрь. Спальня походила на розовый дворец. Здесь едва поместились две односпальные кровати, на каждой лежало по одеялу с диснеевскими принцессами, а вдоль стен стояли узкие полки, на каждой выстроилось по дюжине радужных пони. В комнате было безукоризненно чисто.

— Извини за раскардаш, — сказала Анни, опускаясь на трехфутовый розовый ковер между кроватями. — Я стараюсь поддерживать тут порядок, но это нелегко, когда он сидит целыми днями в своей грязи. — Она похлопала по ковру рядом с ней, и Шагги втиснулся в узкое пространство на полу. — Что твоя мать делает, когда напьется? Она тоже вот так тупит?

— Нет, она сначала напивается, а потом начинает злиться, — сказал он. — Я боюсь, как бы она чего не сделала с собой.

— Типа не убила себя?

— Да. Иногда я перед школой прячу все таблетки в ванной. Я знаю, мой брат каждый день уносит с собой на работу бритву. — Он накрутил на палец розовую петельку на ковре. — Но больше всего я беспокоюсь, как бы она не сделала себе хуже. Она теряет достоинство. Люди ее вообще больше не хотят знать. Моя сестра из-за нее живет среди чернокожих за миллион миль отсюда. Мой старший брат пытается накопить денег и уехать.

Анни засунула руку под кровать и вытащила старую книгу-раскраску. Он почувствовал разочарование, увидев, что цвета она подбирала хорошо, но вылезала за линии.

— Когда шахта закрылась, мне пришлось остаться здесь и приглядывать за папкой, — сказала Анни. — Мамке было наплевать. — Она полистала страницы. — Не хочешь пораскрашивать? — спросила она вдруг.

Шагги отрицательно покачал головой. Он глаз не мог оторвать от полок с радужными пони, которые поглядывали на них со счастливым выражением на мордах.

— Хочешь поиграть с моими лошадками? — спросила Анни. Она внимательно наблюдала за ним, но он отрицательно покачал головой и

напустил на себя равнодушный вид. — Мамка присылает мне их на Рождество и Пасху. Иногда она присылает точно такие, как и в прошлый раз, а потому я знаю, что ей это до лампочки.

Анни залезла на одну из узких кроватей.

— Вот, смотри: твоя мама заплела для меня у него гриву. — Она протянула Шагги малиново-розового пони. У лошадки была длинная фиолетовая синтетическая грива и такой же хвост, они были аккуратно заплетены и заканчивались бантиком из пластиковой клипсы от хлебного пакета. Анни схватила несколько других пони и спрыгнула с кровати на пол. Они все были из разноцветной пластмассы, у каждого нарисованы длинные ресницы и веселые улыбки.

— Ты бери Ириску, Сахарную Вату и Цветочка, а я — Ягодку, потому что она моя любимая. Остальные хотят украсть у Ягодки ее хорошенькие заколки для волос, но она самая быстроногая.

Пластмассовые пони напоминали толстеньких игрушечных собачек, но Шагги смотрел на них, как на волшебство. Анни позволила ему играть с лошадками, сколько его душа пожелает. Они разговаривали высокими мультяшными голосами, гоняли лошадок по покрывалам, расчесывали их гривы крошечными щеточками так,

что пластик начинал трещать от статического электричества.

В конце концов Анни надоели пони, она забеспокоилась и заерзала. Ее тонкая рука принялась искать что-то под кроватью. Из-под розовых кружевных оборок она вытащила пепельницу из устричной раковины с кучкой сигаретного пепла. В пепельнице лежали два или три окурка. Анни приоткрыла окно, закурила кривую сигарету, чуть-чуть затянулась и выпустила дым в щелку. Она кивнула в сторону отца.

— Извини, у меня от него нервы расшатались.

Она предложила влажный окурок Шагги. Он надул губы и церемонно покачал головой. Анни пожала плечами и с глухим стуком соскользнула на пол, держа окурок в зубах.

Шагги гнал Сахарную Вату за Ягодкой по манежу из магнитофонных кассет, когда Анни вдруг спросила:

— Шагги, ты правда трогал письку Джонни Белла?

Ушибленная сторона его лица снова вспыхнула, когда он вспомнил Бонни Джонни, мальчишку из стиральной машины. Ему вдруг захотелось бросить игрушки девочки, оттолкнуть их от себя, словно они были свидетелями его грязных дел.

— Нет, — солгал он.

— Ну и как? — спросила она, словно и не слышала его ответа. Сигарета свисала из уголка ее рта, пока она лепила на бок пони наклейки в виде звездочек. Она делала это с выражением обыденности и скуки на лице, автоматически, как любой состоящий в профсоюзе труженик.

— Я сказал: *никогда*.

Она крепко зажмурила левый глаз, защищаясь от едкого дыма, поднимающегося от сигареты.

— Ну и хорошо. Я бы тоже сказала, что никогда. Но я трогала письки. Трогала у мальчишек О'Хини и у Франа Бьюканана.

— Но тебе всего девять лет! — сказал Шагги. Он теперь отодвинулся от пони. — А те мальчишки учатся в старшей школе.

— Мне десять с тремя четвертями. — Анни выдохнула длинную струйку дыма и добавила к ней идеальное изящное колечко. — Они меня просто затащили туда, где на старой шахте стоят лебедки, и дали хлебнуть «Бакфаста»[87].

— И ты не сказала отцу Барри? Их бы за это полиция упрятала в тюрьму.

---

[87] Примечания: 87

«*Бакфаст*» — тонизирующее вино с кофеином, в Шотландии ассоциируется с пьющими подростками, склонными к асоциальному поведению.

— Нет. — Анни загасила окурок и положила голову на кровать — теперь она успокоилась. — Оно того не стоило. «Бакфаст» — чистая дрянь.

Ее беззаботность потрясла Шагги. Он снова подумал о матери, о том, как она побывала здесь с отцом Анни и его никотиновыми пальцами. Он знал, ей здесь жутко не нравилось, но все равно она пришла. Его вдруг обуяла ярость.

— Ты почему это сделала? — набросился он на Анни. — Почему девчонки всегда позволяют мальчишкам делать то, что тем захочется?

Ее сиреневого цвета пони грациозно скакал кругами. Анни теперь оторвалась от игры и впервые за это время не знала, что ответить.

Снаружи залаяла немецкая овчарка. Шагги почувствовал, что весь передвижной дом накренился, когда собака поднялась и спрыгнула с крылечка.

— Чо за херня! РЭМБО! Рэмбо!

Анни перепрыгнула через кровать и выскочила из крохотной спальни. На стоянке началась потасовка: две собаки с визгом и рычанием сошлись в схватке.

Шагги больше не хотел здесь оставаться. Он не хотел больше притворяться, что нет ничего зазорного в том, чтобы играть в девчоночьи игры

или трогать мальчишек в начальной школе за их грязные места. Он не хотел походить на лимонадную девочку. Он не хотел быть похожим на Агнес. Он хотел быть нормальным.

Он поднялся на ноги и взял свой рюкзак. Анни кричала на Рэмбо, требовала, чтобы он отпустил другую собаку. Он слышал быструю невнятицу из телевизора — скачки продолжались. Шагги не хотел представлять себе Агнес в этом доме, он не хотел думать о том, как этот мужик лапает ее никотиновыми пальцами, как она потом заплетает Анни косы — и все за банку теплого «Спешиал Брю».

Это так разозлило его, что он расстегнул молнию на рюкзаке и сунул туда двух пони.

Всю учебную неделю перед последним звонком желудок Шагги завязывался узлом, и он поднимал руку и самым вежливым образом спрашивал разрешения выйти. Мягкотелый отец Юэн про себя проклинал маленького парнишку, который делал это словно по часам. Поначалу он просил мальчика подождать — еще пятнадцать минут, и учебный день закончится. Шагги, всегда послушный, кивал, поморщившись, и садился, чуть наклонившись набок, всем своим видом показывая, что его одолевает отчаянная, неотложная

нужда. Его дергания и пыхтение вскоре начинали отвлекать других детей, и отец уступал.

Потом в учительской мягкотелый отец шутил о том, что шахтерская диета из вареной капусты и мясного фарша может сделать для священников. У вежливого мальчика, единственного, кто знал различие между «разрешите» и «мне надо», случались спазмы желудка почти каждый день в четверть четвертого в течение всего школьного года. Отец Юэн мог часы по ним сверять.

Таким образом Шагги последние минуты школьного дня проводил сидя на низеньком унитазе. Он на всякий случай спускал брюки, но со временем понял, что у него просто несварение. Его жгла желчь предчувствия, усиливающийся страх перед тем, что может ждать его дома.

Прежде Агнес довольно часто оказывалась трезвой, но спазмы так никогда полностью и не прошли. Для Шагги периоды трезвости были мимолетными и непредсказуемыми, упиваться ими в полной мере он никак не мог. Что же касается любой хорошей погоды, то она неизменно сменялась дождем. Так что он давно бросил вести счет хорошим и плохим дням. Измерять ее периоды трезвости днями было все равно что наблюдать, как пролетают хорошие выходные: когда за ними

наблюдаешь, они всегда слишком коротки. И потому он перестал считать.

Мальчик не помнил, как в нем произошли эти перемены.

В какой момент спазмы прекратились и все изменилось, было неясно. Он помнил, что возвращался как-то раз домой из школы в ноябре и остановился перед калиткой — он всегда останавливался. Все маленькие приметы говорили ему о том, что его ожидает дома. Этим вечером занавески были плотно задернуты, чтобы не впустить холод, свет включен. Его желудок ожил в надежде. Шагги чуть-чуть приоткрыл входную дверь, чтобы услышать, что происходит внутри. Он знал, к чему прислушивается. Стенания и плач предвещали плохую ночь, ее тесные объятия и жуткие рассказы о мужчинах, которые ее сломали. Если же раздавался звук гитар и грустное меланхоличное пение под музыку кантри, то теплое дерьмо начинало смачивать его трусы.

Если его мать разговаривала по телефону, это не всегда было плохой приметой. Тогда ему приходилось протискиваться в пространство между входной и противосквознячной дверью и внимательно слушать, затаив дыхание, интонации ее голоса, прижимая ухо к холодному рифлено-

му стеклу. Чтобы заполучить выпивку, она не всегда плакала, или кричала, или глотала слова. Она могла уже быть пьяной. Выпитое делало ее чрезвычайно вежливой, она начинала говорить с притворным милнгевийским прононсом и обилием многосложных слов. Она вытягивала губы и использовала слова вроде «определенно» и «прискорбно».

Это были худшие приметы. Агнес оплакивала свои потери, но все еще была далека от бессознательного состояния. Она сажала его и рассказывала свои истории, только при этом она злилась, а не грустила. Держа перед собой пачку окурков, она проводила пальцем по телефонной книге и заставляла его набирать номера, которые зачитывала.

— Пять-пять-четыре, шесть-три-три-девять.

Мальчик, прижимая трубку к уху и слушая гудки, надеялся, что никто не ответит. Лицо у него серело, когда в трубке раздавался незнакомый голос.

— Слушаю?

— Здравствуйте. Бога ради, извините, что беспокою вас. — Агнес одобрительно кивала ему со своего кресла. — Я ищу человека по имени мистер Кам Маккаллум.

— Кого?

— Кама Маккаллума, — повторял мальчик. — Он жил в Деннистауне между девятьсот шестьдесят седьмым и девятьсот семьдесят первым. Он работал кондуктором автобуса в Ист-Энде, на маршруте между Джордж-сквер и Шеттлстоном. У него была сестра по имени Рени, которая вышла замуж за человека по имени Джок.

Голос, сбитый с толку этой до странности подробной информацией, отвечал:

— Извини, сынок, здесь нет никаких Камов Маккаллумов.

— Понятно. Спасибо огромное, сэр. Извините, что побеспокоил.

Агнес раздраженно шипела из гостиной и заставляла его звонить следующему Маккаллуму в справочнике.

Совсем плохо становилось, когда они находили того, кого искала Агнес. Человек на другом конце провода говорил:

— Кто это? Я — Кам Маккаллум. Что вам надо?

Сердце мальчика падало.

— Понятно. Не могли бы вы подождать минутку, мистер Маккаллум. Я передаю трубку.

Брови Агнес недоверчиво взлетали. «Это он?» Мальчик прикрывал ладонью микрофон и ки-

вал.

— Хорошо, — говорила она, беря кружку с лагером и новую пачку сигарет. Он подавал ей телефон, как послушный секретарь, и Агнес устраивалась так, словно мистер Маккаллум мог увидеть ее. Держа новую сигарету длинными пальцами, она подносила трубку ко рту.

– *Ты сссукин сссын*, — шипела она вместо представления.

— Что? Кто это говорит? — отвечал человек.

– *Тыыы, еееебаный гряяяязный бляяяядовоооод*.

В конечном счете человек бросал трубку. Он всегда бросал. Агнес глубоко затягивалась, делала большой глоток из чайной кружки. Нажимала кнопку повторного набора и улыбалась, слыша быстрый ответ.

— Не смей вешать трубку, когда я с тобой говорю. Не смей, сучий потрох, бросать трубку, когда *я* тебе звоню.

— Ты что еще за пизда?

— Думал, тебе все сойдет с рук, да? То, что ты делал с той молоденькой девчушкой. Ублюдок. У тебя, скотина, нет сердца, верно?

Кам Маккаллум снова вешал трубку и, если ему хватало ума, выдергивал вилку из розетки. Агнес скользила пальцем по именам в телефонном

справочнике, как по меню, искала, что может утолить ее голод. Она двигалась по алфавиту в поисках следующего человека, который ее обидел. *Брендан Макгоуэн*.

— Ты пока подожди, я должна рассказать тебе про этого говнюка. — Она поворачивалась к Шагги, подпирая подбородок трубкой. — Потеряв меня, он совершил самую большую ошибку в своей жизни.

Она могла допоздна сидеть за телефонным столиком, а потом могла сидеть там в кромешной тьме. Единственным ее источником света был кончик сигареты. Шагги садился рядом с электрическим камином и слушал ее ругань. Он боялся включать свет, надеясь, что в темноте она заснет, тогда как горящая лампа привлечет ее внимание к нему, словно свет — мотылька.

Со всеми этими мыслями Шагги плелся из школы домой, потом внимательно слушал у противосквознячной двери, надеясь, что она не будет плакать, или слушать музыку кантри, или сидеть, готовая к телефонным сражениям. Даже от гула тишины его кишки снова сворачивались в узел. Он как-то раз слышал этот звук и поверил в него — в оглушающее шипение небытия. Он прокрался в дом, чтобы прислушаться получше,

веря, что его ждут хорошие новости, позволил рукам расслабиться. Он увидел Агнес на полу в ее черной обтягивающей юбке и хорошей зимней шубке. Она стояла на коленях, словно в молитве, но тыльные стороны ее ладоней были прижаты к линолеуму, а голова была целиком засунута в духовку большой белой плиты, принадлежащей муниципалитету. Звук небытия оказался обманом. Шипение тишины было шипением газа, который уносил ее прочь.

Это научило его не доверять тишине.

Что касалось хороших примет, то лучше всего было услышать звуки с кухни, хлюпанье и дрожь стиральной машины, бряканье металлических ложек в раковине, бульканье супа в большой кастрюле. В такие дни он, счастливый, стоял в коридоре, стирал со стен конденсат, пока она не обнаруживала его там, немного одуревшего от радости, рисующего влажные узоры на белой фактурной штукатурке.

Кроме мальчишек Макавенни, самыми задиристыми в школе, казалось, были ребята из тех семей, где отцы еще имели работу. Пищу там готовили в микроволновках или жарили в панировочных сухарях, индивидуально отмеренные порции заворачивали в фольгу. Их родители

были моложе и позволяли детям есть что им вздумается и когда вздумается. И эти дети дразнили других, морщили носы, если видели, как кто-то ест стовис или фарш, и говорили, что от тех пахнет гнилой капустой. Когда они говорили это Шагги, он зарывался лицом в рукав своего школьного джемпера и глубоко дышал. Вареная капуста и голяшка, картошка и овечий фарш для него были деликатесами, он чувствовал себя счастливым, когда ел их.

Случались дни, когда он приходил домой и слышал чужой голос. Тогда он крался по коридору, пока не выяснял, кому этот другой голос принадлежит. Порядочные люди давно перестали к ним заходить. Чем дольше они жили в Питхеде, тем с большей вероятностью каждый следующий гость оказывался плохим человеком.

Среди худших были питхедские дядьки — нервные мужики с трясущимися руками, облысевшие и, казалось, неизменно пребывавшие навеселе. Они заходили узнать, как она управляется без мужика. Приносили шоколадные батончики и полиэтиленовые пакеты с банками лагера и сидели в доме, не снимая курток.

Шагги знал, что, приходя из школы, разрушает их коварные планы. Время от времени

какой-нибудь дядька, питая надежды постоянно обосноваться за откидным столом, демонстрировал напускной интерес к мальчику, подсовывал ему через засыпанный пеплом стол шоколадку. Спрашивал, как у него дела в школе, не хочет ли он поиграть на улице.

Когда он немного подрос, они оставили это занятие, перестали улыбаться ему фейгиновским лицом[88]. Теперь, когда ему стукнуло десять, они видели в нем почти что мужчину и сидели с недовольным видом, поскольку Шагги разрушал их грязные планы.

Если еще оставались невскрытые банки лагера, то Агнес сажала Шагги на диван рядом с гостем. Она откидывалась на спинку кресла и щурилась в сигаретном дыму, глядя как гость нервно елозит на стуле. Она разглядывала их между глотками лагера, словно они были занавески и постельные покрывала, а она пыталась подобрать одно к другому. Она рассказывала гостям, какой у нее умный Хью, как он успевает в школе. Они слушали и кивали, видя, что рушатся их намерения оседлать вечерком его матушку. Некоторые тра-

[88] Примечания: 88

Фейгин (или Феджин) — персонаж романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста», негодяй и лицемер, вовлекавший детей в преступления.

тили кучу денег, чтобы довести ее до нужного уровня сговорчивости. А теперь их неуклюжая, потная ебля перед телевизором, показывающим вернувшимся из школы детишкам мультики, отменялась.

Если дядьки приходили еще раз, то они вели себя мудрее — приносили дешевые футбольные мячи, пластиковых воздушных змеев, разные игрушки, чтобы выманить Шагги на улицу. Истинно страждущие давали ему кучку грязных монеток и предлагали сходить в кино на часик. Шагги смотрел с непонимающим видом на потных дядек и, как кондуктор автобуса, ссыпал грязные монетки в школьный рюкзак, вежливо говорил «спасибо» и включал шумный телевизор.

Но так случалось, только если к его возвращению домой они все еще сидели в гостиной. Если они уже были в ее спальне, то мальчик не получал никаких денег и никому не приходило в голову спросить, кем он хочет стать, когда вырастет.

Какими бы плохими ни были эти дядьки, их интересовала только его мать. Для Шагги приходившие тетки нередко были хуже дядек. Если бы худшие качества Агнес вышли на прогулку и

нашли себе подругу, то она была бы воплощением этих теток. В таких случаях он был вынужден нянчиться с двумя женщинами, которые шумно впадали в пьяное забытье, горбились над пепельницами, делились последними окурками и проклинали мужчин, которые опустили их на это дно. В отличие от мужчин, они говорили и говорили, говорили без конца.

Эти питхедские тетки с пропитыми лицами появлялись у дверей утром, как дикие кошки. И даже после пятидневного периода трезвости Агнес они умели уговаривать ее на новые подвиги пьянства. Они словно слышали ее дрожь с другой стороны поселка и в девять утра заявлялись с дешевой выпивкой. Если Агнес была исполнена решимости оставаться в этот день трезвой, то они все равно садились и пили перед ней. Но, как известно, страдать в компании легче, и вскоре ее глаза жадно впивались в полиэтиленовый пакет у ног гостьи.

Если Шагги в какой-то день не ходил в школу, то он никого из этих женщин не впускал. Они с тяжелыми пакетами в руках появлялись еще до прихода первого почтальона. У входных дверей они казались нормальными женщинами, но он уже знал про них кое-что. Он много раз пытался

вежливо спустить их с крыльца по каменным ступеням. Он запирал дверь, но они кричали в щель для писем. «Твоя мамочка дома?», они умоляли: «Я только выпить чашечку чая». Ему хотелось ткнуть вилкой через щель в их тощие лица, а Агнес лежала в доме разбитая, ее трясло, нутро требовало теплого лагера.

Они так или иначе всегда проникали в дом, словно сквозняк.

Они дожидались, когда прозвучит утренний звонок, и приходили, будучи уверены, что его нет дома. Когда он крадучись возвращался домой в четыре часа, они встречали его торжествующими улыбками.

Тетя Джинти была худшей из них. Она гонялась за Шагги, чтобы поцеловать его, когда он возвращался из школы. Мальчик чувствовал на своей щеке ее теплый язык, который казался ему жирным куском тушенки. В промозглые дни Агнес просила, чтобы он массажем согрел ноги этой маленькой женщине. Годы пьянства съели ее черты, но они истончались еще больше в карикатурном удовольствии, когда ее пахучие ступни извивались в коричневых колготках. Денег за это она ему никогда не давала.

Джинти ненавидела Шагги, потому что его

присутствие заставляло Агнес из чувства вины на некоторое время отказываться от выпивки. Если бы не он, они, вероятно, уже покинули бы берега трезвости и навсегда уплыли в море «Спешиал Брю».

— Ты сейчас в каком классе? — спросила она как-то Шагги, когда он массировал ей ноги.

— В пятом начальной, — сказал он, глядя на Джинти.

Она обратилась к его матери; платок она так и не сняла с головы.

— Немного поздновато, Агнес, но, знаешь, я думаю, у нас еще будет время изменить ситуацию.

— Время на что? — спросил он, растирая ее мозолистые большие пальцы.

— Устроить тебя в школу нашей Луизы.

Мальчик испуганно посмотрел на нее, заморгал, насупил брови.

— Ваша Луиза — настоящая дебилка.

Сказав это, он сразу же понял, что сболтнул лишнего.

Джинти вытащила ногу из его рук, подалась вперед с мягкого кресла. Она выпрямила костлявый палец и ткнула им в грудь Шагги. По ее опухшей физиономии Шагги понял, что муж опять ее побил. Агнес рассказывала ему, что муж

поколачивает Джинти, чья нижняя губа, казалось, вот-вот лопнет, когда она говорила ему:

— У нашей Луизы особые потребности, и в ее школе есть ослики. В твоей школе есть ослики?

— Нет.

— Так вот, я думаю, тебе нужно перейти в ее школу, потому что там есть ослики. — Она удовлетворенно отхлебнула пенистого пива.

— Ма скажи ей, я не дебил. Мне не нужна ослиная школа. — Голос его звучал плаксиво, грозил сорваться. Он не сводил глаз с Джинти.

Глаза Агнес были закрыты, горящая сигарета выскальзывала из ее руки. Пиво пролилось ей на колени крупными дождевыми каплями. Джинти увидела в этом возможности для себя и продолжила с фальшивой улыбкой:

— Там будет много других детей вроде тебя. У тебя появится много друзей, будешь получать хорошие горячие ланчи и горячие обеды.

— У меня есть друзья, — солгал он.

— Это большое приключение, потому что там ты остаешься ночевать и приходишь домой вечером в пятницу на выходные.

Шагги видел несколько раз, как специальный автобус высаживал Луизу по пятницам вечером. Он видел, как мальчишки Макавенни кидали

в автобус камни, когда тот проезжал мимо. Он немного знал Луизу, она была похожа на Лика. А еще он видел, что по воскресеньям она была счастливее, чем по пятницам.

— Слушай, там все будет хорошо. Ты перестанешь быть *другим*. — Джинти посмотрела на Агнес, которая сваливалась в шумливую старческую дремоту. — Так решено, Агнес? — Она толкнула локтем его спящую мать. — Я завтра позвоню в школу, и Шагги сможет поступить прямо в класс Луизы.

Джинти снова подняла ногу и положила ему на колени.

По-настоящему Шагги знал только то, что Луиза была чуток заторможенная; безнадзорность сделала ее робкой и замкнутой, а потому она всегда отставала на полшага, что в Питхеде считалось чудны́м. Брайди Доннелли сказала как-то, что Джинти просто эгоистка. Учась в специальной школе, Луиза редко бывала дома, а это позволяло Джинти отдавать больше времени воспитанию своего любимого ребенка — «Стеллы Артуа»[89].

Агнес сказала позднее, что к тому времени, когда она поняла, что происходит, Шагги уронил

---

[89] Примечания: 89
Марка светлого лагера.

Джинти на пол, а замочек у ее медальона со Святым Христофором был разбит. Когда Лик позже спросил его, что произошло, мальчик мог вспомнить только то, что он так вывернул ей большой палец, что хрустнула кость; он крутил и дергал, пока ее коленка не перекосилась и она с криком о пощаде не упала на пол. А после этого, сказал Шагги, все просто пропало, как если смотришь в бинокль не с того конца.

* * *

Шагги по привычке прислушался у входной двери. Потом он прошел по длинному коридору, чувствуя, что стены влажны от капустного пара и конденсата от чайников. Он словно призрак шел по дому, пока не увидел ее в дверном проеме кухни — она заворачивала в бумагу кусок белого сала. Черные крашеные волосы у нее были мягкие, седина просвечивала у корней, на лице ни следа косметики. Заворачивая сало, она с умиротворенным видом смотрела в маленькое окошко над раковиной на простирающиеся до горизонта болота.

Он выпрямился во весь рост, и боль ушла из его желудка. Теперь она увидела его в тени коридора. Он подошел к ней, и она обняла его за шею,

прижала к своему мягкому животу. Шагги тоже обвил ее руками, и она спрятала свое лицо в его мягких черных волосах.

— Мммм, от тебя пахнет свежим воздухом, — сказала она, беря в ладони его холодные щеки и ласково целуя.

— А от тебя пахнет супом, — сказал он.

— Очаровательно! Иди давай, сними свою школьную одежду. Я тебе приготовлю чай.

— Правда?

Она прогнала его с кухни. В гостиной было прибрано и пахло горячим пылесосом и лимонной полировкой для мебели. Был включен электрический камин, шторы задернуты, чтобы не впускать уличный холод в дом. Он включил телевизор, и счетчик наверху показал, что у них есть еще шесть часов просмотра, прежде чем им придется заплатить следующие пятьдесят пенсов. Чистая роскошь. Наступая носками на пятки, он скинул с себя обувь, стащил школьные брюки, расстегнул белую рубашку. Одежда упала на пол, где он и оставил ее лежать спутанной грудой. Он сел по центру большого квадратного кофейного столика в чистых трусах и с открытым ртом принялся смотреть телешоу.

Вошла Агнес с кружкой горячего чая и ма-

ленькой тарелкой, поставила перед ним и то и другое.

— Это для чего? — спросил он.

— Это для тебя, — сказала она.

Шагги посмотрел на золотистый яблочный турновер и осторожно поднес к нему палец — потрогать. Он ощутил тепло, исходящее от турновера: мать поставила его на блюдце в духовку, чтобы подогреть. Слоеное тесто зарумянилось, сверху остались маленькие белые кристаллики сахарного песка, которые растаяли и превратились в сладкую хрустящую корочку. С двух сторон турновера на тарелку вытекала пузырящаяся, липкая золотистая яблочная начинка. Выпечка весело похрустывала под пальцем Шагги.

Мальчик пустым взглядом смотрел на блюдце. Его беспокоило, что он не сможет съесть это, потому что его желудок сейчас выкидывал те же фортели, что и при спазмах страха. На сей раз не горечь, от которой трудно дышать, — чувство, похожее на эйфорию, закипало в нем. Улыбка возникла где-то внутри него, и он, задрав ноги в носках и усевшись на копчик, принялся крутиться, крутиться и крутиться, пока столешница не засияла от счастья.

Агнес выбрала собрание на Дандас-стрит в на-

дежде, что там не будет знакомых. Она время от времени пробовала посещать собрания АА, но это не захватывало ее. Она оглядывала собравшихся, видела сломанных мужчин и женщин, и стыд поднимался в ней. При свете дня она бы переходила на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с этими людьми.

Хотя ее посещения не стали регулярными, истэндская группа, на собрания которой она иногда приходила, в скором времени начала казаться ей маленькой, а число знакомых там было чрезмерным. Это-то все и портило. Большинство из мужчин постарше захаживали к ней в Питхеде, и она начинала видеть собственные узнаваемые черты в изможденных лицах нервных женщин. Ей становилось все труднее отрицать, что она мало чем отличается от них. И потому как-то вечером Агнес осталась в автобусе, проехала знакомые места встреч и вышла только на Дандас-стрит. Она подумала, что начнет с чистой страницы и, дай бог, класс алкоголиков там будет получше.

Дандас-стрит находилась в центре города между вокзалом на Куин-стрит и автобусной станцией Бьюканан, а потому клиенты АА были весьма разношерстными. Каменное здание

прежде функционировало как офис когда-то процветающей торговой фирмы, но в шестидесятые годы офис стал напоминать нищую начальную школу. Со здания давным-давно сняли декоративную лепнину и задушили его безвкусной коричневой краской, лампами дневного света и отслаивающимся линолеумом. Агнес все это показалось очень анонимным.

АА заключило долгосрочный договор с владельцами дома на Дандас-стрит и теперь снимало для собраний комнату с высоким потолком. На чуть приподнятой сцене стоял складной стол, за которым выстроились в ряд шесть пластмассовых стульев. Слева находились крохотный вестибюль и узкий коридор, где хранились кофейник и печенье. Все это производило впечатление временности, но завсегдатаи пытались сделать помещение по-домашнему уютным, украшая стены календарями и открытками, присланными из Лурда, Рима и Блэкпула.

Агнес уложила Шагги в кровать пораньше, села на автобус и уехала в город, не зная, пойдет она на собрание или, как это уже случалось прежде, окажется в бинго-холле в Гэллоугейте. Чтобы подняться по ступенькам здания на Дандас-стрит, от Агнес потребовалась вся сила воли. Войдя в

комнату, она испытала облегчение, не увидев ни одного знакомого лица. В воздухе висел густой сигаретный дым. Люди нервно вертелись на своих местах, каждый на солидном расстоянии от ближайшего соседа или соседки. В комнате стоял почти несмолкаемый душераздирающий кашель и неотвязное влажное отхаркивание. Здесь было не так уютно, как на других собраниях, куда она приходила. Люди кивали и вежливо улыбались друг другу, но связи казались менее прочными, здесь она нашла больше анонимности, которая так ей требовалась. Она сидела на ненавязчивом расстоянии от сцены и ощущала взгляды, обжигавшие ей затылок. Ее длинное мохеровое пальто здесь явно было избыточным, но она чувствовала себя в нем свободнее.

Группка людей, которая только что тихо о чем-то разговаривала в углу, заняла шесть стульев на сцене. Красивый седоволосый человек встал из-за стола. У него были карие глубоко посаженные глаза, а его брови срослись в одну ярко выраженную линию. Несмотря на нервы и внутреннюю трясучку, Агнес ничего не могла с собой поделать — она пришла в восторг.

— Здравствуйте, — начал он зычным голосом. — Спасибо, что пришли на вторничное

вечернее собрание. Тем из вас, кто меня не знает: меня зовут Джордж, и я алкоголик. Я прихожу на Дандас-стрит уже… почти двенадцать лет. Меня воодушевляет количество знакомых лиц, которых я вижу здесь сегодня, и, как всегда, меня печалит количество новеньких.

Он оперся широкими костяшками пальцев о стол.

— У нас сегодня за столом для почетных гостей есть еще и некоторые старые друзья и один или два новичка. — Люди справа и слева от него заулыбались, зашевелились на своих местах. — Прежде чем я представлю их вам, давайте начнем с просьбы Господу о помощи. — Человек опустил голову, его волосы сияли, как новогодняя мишура. Агнес прищурилась, чтобы получше его разглядеть. Весь зал пришел в движение — головы склонились, глаза закрылись, приготовились к молитве о душевном покое. Агнес знала ее наизусть, но ни одно из слов молитвы не вызывало у нее ни малейшего отклика.

Собрание началось, она сидела и слушала, как за столом для почетных гостей обсуждали проблемы сегодняшней встречи, обменивались новостями и соболезнованиями. Умерла женщина — одна из друзей группы; судя по тому, что

услышала Агнес, женщина умерла от пьянства. Джордж представил новичков за почетным столом и попросил их поделиться своими историями с группой. Поднялся человек заговорил с ровным глазговским акцентом.

— Привет, меня зовут Питер, и я — алкоголик.

Его взгляд затуманился, когда он рассказывал о том, как потерял всякую связь с женой, как его сыновья сначала предались пьянству, а потом подсели и на наркотики. Агнес слушала, как человек произносит уплощенные гласные, рассказывает свою историю так, словно сердится, использует короткие знакомые слова, придуманные жителями Глазго. Ей казалось, она знает его вплоть до дома, где он живет, настолько понятна ей была его манера говорить. Его перипетии не удивляли ее, а к концу его рассказа она прониклась к нему сочувствием: он никогда не сможет преодолеть наследие собственного акцента.

Они продолжали говорить, а она уплыла далеко-далеко, все ее нутро жаждало выпивки. Вдруг раздался голос.

— Вот вы. Черноволосая женщина в лиловом пальто. — Джордж показывал на нее. — Вы ничем не хотите поделиться с группой?

Агнес хотела было отрицательно покачать голо-

вой, но вместо этого ее ноги почти непроизвольно распрямились — она встала. Она делала это и прежде, десятки раз в различных ситуациях. Она посмотрела налево, потом направо, улыбнулась едва заметной улыбкой. Все лица повернулись к ней, но они казались ей какими-то неотличимыми друг от друга, невыразительными пятнами. На мгновение ее отвлекла мысль о том, что ее хорошенькое пальто помялось сзади, но она тут же, запинаясь, произнесла первые слова.

— П-привет, меня зовут Аг-Агнес. И я… Я думаю, что я. Алкоголик.

В зале раздались голоса равнодушной поддержки.

— Добро пожаловать, Агнес.

Агнес хотела было продолжить, но вдруг поняла, что все слова оставили ее. Она прошлась рукой по спине своего пальто, пытаясь разгладить складки. Если не считать чьего-то хронического кашля, в зале стояла тишина.

— Я в огне, но не горю, — раздался громкий мужской голос.

— Что вы сказали? — спросила Агнес.

— Ego sum in flammis, tamen non adolebit, — сказал Джордж. — Я горю. Но пламя не обжигает

меня. Это плач святой Агнесы[90].

— Вот что. — Она не знала, сесть ли ей и продолжать стоять.

— Никогда не было сказано ничего истиннее, да? — продолжил он, обретая уверенность, обращаясь к более широкой аудитории. — Меня охватывает пламя, но я не сгораю. Что ж, пусть эти слова станут для всех нас надеждой. Каждого из нас здесь сегодня пожирало пламя. — Он откашлялся и распростер руки, как рыночный торговец. — Не сжигала ли нас всех жажда выпить еще, не лихорадило ли нас, не мучили ли нас пот и паника, не жег ли огонь наши глотки, не горели ли наши сердца у нас в груди? — Согласный шумок прошел по рядам собравшихся. — Значит, вы получили то, чего жаждали. — Он удовлетворенно вздохнул. — Этот божественный глоток, которого вы так жаждали, и он обжег ваше нутро не хуже бензина. Как бензин, он питает демонов в вас, он сжигает вас дотла. Вы горите в огне, и все, к чему вы прикасаетесь, гибнет, все, кого вы любите, отшатываются от вас, отшатываются от огня. Сгорают деньги, сгорают семьи, сгорают карьеры, сгорают репутации, а вы продолжаете

[90] Примечания: 90

Агнеса Римская — христианская мученица, по преданию, была убита мечом, потому что, будучи брошена в костер, не сгорала.

гореть, когда все это уже сгорело.

Слушатели ловили каждое его слово.

— Не могу вам передать, что я чувствовал, видя, как пламя пожирает все, что у меня было. Даже когда я пытался покончить с пьянством, стоял и криком просил о помощи, я словно все еще продолжал гореть, стоял, как великий неприкасаемый. — Собравшиеся сочувственно поохали. — Я протягивал руку, моля о помощи, но все отшатывались от меня, они чурались меня, боясь, что пламя вернется. «Не помогайте ему, — говорили они. — Он этого не стоит, — говорили они. — Он никогда не изменится. Он только и вас утащит за собой в огонь».

Красивый мужчина покачал головой. В зале теперь стояла тишина.

— И в конечном счете так оно и было, правда. Я в пламени, но я не сгораю. — Он отер слюну с уголков губ. — Вот чему нас учит святая Агнеса: и в темноте еще остается надежда.

Агнес подслеповато мигала в прокуренном зале. Она поправила полы юбки и пальто, собираясь сесть. Человек заговорил громче и показал на нее.

— И пламя — не только конец. Оно еще и начало. Потому что все, что вы уничтожили, можно

восстановить. Вы можете восстать из собственного пепла.

Агнес чинно улыбнулась, она подавила в себе желание закатить глаза.

Оратор не пожалел усилий, чтобы вдохновить аудиторию. Собрание продолжалось, все пришедшие снова смотрели на сцену. Агнес испустила тихий, протяжный вздох. Вечер, казалось, только начинался.

Потом она почувствовала утешительную руку на своем плече, женскую руку, изящную и бледную, но уже с возрастными синими венами на тыльной стороне ладони. Женщина подалась вперед, чтобы прошептать несколько слов ей на ухо. Она настолько приблизилась к Агнес, что та не могла повернуть голову и посмотреть в лицо этой женщины.

— Все верно. Эти ублюдки не смогли сжечь святую Агнесу, поэтому они обезглавили бедняжку. Ебари сраные. Да?

Старуха раз хлопнула ее по плечу, потом закашлялась и откинулась на спинку своего стула.

Девятнадцать

Агнес восстала из своего пепла как раз к десятилетию Шагги. Она не брала в рот ни капли три месяца, прежде чем нанялась работать в ночную смену на заправочной станции. Она разнесла Рождество на четыре разных каталога, завалила елку подарками и заставила стол четырьмя разновидностями дичи и мяса, не имея ни малейшей надежды расплатиться за все это. Она смотрела на Лика и Шагги, которые, наевшись от пуза, полулежа смотрели телевизор, и только теперь поняла, что нужды в таких затратах сил и не было. Они были счастливы просто находиться рядом с нею, упивались ее трезвостью и тем миром, который эта трезвость принесла.

Начали приходить счета по каталогам, но, кроме денег, было и еще кое-что, заставлявшее ее искать работу. Работа помогала ей справляться с одиночеством. Помогала отвлечься, давала ей хоть какое-то дело в долгие пустые вечера. Без работы она сидела бы дома, не зная, чем занять себя, пока ее не сморит сон. Этими вечерами она главным образом думала о Шаге, о друзьях, которые перестали ей звонить, о Лиззи и Вулли,

а еще о Кэтрин в Южной Африке. Ночная смена помогала ей воздерживаться от выпивки.

На заправке был маленький магазин — единственное место на мили вокруг, где продавались сигареты, фруктовое мороженое на палочке и пакетики чипсов. Заправочная станция была оазисом в пустыне. Агнес выдвигала на себя лоток, доставала несколько грязных монет, позвякивавших внутри, клала в лоток сдачу, пачки сигарет и упаковок молока и проталкивала через окошко в непробиваемом стекле. Тут была какая-никакая социализация, и она радовалась этому.

Четыре ночи в неделю Агнес сидела за непробиваемым стеклом, уставившись в пустую темноту. Редко подъезжали такси, заправлялись дизельным топливом, некоторые просили ключи от маленького туалета с лужами на полу, другие покупали газету и холодную баночку «Айрн-Брю». Разделенные стеклом, они вели разговоры: о забастовках в Рейвенскрейге[91], о закрытии верфей, о том общем, что было в их жизнях. Водители

[91] Примечания: 91

1984–1985 гг. были отмечены рядом забастовок в Соединенном Королевстве — бастовали шахтеры, протестовавшие против закрытия шахт. Происходили волнения и в других областях промышленности. Местом наиболее ожесточенных столкновений бастующих с полицией стал металлургический завод Рэйвенскрейг близ Мазервелла, где в мае 1984 за один день было арестовано 300 пикетирующих рабочих. — *Прим. ред.*

такси привыкли к жизни за стеклом, привыкли проводить вечера за собственными перегородками и лобовыми стеклами. Агнес привыкла к их обществу, ждала разговоров с ними.

Со временем два таксиста стали ее постоянными клиентами, некоторые приезжали в свой перерыв, и тогда они ели сэндвичи по обе стороны стекла. После ее появления здесь доходы ночной смены выросли. Некоторые водители меняли маршрут, чтобы заглянуть к ней, провести пяток минут с красивой женщиной, которая смеялась, слушая их истории, с этой куколкой, которая, казалось, всегда рада встрече с ними. Они уезжали только с появлением следующего водителя.

Иногда, если она разговаривала с кем-то из них, несколько такси могли кружить у стоянки в ожидании, когда она освободится. Они смотрели на нее, как робкие малыши на тарелку с пирожными. Она видела, как они ездят туда-сюда по пустой дороге в ожидании десяти спокойных минут рядом с ней. Они злились, если видели, что она смеется с другими водителями.

Некоторые из водителей постарше просили у нее только то, что лежало на низких полках. Для них это была игра, способ убить время. Агнес не возражала. Они рассказывали ей какие-ни-

будь байки, глядя, как она передвигается по маленькому магазину, собирая то, что они заказывали — сахар, крахмал. Они чувствовали себя менее одинокими, когда она наклонялась за сегодняшней газетой, они смаковали зрелище натягивающейся на ней юбки, когда она садилась на корточки, чтобы взять что-нибудь с нижней полки. Им нравился ее джемпер с низким вырезом, черные бретельки ее бюстгальтера на розовой коже. Агнес знала, какая это ужасная вещь — одиночество.

После нескольких темных зимних месяцев работы на заправочной станции Агнес стала получать подарки. Поначалу это были всякие мелочи вроде коробок с картошкой или нескольких баночек маринованного лука из магазина самообслуживания. Как-то утром ей подарили коробочку прокладок. А вскоре некоторые водители стали делать ей крупные подарки — например, старый холодильник, старый портативный телевизор, другую электронику, явно украденную. Как-то раз Шагги пришел домой из школы и увидел, что треснувшее стекло противосквознячной двери заменено. В другой раз он пришел домой и увидел, что еще вчера покрытые плесенью стены кухоньки заново обклеены обоями. В са-

мое глухое время ночной смены на заправке мог долго никто не появляться. Тогда Агнес сидела и смотрела на Пит-роуд, считая часы по приходящим и уходящим пустым ночным автобусам. В такое время она сидела за своим непробиваемым стеклом и медленно листала каталог «Фриманс», тратя еще не полученное жалованье. Солнце выползало из-за горизонта, и она готовилась к завершению смены, клала в карман шоколадный батончик, чтобы дать в школу Шагги, брала себе пачку хороших сигарет. Она отпирала замок на двери, впускала утреннюю смену, потом шла в Питхед по дороге, а солнце спешило позолотить шлаковые холмы, пока небо не затянулось дождевыми тучами и не накрыло поселок привычным серым одеялом.

По пути домой Агнес не раз пропевала вежливое «с добрым утром», проходя мимо усталых, сутулых женщин, отправлявшихся в город на уборщицкие заработки. Уборщицы потирали золотые крестики, висевшие на их шеях, и бормотали тихое «наше вам», не глядя на нее. Чем могла заниматься уважающая себя католичка, возвращающаяся домой в сей непотребный час, они даже и представить себе не могли. Они с подозрением относились к этой женщине, у

которой ранним утром были накрашены губы, а на длинных ногтях сверкал свежайший лак цвета секса. Мужчины, которым повезло до сих пор иметь работу, поднимали глаза и улыбались, проходя мимо Агнес. Они, желая ей доброго утра и воровато подмигивая, пытались спрятать от ее глаз свертки с ланчами, приготовленные их женами.

Вернувшись домой, она засовывала украденную шоколадку под подушку Шагги, а потом с поцелуем и чашкой чая с молоком будила его и отправляла в школу. В ногах кровати Лика она оставляла его комбинезон, выстиранный и вычищенный после вечерней смены. Мальчики молча лежали в разных кроватях, смотрели друг на друга, слушая, как она подпевает утреннему радио. Никто из них не моргал, опасаясь разрушить волшебство.

Агнес проработала в ночные смены всего месяца два, когда познакомилась с ним — рыжеволосым быком. Он был не похож на остальных. Остальные таксисты имели вид уже смирившихся со своим положением мужчин, лучшие годы которых остались позади, время, проведенное за баранкой, привело к разрушению их тел, обильные шотландские завтраки и ужины

в закусочных оседали на их талиях, как овсяная каша. В конце концов такси скручивало их плечи дугой и вжимало головы во вторые подбородки. Те, кто слишком долго работал в ночные смены, становились призрачно-бледными, их единственным цветом была слабая розацеа[92] — следствие многих лет пьянства. Это были те самые мужчины, которые украшали свои пальцы золотыми кольцами с изображением соверенов и получали тщеславное удовольствие от того, как сверкает металл, когда они крутят баранку. И это, конечно, напоминало ей о Шаге.

Когда рыжеволосый в первый раз вышел из своей машины, она старалась не таращиться на него. Он, видимо, недавно сел за руль. Плечи у него были прямые, а румянец на щеках свидетельствовал о том, что время он проводит на солнце и свежем воздухе, а не в темных пабах за кружками золотистого стаута. Пока он, высокий, широкоплечий, заправлялся соляркой, она наблюдала за ним — он стоял там, стройный и гордый. Он покачал такси сильной рукой с бока на бок, его рыжие кудри сияли под мигающими флуоресцентными лампами. Он не вздрогнул,

[92] Примечания: 92

Розацеа — хроническое кожное заболевание, проявляющееся покраснением кожных покровов и расширением мелких сосудов.

увидев ее, как, случалось, вздрагивали другие, но и не улыбнулся. Она сидела за стеклом, сложив руки на груди, словно ждала любовника, который забыл приехать за ней. Она просунула ему сдачу в лотке, он пробормотал слова благодарности и вернулся в свое такси.

В следующий раз он появился несколько недель спустя. На сей раз она заговорила с ним, когда он еще и к окну не успел подойти.

— Вы не так давно за рулем, верно? — сказала она с напомаженной улыбкой, предупредительно выдвинув для него лоток.

— Извиняйте, — сказал он, возвращаясь к реальности из своих мыслей. — Я вас не слышу за стеклом.

Агнес отметила его грубоватый шотландский, мягкую напевность Стратклайда[93]. Она продолжила на идеальном английском:

— Я просто спросила, не новичок ли вы среди таксистов.

— С чего это вы вдруг задаете такой вопрос чужому человеку? — демонстративно спросил он, от его дыхания холодное стекло между ними запотело.

---

[93] Примечания: 93

Административный район на юго-западе Шотландии, существовавший с 1975 по 1996 г. Назван по имени средневекового королевства.

Улыбка сошла с лица Агнес.

— Просто здесь бывает много таксистов. Вы мне кажетесь более… жизнерадостным, чем остальные.

Он на говорящую собаку посмотрел бы с меньшим удивлением.

Она неловко продолжила:

— Знаете, мне просто кажется, что на вас это занятие, долгая езда, все эти трудные пассажиры не наложили заметного отпечатка.

— Думаете, в людях разбираетесь?

Этот вопрос застал Агнес врасплох. Теперь она замолчала. Рыжеволосый с громким металлическим звоном опустил несколько монет в лоток.

— Пинту молока и белый хлеб. Хлеб формовой, а не простой. И обязательно свежий. И не помните его в этой штуковине. — Он показал на ее лоток.

Агнес потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя, наконец она встала. Пройдя половину пути до полки с хлебом, она оглянулась проверить, смотрит ли он на нее, но рыжеволосый уставился себе под ноги, словно у него на туфлях была написана какая-то история. Он дышал своим лошадиным носом, она видела, как поднимаются и расправляются его плечи, а потом падают. Вид у него был усталый, больной

и усталый. Вернувшись к окну, она положила плоский пакет молока в лоток и просунула ему. Он взял его своей лапищей. Теперь она уронила в лоток хлеб, и только тогда он опять заговорил.

— Вы помнете мой хлеб. — Агнес ошарашенно посмотрела на него. Хлеб легко проходил, если немного нажать, но мужчина снова возмутился, его щеки порозовели. — Я вам говорю: не запихивайте его сюда.

— С ним ничего не случится. Он сразу же восстановит свою форму.

Она надавила пальцами на влажный хлеб, и вмятинки, словно рекламируя его свежесть, разгладились.

Человек молчал.

Агнес застенчиво улыбнулась.

— Ничего не могу с этим поделать. Открывать дверь запрещено. — Она положила руку на грудь и широко раскрыла глаза. — Вы же видите: я здесь одна.

Рыжеволосый стоял, переминаясь с ноги на ногу, его щеки раскраснелись. Он моргнул, посмотрел на свои ноги, втянул воздух, раздув крупные ноздри.

— Послушайте, вы будете брать этот хлеб или нет? — спросила Агнес, подаваясь поближе к

стеклу. Вырез на свитере сдвинулся, и она знала, что теперь ему видна бретелька бюстгальтера на ее плече. Она улыбнулась, чуть опустив веки.

Он шарахнул кулаком по стеклу, и она отпрыгнула, словно от удара.

— Матерь божья. Неужели честный человек не может получить гребаный хлеб так, чтобы его не сдавили по дороге.

Это разбудило демона в Агнес. Такое безразличие к ее красоте наносило сильный удар по ее самолюбию. Это пренебрежение ею вызвало у нее желание выпить. Крашеным ногтем она надорвала упаковку, вытащила один из нарезанных под сэндвичи ломтей, потом, словно дохлую рыбу, уронила его в лоток, который передвинула на другую сторону к здоровяку.

Он посмотрел на ломоть хлеба в лотке так, словно Агнес наложила туда кучу.

— Так берите его, — строго сказала она, ее улыбка и бретелька бюстгальтера исчезли. Рыжеволосый нежно ухватил ломоть пальцами. Лоток с металлическим скрежетом уехал назад, Агнес положила в лоток еще один ломоть и переправила его на другую сторону. Человек взял и его. Так это и продолжалось: Агнес клала в лоток очередной кусок хлеба, а мужчина бережно, как

фарфоровое блюдечко, подбирал его. Она была уверена, что он ни разу не вздохнул за все это время. Где-то внутри него свистел воздух, словно выходил из проколотой покрышки, а он смотрел на половину буханки в своих руках. Агнес продолжала гонять лоток туда-сюда.

— Пока шахта не закрылась, я тута работал, — тихо сказал он. — Как вы догадались, что я не водитель?

— Просто вижу, — сказала Агнес. — Есть кой-какой опыт.

— Правда?

— Могу об этом целую книгу написать. — Она положила очередной ломоть в лоток.

— Не понимаю, как они выдерживают, — сказал рыжеволосый. — А с какими людьми приходится сталкиваться! Мерзавцы всех мастей.

— Чтобы ездить по ночам в такси, нужен особый склад. Вы давно начали работать в ночную?

— Около месяца.

— Чертовски одиноко, да? — сказала Агнес.

Мужчина посмотрел на нее, будто видел в первый раз.

— Да, оченно одиноко, — сказал он, глядя усталыми глазами.

Она отправила ему ломоть с горбушкой.

— Ну, приезжайте завтра. Я вам просуну коробочку с кукурузными хлопьями.

Мужчина в первый раз улыбнулся. У него были крупные ровные и белые зубы.

— Договорились.

— Да, и не забудьте взять полиэтиленовый пакет, потому что я буду отправлять их вам поштучно.

У нее после Шага были другие мужчины, но ни с кем из них она не проводила ночей. Целый день прождала она гудка автомобиля. Еще до ланча она приняла ванну, и все равно ей пришлось ждать до восьми часов, когда он обещал заехать. Часы с радиоприемником мигали своими неоновыми цифрами, словно вели обратный отсчет времени. Агнес целый день бросало то в жар ожидания, то в холод уныния, и теперь перед туалетным зеркалом она чувствовала себя с каждой минутой все большей дурой. Она в уме составила список того, о чем не должна говорить этому новому мужчине. От плохих вещей, которые из лучших соображений следовало держать при себе, у нее перехватило дыхание. Они требовали выпивки.

Шагги безмолвно сидел рядом с ней, терпеливо положив руки на колени, аккуратно скрестив щиколотки. С его лица не сходило выражение

мучительных переживаний. Агнес пыталась пересказать свою жизнь и чувствовала себя все более тупой и скучной. От тех вещей, о которых ей не стоило говорить, у нее начинались приступы зевоты. Та женщина, о которой ей не следовало рассказывать, спала с 1967 года — года ее знакомства с Шагом.

Рыжеволосого быка звали Юджин. Имя ей нравилось — оно было одновременно старомодным и простым. Таким именем матери обычно называли своих первенцев, тех, кто должен был стать основательным и надежным, гордостью матери, но не ее радостью. Агнес всегда казалось, что матери-католички давали это имя сыновьям, которых предназначали для священничества, детям, обреченным стать церковной десятиной.

Юджин нажал на гудок черного такси, и Агнес нервно подскочила на месте. Маленький пузырек с духами тихонько звякнул на ночном столике. Она посмотрела на мальчика, который сидел, скрестив пальцы на счастье. Он поднял руку со скрещенными пальцами и потряс перед ней с улыбкой надежды. В дверях появился Лик, он оперся о косяк, обхватил себя руками. Она попросила его поцеловать ее на счастье, и Шагги смотрел, как она обхватила брата руками за шею.

Поначалу Лик оставался неподвижным, а потом очень медленно раскрыл руки и обнял ее. Он покрыл поцелуями ее щеки, наконец она, хихикая, как девчонка, оттолкнула его, проверила, не испортил ли он ее румяна.

На улице в мягком свете предвечерья она снова увидела, как красив Юджин. В костюме с широкими лацканами, аккуратно расчесанными густыми волосами — с таким мужчиной и старое такси превращалось в «Роллс-Ройс». Юджин открыл дверь и вышел из машины. Агнес увидела на нем галстук-шнурок, на котором гордо поблескивала галстучная булавка. Она поняла, что они впервые видят друг друга, не разделенные стеклянной перегородкой.

Он открыл заднюю пассажирскую дверь, и она не глядя могла сказать, что все питхедские женщины прилипли к своим окнам. Она почувствовала ветерок, создаваемый тысячью отодвигаемых тюлевых занавесок, откинула окольцованной рукой волосы с лица, высоко подняла голову. Она чуть ли не слышала, как они сердито скрежещут зубами.

— Нашли дом без проблем? — спросила она, когда он захлопнул за ней дверь.

— Без малейших, — сказал он, заводя маши-

ну. — Я не заставил вас ждать?

— Нет-нет. Я целый день носилась по дому как сумасшедшая, чтобы подготовиться, — день пролетел незаметно. — Она постаралась приправить свои слова легким небрежным смешком.

— Ну, выглядите подобающе. — Он одобрительно посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

— О, гора с плеч, — сказала она, поднимая руки и позволяя потрястись кожаным кисточкам на рукавах. — Я понятия не имела, что мне надеть.

Агнес никогда не была в «Гранд Олд Опри»[94]. Здание это находилось в Саут-сайде Глазго на Гован-роуд и представляло собой старый переделанный кинотеатр в пришедшей в упадок части города. Пары приходили на вечера кантри-музыки с линейными танцами и состязаниями по ганслингу[95] независимо от программы — музыки ли кантри или соревнованиям с пистолетами, «Опри» был мил глазговцам. В любой вечер зал «Опри» был битком набит. В течение нескольких

---

[94] Примечания: 94

«*Гранд Олд Опри*» (*Grand Ole Opry*) — кантри-клуб, основанный Алексом Флемингом, открыт в 1974 г. Крупнейший кантри-клуб в Британии. В 80-х клуб стал домом для «Стрелков из Глазго». — *Прим. ред.*

[95] Примечания: 95

Ганслинг — состязание на скорость вытаскивания пистолета. Эти состязания восходят к реалиям Дикого Запада, когда от способности быстро вытащить пистолет нередко зависела жизнь.

часов Эдна Маккласки из Кларкстона[96] могла побыть Красоткой из Кентукки, а ее мужчина, малютка Стан, мог надеть кожаную жилетку и широкополую ковбойскую шляпу с кисточками и стать Дилижансовым Станом, Охотником за головами.

Юджин припарковался, помог Агнес выйти из машины. Вывеска «Старый Вестерн» освещала улицу и отражалась на влажном асфальте. Люди толкались у входной двери, и Агнес показалось, что она пришла на демонстрацию мод. Юджин пробрался в начало очереди, с важным видом помахал своим игрушечным серебряным шерифским значком, и они вошли в дверь.

Внутри «Опри» ничуть не напоминал кинотеатр, которым когда-то был. Зрительный зал расположился на двух уровнях, а впереди находилась просторная сцена. Сейчас на ней под оркестр выступал певец в кожаных ковбойских штанах коричневого цвета, с начесом в стиле «кантри рок» над рябым лицом. Он зажимал микрофонную стойку ногами, словно любимую девушку. Пел он хрипловатым гнусавым голосом

---

[96] Примечания: 96
Кларкстон — пригород Глазго. — *Прим. ред.*

под Джонни Кэша[97].

Перед сценой была маленькая танцевальная площадка, где пары постарше отплясывали нечто напоминающее народный американский танец. Старички в обтягивающих джинсах раскручивали толсторуких теток, которые делали вид, будто получают огромное удовольствие, сплетая руки и делая два шажка под музыку. Дамы в «Опри» предпочитали приходить, вырядившись в женские ковбойские одеяния или в пышные кружевные платья куртизанок.

Агнес посмотрела на свои черную обтягивающую юбку и кожаное пальто. В каталоге они стоили целое состояние. Она два раза отправляла покупки назад, чтобы получить нужный ей размер. И теперь, оглядывая зрителей в джинсах и гофрированных платьях, она тихо ненавидела свое одеяние.

Юджин провел ее сквозь толпу. На нем были кожаные туфли, а под коричневым пиджаком — оружейный ремень с декоративной кобурой и сверкающими пистолетами с каждой стороны. Многие запанибратски кивали, он отвечал холодным кивком. Вокруг танцевальной площадки

---

[97] Примечания: 97

Джонни Кэш (1932–2003) — американский певец, ключевая фигура в мире кантри-музыки второй половины XX в. — *Прим. ред.*

располагались маленькие столики с круглыми столешницами, за которыми сидели пары помоложе, еще недостаточно пьяные, чтобы без смущения присоединиться к танцу. Юджин пододвинул стул и усадил Агнес точно в центре зала, а не где-нибудь в углу. Он взял ее пальто, и она позволила ему помедлить, задержать руки на ее плечах на время, достаточное, чтобы вдохнуть запах ее волос.

Здесь все дышало заразительным дребезжанием оркестра и размеренным пружинистым танцем. В воздухе витали теплые запахи золотистого виски и кожи. Было еще рано, но толпа уже завелась. Агнес показалось забавным, что дешевая одежонка может так раскрепощать.

— Ну и что вы об этом думаете? — спросил Юджин с широкой, гордой улыбкой на лице.

— Великолепно, правда?

— Так оно и есть. Знаете, ведь когда-то в Глазго был настоящий Дикий Запад. Тут до сих пор тебя могут ночью скальпировать на Мэрихилл-роуд. — Юджин наслаждался, оказавшись в своей стихии. — Я рад, что мы наконец смогли нормально встретиться.

— И я тоже рада.

— Мне пришло в голову, что сегодня впервые

за все время я смог убедиться, что у вас есть ноги. — Он рассмеялся. — Что вы ниже талии не табуретка на заправочной станции.

— Я надеюсь, вы не разочаровались.

— Не-не, — рассмеялся Юджин и протянул лапищу как бы для формального знакомства. — Рад встрече. Расскажите чуток о себе.

— Да особо и рассказывать нечего. — Агнес подняла подставку для пива и принялась нервно крутить ее в руке, произнесла несколько слов, которые давно заготовила. — Родилась и выросла в Глазго, в католической семье. Жизнь была тихая, неприметная.

— То же и у меня.

— Я разведена, — поспешила добавить Агнес, которой такая формула нравилась больше, чем «Мой муж бросил меня ради уродливой безвкусной шлюхи».

Юджин после паузы, которая на секунду-другую затянулась дольше, чем следовало бы, спросил:

— Неужели никак не удалось наладить отношения? — заговорил в нем католик.

Не разочаровала ли она его? Агнес не могла понять. Она отрицательно покачала головой и с облегчением услышала позвякивание шпор — к их столику подошла официантка, хорошенькая

молодая женщина, одетая в облегающие светлые джинсы и широкий пояс из кожи гремучей змеи, голова которой осталась на поясе, а ее погремушка торчала из змеиной пасти, как пробка из бутылки.

— Приветствую, шериф. Как жизнь — улыбается вам? — Она говорила с просторечным техасским гнусавым акцентом, с каким говорят в самой глубинке Горбалс[98].

— Привет, Белл, не могу пожаловаться. — Юджин показал в сторону Агнес. — Это моя подруга Агнес. В первый раз здесь.

Белл без улыбки кивнула своей большой шляпой в сторону Агнес. Приветствие было холодным.

— Итак, шериф, катаетесь на вашем новом дилижансе по этому дикому городу?

— Да уж. К несчастью.

— Что ж, в один прекрасный день я собираюсь убедить вас отыскать меня как-нибудь, — продолжила она на чистом голливудском техасском. Она наклонилась к нему, ее рубашка распахну-

---

[98] Примечания: 98

На протяжении долгого времени, особенно в 80-х годах XX века, глазговский район Горбалс считался одним из самых депрессивных и опасных не только в Шотландии, но и во всем Соединенном Королевстве. — *Прим. ред.*

лась на груди. — Может быть, мы прокатимся до Бернтайленда[99]. У моей племянницы там домик на колесах у воды.

Агнес задумалась: есть ли в Техасе такие домики на берегу моря. Она хихикнула. Не могла сдержаться. Официантка посмотрела на нее, как на чуму.

— Может, в другой раз, — сказал Юджин, заерзав на своем стуле.

Белл вздохнула, сунула большой палец в петельку под ремень на джинсах.

— Ну, что будешь, приятель? — Теперь она говорила с невыразительным саут-сайдским акцентом.

— Мне пинту лагера и порцию виски. — Он посмотрел на Агнес.

— Ммм… Я выпью кока-колу, — сказала Агнес. У нее во рту пересохло — она весь день страшилась этой минуты.

— И все?

— И лимон, — добавила Агнес с самым беззаботным видом, какой смогла напустить на себя.

---

[99] Примечания: 99

Бернтайленд — город в Шотландии, расположен в области Файф на берегу залива Ферт-оф-Форт. Он известен среди местных жителей своим превосходным песчаным пляжем, замком Россенд, а также традиционной летней ярмаркой. — *Прим. ред.*

— Сейчас принесу.

Женщина вздохнула и удалилась, позвякивая шпорами и не забывая покачивать задницей, как раскормленная телочка.

Агнес взглянула на Юджина. Ее порадовало, что он не смотрит украдкой вслед официантке.

— Она, похоже, миленькая.

— Да, пожалуй, — неубедительно сказал Юджин.

— Хорошее имя, красивое — Белл.

— Да, ничего. Жаль, что ее настоящее имя — Джеральдина.

Агнес рассмеялась.

— Тогда все понятно, *шериф*.

Юджин позволил ей посмеяться над ним — с его стороны это было щедро, и она расслабилась.

— Да, эта Джеральдина из Гарткоша[100], и очень может быть, что она убила эту змею и сама сшила из нее пояс.

— Тогда с ней надо держать ухо востро.

— О да. Эта женщина может сделать себе новые сапоги из старого мужа.

Принесли заказ, и они какое-то время смотрели, как танцоры вращают друг друга, прежде чем

---

[100] Примечания: 100

Гарткош — деревня в Северном Ланаркшире, Шотландия. Находится в нескольких милях к востоку от Глазго. — *Прим. ред.*

Юджин повернулся к ней.

— Так почему вы не пьете?

Агнес наскоро пролистала отредактированную историю собственной жизни.

— Вы знаете, мы с алкоголем несовместимы. У меня по утрам от него жуткая головная боль.

Она нервно поскребла затылок.

Судя по виду Юджина, он не был готов поверить в эту ложь. Искорка понимания сверкнула между ними.

— Ну, ладно, может быть, позже.

— Может быть. — Она попыталась сменить тему. — Так как же получилось, что шериф городка до сих пор холост?

— То же самое я собирался спросить у вас.

— Это долгая история. Вы помните те сапоги, что изготовлены из мужей?

— Что? Так мне стоит поберечься?

— Ну кое-кто говорит, что я разведенка, которая ищет подходящий кошелек. — Она присосалась к соломинке. — Так, продолжайте. Ответьте на мой вопрос.

Ответил он не сразу. Он сделал маленький глоток лагера и большой — виски.

— Я был женат очень долгое время, вплоть до прошлого года. Рак. Совершенно неожиданно.

— Примите мои соболезнования. — Она положила ладонь на его руку. — Он и моего отца унес.

Он только кивнул и еще раз приложился к пиву и виски. Запотевшее стекло его стакана с лагером выглядело так привлекательно.

Музыка смолкла, оркестр сообщил, что у них перерыв. Подошла потная пара, женщина в каком-то бордельном платье и мужчина в стандартном ковбойском облачении.

— Привет, шериф. Как делишки? — сказала женщина с самым развязным акцентом, какой можно услышать в Глазго. Юджин представил пару как Лесли и Лезли[101], завсегдатаи.

Лесли сказал:

— Если увидите мою жену, не говорите ей, что я здесь с моей пташкой.

Коротышка улыбнулся, отчего стал похожим на хорька.

— Надоело. Сто раз уже это слышала. — Его жена закатила глаза, устав от годами повторяющейся шутки. — Мы хотели подойти и узнать, как поживаешь, шериф. — Лезли сложила свои толстые ручки под большими грудями, ухватила

---

[101] Примечания: 101

Оба имени происходят от названия шотландского клана Лесли; имя Лезли (Leslie) дается мальчиками, а Лесли (Lesley) — девочкам.

пальцами распятие. — Как ты, держишься?

— Справляюсь. — У Юджина был немного загнанный вид.

— Мы продолжаем молиться за тебя в церкви, — сказала Лезли. — Кажется, что вчера это было, правда?

— Да, — ответил Юджин. Он нервно посмотрел на Агнес.

— Господь любит и хранит ее.

Лезли продолжала крутить крестик.

Юджин приветственно поднял свой стакан с виски, но пить не стал.

Агнес посмотрела на Лезли. Женщина разглядывала Юджина, ее глаза перемещались с волос на его отреставрированные пуговицы на жилетке, на воротник его рубашки, отбеленный и накрахмаленный. Она принадлежала к тем женщинам, которые живут подробностями. «Кто гладит ему рубашку? Кто его кормит?»

— Как твои сестры? — спросила она наконец.

— Вполне себе, — сказал он. — Хотя я и старший, но глядя на то, как они себя со мной ведут, никак этого не скажешь. Они и Мафусаила готовы учить уму-разуму.

— Ну-ну, просто они переживают за тебя. Скажи вашей Коллин, что я спрашивала про нее и

ее малышей, хорошо? Какой ужас с ее Джеймси. Скажи ей, что я им пошлю кое-какую старую одежду. Наш Джеральд еще вытянулся, растет, как сорняк. Не представляю, как ваша Коллин одевает всех пятерых после закрытия шахты.

Юджин сидел неподвижно, как статуя, все еще держа в руке стакан с виски. Когда до Агнес стало доходить услышанное, улыбка начала сползать с ее лица.

— После закрытия шахты это место просто катится в пропасть. Я слышала про эту историю с валиумом. О да, и я все слышала об этой блядовитой алкашке по другую сторону улицы. — Она посмотрела на Агнес в надежде на женскую солидарность. — В мои дни церковь убрала бы такую личность куда подальше. Неправильно, когда такая женщина живет среди порядочных семей.

Теперь хорькообразный ковбой закатил глаза и ухватил рыхлую руку жены. Он чуть ли не силой потащил ее на танцпол.

— Ну что ж, всего вам, — весело сказала женщина, потом посмотрела на Агнес. — Рада была познакомиться, дорогая.

Агнес кивнула, но ее глаза уже остекленели, черная тушь грозила растечься. После ухода супружеской пары она и Юджин довольно долго

сидели молча. Потом заговорила Агнес.

— Значит, вы все просто хотели посмеяться надо мной?

— Нет. — Юджин потряс своей гривой рыжих кудрей, как серьезный ребенок. — Я — нет.

— Все надо мной смеются, — сказала она главным образом для себя. — Наверное, я для вас большое посмешище.

— Нет, — повторил он. Его руки лежали на столе широкими розовыми ладонями вверх, точно так же клал руки на стол и аферист Шаг, когда пытался казаться искренним.

Агнес смотрела на его неподвижные руки, урезонивая в себе то свое «ах, бедная я, несчастная», которое хотело, чтобы он сделал ей побольнее, ту свою часть, которая хотела получить ожидаемое.

— Так кем вам приходится Коллин Макавенни? Вас тут столько набралось, что я не удивлюсь, если она окажется вашей родней, вашей сестрой и вашим молочником одновременно.

Юджин вздохнул.

— Вы спросили меня, без проблем ли я нашел ваш дом, и я сказал «да». Я не очень точно выразился. — Он неторопливо отхлебнул пива, наскоро пригубил виски и снова положил руки на столик ладонями вверх. — Коллин Макавенни

— моя младшая сестра.

Радостный гул в зале смолк. Агнес не сомневалась, что Лесли и Лезли смотрят на нее. Их пронзительные глаза выжигали на ней знакомые клейма позора — на ее щеке, на подоле ее юбки, на кольцах. Она сидела, осознавая его слова. Янтарный лагер взывал к ней. Он говорил, что ей сразу станет лучше.

Она вдруг поняла, что Юджин опять заговорил.

— С Коллин нас всего восемь, и все живут в одном поселке. Крепкая ирландская семья. Вы знаете, как это бывает. Наш дед был одним из первых шахтеров, и мы все выросли и типа подзадержались на этом месте. Они в свое время не очень ценили воображение. — Он попытался выдавить теплую улыбку. Но Агнес не могла оттаять.

— Ну. И что она говорит про меня? — спросила Агнес, выпрямляя спину.

— Да вы не обращайте внимания. Она слишком много говорит обо всякой херне.

Его раскрытые ладони сжались в кулаки.

— И все же, я могу себе представить…

— Поселок такой маленький… — утешительно сказал Юджин.

– Я забулдыга…

— и тут уж, как ни крути…

– и я плохая мать…

— а все суют нос в чужие дела…

– я выставляю себя на посмешище…

— нет чтобы своими заниматься.

– и я грязная шлюха.

От последнего слова он неловко заерзал на стуле. Добрый католик, первенец, надежный и искренний.

— Понимаю, — тихо сказала она.

— Я должен у вас спросить, — сказал он спустя несколько секунд. — Я что говорю. *Мне очень неловко спрашивать вас об этом.* — Она увидела, как дернулась его плотная шея. — Но вы когда-нибудь спали с ее мужем. С Большим Джеймси?

Его вопрос поставил ее в тупик. Годы пьянства туманят разум. Если люди годами спрашивают тебя: «Ты помнишь ночь, когда сделала это?», то твое собственное представление о правде утрачивается. То, что случалось с ней во время запоев и о чем она забывала, могло быть как мелким и незначительным, так и чудовищным и скандальным. Правда заключалась в том, что она не спала с Джеймси, по крайней мере по доброй воле. Он обманом добился ее согласия, а потом отказался выполнять свои обязательства. Отчего

случившееся становилось чем-то похуже секса. Она не знала названия тому, что случилось.

— Нет, я никогда не спала с Джеймси, — сказала она самым уверенным тоном, какой у нее получился.

Юджин снова поднес стакан к губам, радуясь, казалось, возможности чем-то отгородиться от нее. Агнес сидела с прямой спиной, подняв голову так высоко, что это, видимо, доставляло ей неудобство.

— То, что обо мне болтают, вранье. У меня дом в полном порядке. В безукоризненном.

На сцену поднялся тощий человек. Косматый и изможденный, с длинными седыми волосами, как у Вилли Нельсона[102], годы курения окрасили часть его прядей в желтый цвет. Он задребезжал в микрофон, словно призывая всех присоединиться к шотландской джиге.

— Подходите поближе, ребята. Р-решающий момент. И для вас — добрых старых ирландских ковбоев в нашем кругу — это означает, что время пришло: половина одиннадцатого вечера. — Собравшиеся дружелюбно рассмеялись. — Час стрелков. Так что выстраивайтесь в очередь. И

[102] Примечания: 102

Вилли Нельсон (1933) — американский композитор и певец в стиле кантри. Обладатель 12 наград «Грэмми», включен в Зал славы кантри.

мы можем начать первый раунд.

Радуясь этому отвлечению, Юджин слил обе янтарные жидкости в один стакан.

— Ну-ка! Поднимайтесь.

Юджин встал и, не дожидаясь ответа Агнес, поднял ее со стула. Он стащил с себя пиджак, обнажив два серебряных пистолета. Он снял пояс с кобурой, надел на нее, затянул, но так, чтобы пояс висел свободно.

— Порядок. Теперь смотрите на меня. Ковбой на сцене будет считать до трех. — Он неподвижно держал руки по швам. — Только когда он скажет «три», разрешается схватить пистолет. На счет «три» вытаскивайте пистолет, цельтесь, взводите курок и стреляйте. — Юджин поднял руку с одним из пистолетов, быстрым движением отвел назад курок и изобразил нажатие на спусковой крючок. — Не переживайте насчет прицеливания, старайтесь только как можно быстрее нажать на крючок.

— Я не могу. Я выставлю себя на посмешище.

— Мы оставляем нашу гордость за дверью. — Юджин показал на блестящий пластмассовый значок. — Я шериф в этом городе, а вы — моя дама. Никто не посмеет смеяться над вами.

Агнес услышала только «моя дама».

Тощий человек на сцене объявил женский раунд, и женщины начали выстраиваться в очередь. Агнес прежде не обращала внимания на все эти пистолеты, но теперь увидела — длинные, сверкающие и ненастоящие на вид. Юджин поставил ее в очередь.

— Я не могу! — прошипела она.

— Послушайте, вы представьте себе, что целитесь в нашу Коллин, и вы точно попадете ей между глаз.

Первые две женщины встали друг против друга на расстоянии в двадцать футов на усыпанном опилками полу. Тощий человек представил их: Аннислендский Ангел и Дельта Дейрдра. Подняв руку, он принялся громко считать в микрофон.

— Оди-ин… Два-а…

На счет «три» обе женщины потянулись к пистолетам на поясах. Прицелились, перевели курок в боевое положение и нажали на спусковой крючок. Раздался громкий дымный треск, как выстрел из детского пистолета. Дельта Дейрдра явно опередила соперницу — Аннислендского Ангела. Женщина подула на дымок из ствола. Комната взорвалась ревом.

— Ах да, — сказал Юджин. — Я забыл — вам же понадобится сценическое имя. — Он отошел в

сторону с озорной улыбкой. Она увидела, как он сел за столик, заказал еще выпивку потом, глядя на Агнес, поднял руки с выставленными вверх большими пальцами — мясистыми и розовыми.

Когда подошла очередь Агнес, воздух уже насытился серным запахом, словно сюда заявился Гай Фокс. Женщина на входе спросила Агнес, как ее зовут, записала, передала бумажку человеку у микрофона. Агнес провели по сцене и поставили лицом к другой женщине, в которую ей предстояло стрелять. К несчастью, женщина ничуть не походила на Коллин. Косички, белые носки с оборками и короткий фартук в полоску — ей вполне могло быть под шестьдесят, а судя по ее виду, она могла зарабатывать на жизнь, готовя школьные обеды.

Тощий человек у микрофона назвал имена следующей пары. Слева была Аризона Энн.

Зрители захлопали, когда «повариха» приподняла подол платья и сделала реверанс.

— Справа — сказал человек, показывая на новенькую, — Возрождающийся Феникс. — Зрители снова захлопали, и Агнес не сомневалась — ей они аплодировали чуть громче.

Человек начал отсчет.

— Оди-ин… Два-а…

— Прошу прощения. Подождите, подождите! — закричала Агнес, наклоняясь и ставя на пол у себя между ног свою сумочку. Зрители засмеялись. Агнес вспыхнула.

Человек вздохнул и начал отсчет заново. Сосредоточившись, Агнес прикусила язык. Все мужчины глазели на нее.

— Оди-ин… Два-а… Трииии…

Раздался хлопок, а вскоре еще один. Агнес открыла глаза. «Повариха» в победном жесте вскинула кулак.

Шериф, начав соревнование, дошел до полуфинала, и Агнес бóльшую часть вечера просидела одна, нянча в руках стакан кока-колы. Он легко убивал противников, и она, как это ни странно, гордилась им; она сидела, словно в трансе, и думала о том, какой красивой парой они могли бы стать. Потом она подумала о Коллин и обо всех других постных физиономиях, которые осуждают ее и, возможно, состоят с ним в близком родстве.

Шерифа в конечном счете выбил певец, который выступал под именем Поющий Водопроводчик. У рябого вид был такой, будто он тренировался стрелять у себя в спальне под пла-

стинки Кенни Роджерса[103]. У него было хмурое лицо, преображенное в дешевую гримасу а-ля Клинт Иствуд[104], которую он высокомерно совершенствовал.

В итоге Водопроводчик победил; он получил несколько жетонов на бесплатную выпивку в баре, а потом вернулся на сцену, и оркестр заиграл снова. На деревянный пол вышли новые пары, подогретые дешевой выпивкой. Шериф отвел Агнес в середину, церемонно — как это больше не делают молодые люди — прижимая ее к себе.

— Мне понравилось имя, которое вы себе выбрали.

— Спасибо, но вы не дали мне времени подготовиться.

Он был теплый, от него пахло чем-то сладким, его горячее дыхание обжигало ее. Она позволила себе прижаться к нему, прильнув к его широкой груди.

— Вы молодцом. — Он с искренней гордостью посмотрел на нее. Она почувствовала себя счаст-

---

[103] Примечания: 103

Кенни Роджерс (1938–2020) — американский певец и киноактер, один из наиболее успешных в кантри-музыке. — *Прим. ред.*

[104] Примечания: 104

Клинтон Иствуд-младший (1930) — американский киноактер, кинорежиссер, композитор. — *Прим. ред.*

ливой.

— Ну это вряд ли. Меня пристрелили в три секунды.

— И то, что вы представляли перед собой Коллин, не помогло?

— Я зажмурилась.

Юджин расхохотался, его глаза горели от выпивки.

— Отлично. Вы определенно выиграли бы приз за красоту.

— Тссс. Вы еще подождите. У меня дома есть старые занавески, и я к следующему разу сошью из них просторное платье.

Он восторженно смотрел на Агнес. Чуть встряхнул ее.

— Мы придем сюда в следующий раз?

— Мы же вроде договорились, тем более теперь, когда я решила шить новое платье.

— Ух, не терпится мне увидеть вас в нем. Это будет что-то типа просторного шлюховатого платья с оборочками?

Когда Агнес услышала это слово, ее передернуло, словно он ей на ногу наступил. Он почувствовал, как она напряглась в его руках. Агнес снова ушла в себя, и теперь холодный воздух чувствовался там, где она прижималась к нему. Оркестр

заиграл новую песню, печальную мелодию разбитого сердца — такую, которая заставляла женщин танцевать с женщинами и петь в одиночестве.

— Сколько вы уже не пьете?

— Может, вам лучше спросить вашу Коллин. — Теперь настала очередь Юджина напрячься.

— Это трудно? Не пить? — серьезно спросил он.

— Да, трудно, а со временем становится еще труднее, а не легче.

— Почему?

— Понимаете, с каждым днем вы становитесь чуточку сильнее, но выпивка всегда тут, ждет. Не имеет значения, уходите вы от нее или убегаете, она всегда у вас за спиной, словно тень. Суть в том, чтобы не забывать об этом.

— Не забывать о чем?

— Обо всем, — вздохнула она. — О том, насколько ты слаба, какой ты становишься, когда выпьешь. Иногда ты думаешь, что можешь контролировать ситуацию. Что ты уже справилась.

— Я уверен, вы можете справиться, — без обиняков сказал он.

Она посмотрела на него.

— Вот почему ходить на собрания важно. Иначе *никогда* не справиться.

— Надеюсь, то, что я выпиваю, вас не беспокоит?

Она ответила не сразу.

— Нет.

— Точно?

— Нет-нет, не беспокоит. Просто мне хотелось бы выпить с вами. Чтобы почувствовать себя нормальной.

— Вы мне кажетесь вполне нормальной.

Он сказал это так искренне, не раздумывая, что его слова поразили ее.

— Вы можете мне верить или не верить, но это самые приятные слова, которые мне довелось услышать за долгое время.

Они продолжали танцевать, и она пыталась почувствовать себя лучше. Она пыталась прогнать сомнения и стыд и позволить вернуться своим недавним мечтам. Он мог бы стать человеком, который помог бы ей выбраться из пустоты, ее другом, любовником, отцом. Она бы обстирывала его, кормила, содержала бы себя в порядке. Он бы давал ей деньги. Они могли бы вместе проводить выходные и праздники. Он бы покупал ей продукты, складывая их в большую тележку в большом знаменитом супермаркете. Она бы любила его. Такими были ее мечты.

Между их телами снова возникли промежутки, заполнившиеся холодным воздухом, когда она под воздействием какого-то внутреннего позыва спросила:

— Если Коллин сказала вам, что я такое позорище, почему вы приехали за мной сегодня?

Он некоторое время не отвечал; его молчание смутило ее, и когда он все же ответил, она поняла, что он думал об этом прежде.

— Я уже несколько лет как одинок. Я стал одиноким задолго до смерти моей жены. Только поймите меня правильно. Она была хорошая женщина, как и наша Коллин, но мы погрязли в наших мелких повседневных заботах. — Музыка не соответствовала мягкой грусти его слов. — Если задуматься, то я бóльшую часть жизни провел под землей. Мне нечем было поделиться с ней вечером. О чем могут говорить люди, прожив вместе двадцать лет? Но она была хорошей женщиной. Она готовила мне шикарные горячие обеды, мясо с подливкой на горячей тарелке, потому что она весь день разогревала ее в духовке. Мы ели сытные горячие обеды, потому что разговаривать было особо не о чем. По крайней мере не осталось ничего сколь-нибудь стоящего, чтобы им делиться.

Он продолжил:

— Мне сорок три. Я на четыре года старше отца, когда его не стало, а потому и мне пора было закрывать лавочку. Пора было увольняться с шахты, провести остаток жизни с ней, тогда как нам нечего было сказать друг другу.

Она услышала, как перехватило у него горло.

— Когда я вас увидел, я и подумать не мог. Я о вас тогда не знал, не слышал, чтобы наша Коллин называла ваше имя. Это все женские дела, правда? С мужчинами они о таком не говорят. Сплетни. Выдумки. Церковь. Вот их интересы. Я знаю только одно: когда я впервые увидел вас за стеклом, я понял, что вижу такого же одинокого человека, как я, и подумал, может быть, у нас найдется, что сказать друг другу. — Его губа задрожала. — И тогда я понял. Я не хочу ставить на себе крест.

И тогда Агнес поцеловала его. Юджин, надежный и искренний. Губы у него оказались твердые, но у них был приятный вкус.

Двадцать

Агнес устроилась на коврике в спальне спиной к двери. Ее прикроватные часы наигрывали тихонько песни о любви, а она стояла на коленях, шевеля пальцами ног и радостно напевая себе под нос. Шагги смотрел на ее сосредоточенно опущенную голову — Агнес перебирала груду собственного нижнего белья. Она раскладывала его, отделяла черное от белого, потом белое разделяла на идеально белое, почти белое, а последняя горка белья относилась к категории бывшее-белым-в-незапамятные-времена. Шагги подошел к ней сзади, растопырил собственные пальцы на ногах и переплел их с материнскими. Он обнял ее за плечи и стал наблюдать за ее работой.

Агнес протянула ему ажурные трусики — атласная вставка спереди, а по бокам сплошные кружева. Она провела пальцем по боковому шву.

— Что ты скажешь об этих? — спросила она. — Я думаю, они низковато сидят на бедрах, немного старомодные, а?

Эти трусики напомнили ему что-то. Шагги перевел взгляд с трусиков на кружевные занавески на окне. Она проследила направление его взгляда.

— Ах, ты, дерзкий негодник!

Но на самом деле она не рассердилась, она прижалась к нему и бросила трусики в груду тех, что отправлялись в мусорный бачок.

— Проблема решена!

Шагги подобрал старый белый бюстгальтер. Растянул его, прислушался к потрескиванию и пощелкиванию резинки.

— Лик наверняка мог бы сделать из этого рогатку. А я бы пятью угольками мог перебить все окна у Макавенни.

Агнес разжала его пальцы, а бюстгальтер бросила в груду, предназначенную для мусорного бачка.

— Я бы вспоминала об этом до самой смерти.

— А зачем ты вообще все это разбираешь?

Агнес поднесла к лицу пеньюар, натянула шелковую ткань чуть ниже глаз и принялась двигать то в одну, то в другую сторону, как одна из жен таинственного гарема Синдбада.

— Мне необходимо привести все в порядок.

— Зачем? Отец Барри учил нас, что единственный человек, который должен видеть твое нижнее белье, — это ты сам.

— Этот отец Барри, он такой праведник. Если хочешь знать, я собираюсь гульнуть, — дальше

она заговорщицки прошептала ему в ухо, — только в дневное время.

— С таксистом? Ты же не собираешься показывать ему свои трусики?

Она рассмеялась и щелкнула по пуговичке его носа.

— Да, с моим гигантским пряничным человечком. И для твоего сведения: нет, я не собираюсь показывать ему мои трусики.

Ему хотелось поскорей показать ей свой сюрприз. Посадив ее в свое такси, он каждые несколько минут повторял: «тебе это понравится» или «надеюсь, тебе это понравится». Юджин вел машину по дорогам, о существовании которых Агнес и не догадывалась, и поначалу она даже расстроилась, увидев, что они двигаются в сторону от города. Она надеялась, что они съедят ланч где-нибудь в центре, а еще лучше отправятся на вечернее представление в Королевском театре, она и оделась, имея в виду это.

А теперь они стояли, глядя на глубокую расщелину в земле, и Юджин в смятении чесал затылок.

— Черт, мне придется тебя нести.

Грязь медленно подползала к черным туфлям — Агнес могла упасть в любую минуту.

— А если ты меня уронишь?

Он посмотрел в глубокую расщелину.

— Об этом не боись. Смерть наступит мгновенно.

Он опустился в грязь на одно колено, как средневековый рыцарь, и предложил ей забраться к нему на спину. Агнес изящно приподняла юбку, насколько это было возможно — она не возражала, если он увидит ее бедра, но при этом старалась не обнажить уродливый плотный клинышек на черных колготках.

Она обхватила его ногами, и он легко поднял ее. Спуск был делом очень опасным, несмотря на вырытые в земле скользкие ступеньки, которые в нижней части спуска частично обрушились, к тому же на тропе лежали скатившиеся сверху камни. Юджин держался ближе к краю пропасти и шел медленно. Несколько раз ему пришлось ставить Агнес на землю, проходить вперед и помогать ей перебраться через очередное препятствие. Когда они добрались до дна, оба перепачкались и едва дышали.

Пропасть, на дне которой они стояли, была прорезана за много тысяч лет неторопливым течением воды. Неспешная река несла свои красновато-ржавые воды, собиравшие милли-

оны красноватых песчинок осадочной породы. Вода в реке казалась водянистой кровью, и это вызывало беспокойство у Агнес. Далеко вверх уходили красные стены, неровные и покоробленные неумолимой волей реки. Посредине в реку вдавалось обширное отложение песчаника, напоминавшее алтарь. Пропасть расширялась ближе ко дну, а к вершине она сужалась, к тому же сверху ее затмевали деревья и заросли мха. Она посмотрела вверх, но неба почти не увидела. Юджин сиял.

— Кафедра дьявола[105], — гордо сказал он. — Поразительно, правда?

Агнес стояла на цыпочках. Ее каблуки врезались в трещинки и застряли там.

— Да, сразу видно, что ты был шахтером.

Он провел рукой по песчанику и мху, лаская их, словно после долгой разлуки.

— Впервые я пришел сюда с моим отцом. Тогда об этом месте почти никто не знал. Отец раскладывал маленький шезлонг, открывал пару-тройку банок пива и позволял нам часами

---

[105] Примечания: 105

Здесь описано реальное ущелье Финнич-Глен, где на дне возвышается скальное образование, именуемое «Кафедра дьявола». Спуститься в ущелье можно по двухсотлетней каменной лестнице, известной как лестница Иакова. — *Прим. ред.*

здесь хохотать и орать. — Юджин огляделся, вспоминая счастливые времена. — Вода была холоднющая, но нашей Коллин нравилось тут плавать. У нее были такие длинные ноги, что она любого из нас могла обогнать.

Агнес, нахмурившись, смотрела на кроваво-красную воду. Свою вечернюю сумочку она засунула под мышку.

— Она, вероятно, выглядела, как Кэрри[106] в конце вечера.

Юджин наклонился и зачерпнул горсть воды.

— Не бойся! Это можно пить. Водичка свежая. Смотри.

Он поднес ладонь к ее губам, но она приложила руку к груди и отрицательно покачала головой. Она почти сразу же пожалела об этом. Выражение лица Юджина сделалось таким несчастным. Он отер влажную руку о брюки.

— Какая глупость с моей стороны! И что было у меня в голове, когда я привез женщину с такими манерами, как у тебя, в это место?

— Нет. Просто я не этого ожидала.

Она провела рукой по красному песчанику, пытаясь извлечь из него тепло воспоминаний

---

[106] Примечания: 106

Речь об эпизоде из фильма по роману Стивена Кинга «Кэрри», где на главную героиню опрокидывают ведра с кровью. — *Прим. ред.*

Юджина.

— Я полагаю, что с тех пор, как мы оба завязывали с кем-либо романтические отношения, прошло довольно длительное время?

— Это так бросается в глаза? — Юджин потер покрытый грязью носок своего ботинка о брючину, потом выковырял ногтем большого пальца кусочек красной породы, сжал его так, что побелели костяшки. — Я был всего лишь простым шахтером, но могу поспорить: если сжимать его достаточно долго, этот кусочек превратится в алмаз.

Агнес рассмеялась. Она расстегнула свою сумочку, наклонила ее к нему.

— Почему ты мне раньше не сказал? Это же совсем другое дело!

Когда в лощину спустилась пара немецких туристов, он снова поднял ее. На сей раз она прильнула к нему всем телом и намеренно приблизила губы к розоватой коже у него за ухом. Юджин составил планы на этот день, и какими бы они ни были, она исполнилась решимости больше их не портить.

Он привез ее на холмы Кэмпси, и они прошли по болотистой земле к дальней стороне холмов, но на сей раз она не жаловалась. Потом они си-

дели на зеленых склонах и смотрели на город вдали. Он привез старый клетчатый плед, и ей даже не пришлось просить его об этом — он сам догадался сесть с подветренной стороны от нее и развернул приготовленную еду.

Набор был незатейливый, сытный и простой. Толстенные сэндвичи с сыром, в которых сыр по толщине не уступал хлебу, целая фермерская корзина крупной клубники и контейнер сосисок, которые он поджарил на гриле дома. Если еде и не хватало чего-то в части роскоши, то это компенсировалось объемом: он приготовил на целую шахтерскую смену.

— Твоя жена много ела? — спросила она.

— Да, пожалуй, аппетит у нее был неплохой. — Он позволил ей посмеяться над ним, и Агнес опять подумала о его великодушии. Юджин вытащил из спортивной сумки упаковку лагера. — Ты не возражаешь?

Она стряхнула грязь с юбки.

— Бога ради. Сколько твоей душе угодно.

Он предложил ей на выбор пинту молока на вид теплого и здоровенную бутылку шипучки. Она показала на шипучку, и он налил ей в термокружку.

— Что пьют, когда не пьют алкоголь?

Он искренне озадачился. Вопрос был общий, обращенный не только к ней.

Но Агнес восприняла вопрос иначе.

— Главным образом слезы моих врагов, а когда слез нет, то чай или воду из-под крана.

После этого они воодушевленно выпили за здоровье. Со своего места она чувствовала, что от лагера исходил тот знакомый глинисто-творожистый запах, и внезапно пожалела, что позволила Юджину сесть с подветренной стороны. Она взяла сэндвич с сыром — сыр оказался хорошим, ярким и терпким чеддером. Агнес пришлось откусывать маленькие кусочки, чтобы густое масло не приклеило хлебные крошки к деснам под ее зубными протезами.

— Тебе не нравится?

— Это просто великолепно, — сказала она. — Я подумала: не помню, когда в последний раз меня угощали едой.

— Боже мой, как же люди тобой пренебрегали.

Она раскинул в стороны руки и рассмеялась.

— Господи боже. Спасибо тебе. Вот об этом я и просила!

— Я смогу готовить сэндвичи с сыром, окорок с салатом, если ты не в настроении. Я могу сам открыть консервную банку, я даже могу яйцо

всмятку сварить.

Он в мальчишеской гордости поднял подбородок.

Агнес в восторге перекрестилась.

— Мистер Макнамара, где вы скрывались все это время?

Может быть, как-нибудь потом он расскажет ей, что принес в дом еду для их пикника, как подросток, тайком. Как-нибудь в другой раз он расскажет ей, что этим утром он готовил сэндвичи с сыром на разделочной доске в запертой ванной. Он расскажет ей о своей дочери Берни и ее привычке повсюду совать нос, но это потом, сильно потом. Все это может подождать: он не хотел портить ее счастливый день.

Агнес прикрыла рот тыльной стороной ладони и зевнула. Юджин рассмеялся, а потом сделал то же самое.

— Ночная смена и до тебя доберется.

— Посмотреть на нас при свете дня. Ползаем, как парочка существ, ведущих ночной образ жизни.

Юджин сделал большой глоток лагера.

— А мне такая работа нравится. Даже если мне приходится крутиться, как…

— Белке в колесе, — подсказала Агнес.

— Миссис, вы назвали меня грызуном?

— Других — да. Тебя — никогда. Имей в виду, я в восторге от грызунов. Из шиншиллы, например, можно сделать превосходную шубу. — Агнес снова зевнула и повернулась в сторону Глазго. Город казался теперь таким далеким — гроздья серой массы в зеленой долине. Они смотрели, как вечернее солнце прочесывает город сквозь дыры в низких тучах.

— А мы можем пробыть здесь, пока в городе не зажгут огни?

— Если ты не замерзнешь — почему нет?

Погода словно услышала его слова — из-за холмов подул холодный ветер, и Агнес вздрогнула, когда он растрепал ее волосы. Юджин загородил ее собой, словно защитной стеной, и похлопал по своей широкой груди, словно здесь и было ее место. Приблизиться к нему ползком было бы неизящно, поэтому Агнес встала, прошла, покачиваясь на своих каблучках, по пледу и легла рядом с ним.

Она закрыла глаза, когда он обнял ее и прижал к себе. Они долгое время оставались неподвижны, не разговаривали, смотрели, как сумерки неторопливо опускаются на город. Ей было тепло в его объятиях, и она прижималась к нему, вве-

ряя себя его надежности. Он растер ее холодные голени, а она разглядывала веснушки на его пальцах, неторопливо исследовавших ее острую коленную чашечку.

Когда он нежно поцеловал ее шею, она снова закрыла глаза и счастливо забыла о данном ею недавно обещании не показывать ему свое нижнее белье.

— Просыпайся! — Она сильно встряхнула его. Мальчик распахнул глаза. Она стояла над ним, держа в руках кипу темной одежды. Она наклонилась и прошептала возбужденно: — Одевайся! Нам предстоит грандиозное приключение.

Он все еще пребывал в полусонном состоянии, когда Агнес тащила его из поселка по Пит-роуд. Здесь в темноте торфяные кочки были черны, как вороново крыло, а мир — погружен в тишину, которую нарушали лишь тихое журчание воды в речушке и кваканье болотных жаб. После того как в ее жизни появился Юджин, все это перестало казаться ей таким уж зловещим, не той черной дырой, что прежде грозила ее засосать. Теперь она смеялась, слыша хныканье Шагги — она вела, улещивала и тащила его через темноту, ни на минуту не прекращая петь свою счастливую песню: «Прошу прощенья, не надо слеееез, ведь

я тебе не обещала сада рооозз»[107]. В свободной руке она несла с полдюжины черных мешков для мусора. В одном из них постукивало что-то металлическое и тяжелое, напоминающее глухие удары друг о дружку банок лагера.

Добравшись до скоростной дороги на Глазго, они проскользнули мимо заправочной станции в тень дубов, стоявших вдоль шоссе. Она оглядывала широкую дорогу в ожидании разрыва в потоке машин, и в какой-то момент они бросились к островку безопасности в середине. Они, как беглецы, спрятались среди густых, неровных кустов. Агнес хихикала, переворачивая большие черные мешки для мусора, откуда выпали большая лопата и несколько маленьких садовых.

— Так, мы должны это быстро провернуть, — прошептала она, врезаясь в мягкую землю маленькой лопаткой. — Мы не уйдем, пока не выкопаем всё. До. Последнего.

Шагги лежал на своей кровати все еще в лучшей одежде грабителя. Он пожевывал губу, думая о рыжеволосом человеке, который целовал его

---

[107] Примечания: 107

Первые строки из песни «Розовый сад — Rose Garden» (автор Джо Стаут), ставшей хитом в 1970 г. в исполнении Линн Андерсон. За эту песню в 1971 году певица получила «Грэмми» в номинации «Лучшее вокальное женское исполнение в стиле кантри».

мать и вернул песню на ее губы. Он хотел спросить об этом у Лика, но его брат в этот момент являл собой бугор, лежащий на кровати и накрытый простыней, а мальчик знал: попытка разбудить брата ничем хорошим не кончится. Он просеменил по ковру и распахнул занавески.

То, что он увидел, поначалу показалось ему полной бессмыслицей. Неряшливый муниципальный сад за окном преобразился. Маленький участок, на коричневой земле которого прежде росла трава по пояс, теперь затопил волнующийся цветной океан. Десятки здоровых пышных цветов покачивались на ветру: персиковые, кремовые и алые розы танцевали и подпрыгивали, как веселые воздушные шарики.

Он вышел на улицу в прозрачное утро и собрал опавшие лепестки. Когда он распрямился, пятеро детей Макавенни висели на деревянном заборе, словно принесенные ветром полиэтиленовые пакеты. Они, разинув рты и тяжело дыша, таращились на море красивых цветов.

— Откуда вы их взяли? — пропищала Грязная Мышка, средняя из девочек.

— Не знаю, — солгал Шагги.

— Вчерась вечером их тут не было. — Колечко от шоколадных хлопьев обрамляло ее губы. Ее

мышиного цвета волосы были спутаны по бокам и торчали в сторону запада, словно указывая направление в ветреный день.

— Может, они внезапно выросли, — ответил он. — Как по волшебству.

Эти кретины неспешно рассмеялись. Френсис, старший, просунул руку через решетку и сорвал бутон белой розы.

— Эй, ты! — взвизгнул Шагги, его голос прозвучал сварливее, чем ему этого хотелось. — Не делай этого.

Мальчишка забрался еще выше по забору — верхушки штакетин вонзились в его тощий живот.

— Ты, что ли, меня остановишь? — угрожающе проговорил он.

— Это не твои цветы, чтобы ты их уничтожал!

— Да и не твои, мудила, — презрительно проговорила Серая Мышка, у которой голова закружилась от предчувствия драки. Она была в два раза младше Шагги, но уже могла натянуть ему нос.

— Ты думаешь, они выросли за одну ночь? — спросил Френсис.

— Может быть.

— Господи Иисусе, да ты просто недоразвитый педик, — сказала Серая Мышка, обнажив в

ухмылке молочные зубы. Все Макавенни рассмеялись и заорали хором: «Недоразвитый педик. Недоразвитый педик». Их голоса разносились по улице громче, чем перезвон фургона с мороженым.

— Ты любишь письки и попки, — сказал Френсис. — Моя мама сказала, чтобы я держался от тебя подальше, а то ты засунешь мне палец в жопу.

Дети принялись бешено раскачиваться на заборе, пытаясь дотянуться до Шагги Когтями. Они стали по очереди плевать в сад, запрокидывая головы, чтобы попало на пышные цветы и на мальчика. Один за другим они спрыгивали с забора и смеялись, переходя на свою сторону. Оказавшись на своем участке, Грязная Мышка повернулась к нему и весело помахала.

Шагги смотрел, как они строем входят в дом. Он натянул рукав своего черного свитера на костяшки пальцев и отер лицо. Но едва приведя себя в порядок, он пожалел о содеянном. Коллин Макавенни курила у окна, сложив руки на тощей груди, а на ее осунувшемся лице чайного цвета играла хитрая улыбка.

Все окна были распахнуты, на подоконнике наигрывал кассетник. Агнес стояла среди своих

роз в обрезанных джинсах и старом хлопковом топике, лямки которого она сбросила с плеч, чтобы не портили ее загар. В это лето стояла необычно жаркая погода, дождей не было много дней подряд, и эти сухие периоды сменяли друг друга, а жгучее солнце вознаграждало энтузиастов тепловыми ударами и ожогами кожи.

Агнес кружилась, словно танцевала с воображаемым партнером.

— Тащи свою маленькую задницу на улицу и потанцуй с матерью, — крикнула она слишком громко, ее голос эхом отдавался от стен шахтерских домов.

Внутри в сумерках прохладной спальни на краешке кровати, насупившись, сидел Шагги. Он затаился здесь с самого утра.

— Слушай, не можешь же ты весь день просидеть дома, — уговаривала его Агнес. — Солнце скоро уйдет до следующего года, тогда жалеть будешь. — Она развернулась, размахивая лопаткой, как ненормальная. Он никогда не видел ее такой счастливой и удивлялся тому, что это причиняло ему боль. Все ее счастье принадлежало рыжеволосому. Он сделал то, что не в силах был сделать Шагги.

Агнес походила на богиню роз. Ее плечи и ли-

цо раскраснелись от летнего солнца. Розовые сосудистые звездочки — следы холодных зим и пьянства — сияли на ее счастливых щеках. Словно сам Дисней раскрасил и оживил более телесную, прокуренную Белоснежку.

Агнес наполовину влезла в его окно и положила свои потные груди на оконную раму. Это, по крайней мере, было хоть чуточку лучше — она не танцевала и не крутилась, как психопатка, на глазах у всех. Прежде она в трезвом состоянии никогда не смущала его. А теперь он испытывал какое-то новое и неприятное чувство.

Шагги сидел на руках, чтобы его пальцы не сжимались в кулаки, которые он мечтал пустить в ход. Часть их раздраженных ударов досталась бы этим глупым розам, другая часть этим глупым Макавенни, но большинство тому, что он столько времени ждал этого счастья, а теперь, похоже, не может им насладиться.

Он поднял глаза — по ее лицу продолжала гулять слабоумная, хотя все еще заразительная улыбка. Ее руки были расцарапаны шипами розовых кустов, но, казалось, ее это мало беспокоило.

— Ты не можешь сидеть в доме, как старуха. Выйди-ка на задний двор, поговорим.

Агнес исчезла из окна, а Шагги еще некоторое

время посидел с постным лицом. Из кокона простыней на кровати Лика появилась белая рука, угрожающе показала на Шагги, а потом, выставив большой палец, резко показала им в сторону задней части сада. Шагги знал, что теперь, когда мать бросила пить, его брат дольше не ложится спать. Он на больших листах миллиметровки чертил схемы деревянных шкафов, которые собирался поставить в своей части спальни. Первый шкаф представлял собой сложное сооружение для его стереоаппаратуры и пластинок. Рядом он собирался поставить невысокий сосновый письменный стол с ящиками, чтобы ему было удобно рисовать и надежно прятать от брата под замок плоды своего воображения. Шагги часами внимательно изучал эти чертежи, пока Лик был на учебе. Все эти вещи прикручивались непосредственно к каменным стенам. Шагги водил руками по чертежам, и ему нравилось исходившее от них ощущение основательности.

Шагги слышал, как поет на улице его мать. Раздалось громкое клацанье металла, отчего Лик замолотил ногами под простыней и резко повернулся. Шагги внял предупреждению и вымелся из темного дома под открытое небо. Он повернул в сторону заднего двора и увидел мать: она стояла,

согнувшись, и держала садовый шланг, наполняя водой белый металлический короб.

Этот белый короб на самом деле был старым, вышедшим из строя холодильником Доннели. Она перетащила его к себе на участок, уложив на бок. До этого он целый год простоял, грязный и заплесневелый, у стены дома Донелли в ожидании, когда муниципалитет увезет его. Но муниципалитет не увозил, пока его не выставят на тротуар, и, хотя в доме Брайди жили четыре здоровенных подростка, холодильник все стоял и стоял там. Летом от него пахло кислым молоком, а зимой — сыростью и затхлостью. А теперь Агнес, вытащив из него все металлические полочки, наполняла его водой. Тяжелая металлическая дверца была распахнута, как крышка гроба.

Его одолевали смешанные эмоции. Желание прыгнуть в холодную воду и закрыть за собой крышку боролось с потребностью сказать ей, как он ее любит и радуется тому, что ей стало лучше. Ему хотелось удивить ее своими тайнами так, как она когда-то удивляла его своими.

— Что со мной не так, мама? — тихо спросил он.

Агнес подошла к нему, отерла его горячее лицо холодной рукой.

— Чувствуешь? Ты горишь. Десять — странный возраст. Я думаю, может быть, у тебя тяжелое взросление.

Без всяких объяснений она стянула с него через голову черный свитер и потащила вниз его брюки.

— Ты в трусах или нет? — спросила она.

— Конечно, в трусах, — он фыркнул и сложил руки на груди. — Мы же не в Африке, в отличие от некоторых.

Холодильник был до верха наполнен холодной водой из шланга. Когда он лежал на боку, то представлял собой хаос всевозможных бобышек и отделений для овощей. После удаления полок он превратился в большую ванну, только в два раза глубже, с плоским дном и прямыми стенками. Он медленно погрузился в холодную воду, которая с его погружением стала переливаться через край. Он вскочил на ноги и в панике посмотрел на Агнес.

— Ты мой газон полить собрался? — рассмеялась она.

Шагги согнул ноги и камнем рухнул в холодную воду. Вода с громким всхлипом пролилась через борта холодильника на траву. Под водой мир остановился. Над поверхностью появилось

искаженное слоем воды лицо и улыбнулось ему. Клубок злости внутри него исчез, и Шагги пукнул так, что по воде пошли большие пузыри.

Бóльшую часть дня он просидел в холодильнике, оставаясь там еще долго после того, как его кожа стала похожа на поверхность засохшей каши. Агнес сидела на краю, курила сигареты, пила настоящий холодный чай из кружки, которая прежде вмещала ее тайные запасы выпивки. От воды, переливающейся через край, джинсовая ткань ее шортов стала темно-голубой. Ему нравилось, что она не злилась на него из-за этого.

Она гладила его черные волосы, а он корчил ей гримасы, изображая маленькую рыбку.

— Каким ты станешь мужчиной, когда вырастешь?

— А каким бы ты хотела?

Агнес задумалась ненадолго.

— Спокойным. — Она снова провела рукой по его влажным волосам. — Не таким дерганым, как сейчас.

Его лицо завязалось в задумчивый узел.

— Я не знаю. Я просто хочу быть с тобой. Я хочу увезти тебя куда-нибудь, где мы можем стать совсем новенькими. — Шагги ушел под воду, выплеснув через борт еще одну волну. —

Он появился на поверхности, замер, держа рот чуть выше уровня воды. — Ты любишь этого гигантского пряничного человечка? — внезапно спросил он, погружаясь глубже. — Он будет моим новым отцом?

Она не ответила.

— Он из клана Макавенни, а они — свора мерзких ублюдков, — процедила Агнес сквозь зубы.

— Ну не *все* они плохие.

— Да все, черт бы их драл.

Он расслабился и пустил пузыри, пукнув еще раз. Смешного в этом ничего не было, но они оба попытались рассмеяться.

Она улыбалась-улыбалась, но вдруг тучи затмили ее лицо.

— Это слишком долго продолжалось — ты да я.

Шагги увидел, как ожесточилась линия ее рта. Она глубоко вздохнула, встала, взяла свои сигареты и зажигалку. Она не стала заглядывать в холодильник — посмотрела вдаль, куда уходило коричневатое торфяное поле.

— Это слишком долго продолжалось — ты да я. — Она снова вздохнула. — Неправильно это.

Агнес разорвала конверт, собираясь расплатиться по каталогу. В конверте лежало ее жалованье с заправочной станции. Она протянула

ему большую голубую банкноту и разрешила потратить хрустящую пятерку на мороженое. Во всем поселке вскрывались газовые счетчики, подсчитывались бронзовые пенсы, и весь Питхед высыпал на улицы, стараясь успеть занять первое место в очереди за сладким. Грязные и счастливые детишки неслись галопом, домохозяйки спешили забавной спортивной ходьбой вперевалочку.

Фургон мороженщика успел всего раз проиграть «Цветок Шотландии»[108], а уже собралась немалая толпа, грозящая перевернуть машину. Эта большая белая жестянка выглядела так, словно ее смастерили в домашних условиях, сверяясь с детским рисунком фургончика. Машина видела лучшие дни: на бортах красовались дыры, заделанные жестяными заплатами и дощечками, просто привинченными на место пробоин. Фургон высоко стоял на колесах, и дети поднимались на цыпочки, чтобы дотянуться до окна с раздвижным стеклом. Если бы сладости не были выставлены прямо за стеклом, дети бы никогда не увидели, что им предлагается. Джино, хозяину фургона, это нравилось — лучшего места,

[108] Примечания: 108
Песня, которая считается неофициальным гимном Шотландии.

чтобы заглядывать в девичьи топики, было не придумать.

Шагги встал в конце нервной очереди. Перед ним стояла их соседка сверху Шона Доннелли, младший ребенок Брайди и ее единственная дочка. Она повернулась, подмигнула ему, оттянула свой топик, чтобы показать розовый бантик в серединке ее девчоночьего бюстгальтера. Если у тебя четыре брата, то ты неплохо разбираешься в мужских повадках, а когда ты — единственная девочка, то тебя сам господь посылает к мороженщику Джино. Шона скорчила забавную рожицу квакающей жабы и закатила глаза.

Джинти Маклинчи принадлежала к той возрастной группе, которая покупала мятный шоколад и табачок на самокрутки. У ребят в очереди за ней не было денег, зато они принесли изрядное количество бутылок из-под шипучки стоимостью десять пенсов каждая. Звеня бутылками, они передали их в окно, а потом принялись неторопливо тратить выручку. Жвачка, леденцы на палочке со щербетной пудрой, дешевые шоколадные мышки, розовые зефирные грибочки — все это приобреталось поштучно. Шагги стоял в конце очереди, уперев руки в бока, и молча исправлял подсчеты Джино каждый раз, когда

тот намеренно недодавал кому-то сдачу.

Они провели вечер, сидя на диване — смотрели мыльные оперы и заедали их шоколадными батончиками. Съев один, они тут же принимались за следующий — небрежно, радостно постанывая, разрывали блестящие обертки. Ощущение было прекрасное, они словно враз стали миллионерами. Шагги лежал на спине, запихивая шоколад в рот и глядя в лицо матери, которая смотрела телевизор в больших шестиугольных очках. Агнес поедала батончики, начиная с мятной помадной начинки, а на ее лице появлялись осуждающие выражения, отвечающие драматическим событиям на экране. Сью Эллен Юинг[109] была для Агнес ее собственным отражением, но только в кривом зеркале. Она чувствовала сродство с алкоголичкой на экране, и каждый раз, когда Сью напивалась, Агнес цокала языком и говорила Лику: «Ой-ой, ну просто я, правда?» Потом она хихикала сквозь свои зубные протезы, облепленные шоколадом. Фальшивое очарование трагедии Сью Эллен делало героиню чуть ли не примером для подражания. Агнес, обращаясь к экрану, говорила: «Это болезнь, чтоб вы знали»

---

[109] Примечания: 109

Сью Эллен Юинг — персонаж американского телесериала «Даллас».

и «Бедняжка ничего не может с собой поделать». Шагги видел, как от притворных эмоций дрожит нижняя губа у актрисы. Все это кино было горой лжи. Куда девалась голова в духовке и дом, полный газа? Где были слезы, и полуодетые дядьки, и сестра, которая больше не вернется домой?

Занавески на окнах были раскрыты, оранжевые фонари зажглись по всему поселку. «Даллас» закончился, и малышня возвращалась с улицы домой. Они съели все шоколадные батончики и сидели теперь молча, чувствуя себя тошнотно и погано и только вполглаза поглядывая на рекламу с говорящими шимпанзе.

— Станцуй для меня, Хью, — сказала вдруг ни с того ни с сего Агнес.

— Так? — Шагги перекатился по ковру.

Лик застонал, ему не нравилось, когда она делала домашнего питомца из его брата. Мягкий мальчишка в жестоком мире — не дело это. Он ушел, оставив их заниматься глупостями. Они слышали, как он хлопнул дверью спальни, и знали, что он будет сидеть, ссутулившись в тяжелых наушниках, и чертить в своем черном альбоме.

— Ну, давай, потанцуй для меня. Я хочу, чтобы ты показал мне, как сейчас танцуют ребята.

Агнес вставила кассету во взятый напрокат

магнитофон. Она натягивала себе на бедра расшитый стразами джемпер, и он видел — ее мысли витают где-то далеко.

— Значит, встаешь вроде так. — Он встал, расставив ноги на ширину плеч. — А потом… — принялся вилять задницей.

Агнес попробовала подражать ему.

— Так?

Такие движения были более естественными для нее, женщины.

— А потом нужно трясти плечами и чуть-чуть двигать руками. — Он начал дергано трясти плечами, как видел по телику, когда показывали одного черного певца с наплечниками и ирокезом в форме ананаса. — Потом немного вот так, — сказал он, двигаясь все быстрее, заводя ладони в сторону, противоположную движению бедер, — немного от лыжника, немного от эпилептика.

— Вот так? — спросила она, изображая подобие приступа.

— Ну да. Может быть. — Он не был стопроцентно убежден. — А дальше вот так.

Он задергался, как робот, принялся прыгать назад и вперед, словно затаптывал огонь.

Агнес попробовала повторить, все статуэтки в

шкафчике задребезжали.

— Ты уверен, что молодежь теперь так танцует? — спросила она, раскрасневшись от заученных движений.

— О да, — сказал Шагги, опуская свои трясущиеся плечи к полу. Он сжал руками голову с двух сторон, словно его мучила мигрень. Он обучал ее азам «Контроля» Джанет Джексон[110].

— Мне нужно отдохнуть минуточку. — Она рухнула на канапе и взяла сигарету. — А ты давай танцуй — я буду смотреть. Я хочу быть хорошей танцоркой, когда поеду в город с Юджином.

Шагги почувствовал себя обманутым. Если бы он знал об этом заранее, он бы обучал ее танцу зомби под «Триллер»[111]. Вот тут бы она поняла, что к чему. Началась другая песня, и Шагги продолжил танцевать. Теперь он неуверенно танцевал шимми[112], его ладони резко раскрывались, точно фейерверки, а его голова дергалась,

---

[110] Примечания: 110

Джанет Дамита Джо Джексон (р. 1966) — американская певица, автор песен, продюсер, танцовщица, актриса кино и телевидения, стала иконой поп-музыки после выхода в свет ее альбомов «Контроль».

[111] Примечания: 111

«*Триллер*» (*Thriller*) — песня из одноименного альбома. На «Триллер» был снят клип, вдохновленный 1950-х годов. — *Прим. ред.*

[112] Примечания: 112

Шимми — танец начала XX века, в основе которого быстрое покачивание плечами. — *Прим. ред.*

словно у него отросли длинные сексуальные волосы. Он наклонялся и подпрыгивал, слишком усердно для мальчика работая бедрами. Он перебарщивал эмоционально под эту песню, словно это была опера, а не захудалый третьесортный хит для тринадцатилетних девчонок.

— Блестяще! Какие ровные движения! — сказала она. — Я все это станцую на следующей неделе. Юджин просто помрет. Вот подожди — сам увидишь.

Он наслаждался ее вниманием. Что-то расцветало внутри него, он начал дергаться всем телом, как тот черный парнишка на экране. Он забыл про свою застенчивость, и крутился, и трясся, и дергался, повторяя все, что видел по телику. Он издал резкий крик, исполняя прыжок из «Кошек»[113]. Крик был высокий и женственный, он точно так же вопил, когда Лик выпрыгивал на него из темноты. Шагги замер, растопырив пальцы. Поначалу он их не заметил, и он так никогда и не узнает, сколько времени они там провели. На другой стороне улицы у окна своей гостиной стояли Макавенни. Они стояли, прижав носы к большому окну, надрываясь от смеха. Стекло

[113] Примечания: 113

Имеется в виду мюзикл «Кошки» английского композитора Э. Ллойда Уэббера по мотивам сборника детских стихов Т. С. Элиота.

подрагивало, когда они в восторге колотили по нему руками. Грязная Мышка выписывала маленькие сексуальные девичьи пируэты, и Шагги понял, что она пародирует его.

Он посмотрел на мать — когда она заметила это? Она только посмотрела на него и затянулась сигаретой. Не глядя на окно, она проговорила сквозь зубы.

— На твоем месте я бы продолжила танцевать.

— Я не могу. — Слезы подступали к его глазам.

— Ты должен знать: они побеждают, только когда ты сдаешься.

— Я не могу. — Его пальцы и руки вытянулись и застыли, словно ветви засохшего дерева.

— Не доставляй им этого удовольствия.

— Мама, помоги. Я не могу.

— Нет. Ты. Можешь. — Она все еще улыбалась сквозь зубы. — Держи высоко голову и жги. На всю. Катушку.

От нее не было никакой пользы, когда ему требовалась помощь в домашних заданиях по арифметике, а случались дни, когда ты мог помереть с голоду, но не получить от нее горячей еды, но Шагги смотрел на нее теперь и понимал: вот в чем она превосходит других. Каждый день она, причесавшись и накрасившись, вылезала

из своей могилы и высоко держала голову. Опозорив себя пьянством, на следующий день она надевала свое лучшее пальто и предъявляла себя миру. Когда ее живот был пуст, а дети голодны, она причесывалась и делала все, чтобы мир думал иначе.

Трудно было сразу снова начать двигаться, почувствовать музыку, перейти в то место в своей голове, где ты хранишь уверенность в себе. Они не хотели действовать в унисон — ноги шаркали по полу, руки двигались, как у марионетки, но он, как тяжелый поезд, набирал скорость и вскоре уже снова летал. Он старался смягчать показные театральные движения, трясущиеся бедра и широко раскинувшиеся руки, но оно было в нем, и, выпуская эту энергию из себя, он вдруг понял, что не в силах ее остановить.

Двадцать один

Он стоял в голубых гетрах в центре футбольного поля, и его, как и обычно, выбрали последним. И хотя он знал, что так и случится, знание ничуть не уменьшало боли. Жирный мальчишка, мальчишка-астматик, хромоногий мальчишка и Лахлан Маккей с его любовью к жабам — всех их выбрали до него. Под ноябрьским дождем его команду заставили снять рубашки, он ходил туда-сюда по середине поля, тер себе грудь, не понимая, то ли она замерзла, то ли горит от ветра.

Учитель прокричал, что если ему холодно, то нужно больше двигаться. Его парусиновые туфли поскрипывали в сырой траве, а жилистые мальчишки в голубых гетрах на бегу вырывали своими шипованными бутсами комья влажной земли. Он предпринял ленивое усилие следовать в том направлении, в котором летит мяч, но ни разу не совершил ошибки — к мячу не приблизился. Учитель отказался от выкрикивания поощрительных слов и заменил их оскорбительными. Он был человеком немолодым, но в хорошей форме, крепкий, в свое время завоевал

звание чемпиона по шинти[114]. Когда несколькими годами ранее в школах запретили телесные наказания, он уже решил было навсегда расстаться с учительством. Но в конечном счете понял, что ничего не изменилось; он столько лет вглядывался в темные уголки мальчишеских душ, а потому прекрасно знал, где находится настоящая боль и мотивация.

Он приложил ко рту сложенные рупором руки и прокричал:

— А ну, Бейн, шевелись. Педик недоношенный.

Это вызвало гогот у других ребят. Они запыхались и устали, но им хватило дыхания, чтобы остановиться и расхохотаться от этих слов.

Шагги не ожидал, что Лахлан Маккей рассмеется, но тот смеялся. День бы прошел неторопливо, как и все другие, но этот грязный светловолосый мальчишка смеялся вместе со всеми. Сопли и грязь вокруг его рта растрескались, и он смеялся от всей души. Шагги заставил свои замерзшие ноги бежать по полю. Лахлан стоял в конце поля около собственных ворот в ожидании мяча.

— Ты почему сейчас смеялся?

— Чо?

---

[114] Примечания: 114

Шинти — командная спортивная игра, разновидность хоккея на траве.

— Я спросил. Почему ты смеялся?

— Хотел и смеялся. — Он наклонился, отдирая грязь с ноги. Одежда на нем была драная и не по размеру: старая рубашка его брата, вывернутая наизнанку, и чужие спортивные шорты — такие дают обычно, если ты забыл взять из дома свою форму и попытался отмазаться, посидеть часик в одиночестве и почитать книгу. Ноги у него были покрыты грязью в несколько слоев, а носки он надел обычные черные, а не фирменные спортивные.

— Но… но. — Шагги запнулся, оглядывая Лахлана с ног до головы.

— Что, в жопу, «но»?

Мальчишка встал перед ним, широко расправив грудь и плечи и двигая головой, как дерущийся хорек.

— Но почему ты решил, что можешь смеяться надо мной?

Мяч летал над их головами, а остальные мальчишки вспахивали своими бутсами поле, как шетландские пони. Они носились легким галопом туда-сюда, отчего возникало впечатление, что они боятся, как бы их не разделили. К ним рысью прискакал учитель.

— Эй вы, две дамочки, когда закончите пить

чай, может быть, поиграете немного в этот хренов футбол, — пролаял он.

Шагги мог бы сказать что-нибудь в ответ, мог бы сказать что-нибудь по-настоящему язвительное, если бы его перед этим не сшиб с ног удар сбоку в челюсть. Он упал навзничь на искалеченный дерн, изгваздав в грязи свою голую спину.

— Маккей! — нехотя вздохнул учитель. — Я тебе что говорил? — Светловолосый парень стоял над Шагги, который ждал сладкой мести наказания — единственной надежды слабаков. — *Никогда. Не бей. Девочек*. А теперь продолжаем игру.

Футбольное поле взорвалось смехом.

Лахлана трясло от злости.

— Ты думаешь, что лучше меня, мальчик с дыркой? — со злостью прошипел он. — Встретимся после школы, посмотрим, кто кого.

Эта угроза Лахлана вызвала волну возбуждения на поле.

На протяжении всей игры другие мальчишки притормаживали около Шагги и говорили ему: «Опаньки. Приехали. Ты покойник». Один или два сказали ему, что дождаться не могут, уж поскорее бы три часа. Мальчишки Макавенни сказали ему, что они на его стороне, а потом побежали к светловолосому, чем еще сильнее

разогрели ожидания.

Прошли послеполуденные занятия, во время которых он все время ловил на себе презрительные взгляды. Никто не смотрел на учителя — все глаза были устремлены на покойника, сидевшего в конце класса. Некоторые девочки улыбались с искренним сочувствием, но большинство с нетерпением ждали представления. Прежде он почти не замечал больших часов над доской, но сегодня он только и делал, что смотрел на стрелки, которые двигались слишком быстро. Даже они, кажется, пребывали в возбужденном состоянии.

Грязный светловолосый мальчишка неуверенно выбирался из кокона. Уважение одноклассников возвышало его в собственных глазах. Неделю назад они ему говорили, что от него воняет так, будто он обосрался. Неделю назад они спрашивали у него, не входит ли в пособие, которое получает его мать, стоимость пластической операции. А теперь он сидел в лучах фальшивого обожания и улыбался, как счастливый щенок. Он почти забыл, за что собирается драться.

Шагги посмотрел на него, и его опасения усилились. Нужно было сказать учителю и попросить разрешения остаться в классе. Он мог бы до-

ждаться, когда остальные ребята устанут или заскучают, а тогда он отважился бы выйти и поспешил бы домой. Однако, видя улыбку на лице светловолосого, он чувствовал себя на самом дне мира. Раздался школьный звонок. Усталый учитель закрыл глаза, когда дети чуть ли не вынесли их двоих из класса в глухой уголок за панельными постройками рядом с мусорными бачками столовой.

Лахлан ухмылялся, толпа приветствовала его, как гладиатора. Зрители встали полукругом, а два бойца — друг против друга. Шагги толкнули в спину, и он сделал несколько шагов вперед. Его противник выставил руки и оттолкнул Шагги назад, от него исходил странный запах сена и садковых кроликов.

— Уебывай от меня, маленький жополюб, — прошепелявил он, оглядывая толпу. Им происходящее нравилось.

Толпа за спиной Шагги снова толкнула его в спину. На краю стояли Грязная Мышка и Френсис.

— Ты почему больше не танцуешь для нас свои танчики? — веселым голосом проговорила Грязная Мышка. Смысла в ее словах не было никакого, но толпа заржала, будто ничего смешнее в жизни

не слышала.

Что-то взорвалось в груди Шагги. Он почувствовал, как его зубы ухватили щеку изнутри, когда он сжал челюсти. Прежде чем он понял, что делает, ноги сами понесли его вперед на светловолосого. Выражение на лице Лахлана мгновенно сменилось с победного на паническое, но было слишком поздно. Шагги ударил его прямо в лицо. Удар был хотя и сердитый, но слабый, рука согнулась в запястье, и кулак подвернулся. Грязный мальчишка сделал шаг назад, явно смешавшись, но потом на его лице появилась гримаса ярости.

— Ты ведь ему это так не простишь? — прокричал Френсис, почуяв кровь.

— Нет! — ответил мальчишка.

Вопрос был риторический. Шагги зацокал языком.

Сначала они сцепились друг с другом, пытались перевернуть противника и уронить на землю. Лахлан обхватил Шагги за поясницу и пытался поднять его и бросить на землю шейным позвонком. Но не успевали ноги Шагги оторваться от земли, как тут же возвращались обратно, словно исполняли какой-то неуклюжий танец. Шагги вырвался из объятий противника и изо всей силы ударил того по лицу сбоку. Удар был недостаточ-

но силен — пришелся не в то место, к тому же Шагги не хватило замаха. Они были одинаково слабы, на их схватку с унынием смотрели даже скучающие ребята. Их драка неизбежно становилась дракой унижения для обоих, победителю придется поставить соперника в такое неловкое положение, что тому не останется ничего другого — только сдаться.

Нога Френсиса подцепила Шагги за щиколотку, и двое борцов упали на землю, словно любовники. Носком своего школьного ботинка Френсис наступил на рукав джемпера Шагги, обездвижив его руку. Лахлан ударил свободным кулаком в лицо Шагги. Кровь побежала из его носа внутрь, забулькала в горле, он повернул голову набок, и теперь кровь полилась на серую землю алой струей.

Двигаться Шагги не мог — противник сидел на его груди, Френсис держал его свободную руку. Он лежал там и издавал булькающие звуки, потому что кровь собиралась в горле. По крайней мере толпа насладилась зрелищем. И только тогда появились слезы.

Черная паутинка запекшейся крови расползлась по левой стороне лица Шагги. Он пробирался сквозь высокую траву на торфяниках, а другие

ребята шли по Пит-роуд и возбужденно болтали, словно увидели небо, расцвеченное северным сиянием.

Солнце уже катилось к закату, трава под его ногами была острая и твердая, схваченная первым осенним морозцем. Он остановился за Шахтерским клубом и принялся возиться с пустыми пивными кегами. Если правильно нажать пальцем кнопочку, из отверстия выползает дрожжевая пена. Мальчишки постарше собирались здесь и выкачивали из бочек остатки, а потом слизывали пивную пену с пальцев и нарезали круги, как в немом кино, изображая пьяных. Они не знали, какими бывают настоящие пьяные. А Шагги знал и ненавидел то, что они делали.

Он некоторое время прятался в тени, без особого энтузиазма выжимая остатки из бочек, выжидая, когда ребята из школы разойдутся по домам. Он крадучись шел сквозь высокие камыши, перепрыгивая через ручьи, ступая на выброшенные телевизоры и детские коляски, чтобы перебраться через стоячую воду. Он остановился у вытоптанного клочка травы, размышляя, не потренироваться ли ему здесь. Но вместо этого принялся пинать носком комья земли и снова начал плакать тяжкими, скрипучими всхлипами,

ненавидя себя за то, что распустил нюни.

К тому времени, когда Шагги перебрался через проволочную ограду на задний двор их дома, он уже успел дать себе обещание не обедать сегодня. Шагги остановился у лежащего холодильника. Смахнул с поверхности воды мертвых комаров, а потом сунул свою окровавленную голову целиком в ледяную воду. С минуту он тихо стоял на коленях, затаив дыхание, но ожог стыда не проходил. Он потер свое окровавленное лицо, с которого стекала и змеилась розоватыми струйками вода. «Экая красота», — подумал он, но потом пожалел, что такая мысль пришла ему в голову.

Лик стоял над ним, держа его за шкирку.

— Иди в дом. Я тебя весь этот чертов день жду.

В доме вовсю кипела работа, все главные лампы горели прожорливым светом. Лик и Шона Доннелли, младшая из детей Брайди со второго этажа над ними, деловито развешивали позолоченные ленты. На стене висел розовый плакат с приветствием: «Первый день рождения малышки». Над словом «малышки» Лик аккуратно приклеил клочок миллиметровки, на котором цветными карандашами было написано «Агнес». Вдоль стены выстроились деревянные стулья из столовой,

а канапе приютилось в углу. На палочки были наколоты сосиски, сочные дольки ананаса пристроились рядом с влажным оранжевым сыром чеддер. Везде стояли вазочки с арахисом в окружении литровых бутылок шипучки — угощение выглядело богато и свежо.

— Это еще к чему? — спросил Шагги, отирая влажное лицо.

— Сегодня ее день рождения, — сказала Шона. Она развернула гирлянду цветных фонариков, потом посмотрела на него и прищурилась. — У тебя лицо в крови?

— Ерунда, кровь из носа. Такое случается, когда мозги растут быстрее черепа. — Он пожал плечами. Казалось, что объяснение вполне правдоподобное. — Как бы то ни было, мама мне сама сказала, что ей всего двадцать один! — Шагги украдкой продвигался к долькам ананаса. — На самом деле я думаю, что ей немного за тридцать, только вы ей не говорите, что я ее выдал.

— Сегодня ее день рождения у АА, дурачок, ее юбилей трезвости. — Лик балансировал на стуле, приклеивая клейкой лентой надутые шарики к уголкам фанерных шкафов. Он улыбался. Это явление было таким редким, что Шагги остановился и уставился на брата.

Шона фыркнула со смеху.

— Ты пропустил слишком много занятий в школе, Шагги. Говоришь, как такой маленький мальчик из богатой семьи. Я думала, ты будешь первым в классе.

— Первым по количеству говна в голове, — сказал Лик. — Может, поэтому у него и кровь из носа течет.

— Как бы там ни было, твоей старушке-матери сорок пять, не больше и не меньше, — сказала Шона.

— А мне почти двадцать один, слышишь, ты, умственно отсталый.

Шагги было трудно это принять.

— Но она просит меня покупать ей поздравительную открытку на двадцать первый день рождения.

— Что? *Каждый* год? — спросила Шона.

— Да.

Лик кивнул Шоне в знак подтверждения своих слов.

— Я знаю. *Я знаю*.

— Слушайте, я только делаю то, что ей приятно, ясно вам? А почему мне никто не сказал про ее алкоголический день рождения? Я бы сделал ей подарок.

Он чувствовал себя уязвленным и набрал целую горсть арахиса, засунув руку в вазочку до самого дна.

— Эй, а ну — не трогай. — Шона легонько шлепнула его сбоку по голове.

— Не сказали тебе? Не смеши меня. Это все равно что сказать доносчику — ты не умеешь держать язык за зубами, — сказал Лик.

— Нет, умею. — Шагги опустился на диван и принялся жевать украденные орешки один за другим, наслаждаясь соленым вкусом, наслаждаясь видом изобилия в этом доме. — Я сейчас храню не меньше пяти сотен секретов.

— Разболтаешь-разболтаешь, ты доносчик номер один, — продолжал поддевать его Лик.

— Заткнись (*орешек*), я знаю миллион тайн (*орешек*), о которых ты и не догадываешься.

— Например?

— Да, например? — сказала Шона. Они перестали готовиться к вечеринке и повернулись к нему.

Искушение было сильным; возможности повисли в воздухе, как тысяча дверей. Он не мог сдержаться. Съев еще несколько орешков, он улыбнулся.

— Ну, хорошо (*орешек*), я знаю, что Шона (*оре-*

шек) берет деньги (*орешек*) у Джино — торговца мороженым (*орешек*), а он за это разрешает ей (*орешек*) посмотреть на его волосатый сморчок (*орешек*).

Шона метеором соскочила со стула, насколько это позволяла ей узкая юбка-карандаш. Она разорвала гирлянды, но это ее не остановило. Шагги уже вылетел за дверь. Доносчикам требовалось умение быстро бегать.

— Ну, я же тебе говорил! — крикнул ему вслед Лик. — Доносчик. Номер. Один!

* * *

На вечеринку собралась куча народа, и неловкие незнакомцы пытались завоевать себе пространство в маленькой гостиной. По периметру комнаты были аккуратно расставлены разномастные стулья, которые Шона любезно заняла у родни, живущей выше и ниже по улице. На стульях сидели приглашенные клиенты с Дандас-стрит. Они расселись тесными группками, курили не переставая и молчали, только кашляли надрывно. Иногда кто-нибудь заговаривал — о погоде или о неудачах, преследующих малютку Джинни, приходившую на Дандас по средам, но вскоре все снова курили сигареты и смущенно

разглядывали свои ноги, словно в приемном покое.

Шона Доннели стояла на страже — смотрела, не идет ли Агнес, ее маленькие ножки торчали из-под задернутых занавесок. Мышцы ее бледных икр подергивались от предвкушения, и некоторые из присутствующих в комнате мужчин глубоко затягивались и смотрели, как икры ходят то вверх, то вниз, когда она пританцовывает на цыпочках.

На другой стороне комнаты сидели несколько соседей: Брайди, некоторые старшие братья Шоны, Джинти Макклинчи, которая, казалось, загрустила из-за отсутствия алкоголя. Они прослышали про вечеринку и теперь сидели в чистых рубашках и нервничали, сетуя на сухой закон в доме. Они открыто таращились на смиренное братство, которое все еще смущенно рассматривало пол.

Шагги смыл остатки крови с лица. Он оделся, как гангстер сороковых годов, в черную рубашку и широкий яркий галстук. Рубашку он выгладил сам, оставив стрелки на наружном крае рукава, отчего тот стал плоским на вид. Он обходил плененных гостей с бумажными тарелками, на которых лежали груды чеддера и ананасовых

долек. Женщины изящными движениями поднимали свои выкуренные наполовину сигареты «Кенситас», словно это была еда, и вежливо отказывались: «Не сейчас, сынок». Он обходил комнату, потом брал вазочку с арахисом или жирными свиными колбасками и отправлялся тем же маршрутом. Чтобы этот услужливый официант не ходил впустую, гости стали брать еду, которой не хотели, и выкладывали из нее пирамидки у себя на коленях. Жир просачивался через материю их лучших брюк и юбок. Они надеялись, что мальчик прекратит свои хождения, и тогда они снова смогут вернуться к мирному созерцанию своих ног. Шагги наслаждался, а воодушевленный вежливостью гостей, он только стал чаще обходить душную комнату.

На столе в углу стояли два завернутых подарка, которые странно смотрелись на огромной столешнице. Не все догадались принести подарки, не все понимали, что они вообще здесь делают. В одном из двух подарков, которые Агнес откроет позднее, был полный комплект «Физических упражнений Джейн Фонды», а в другом — две сотни испанских сигарет, которые были завернуты в упаковочную бумагу для детских подарков.

— Очень мило, правда? — сказала женщина с

Дандас-стрит, показывая сигаретой на украшения, которыми увешали полку над электрическим камином.

— Вам нравится? — с искренним удивлением спросил Шагги. Он еще сомневался во всех этих детских плакатиках и розовых девчоночьих шариках, которые повсюду развесили Лик и Шона.

— О, для нее это будет настоящий праздник. — Голос женщины звучал радостно; розацеа на ее щеках придавала ей надутый, девчоночий вид, и мальчику показалось, что ей приходилось немало смеяться в жизни. Шагги спрашивал себя, неужели эта женщина — настоящая алкоголичка.

— Лик на это целый день потратил, — сказал он. — Я никогда не видел его таким возбужденным.

— Неужели? Вы большие молодцы. Я думаю, она будет на седьмом небе, — сказала женщина, засияв.

— Правда? — Он по-прежнему сомневался. — Нет, я знаю маму. Думаю, она рехнется, когда увидит, что Лик приклеил шарики к ее замечательным шкафам. Клейкая лента может повредить лак.

Он снова пошел по комнате с дольками ананаса

на палочках.

Мышцы Шоны задергались сильнее.

— Вот она! Вот она! Она пришла! Пришла! — Она выскочила из-за занавесок и задернула их. На ней была короткая юбка и вся косметика, какая нашлась у ее матери. — Теперь все *шшшш*!

Все устроились поудобнее на скрипучих стульях, а те, кто все это время молчал, приложили палец к губам. Несколько человек примерили улыбку — она непривычно мелькнула на их лицах и исчезла. Лик выключил верхний свет, и комната неожиданно погрузилась в темноту.

Снаружи доносился рокот дизеля черного такси, забирающегося на тротуар, потом мотор заглох. Хлопнули тяжелые двери, открылась калитка. Потом послышался радостный цок-цок-цокот тонких, надменных, высоких каблучков. Стеклянная дверь открылась, и в освещенном коридоре появился женский силуэт. Комната взорвалась от всей души криком «Сюрприз!», оборвав вошедшую на полуслове. Некоторые из гостей постарше затягивались сигаретой в тот момент, когда она вошла, и упустили сигнал, а теперь слабым эхом повторили «Да, вот уж сюрприз так сюрприз, девочка».

Шагги бросился прямо к ней.

— Мама, хочешь ананасную дольку на палочке? Такая вкуснятина!

Агнес прислонилась к дверному косяку, ее руки потянулись к накрашенным губам. Она была одета так, будто собралась на вечерний спектакль в оперном театре, на самом же деле она провела день, играя в «Купи одну, получи одну в подарок» в бинго-зале при отеле «Ритц». Голубые глаза Юджина внимательно изучали обстановку из-за ее плеча. Его суровым взглядом смотрела сама Церковь, и он ничего не мог с собой поделать — высокомерно оглядывал это сборище оборванцев, рассевшихся в комнате. Он вошел, молча кивнул, словно пришел на поминки.

— И что это такое? — спросила Агнес. Ее глаза были широко раскрыты, она оглядывала комнату, пытаясь понять, что все это значит. Она никогда не видела некоторых из этих лиц за пределами зала на Дандас-стрит. Все это сбивало с толку.

— С днем рождения, — сказал Лик.

— Ты это о чем? — Агнес все еще оглядывала комнату.

— Сегодня твой первый день рождения. Мэри-Долл по телефону нас предупредила. Она сказала, что важно отпраздновать год, прошедший на пути к выздоровлению. — Лик сиял от уха до уха.

Он показал на миниатюрную шатенку, попыхивающую остатком сигареты. — Ты целый год не брала в рот ни капли.

— Это правда. Лик вел счет, — добавил Шагги.

— Ты вел счет? — спросила Агнес.

— Да, — в один голос ответили оба ее сына. Шагги достал из серванта потрепанный бумажный календарь. Двенадцать страничек под акварельным изображением Базилики Непорочного Зачатия в Лурде. Он пролистал с полдюжины страниц, помеченных крестиками рукой Лика.

Люди стали передвигаться по маленькой комнате, радуясь возможности подняться с жестких стульев. Агнес переходила от лица к лицу, со слезами на глазах принимая их объятия и позволяя поцеловать себя в щеку, выслушивала благословения. Шагги руководил открыванием больших бутылок шипучки, разливал эту липкую жидкость в бумажные стаканчики. Шона всучила ярко-зеленый стаканчик с лаймадом[115] Юджину, и тот уставился на содержимое, словно на диковинку.

— Я никогда не слышала про Питхед раньше, — сказала одна из женщин, посещавших собрания

[115] Примечания: 115

Лаймад — освежающий цитрусовый напиток из сока лайма. — *Прим. ред.*

по средам. Мэри-Долл была миниатюрной, похожей на тростинку, словно пьянство истончило ее, как резчик — мягкое дерево. Ее щеки под большими карими глазами провалились, а темные волосы сидели на порченом теле, как парик с чужой головы. Агнес потеряла дар речи, когда узнала, что этой женщине всего двадцать четыре года. Она прижала руку к сердцу и услышала шепот Лиззи: «На свете всегда найдется немало людей, которым еще хуже, чем тебе».

Агнес взяла руку женщины в свои.

— Я молилась о тебе. Есть какие-нибудь новости про твоих малышей?

Мэри-Долл просияла, ее глаза снова стали ясными, как когда-то.

— Я тебе не говорила, что мой младшенький как раз в школу поступает?

— Ты наверняка им гордишься. Дети в их блейзерах с галстучками всегда такие потрясающие.

Тень пробежала по лицу Мэри-Долл.

— Да, так и было. Мне только маленькую фотку удалось увидеть, но я была уверена и позвонила ему вечером. Он был такой взволнованный.

— Они все еще с бабушкой?

— Ага. Она не подпускает меня к ним.

От одной только мысли о разлуке с ее мальчи-

ками Агнес захотелось прижать их к себе. Хватит и того, что она из-за своего пьянства потеряла Кэтрин.

— Было время, когда я думала, что трясучка тебя никогда не оставит. Нужно верить, детка. Твоя бабушка одумается.

— Да, надеюсь, — без особой уверенности прошептала тощая женщина. — Но фотка хорошая. Я купила для нее маленькую рамочку и повесила на стенку.

С одного из принесенных стульев поднялся мужчина. Питеру, посещавшему собрания с понедельника по четверг, было столько же, сколько Агнес, но судя по его виду, он ей в отцы годился. Он пришел в светлых джинсах и плотном пиджаке из шетландской шерсти, вышедшем из моды во времена первого замужества Агнес. Человек передвигался странной дерганой походкой, словно состоял из множества пластинок, грозивших рассыпаться. За его общительностью и любовью поболтать о себе скрывалось одиночество.

— Привет, Агнес, — радостно проговорил он. — Как тебе снова почувствовать себя новорожденной? Годовалой?

— Сказать по правде, я этого еще не осознала, — ответила Агнес.

— Да, приятно видеть, как твои ребятишки гордятся тобой. — Понедельнично-четверговый Питер показал на Лика. — Они были счастливы что-то сделать для тебя. Ну ты понимаешь, не сбавлять обороты. Придать тебе маленькое ускорение на горбыле первого года.

Юджин стоял у входа в гостиную, в комнату он так и не шагнул, но был не в силах оторваться от этого спектакля с нервными актерами. Шагги стоял у стола с едой, стирал жир и соус с краев тарелок. Он трудился, чтобы все было в лучшем виде: выравнивал мясистые колбаски, переворачивал сырные кусочки, чтобы верхушки не засохли и не потрескались. Юджин смотрел, как суетится Шагги. Мальчик выстроил декоративную пирамидку из бумажных стаканчиков, а закончив, поднял голову и поймал на себе взгляд Юджина.

— Как дела идут, мужичок? — спросил Юджин. Он медленно приблизился к Шагги, не вынимая рук из карманов.

— Отлично, я только что… — Шагги посмотрел на свою вычурную пирамидку из стаканчиков и сбросил ее рукой, как ножом бульдозера. Стаканчики разлетелись по полу.

Юджин и Шагги повернулись и теперь, стоя бок

о бок и стараясь не смотреть друг на друга, наблюдали за вечеринкой, как за футбольным матчем.

— Отличный вечерок, правда? — сказал Юджин, вежливо игнорируя демонстрацию Шагги: строительство, обернувшееся разрушением.

— Пожалуй. Я думаю, Лик сошел с ума.

Юджин рассмеялся.

— Нет! Это здорово, когда так любят мать. В конце концов, она у вас одна. — Он улыбнулся, потом неожиданно спросил: — Ты ведь знаешь, кто я, да?

Шагги кивнул и ответил ровным, скучным тоном:

— Вы Юджин Макнамара. Старший брат Коллин. Возможно, вы станете моим новым папой. — Он стоял, уставившись на свои туфли. — Но меня об этом никто не спрашивал.

— Правда? — Такой ответ застал Юджина врасплох.

— Я думаю, это некрасиво — заявлять такие претензии, даже не спросив у мальчика, нужен ли ему папа.

— Ты прав. Джентльмен должен представиться другому человеку. — Юджин протянул Шагги руку. — Меня зовут Юджин. Рад с тобой наконец познакомиться.

Мальчик не без опаски пожал протянутую руку. Это была не рука, а настоящая медвежья лапа, ни к чему более грубому он раньше не прикасался.

— Вы надолго к нам?

— Может, на часок.

— Нет, я имею в виду, вообще, надолго ли с моей мамой.

— О, я не знаю. Надеюсь, что надолго.

— Мистер Макнамара, вы мне не понравитесь, если разочаруете ее.

Юджин ответил не сразу. Этот необычный мальчик ошеломил его.

— Знаешь, сынок, может быть, пришло время, когда тебе нужно больше самому заботиться о себе. Не дергать маму. Заботиться о ней буду я. А ты бы больше играл со своими сверстниками, пытался быть больше похожим на других мальчиков.

Из кармана своих брюк Юджин достал маленькую красную книжечку размером не больше пачки сигарет. Книжечка была тонкая, печать дешевая. Юджин протянул книжечку Шагги, и тот посмотрел на обложку с потрепанными уголками. На книжке было написано «Подарок за покупку „Глазго Ивнинг Таймс“». На обложке была черно-белая фотография футбольного героя

прежних времен, носки на нем казались плотными и шерстяными. Это была «Малая красная книга-справочник по шотландской футбольной истории»[116].

Шагги посмотрел на книжку, принялся листать страницы, заполненные результатами футбольных матчей многолетней давности. «Результаты Шотландской футбольной лиги. „Джерсы“ выиграли 22 матча, 14 свели в ничью, проиграли 8, набрали в сумме 58 очков. „Абердин“ выиграл 17, ничьих 21, проигрышей 6, всего — 55 очков, „Мазервел“: 14 выигрышей, 12 ничьих, 10 проигрышей». Его лицо загорелось от стыда, всякое ощущение превосходства, которое он испытывал прежде, оставило его.

— Спасибо, — сказал он и быстро сунул книжечку в карман, словно какой-то грязный секрет.

Шагги пересек комнату и подошел к тому месту, где стояла его мать с людьми из ее дандас-стритской истории. Они смотрели на нее, как восторженный хор. Первый человек, понедельнично-четверговый Питер, поддерживал другого под локоть. У этого второго вид был такой, будто с ним случился удар или пьянство повредило

---

[116] Примечания: 116

«*Малая красная книга*» (*Wee Red Book*) — культовый шотландский футбольный справочник, выходящий ежегодно с 1928 г. — *Прим. ред.*

его двигательные функции. Третий человек был моложе и шире в плечах, еще не развалина и не пустая оболочка, но его пальцы пожелтели от никотина. Этот, который помоложе, был возрастом не многим старше Лика, одет в модную нейлоновую куртку, которая делала его похожим на бродягу. У него был ушлый и вороватый вид, как у питхедских мальчишек, которые стояли у магазина мистера Долана в одежке с бесчисленными, как на армейской форме, карманами, чтобы прятать украденное с прилавков. Шагги порадовался, что спрятал материнские фарфоровые статуэтки «Каподимонте». Потом этот молодой человек улыбнулся, показал свои маленькие, но ровные и белые зубы. У него был красивое лицо, здоровое и доброе. Шагги испытывал какое-то странное чувство. Футбольная книжечка жгла ему ногу.

— А это мой младший — Хью.

Агнес с гордостью погладила его по макушке.

— Привет, дружище, — сказал первый мужчина. Он протянул мальчику руку. — Я твой дядя Питер.

Шагги только посмотрел на протянутую руку, но своей не подал, потом перевел на человека холодный взгляд.

— Нет, — вздохнул он. — Вы просто Питер. Я

прекрасно осведомлен о моем фамильном древе. Спасибо.

— Ишь, какой умный паренек, — сказал человек, распрямляясь. С близкого расстояния Шагги хорошо видел, какие места на лице гостя забыли выбрить его трясущиеся руки, видел порезы, красовавшиеся на его подбородке.

Агнес так встряхнула Шагги, что его тщательно расчесанный пробор исчез под растрепавшимися волосами.

— Это что с тобой такое? Ну-ка извинись перед мистером… мм, мистером… — Агнес забыла фамилию, и понедельнично-четверговый Питер нервно задергался. Она снова встряхнула сына. — Извинись перед Питером!

— Извините, мистер Питер, — сказал он, глядя при этом на Юджина.

* * *

Мэри-Долл пересекла комнату, направляясь к Юджину.

— Я вас прежде не видела. Вы тоже с Дандас-стрит?

— Нет.

— А я подумала, что не узнала вас. — Она сбросила свою блестящую челку на глаза и,

почувствовав себя лучше, ухмыльнулась. — Я трезвая вот уже почти три месяца. Муниципалитет дал мне маленькую квартирку. Я была в списке почти четыре года. Надеюсь вскоре получить двухъярусные кровати для гостиной. Тогда дети смогут ко мне переехать. — Она кокетливо намотала прядку волос на палец.

Юджин изобразил улыбку. Она неправильно это истолковала.

Мэри-Долл продолжала без остановки выбалтывать подробности своей жизни, не задумываясь.

— Я экономила страсть как. И я уже купила себе маленький цветной телевизор, симпатичный ковер, всякую ерунду, то да сё. Хотелось бы мне быть как Агнес. Она прекрасно содержит дом, да? И о себе не забывает. Она даже в худшие свои времена была великолепна.

— Правда?

— Да-да. Даже в худшие времена она одевалась с иголочки. — Она сменила тему, устав говорить о других женщинах. Мэри-Долл положила руку ему на плечо.

— Слушайте, вы мне так и не сказали, на какие собрания вы ходите.

— Я не хожу. Не хожу на собрания. У меня нет проблем с алкоголем.

— Правда? Как вам повезло. А мои не нужны? — Она рассмеялась. Десны у нее были белые и безжизненные.

— Нет, спасибо. — Юджин поднял голову и, перекрикивая музыку, позвал Агнес. Ему показалось, она чувствует себя неловко — вероятно, ее малец говорит что-то неудобоваримое. Он кивнул своей большой рыжей головой, и Агнес двинулась к двери.

Юджин извинился перед похожей на призрака женщиной и вывел Агнес в коридор. Здесь было тихо и не так накурено. Агнес увидела, как Юджин положил руку на поясную сумку, и ей от этого его движения стало не по себе.

— Слушай, я, пожалуй, пойду. Может, сделаю пару ездок, пока все клубы не закрылись на ночь.

— Да, конечно. Ты в порядке?

— Да-да, — слишком быстро ответил он и поскреб загривок.

Агнес сразу узнавала ложь, когда видела ее. Она подалась вперед, чтобы поцеловать его в губы, но Юджин неловко отвернулся и чмокнул ее в щеку. Поцелуй был легкий и пустой — этакий небрежный поцелуйчик друзей на французский манер. Он отстранился, и она поняла, что все еще стоит с приоткрытыми губами, готовая к настоя-

щему поцелую, которого так и не получила. Она предлагала ему страстный поцелуй, а ему этого не требовалось. Она почувствовала себя старой и грязной. Теперь она увидела в нем Коллин и слишком поздно изменила выражение лица с любви на обиду, а потом на броню.

— Ну, я позвоню.

— Да, жду. — Она беззаботно фыркнула, скрестив руки на груди.

— Ну а ты возвращайся к своей… Ммм… — Он не мог подыскать подходящего слова. — Вечеринке.

Она смотрела на дверь, которая закрылась за ним, услышала, как он подергал ручку — проверял: встала ли на место защелка, словно запечатывал коробку. Она услышала, как хлопнула калитка — он вышел на дорогу, окликнул племянников и племянниц, игравших во дворе. Голос был другой — не тот, которым он разговаривал с ней. Она почти всю жизнь прожила, прислушиваясь к звучанию такси, а потому точно знала, когда он сел в машину, когда захлопнул дверцу. Она слышала, как заурчал и взревел двигатель, и поняла, что он слишком резко сорвался с места. Но что говорить — распознавание звуков такси было делом нехитрым.

Из гостиной до нее доносилось сахарное ши-

пение открываемых бутылок шипучки. Она видела своих друзей в их мешковатых одеяниях. Пьянство на долгие годы загнало их в тупик, заморозило, украло целые десятилетия, вышибло их из мира, в буквальном смысле высосало из них жизнь. И вдруг она почувствовала себя больной, ей захотелось, чтобы они ушли, чтобы ее жизнь очистилась.

Агнес посмотрела на себя, и ей стало стыдно — как это она опустилась так низко, что позволяет себе быть с ними? Потом она почувствовала себя еще хуже оттого, что такие нехристианские чувства овладевают ею. Под потолком в коридоре плыло густое облако сигаретного дыма. Кто-то поставил новую пластинку с популярной музыкой. Агнес уже слышала ее прежде. Писклявый голос запел: «С днем рождения, с днем рождения»[117]. Агнес отправилась в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Неужели она тоже сломана и застряла на месте, как они? Из зеркала на нее смотрела точная копия Элизабет Тейлор, только теперь она превратилась в Лиз, тщеславную и высокомерную

[117] Примечания: 117

«*С днем рождения*» (*Happy Birthday*) — песня шотландской группы Altered Images, выпущенная как сингл с их одноименного альбома 1981 года. — *Прим. ред.*

версию с фотографий папарацци на яхте в Пуэрто-Вальярта[118]. Волосы у нее все еще оставались густыми, стрелки «кошачий глаз» не размазались. Но теперь волосы стали слишком черными, а косметика была нанесена слишком густо, и все в цветах, модных десятилетие назад. Даже тени для век были цвета зеленый металлик, напоминавший окислившуюся медь. Она достала свою старую черепаховую расческу поправила локоны, пригладив и сделав их ровнее, менее пышными, не такими старомодными. Она взяла резинку и собрала волосы в первый в жизни жалкий хвостик. Лицо ее разгладилось, когда она стерла густой слой губной помады, металлический блеск с век и розовые румяна, прикрывавшие сосудистые звездочки. Пустая, как чистый лист, она нанесла ярко-голубую подводку, как это делали молодые девчонки в телепрограмме «Самые-самые»[119].

Она снова подняла голову и увидела в зеркале женщину, ничуть не отличавшуюся от прежней. Ее заклинило, как и всех остальных. Ее проблема

---

[118] Примечания: 118

Знаменитая пара Элизабет Тейлор и Ричард Бертон в 1960-е годы жили в купленном ими доме в Пуэрто-Вальярта, Мексика.

[119] Примечания: 119

«*Самые-самые*» (*Top of the Pops*) — еженедельная музыкальная программа, выходившая на BBC и транслировавшаяся во многих странах мира. Выходила с 1964 по 2006 г. — *Прим. ред.*

была внутри нее.

Ей до потери сознания захотелось выпить что-нибудь, что угодно, только чтобы пропала эта женщина из зеркала. Агнес достала из своей косметички старый конверт, в каких присылали счета за газ, вытащила из него две таблетки счастья от Брайди Доннелли. Без воды разжевала их, запрокинула голову и проглотила их, как птенец.

Она не спеша докурила сигарету, уронила ее в унитаз, где та с шипением погасла. Глядя на то, как вихрь воды уносит окурок, она постепенно забыла о том, что ее мучило. Она снова посмотрела в зеркало и улыбнулась. Вот она и привела себя в порядок.

Двадцать два

Когда Шагги в день своего одиннадцатилетия вернулся домой из школы, на верхней ступеньке крыльца стояла коробка из-под обуви, а рядом с их домом было припарковано черное такси. Юджин охладел к Агнес после вечеринки, это было настолько очевидно, что даже Лик заметил. По вечерам, когда ей не нужно было на заправочную станцию, Агнес курила одну сигарету за другой, разговаривала по телефону и подчеркивала строки в своей книге про двенадцать шагов[120]. В такие вечера Шагги и Лик лежали без сна. Они переглядывались в темноте, когда слышали, как она вздыхает, смотря позднюю телепередачу. Но они знали, что происходящее на экране ее ничуть не интересует.

Шагги три дня не ходил в школу. Он симулировал спазмы от запора и бродил за ней по дому, читая вслух «Данни, чемпион мира»[121]. Он

---

[120] Примечания: 120

Имеется в виду книга, изданная обществом Анонимных алкоголиков и дающая рекомендации по преодолению алкогольной зависимости.

[121] Примечания: 121

«*Данни, чемпион мира*» (1975) — детская книга британского писателя Роальда Даля о приключениях мальчика и его отца.

думал, что если заполнит каждое ее мгновение своей болтовней, то она, может быть, воздержится от выпивки. Он стоял перед дверью ванной, пока она писала, и рассказывал ей про фазана, которого обманул Данни с помощью снотворного. Он забирался в ее холодную кровать по вечерам и читал без передышки, пока она лежала без сна. Когда ей стало невыносимо это пристальное внимание сына, она подсунула ему магнезию[122] и облегченно вздохнула, когда его так пронесло, что он решил вернуться в школу.

Шагги сел на крыльце, поставил коробку непонятного происхождения себе на колени. Внутри, среди облаков тонкой оберточной бумаги, лежала пара черных футбольных бутс. Шагги стащил с ног школьные туфли и надел шипованные бутсы. Он прошелся туда-сюда по тропинке. Бутсы были ему велики размера на два, но они не отличались от тех, что носили в школе другие ребята. Он принялся ходить кругами, размышляя, сделают ли его эти бутсы более нормальным.

Взвесь магнезии урчала у него внутри, расслабляя содержимое его желудка. Он взялся за ручку двери, но та оказалась заперта. Он прекрасно

[122] Примечания: 122

Гидроксид магния (магнезия) применяется в разных областях, а в медицине — как очень сильное слабительное.

понял, что это означает. Ожидая в тени дома, он радовался, что Юджин вернулся. Даже какой-нибудь Макавенни в роли отца был лучше, чем его мать в запое. Он прижал ухо к двери и стал молиться о том, чтобы Юджин остался, чтобы его мать нашла в себе силы воздерживаться от алкоголя и успокоиться. Потом он попросил Господа сделать его нормальным ко дню рождения.

У него снова скрутило живот. Одну руку он прижал к своей урчащей заднице, а другой со всей силы дернул за ручку. Ключ в замке повернулся, и дверь распахнулась.

Это был не Юджин. В дверях стоял его отец. Он приглаживал волосы над лысеющей макушкой, ошеломленно глядя на мальчика.

— Ты уже вернулся домой из школы? — только и сказал он, хотя столько времени не видел сына.

Шагги с широко раскрытыми глазами кивнул ему, как недоумок. Он не видел отца с дня той встречи у Раскала три года назад. Шаг заправил сзади рубашку в брюки и кивнул, показывая на ноги мальчика.

— Значит, подарок тебе понравился?

Шагги посмотрел на свои ноги и понял, что черные бутсы вовсе не от Юджина. Прежде чем

он успел ответить, отец ухватил его за подбородок и сказал:

— Заебись. Так у тебя на подходе такой же нос, какой был у этого старого громилы фения.

Рука Шагги в оборонительном движении взлетела к его кэмпбелловскому носу. Он пощупал маленькую носовую косточку, растущий на ней горбик, похожий на руль.

Разочарованно покачав головой, Шаг вытащил из кармана монетницу, которой пользовался на работе. Движением большого пальца он вытащил две двадцатипенсовые монетки.

— Держи, если займешься боксом, может быть, тебе кто-нибудь его сломает.

Шагги скорее от потрясения, чем из неблагодарности, некоторое время смотрел на монеты. Шаг неправильно понял его взгляд и неохотно выкатил еще четыре пятидесятипенсовые монетки.

— И больше не проси! — Он недовольно уронил монетки в ладонь мальчика. — Так ты уже начал приударять за девчонками?

Ему никогда еще не задавали такого вопроса. Он пожал плечами. Шаг вспомнил себя одиннадцатилетним и приписал реакцию мальчика ложно понимаемому чувству скромности.

— Ну что ж, может, ты все же из породы Бей-

нов? — Он облизнул нижнюю губу. — Прекрасный возраст — самое время вставлять девчонкам в хлебницу, ведь еще года два пройдет, прежде чем от этих шалостей может случиться серьезная беда.

Шагги пришла на ум только хлебница бабушки Лиззи и хлеб с толстой горбушкой, который она всегда там хранила. Вспомнил он о том, как она припрятывала для него горбушки, а потом намазывала маслом и съедала сама.

— Ну я тут не могу с тобой целый день разговаривать. Ты тратишь мои деньги быстрее, чем я их зарабатываю. — Шаг обошел сына и, простонав, сел в машину. Мальчик увидел, как черная машина просела под весом отца. — Не забудь приглядеть за матерью. Смотри, чтобы она не связалась с каким-нибудь католиком, понял меня?

Его отец завел двигатель и укатил, не попрощавшись.

Шагги повернулся к тихой темноте дома. Он снял с себя бутсы и, размахнувшись, бросил их в сторону торфяного болота, потом вошел в дом и увидел мать — она сидела на краю своей односпальной кровати. Покрывало за ее спиной было смято, а у ее ног стоял пакет, полный «Спешиал Брю». Они ошеломленно смотрели друг на друга,

словно оба пробудились от одного и того же мирного сна, словно им требуется какое-то время, прежде чем они найдут в себе силы подобрать слова и говорить.

Он слышал, что она преуспевает, вернее, он ничего не слышал, и в этом-то и было дело. Прошло больше года с того дня, как она в последний раз звонила в диспетчерскую такси. Четырнадцать месяцев с тех пор, когда она грозила всеми муками ада диспетчеру или обещала вонзить нож в мальчика, а потом отравиться газом. Уже больше года он ничего о ней не слышал.

Приближался день рождения сына, давая Шагу хороший повод своими глазами увидеть, что там происходит. Один из водителей обзавелся ворованной партией черных бутс. Они подогнали взятый напрокат фургон к тягачу с прицепом, и пока его разгружали, без всяких проблем украли шестьдесят пар бутс прямо среди бела дня на Сокихолл-стрит.

Какой мальчишка не любит футбола? Если у Агнес новый мужчина, Шаг просто продаст их кому-нибудь. Никакой беды в этом нет. Если у нее нет мужчины, то он поинтересуется, почему она перестала донимать его, Шага. Она ущемила его самолюбие совершенно неожиданным образом,

а потому он в подарочный пакет сунул шесть банок «Спешиал Брю».

Шаг опустил окно в машине и прислонил руку к горячему черному металлу. Он увидел, как солнечные лучи заиграли на его золотых кольцах, и подумал о том, что его руки выглядят лучше после недели на открытом воздухе в передвижном домике Джоани. Все у него выглядело лучше, если на нем появлялось немного загара. Он ехал по шоссе и думал о том, сохранила ли Агнес свою красоту. Он ценил Джоани, но она не шла ни в какое сравнение с Агнес Кэмпбелл. Джоани была мир и спокойствие. Уравновешенная и надежная, она и хлопот не доставляла никаких. Она выпивала, но никогда не напивалась, и ее совершенно не волновали ни бинго, ни красивые ковры, ни мечты. Джоани была труженицей и не сетовала на судьбу. У нее не было особой индивидуальности, но в постели она ничего не стеснялась и была благодарной, как нередко бывают простые женщины. Но он не мог не признать: что касается внешности, Агнес Кэмпбелл была призовой кобылой, а Джоани — всего лишь пони мусорщика.

Свернув в шахтерский поселок, он подумал, не уничтожила ли она свою красоту пьянством. Он знал такие случаи. Существовал тип жен-

щин, в особенности это было характерно для Глазго, которые словно застывали в одной поре и чахли одновременно. Их лица покрывались морщинами, высыхали от пьянства, на костлявых щеках появлялись красные прожилки, под слезящимися глазами набухали мешки печали. Они пытались скрыть все это, но, поскольку они застревали во времени, их лица превращались в музей вышедших из моды причесок и густой косметики. Он думал, остались ли у нее настоящие ирландские глаза и высокие скулы, тот нежный румянец, от которого всегда исходил такой чистый и приятный запах. Он улыбался в жарком такси и чувствовал, как наливается желанием. Он поймал себя на мысли о том, что неплохо было бы оттрахать ее в последний раз, и похвалил себя за предусмотрительность: он принял ванну вчера вечером.

Шаг несколько лет не заезжал в эти края. Он заглянул в телефонный справочник, убедился, что не ошибся адресом. Она все еще носила его фамилию. Бейн. Он улыбнулся, подумав, что она слишком горда, чтобы возвращаться к грязной,

вульгарной фамилии Мик[123]. Он легко нашел дом, великолепный розовый сад, слишком показной и слишком яркий для убогого Питхеда. Красная глянцевая дверь выделялась на фоне остальных; от нее сквозило уверенностью, и Шаг порадовался этому. Он постучал, стал ждать ответа. До него из дома доносился звук пылесоса. Он постучал еще раз — пылесос затих. Он услышал щелчок замка и изобразил лучшую из своих улыбок, когда красная дверь качнулась внутрь.

Агнес летом всегда держала окна распахнутыми, и сквозняк, ворвавшийся в открытую дверь, растрепал длинные редкие волосы Шага. Она посмотрела на него, увидела, как он тщетно пытается придержать волосы на своем плешивом черепе. Блудливая улыбка сползла с его лица.

На ней не было косметики, и, несмотря на годы, она выглядела такой же свежей, какой была в дни их знакомства. На ее щеках появились тонкие морщины, но глаза продолжали светиться, и Шаг подумал, что ее вид объясняется недавним возвращением с резвой прогулки. Ее волосы,

---

[123] Примечания: 123

Мик — сокращенное от Майкла, распространенного ирландского имени, — ирлашка (пренебр.) Обычно используется в Англии, где ирландские иммигранты выполняли большую часть ручного труда. — *Прим. ред.*

черные как ночь, лежали на голове нежными волнистыми прядями. Он разозлился при мысли о том, что она видит его плешь.

— Вот она. Любовь моей жизни.

Агнес посмотрела на него безразличным взглядом, поцокала языком.

— Ну, ты уж только так-то не удивляйся. — Не успел он произнести эти слова, как понял: этим ее не возьмешь. Он хотел, чтобы его голос звучал весело и легко, напоминал бы ей о том, чего она лишилась. — Сколько лет. Неужели ты без меня не скучала?

— Ты разжирел.

Его рука переместилась с головы на живот.

— Да, может быть. Она хорошая кухарка, эта Джоани.

Агнес поморщилась.

— Шлюха на все руки, значит.

— Слушай, я приехал не для того, чтобы тут с тобой перед дверью пикироваться. Я привез мальцу подарок на день рождения. — Он поднял дешевый полиэтиленовый пакет. — Ты меня, может, впустишь?

Агнес скрестила руки на груди, словно решила стоять до конца, и проговорила с каменным лицом:

— Моему мальчику ничего от тебя не нужно.

Шаг несколько секунд вглядывался в Агнес, опасаясь, что теперь уже потерял ее навсегда. Он недоумевал: как это рыбка может срываться с крючка? Вытащив из пакета коробку с бутсами, он протянул подарок ей. Она так и осталась стоять со скрещенными на груди руками, а потому он поставил коробку на ступеньку к ее ногам, словно подношение божеству.

— Ты же знаешь, ты была любовью моей жизни. — Это было правдой, постыдной правдой. — Держи, это тебе. — Он протянул ей пакет с лагером, а сам стал спускаться с крыльца.

— С этим покончено, — холодно сказала она.

— Ого! — Его губы восхищенно вытянулись. — И сколько ты уже держишься?

— Достаточно долго, чтобы не сомневаться.

Он изобразил аплодисменты.

— Я подумал, что-то ты пропала.

— И приехал посмотреть на руины. Проверить?

— Верю-верю, ты любого шутника перешутишь. — Он поднял ладони, показывая, что признает ее победу. — Так я могу войти, миссис Бейн? — Он произнес ее имя со всей нежностью, на какую был способен.

Она не сказала ни да, ни нет. Она просто развернулась и пошла по коридору на кухню. Она услышала хлопок двери, поворот ключа в скважине, а потом — тяжелые шаги Шага за ее спиной.

— Мне нравится, какой ты порядок тут навела. — Шаг сел за маленький раскладной стол, уставился в угол, где из-за влажности от стены, как и прежде, отслаивались обои.

Агнес увидела, как он поглядывает на холодильник, на большую морозилку и недоумевает — как это она смогла позволить себе все это. Одинокая мать с серьезной алкогольной зависимостью. Не сказав ни слова, она поставила чайник, открыла хлебницу. Из бумажной упаковки достала два толстых ломтя хлеба, густо намазала на них желтое масло. Потом разрезала каждый пополам, положила на чайное блюдце, подвинула к нему. Он поблагодарил ее.

Взяв бутерброд, он откусил немного — масло было свежее и жирное.

— Доходит до меня, что Кэт нравится в Южной Африке.

– *Кэтрин*? Да, я тоже слышала. — Голос Агнес звучал устало.

— Ты получаешь от нее весточки?

— Нечасто.

— Так вот: ты скоро станешь бабушкой.

Ее рука ухватилась за край столешницы. Дыхание перехватило.

— Да, я знаю.

— Малютка Пегги Бейн вылетает туда. Помогать ей будет, когда малыш появится. В такие времена, — жестоко добавил он, — нужна мама, даже если у тебя есть только свекровь.

— Где бы я взяла деньги на это? — Агнес отвернулась, пряча от него лицо. Она попыталась занять себя — стала готовить две кружки черного чая. Она надеялась, он не заметит, как трясутся у нее руки.

— Дональд-младший уверен, что будет мальчик. Я ему сказал, что подарю им коляску, если они назовут его Хью в честь его любимого дядюшки.

Когда ее пылающее лицо чуть остыло, она повернулась и поставила заваренный чай на стол. В его кружку она положила три ложки сахара и плеснула молока.

— Я пытался отказаться от сахара, а потом решил, да гори оно огнем.

— А что, с сердцем паршиво?

— Да, шалит время от времени. По крайней мере, когда екает, я не сомневаюсь, что оно

там. — Он рассмеялся и доел ломоть хлеба, сложил корочки и в один присест отправил их все в рот. — Как мой мальчик? Хоть немного похож на своего предка?

— Боже мой. Надеюсь, что нет.

Агнес поднялась из-за стола и тихо вышла из комнаты. Она хотела в тишине свыкнуться с известием о Кэтрин. Она не сказала Шагу, куда идет. Шаг съел второй кусок хлеба с маслом, прикинул в уме стоимость всей новой техники, которую видел. «У нее есть мужчина», — решил он. Он подошел к двери, выглянул в коридор — не увидит ли ее где, потом вытер масляные пальцы о брюки, подумал, что, наверно, она в спальне, ухмыльнулся, поднял пакет с пивом и пошел по незнакомому дому в поисках Агнес. Просовывая голову в полуоткрытые двери, он отмечал повсюду чистоту и порядок. Подумал о Джоани, о ее диване в кошачьей шерсти, грязных трусах на полу спальни — он живо представил ее сейчас, как она беззаботно стряхивает на пол крошки с разномастных простыней.

Шаг шел по коридору, заглядывая в комнаты, отовсюду на него смотрели ее печальные фарфоровые статуэтки. Агнес нигде не было. Он остановился перед одной из последних дверей

близ выхода — она сидела там спиной к нему. Это была комната мальчиков с двумя односпальными кроватями. На низком столике у двери Шагги поставил несколько игрушечных роботов, в пространстве между ними лежали маленькие карточки с именами тех, которых ему не хватало, которыми он еще не владел. Это напомнило ему Агнес. Сколько всего она хотела, хотела и хотела.

— Хорошенько все осмотри и уходи, — тихо сказала она.

— А где все его футбольные постеры? — спросил он, оглядывая пустые стены.

— Хью не увлекается футболом. Да и постеры ему особо не нравятся. Он считает их вульгарными.

Шаг оглядел маленькую аляповатую комнату, в особенности ту ее часть, которую занимал его сын. Единственным признаком детства были аккуратно выстроенные роботы. Он пригляделся к ним и наконец понял, что они такое. Целая каминная полка была заставлена этими печальными фарфоровыми статуэтками.

— Нагляделся? — Агнес в эту минуту показалась ему усталым экскурсоводом.

— Пожалуй. — Он чуть ухмыльнулся.

— Хорошо, — сказала Агнес с натянутой улыб-

кой. — Она показала на дверь. — А теперь можешь уебывать.

Агнес волновалась за свое белье. Летом все новости были о Чернобыле и случившемся там ядерном взрыве. Это казалось печальным событием, но тревоги не вызывало, пока в новостях не предупредили о слабом радиоактивном дожде, который прошел над западной Шотландией, а теперь направляется в сторону Ирландии. Когда Шагги помогал ей принести белье с веревки на заднем дворе, она спросила у него, а не смогут ли радиоактивные осадки вывести упрямые пятна. Мальчик отрицательно покачал головой; нет, отбеливателя из дождя не получится. Он рассказал о гнетущих мультиках про ядерную войну, которые их заставил смотреть отец Барри, и добавил, что они, вероятно, могут просто сожрать простыню целиком. Они только-только принесли последнюю корзину с еще влажными простынями, когда заморосил дождь. Из переднего окна подпрыгивающие капли казались ничем не примечательными, похожими на любой другой шотландский дождь. Пока дождь омывал пустую улицу, они придумали игру — называли то, что дождю следовало бы пожрать в первую очередь.

— Двойной урок по футболу!

— Джинти Макклинчи!
— Грязную Мышку Макавенни!
— Весь этот гребаный поселок!
— Снэп[124]!

Шагги лежал перед электрическим камином, смотрел, как Агнес выглаживает последнюю влагу из белья. Над утюгом поднимался пар, а это означало, что ей все время приходилось отирать лицо, отрывая куски от рулона туалетной бумаги. Она вытащила верхнюю челюсть и корчила ему забавные рожицы через шипящий пар. На нее это было непохоже — так унижать чувство собственного достоинства. Но там, близ тепла электрокамина, Шагги мечтал о том, чтобы этот дождь никогда не кончался. Думал, как было бы хорошо, если бы они вдвоем как-то застряли в этом доме, где он смог бы вечно заботиться о ней, беречь ее от опасностей.

Но Шаг попытался унизить ее. Никто из них не говорил о его отце или его внезапном визите. Чтобы насолить ему, Агнес и Шагги сделали щедрый жест — отдали все банки «Спешиал Брю» Джинти. Они надели лучшую свою одежду и неторопливо прогулялись по улице до дверей

---

[124] Примечания: 124
Карточная игра, обычно детская.

Макклинчи. Джинти открыла им дверь, хмурясь и смущаясь, скрывая слабый налет досады. Они улыбнулись ей так, словно были самыми преданными свидетелями Иеговы. И только увидев пакет, Джинти смягчилась. Услышав глухой стук пивных колоколов в полиэтиленовом пакете, она удивленно засияла, словно апостол после воскресения Христова.

В тот же самый день позвонил Юджин.

Он все реже и реже давал о себе знать после первого дня рождения Агнес в АА. Поскольку он был добрым человеком, она предполагала, что он будет бросать ее очень мягко, постепенно, а со временем пропадет вообще.

* * *

Юджин приехал за ней на своем такси. Машина вся блестела, словно ее специально помыли для такого случая. Он просигналил один раз, но, когда она появилась на улице, не вышел, не открыл ей пассажирскую дверь, как делал это не раз прежде.

Коллин и другие женщины выстроились у деревянного забора напротив. Брайди держала кастрюльку с недожаренной картошкой и серое кухонное полотенце. Вид у них был недовольный,

словно рычание дизельного двигателя в машине Юджина силком вывело их из дома, оторвав от домашних хлопот. Коллин вся посинела от злости, когда Агнес убыла со своим ценным призом.

Машина тронулась с места, но Юджин молчал. Они проехали церковь, и тогда он свернул с Пит-роуд и остановился в нескольких футах от широких металлических ворот закрытой шахты. Он выключил двигатель, и машина, словно покорное животное, перестала сотрясаться под ними. За окнами машины стояли непроглядная темень и тишина. Он протянул руку и включил маленькую желтую лампочку в салоне.

Агнес была здесь некоторое время назад с другим таксистом, лица которого она не запомнила. От этого воспоминания внутри у нее все похолодело. Она видела в зеркале добрые глаза Юджина. Если она заговорит первой, это будет некрасиво с ее стороны, ее слова прозвучат обиженно, поэтому она порылась в сумочке, достала сигареты и стала ждать, когда он произнесет свои слова и задаст тональность их разговору.

— Я тут решил было точку поставить в наших отношениях, — тихо сказал он, не поворачиваясь к ней. — Думаю, я испугался.

— Я такая страшная?

— А все из-за этих твоих алкоголиков и их, как бы это сказать, болезни.

Агнес, словно защищаясь, подняла воротник своего пальто.

— Можешь не беспокоиться. Это не заразная болезнь.

Она услышала, как его губы открылись и закрылись, наконец он все же заговорил.

— Да, я знаю, это звучит глупо. Просто дело в этих людях. Тех, что пришли к тебе. Они были такими. Как бы сказать. *Жалкими*.

Она приняла этот удар, не дрогнув, а потом удивила сама себя.

— Юджин, ты должен знать: я — одна из этих людей.

Выражение его лица изменилось таким образом, что она поняла: вовсе не такие слова хотел он услышать от нее.

— Я не хотел тебя обидеть. Дело в том, что ты при этом казалась такой *нормальной*.

— Опять это слово. — Агнес докурила сигарету, провела языком по внутренней стороне зубов. — Юджин, послушай, никаких обид, все в порядке. Отвези меня, пожалуйста, домой.

Он долго молчал, потом поднял перегородку между ними. Такси, вздрогнув, ожило. Яркий свет

фар выхватил из темноты поломанные ворота шахты. Слова, написанные красной краской, уже выцветшей, гласили: «Ни угля. Ни души. Одни шиши».

Такси выехало на дорогу, но вместо короткого пути, ведущего обратно в поселок, машина свернула в направлении главной дороги, к жизни. Скорее из любопытства, чем от досады, Агнес наклонилась вперед и постучала кольцом по стеклу.

— Я тебя просила отвезти меня домой.

Он не ответил, и она откинулась назад — не стала настаивать. После его звонка мысль о том, чтобы хоть на час выбраться из дома, манила ее, как сладкий сон.

Ехали они недолго. Такси добралось до ярких уличных фонарей главной дороги и свернуло налево к шоссе. Машина не успела набрать скорость и влиться в более быстрый поток, как тут же замедлилась и съехала на темную подъездную гравийную дорогу.

Агнес и прежде видела этот отель для игроков в гольф, но только со стороны. Отель стоял у четырехполосного шоссе, и добраться туда можно было только на машине, а значит, таких, как она, там не любили. Из окна автобуса она видела, что

туда подъезжают «Ягуары», богатые машины богатых хозяев, обитающих далеко от этих мест. Она смотрела на мужчин с чисто выбритыми лицами, которые доставали свои клюшки из багажников машин, на их жен, которые стояли рядом в обуви на низком каблуке с клатчами в руках, облаченные в джемпера от «Вуллен Милл»[125].

Правдой было то, что зеленое кольцо вокруг Глазго включало в себя новые трущобы городского расселения, эти забытые богом, отдаленные жилые поселки. Агнес казалось жестоким, что зеленые поля вокруг включали и дорогущие отели, и частные клубы, которых она никогда не видела. Два разных мира не любили смотреть друг на друга.

— Мы же не сюда приехали?

— Почему нет? — сказал он, паркуя тучный черный автомобиль между двумя седанами.

Агнес смотрела на садовые фонари, освещавшие дорожку к белым дверям клуба.

— Ты что — не видишь? Это не для таких, как мы.

Юджин рассмеялся.

---

[125] Примечания: 125

Edinburgh Woolen Mill — шотландский бренд, основанный в 1946 г., производящий твидовые пальто и кашемировые свитера Harris. — *Прим. ред.*

— Меня это оскорбляет.

Гордыня обуяла ее. Она ухватилась рукой за подол юбки.

— Нет, Юджин, я не могу. Я не одета для таких дел.

Юджин, не сказав больше ни слова, вышел из машины и открыл пассажирскую дверцу. Ему пришлось согнуться в три погибели, чтобы дотянуться до нее в глубине заднего сиденья, ухватить ее запястье. В его теплой лапе ее рука неожиданно оказалась маленькой и холодной. Она была гордой и испуганной, и он вдруг пожалел о тех словах, что вырвались у него.

Обеденный зал гольф-клуба был прост, но Агнес он показался высшим классом. Зал представлял собой большое открытое пространство со стеной стеклянных дверей, выходивших на игровую площадку с восемнадцатью лунками. Пол был устлан толстым ковром с огуречным рисунком золотистого и зеленоватого оттенков, стены обиты деревянными панелями высотой до пояса, а над ними висели фотографии членов клуба и знаменитых покровителей. Агнес никого из них не узнала, а щуриться перед незнакомыми людьми не хотела.

Девица в длинной клетчатой юбке провела их

на дальние места для курящих. Агнес чуть не умерла от стыда, когда Юджин попросил столик поближе к стеклянным дверям и освещенной, уходящей вдаль площадке. Девица только улыбнулась и провела их к столику поближе к фасаду. Когда они сели, Юджин громко поздоровался с клиентами по обе стороны, те вежливо кивнули ему в ответ.

Название было какое-то гэльское, но она узнала в нем курятину. Агнес собиралась есть только эту курицу и жареный картофель, но Юджин не позволил официанту забрать меню, пока Агнес не выбрала закуску, основное блюдо и десерт. Она могла бы в одиночестве сидеть над этим меню целыми днями. Она не знала значения этих слов, но от мысли, что все это можно заказать, а потом и попробовать, у нее закружилась голова. Это было что-то вроде каталога «Фриманс», только лучше. Она заказала понятные блюда, а потом сидела и переживала из-за цены.

— Слушай, если хочешь, можешь выпить немного. За меня не беспокойся, — сказала она, когда официант принес им две пузырящихся колы. Бокалы были высокие, и в каждом торчала коктейльная палочка для перемешивания. — Забавно, правда, — сказала Агнес, разглядывая

палочку. Она все никак не могла успокоиться. — Правда, я ничуть не против, если ты выпьешь немного.

Им принесли на закуску креветочный коктейль: лист салата в креманке, а на нем мороженые розовые креветки, плававшие в море густого соуса «Мари Роуз». По кромке стекла лежали толстенные ломтики лимона. Креветки были еще холодноваты, размороженны не полностью, и Юджин сказал, что для такого заведения это непростительно. Агнес все устраивало, на ее вкус креветки были свежими, а лед чистой хрустящей корочкой покрывал сладковато-едкую «Мари Роуз».

— Я готовила такой соус прежде. Но я никогда не думала, что туда можно добавлять лимон или…

Юджин оборвал ее на полуслове.

— Мне нужно спросить тебя кое о чем.

Агнес положила маленькую вилочку.

— Не хочу поднимать эту тему еще раз, — смущенно сказал Юджин. — Я просто, наверное, пытаюсь понять. Ну что ж… эти люди, ты меня понимаешь — люди из АА, сказали тебе, когда ты поправишься?

Подошел официант, забрал креманки, только потом Агнес заговорила.

— Не знаю, что тебе сказать. Они всем нам говорят, что мы никогда не выздоровеем. По крайней мере, — добавила она, глядя ему прямо в глаза, — не в том смысле, который имеешь в виду ты.

— А помнишь, ты мне говорила, что теперь стала другим человеком? Ты сама мне сказала, что до пьянства тебя довел твой бывший. Но теперь-то все это переменилось. — Юджин попытался смягчить тон. — Если у нас все получится, то ты не думаешь, что это отвадит тебя от алкоголя?

— Я думаю, это так не работает.

— Да брось ты. Когда я буду в твоей жизни, с чего ты станешь пить-то? Пьют только эти жалкие ублюдки. Посмотри на себя сегодня. Да на меня посмотри, черт побери. — Пара в пастельных джемперах неодобрительно кашлянула. Юджин снова понизил голос. — Слушай, я только хочу сказать, что ты мне нравишься. Я думаю, ты охеренная красавица.

Юджин не был готов признавать поражение, и Агнес понимала, что он из тех людей, которые могут починить любую сломанную вещь. Она почувствовала себя двигателем, оставленным ржаветь на газоне.

— Ты мне тоже нравишься.

Официант принес основные блюда. Он взял в

руки полотенце и аккуратно поставил горячие тарелки перед парой. Агнес посмотрела сначала на свою жареную курицу, потом, как счастливый ребенок, принялась нахваливать блюдо Юджина — ягнятину с вареным картофелем. Юджин не обратил внимания на еду и показал толстым пальцем в направлении шахтерского поселка.

— Ты самая красивая женщина во всем этом местечке. Большинство из них даже не расчесывают волосы, а посмотри на себя — ты в любое время дня безупречная. — Он наклонился к ней. — Мне просто нужно знать. Прежде чем я решусь. Прежде чем мы начнем что-то серьезное.

Агнес стало не по себе. Она попыталась сменить тему — перевести ее на еду.

— Выглядит аппетитно. И порции большие, да? Я думала, будет грудка или ножка, но никак не полкурицы.

Официант кашлянул, спросил, все ли у них есть. Юджин кивнул. Но потом передумал.

— Приятель, принеси нам бутылку вашего фирменного вина.

— Красного или белого, сэр? — тихо спросил официант.

Юджин посмотрел на Агнес, увидел, как она напряглась.

— К курице какое лучше — белое?

Официант кивнул: да, хороший выбор, и Юджин заказал бутылку белого вина.

— Если не хочешь, то пить необязательно, — тихо сказал Юджин. — Я тебя не заставляю.

Курица перед ней только что была золотистой и сочной, а теперь стала казаться сухой и мертвой. Официант принес бутылку вина. Он стал наливать Агнес, и она не остановила его. Она отметила, что у вина почти тот же персиковый цвет, что и у роз в ее саду.

— Знаешь, цвет персиковых роз считается цветом искренности, цветом благодарности.

Они долго сидели, молча смотрели на вино. Наконец Юджин поднял свой бокал и произнес тост за них двоих.

— За нас. Сравнится с нами кто? Их мало, и все они мертвы![126]

Агнес улыбнулась одними губами и подняла свой бокал с колой. Напиток потерял вкус и стал водянистым.

— Ты мне никогда не рассказывал про свою дочь. — Она повозила курицу по тарелке. — Ее Бернадетт зовут, да?

---

[126] Примечания: 126

Юджин произносит традиционный шотландский тост: Here's tae us. Wha's like us? Gey few, and they're aw deid!

— Ну, она уже взрослая, я думаю. Она замечательные вещи придумывает для детсадовцев у Святого Луки. Она в этом похожа на мать, они были очень близки, пока мама не умерла. Они всегда делали вместе что-нибудь, хорошие всякие вещи для церкви, собирали деньги для шахтерских вдов. — Он высосал и проглотил хрящик, застрявший у него между зубов. — Но она слишком много времени проводит у чаши со святой водой. Эта парочка всегда торчала у их гребаной святой воды. Макала пальцы туда-сюда, словно это какой соус.

— То, что ты говоришь, характеризует ее как хорошего человека. — Агнес произнесла эти слова, хотя, зная Коллин, подозревала иное. — Ты ей сказал про меня?

— Нет, — без обиняков ответил Юджин.

— Жаль! — Ей не понравилось, что в ее голосе прозвучало столько разочарования.

— Потому что ей сказала наша Коллин.

Агнес выдохнула.

— Представляю, в каком цвете она меня выставила.

Глаза Юджина непроизвольно остановились на нетронутом бокале вина.

— Пожалуй, ты имеешь право сказать так.

Они доели основное блюдо, поговорили о такси, закусочных, Южной Африке и тамошних палладиевых шахтах. Агнес затолкала толсто нарезанную картофельную стружку под остатки курицы. Официант унес тарелки и поставил на стол десерт — тирамису. Юджин допил бутылку вина, а ее бокал так и остался стоять нетронутым, понемногу нагреваясь.

— Думаю, в меня больше ни кусочка не влезет. — Она лениво ковыряла десерт. — Но на вид оно такое привлекательное. Я такого крема не видела.

— Хорошо бы глоток виски под занавес, — сказал Юджин, доедая десерт.

— Знаешь, за виски я бы тебе никогда спасибо не сказала. Даже в худшие мои дни. Думаю, виски — как джин. От него становится печально. Я пила не затем, чтобы грустить, пила, чтобы избавиться от грусти.

— Что же ты тогда пила?

— В основном лагер, а когда могла себе позволить — водку. В тяжелые дни это возвращало мне бойцовский дух. — Она помолчала. — Хотя вырубаешься с нее жестко. По крайней мере, если пьешь, чтобы напиться.

— Я с трудом верю, что ты и она — одно лицо. —

Он помолчал, потом добавил. — Что, по-твоему, случится, если ты сейчас сделаешь глоток вина?

— Я, вероятно, захочу еще.

— Но, может, и не захочешь.

— Может, — сказала она, стараясь выглядеть как можно беззаботнее. — Юджин, тебе не обязательно меня поить, чтобы уложить в постель.

— И слава богу! — Он протянул к ней руку над грязными тарелками на столе. — А то денежки на ветер. — Он рассмеялся, его лицо порозовело сильнее. — Слушай, я не пытаюсь тебя напоить. Я пытаюсь уговорить тебя попытаться сделать глоток.

— Но зачем? — спросила Агнес, чувствуя неожиданную усталость.

— Затем, что… Затем, что все нормальные люди выпивают. — Он подвинул теплый бокал. — Послушай, всего глоток. Из компанейских соображений. Ничего ведь не случится. Слушай, если ты затеешь какой-нибудь скандал, я попрошу их выставить тебя за дверь, и ты сможешь пешком уйти домой. — Он пододвинул к ней бокал на длинной изящной ножке. — Все будет в порядке. Ты теперь другая женщина.

Агнес взяла бокал, поднесла к носу. Стекло было теплое, вино пахло солнечным светом.

— Я вино вообще не люблю, — сказал она, отодвигая бокал подальше.

— Да ты просто испугалась до усрачки.

Она и в самом деле испугалась, она даже пришла в ужас, но ни за что не позволила бы ему увидеть это. Она взяла хрустальный бокал, поднесла его ко рту, и маленький глоток пролился в ее пищевод. Вино обожгло ее так, как не обжигало ничто. В его вкусе не чувствовалось никакого солнечного света. Оно было горьким, как терпкие яблоки и уксус.

— Видишь? — сказала она, ставя бокал.

— А ты видишь? — сказал Юджин с неподдельным волнением. Он был готов вскочить на ноги. — Ты не сгорела в адском пламени. У тебя не выросла вторая голова. — Он приветственно поднял свой бокал с остатками вина. — Будь здорова. Я так горжусь тобой. И я знаю: то, что говорила моя сестра, — чистая ложь.

Он был прав: она не почувствовала никаких изменений. Коллин ошиблась. Агнес почувствовала прилив облегчения. Она медленно допила бокал вина, надеясь, что его слова про нее отвечают действительности. Она чувствовала, что победила АА и снова может быть нормальной.

Когда принесли счет, он расплатился мелкими

купюрами — его ночными заработками, свернутыми в тугой рулон. Когда они встали из-за стола, Агнес ощущала тепло внутри, и Юджин повел ее в маленький бар для членов клуба. Юджин сильной рукой обнял ее за талию, и она чувствовала себя счастливой оттого, что люди восхищенно смотрят на них. Они сели друг против друга в уголке, Юджин поцеловал ее в мочку уха, и Агнес заказала водку с тоником, потом еще одну и еще.

Такси, виляя, вернулось в темный поселок. Счастье, что на дороге не было других машин. Агнес моталась на заднем сиденье, то погружаясь в ступор, то выходя из него. Юджин снова подъехал к воротам закрытой шахты. Они попытались трахнуться в темноте, но получалось неловко и мучительно, и она каменела от темных смутных воспоминаний. Когда Юджин взгромоздился на нее, из его карманов посыпались монетки, и она почувствовала себя так, будто ей платят за секс.

Когда Агнес удалось вставить ключ от дома в скважину дверного замка, свет в коридоре уже горел. Падая через дверной проем, она почувствовала, как ее мохеровое пальто цепляется за неровную поверхность штукатурки, услышала, как крючковатые шипы рвут на ней колготки.

Она была уверена, что улыбается Лику, а по-

тому не поняла, почему ее сын так рассержен, почему он кричит на нее. Она поняла только то, что Лик бьет Юджина кулаками по толстой шее. В памяти у нее остался только мальчик, застывший в дверях другой спальни и смотревший на нее обеспокоенным взглядом его бабушки. Слезы разочарования текли по его щекам. На его пижамных штанах темнело пятно мочи.

Двадцать три

Наступило и прошло Рождество, и Агнес заблаговременно начала праздновать Новый год. В канун Хогманая[127] она уже допила имевшуюся у нее водку, тайком наливая себе из бутылки, плохо спрятанной от глаз сыновей за подлокотником ее кресла. К тому времени, когда телеэкран стал транслировать праздничные гуляния, она уже начала открывать банки «Спешиал Брю», которые издавали торжествующее шипение и хлопок, после чего Агнес водопадом выливала содержимое банки в свою старую кружку. До полночи было еще далеко, а она уже перечисляла всех мужчин, которые погубили ее жизнь.

Если Агнес и заметила, что Лик стал потихоньку пропадать, то она никак не показывала этого. Рождественскую неделю Лик провел, скрываясь во сне. По вечерам он тихонько уходил в город и проигрывал свое ученическое жалованье на игровых автоматах, которые стояли в туннелях

[127] Примечания: 127

Шотландское слово, обозначающее последний день года, а также празднование нового года в соответствии с шотландскими традициями. Обычно празднование длится и первого января, а иногда и второго.

под Центральным вокзалом. Под Новый год он исчез раньше обычного, как человек, который предвидит ливень и пытается его опередить.

Шагги оставался дома, отгоняя пьяную Агнес от входной двери, когда та порывалась выйти на улицу, не давая ей звонить по телефону. Вечером он сидел у окна, глядя, как загораются огоньки на елках в домах напротив, и заталкивал себе в рот белую тюлевую занавеску. Когда его рот оказывался забит, его злость немного спадала. Он портил у нее на глазах хорошие занавески и страстно хотел, чтобы она сказала ему: «Перестань», но она молчала.

Пока Макавенни играли с новыми велосипедами и радовались приходу Большого Джеймси, Шагги бесшумной тенью сидел у ног матери. Он молча наблюдал, как она пьет из своей бездонной кружки. Она снова рассказывала ему дурные истории о его отце, словно продолжая читать книгу, которую всего лишь временно, на год, отложила в сторону.

Когда закончились шестичасовые новости, она сидела на своей кровати, разговаривала по телефону с Джинти Макклинчи. Голос матери звучал глухо, неразборчиво, но Шагги, тихо прошедший по коридору и усевшийся на пол у тонкой двери ее

спальни, слышал, как по восходящей ухудшается ее настроение. Он не знал, как долго продлится ее бодрствование, когда она отключится и он сможет отдохнуть.

Из ее кассетника до него доносилась музыка, и он уже выучил: это плохой знак. Он проскользнул в ее спальню, как опасливый призрак. Агнес курила, на ней не было ничего, кроме ее черных колготок и черного кружевного бюстгальтера. Шагги часто покупал ей колготки. Гордыня не позволяла ей выйти из дома в драных, и он узнал ее точный размер и любимый оттенок. Полупрозрачные черные колготки фирмы «Притти Полли» сохранились во всех его воспоминаниях о матери, как счастливых, так и грустных.

В мрачные дни, вроде сегодняшнего, ее колготки казались ему грязными и уродливыми. Они контрастировали с ее розоватой кожей и привлекали внимание к тому, что она, в отличие от других мам, одевается непристойно. Колготки, врезаясь в ее кожу, оставляли красноватые линии на складках ее располневшего живота. Это казалось ему чем-то таким, чего не должны видеть другие. Ему хотелось, чтобы она прикрыла это место.

Она забыла о том, что он дома. Заметив его

наконец в зеркале, она, не разжимая зубов, улыбнулась ему своей безжизненной улыбкой. Засунув руку глубоко в свою кожаную черную сумочку, он достала оттуда монетку в пятьдесят пенсов.

— Посмотри, на кого ты похож, — сказала она. — Как мы будем праздновать наступление Нового года, когда ты в пижаме?

Она дала ему монетку и сказала, чтобы он наполнил ванну.

Он не хотел оставлять ее в таком состоянии — видел, что она не в ладах со своим телом. Она обхватила его за талию, прижала к себе, поцеловала в губы. Он почувствовал жар ее дыхания, почувствовал, как чуть раскрылись ее безжизненные губы.

— Помойся хорошенько, — строго сказала она. — Я хочу начать новый год как полагается.

Когда ванна наполовину заполнилась чуть теплой водой, Шагги осторожно залез туда. Он намылил голову и лег, прислушиваясь, как мать шаркает по коридору, переходя от одного тайника к другому в поисках алкоголя, который спрятала от него, а потом забыла где. Он взял маленькую красную футбольную книгу, которую дал ему Юджин, и начал заучивать названия всех команд

и результаты матчей предыдущего сезона Футбольной лиги. Он множество раз, как молитву, читал эти бессмысленные сведения о результатах матчей, пока не выучивал их наизусть. Придет новый год с его новыми возможностями.

Его нарядный костюмчик лежал на ее кровати. Это была монохромная гангстерская одежка: черная рубашка и белый галстук. Они оба оделись молча, как несчастливая супружеская пара, направляющаяся на особую вечеринку. Он поддерживал мать, чтобы не упала, помог ей надеть юбку.

— Ну-ка, давай посмотрим на тебя. — Агнес пальцем с накрашенным ногтем провела по его носу, цыкнув языком: — Какой красавчик! — Она задумчиво покачала головой. — Ничуть не похож на своего жирного ублюдка-отца.

Агнес вытащила банку теплого «Спешиал Брю» из полиэтиленового пакета. Она любовно посмотрела на нее и торжественно вручила мальчику.

— Ну-ка, отнеси это Коллин. Передай ей мои пожелания счастья в новом году и убедись, что она осознала, как ты шикарно выглядишь. — Горькая улыбка искривила ее губы. — Веди себя уверенно и пожелай твоей *тетушке* Коллин счастливого Нового года от меня и Юджина.

Понял?

В каждом доме на их улице была елка, кичливо сверкавшая в окне. Темноволосые возбужденные мальчишки носились по дороге с кусками угля, готовясь стать первыми желанными гостями на пороге[128]. Шагги неспешным шагом направился к дому Коллин. Он прошел вдоль деревянного забора, перед которым проходила полоса густых муниципальных кустов с белыми ягодами. Он не собирался передавать Коллин банку пива или материнские послания.

Он пересек улицу, размышляя о том, что едят люди. Он представлял себе, как они тесно сидят за столами, набив животы, плотно закрыв двери, чтобы в дом не проникал холод. Он стоял перед домом Коллин, сжимая в руке зимние ягоды, и думал о стейк-сэндвичах, которые год назад приготовила трезвая Агнес, чтобы съесть их в новогоднюю полночь. Он вспомнил, как они, обнявшись, сидели на канапе, ели мятный шоко-

[128] Примечания: 128

Традиционное название такого первого гостя — ферстфут (*англ.* first-foot — «первая нога»); старинная новогодняя традиция в Великобритании, согласно которой первый человек, который переступит порог дома после наступления Нового года, считается вестником удачи в наступающем году. В идеальном случае первым должен быть темноволосый человек с подарком — куском угля, фруктовым кексом, солью или виски. Считается, что неудачу приносят женщина и светловолосый мужчина.

лад и смотрели на наводнившую Джордж-сквер толпу, встречающую Новый год песней.

Шагги не знал, что ему делать с банкой лагера. Он в темноте присел на корточки у низкого сарая для хранения угля и потянул за ушко банки, и оно оторвалось с пенистым шипением, а холодный воздух наполнился знакомым запахом. Осторожным языком Шагги слизнул пиво с верхушки. У пены был безобидный вкус, рассыпчатый, как у морозного воздуха, чуть кисловатый и металлический, словно ты обхватил губами холодный кухонный кран. Его желудок пронзали иголки голода и дурных предчувствий, желудок требовал наполнения, хоть чуточку какого-нибудь вкуса. Скорчившись, как животное, он отпил немного лагера. Напиток не обжигал. У него был вкус выдохшейся шипучки с привкусом тяжелого зернового хлеба. Он сделал еще один глоток, и еще один, и урчание в его животе стихло.

Ему понравилось ощущение тепла и бесшабашности в сердце. Чувство голода стало терять остроту, когда он услышал рев приближающегося автомобиля. Он увидел, как Агнес на нетвердых ногах вышла на неровную тропинку, кутаясь в лиловое пальто поверх короткой юбки. Она сказала что-то кокетливое водителю и изящно

забралась на заднее сиденье черного такси. На водителе были очки в грубой оправе — за рулем явно сидел не Юджин. Шагги запаниковал, когда такси развернулось и поехало из Питхеда.

За четыре месяца и тринадцать дней, прошедших с того времени, когда Юджин помог матери Шагги вернуться в ее прежнее состояние, рыжеволосый таксист приезжал по два-три раза в неделю. В эти утра, через несколько минут после ухода на занятия Лика, воцарившуюся было в доме тишину нарушал Юджин — Шагги слышал, как он заходит в дом, и мог по нему сверять часы.

После того вечера в клубном ресторане игроков в гольф у Юджина хватило ума избегать Лика. Когда Агнес улеглась на ковер, напевая себе под нос, Лик, выбежавший из спальни в одних трусах, выставил Юджина пинками под зад из коридора на улицу. Юджин мог легко дать ему отпор, но его представления о жизни не позволили ему это сделать, и он разрешил выпроводить себя, а на пути к машине поймал себя на том, что приносит извинения.

Той ночью чувство вины не давало Юджину уснуть. Едва рассвело, он унес из коридора в ванную — подальше от недовольного взгляда дочери

— телефон и запер дверь. Он разбудил Агнес, и она встретила его у ворот шахты. Он извинился за то, что вчера уговорил ее выпить, и пообещал помочь ей снова встать на ноги. Они сидели на заднем сиденье холодного такси, и она целовала его, как бы подтверждая, что все будет в порядке. Язык у нее был раздувшийся и безжизненный, и Юджин надеялся, что лагер в ее дыхании — всего лишь последствия вчерашнего. Глядя, как ее голова свесилась набок, он вспомнил, что вчера в ресторане гольф-клуба она не пила с ним лагера.

Шагги предполагал, что Юджин после этой ночи исчезнет. Но нет — мальчик в школьной форме сидел у телефонного столика и слушал их разговоры в те утра, когда Юджин приезжал в гости. Шагги раскрывал тетрадь с домашним заданием у себя на коленях и аккуратно выписывал ее имя старой шариковой ручкой. Он вспомнил время в доме Лиззи, когда играл с одной из материнских вещиц в духе «Каподимонте». Подделка представляла собой романтическую фигурку сельского паренька, который орудовал тупой косой и смотрел таким странным и задумчивым взглядом, словно видел самый величественный закат, какой только можно представить. Агнес не раз просила Шагги не трогать эту фигурку, но он

обнаружил, что не может послушаться, а когда она в воскресенье принимала ванну, он уронил фигурку, и у паренька отломилась рука, а из руки вывалилась коса. Шагги спрятал статуэтку в темноту сушильного шкафа Лиззи. Он садился рядом с бойлером и пытался вернуть руку на место, используя все доступные средства — от скотча до застывающего рисового пудинга. Он каждый день в течение недели посещал сломанного мальчика и молился о каком-нибудь чуде. Когда он не сидел в сушильном шкафу, все его мысли были о статуэтке, а когда он сидел в шкафу, то плакал и ругал себя за то, что натворил. Целую неделю продолжалась эта пытка, а потом он запаниковал и просто оставил статуэтку в шкафу, спрятал между банными полотенцами — пусть найдет и починит кто-то другой.

Шагги, сидя за телефонным столиком, снова думал о разбитой фигурке. Он слушал тихие голоса, какими взрослые всегда разговаривали по утрам, чувствовал усталость после ночной смены, одолевавшую Юджина, который на сей раз принес альбом с образцами обоев и теперь спрашивал у Агнес, какие она предпочитает — веселые полевые цветочки или широкие полоски с крохотными гербовыми лилиями. Шагги со

своего места мог определить, что у его матери болит голова, и она с трудом готовит для Юджина на завтрак жареную печенку.

— Это не проблема, — радостно сказал Юджин. — Я могу за один день сделать кухню. Меня отец научил, как бороться с этой плесенью. Я могу утром зачистить стены, а обои поклеить вечером. И глазом моргнуть не успеешь — кухня будет как новенькая.

— Ну да, хорошо, пусть так, — едва слышно откликнулась Агнес.

— Ты здорова?

— Да, — ответила Агнес. — Голова немного болит.

Шагги услышал, как Юджин закрыл альбом с образцами, и представил себе, как тот кладет на альбом руки ладонями вверх.

— Знаешь, может быть, тебе лучше не выпивать сегодня. Что, если ты, когда вдруг почувствуешь, что невмоготу, выйдешь немного пройтись или что-то в этом духе?

Шагги слушал, как мать изо всех сил старается говорить ровным и спокойным голосом, сглаживая горечь сарказма.

— Прогулочка. Да, может, она все и уладит.

Несколько недель спустя, когда обои уже кра-

совались на стенах, Шагги отметил, что Юджин перестал отговаривать Агнес от выпивки. Вместо этого он признал: если Агнес необходимо выпить, то не могла бы она хотя бы перестать звонить в диспетчерскую, разыскивая его. Шагги снова сидел за телефонным столиком и держал на коленях ее потрепанную телефонную книгу. Он взял пожеванную авторучку и изменил «шесть» в телефонном номере Юджина на «восемь». Потом он нашел список телефонов диспетчерской и старательно исправил все единицы на семерки.

Когда он поднял взгляд, Юджин стоял в дверях кухни, держа в руке крестовую отвертку. Шагги наблюдал за ним — мужчина расхаживал по всему коридору, подтягивая дверные петли так, что шурупы взвизгивали в дереве.

— Я тут подумал, — сказал он ей, — машина на следующей неделе встанет на ремонт, так что у меня будет несколько свободных дней. Как насчет махнуть куда-нибудь вечерком, на сей раз по-настоящему, так, чтоб и чуток ночи прихватить. Может быть, в тот же ресторан — закажем креветочный коктейль, который тебе так понравился. Я подумал, что теперь не буду заказывать выпивку. Может быть, в этот раз никому не надо пить.

Шагги взял грязную кружку из-под чая и проскользнул мимо Юджина на кухню. Его мать сидела за столом, обхватив голову руками, ее пальцы растирали череп, между ног у нее стояло ведро. Новые обои выглядели прекрасно, и желто-голубое поле цветов оживляло тесное пространство кухни. Юджин очень умело и аккуратно выровнял все маленькие колокольчики. Вся плесень исчезла, но теперь, когда Шагги выглядывал в окно, он видел коричневое болото, выделявшееся громадным прямоугольником рядом с приятным глазу весенним полем.

А сейчас Шагги, присев у дома Макавенни, выливал остатки новогоднего лагера в высохшую траву. От стыда он спрятал пустую банку под рубашку. Ошарашенный, он пересек улицу и увидел, что входная дверь распахнута, а в доме повсюду включен свет. Он в недоумении переходил из одной пустой комнаты в другую, все еще надеясь где-нибудь увидеть ее. Он осмотрел все пустые кухонные шкафы, нашел последнюю банку с заварным кремом, открыл ее и глубоко погрузил в нее ложку. От приторного крема лагер в его животе перестал бурлить. Шагги сел за низкий кофейный столик и принялся жадно поедать крем с ложки, в то время как подогретые

алкоголем гуляки на экране телевизора стали появляться на Джордж-сквер.

Когда веселье на площади достигло своего апогея, он понял, что домой она не придет. Гуляки принялись обнимать друг друга и громко петь. Он чувствовал себя как младенец, потерявший маму. Это было несправедливо: все, кроме него, могли встать и идти куда хотят.

Шагги обыскал дом в поисках записки или какого-нибудь знака, карты, на которой она бы отметила место, куда направляется, но ничего такого не нашел. Он обыскал ее сумочку, с которой она ходила играть в бинго, нашел там все ее маркеры, потом подошел к телефонному столику в коридоре, задумался — кому бы позвонить. В красной кожаной записной книжке обитали все люди, которых знала Агнес. Она ревностно обновляла книжку, и некоторые имена были вычеркнуты, казалось, в порыве ярости. Рядом с ее аккуратным наклонным почерком словно рукой другой женщины были нацарапаны комментарии: «Нэн Фланнигэн *все еще должна моей матери пять фунтов с 1978 года*». А против имени Энн Мари Истон она приписала: «*лицемерная шлюха*». Против Дейви Дойла — «*пришел на похороны моего отца в синем костюме*». Про-

тив Брендана Макгоуэна — «*этому была нужна только рабыня и домохозяйка*».

В книжке было множество телефонов, против которых стояли только имена без фамилий. Шагги догадался, что большинство из них появились из АА. Некоторые цифры сопровождались одним именем и дополнительной описательной информацией, что позволяло отличить одну Элейн от другой[129]. Шагги показался забавным способ различения людей в АА. Может быть, это был способ защитить анонимность, поскольку фамилии не подвергались огласке, но скорее это объяснялось тем, что люди приходили и уходили, а описания были лучше, чем фамилии. Он листал страницы с известными ему именами: Понедельничный-четверговый Питер, Большой Лысый Питер, Мэри-Долл, Жанетт, подруга Мэри-Долл, Кати из Камберналда, маленькая Рыжая Джини, которая стояла почему-то на букву «Р», а не «Д». Это раздражало Шагги.

Его мать могла быть где угодно, и он запаниковал, подумав, что теперь может не увидеть ее до февраля. Он закричал на толстую записную

---

[129] Примечания: 129

В легендах о короле Артуре есть несколько персонажей по имени Элейн, здесь намек на то, что мало кто отличает одну из этих Элейн от другой.

книжку: «Где ты, блядь? Ответь мне!»

Новый год в Шотландии празднуют два дня напропалую. Агнес в Глазго праздновала Новый год бесконечно. Когда они только приехали в Питхед, мальчик видел вечеринку, которая длилась несколько дней. На шестой день Агнес все еще была пьяна. Когда Шагги одевался в школьную форму, готовясь к весеннему семестру, Лик решил: всё — хватит! Лик мог многое вынести, но шестого января он поднял жуткий крик, прошелся по дому, как ураган, с мешком для мусора и выкинул двух запаршивевших шахтеров на мороз.

Шагги не мог понять Лика, его визжащих, мигающих игровых автоматов, и потому его сердце ожесточалось. Ему надоело играть с братом в «горячую картошку»[130]. Прикусив нижнюю губу, он не спеша поднял телефонную трубку, вдохнул запах терпкого дыма и ее помады, все еще витавший над микрофоном. Чтобы было удобнее, он поднес бежевую трубку к уху, прислушался к гудку. Посмотрел на кнопочную панель и, увидев

[130] Примечания: 130

Имеется в виду игра, в которой играющие под музыку быстро передают друг другу какой-нибудь предмет (будто это горячая картофелина, которая обжигает руки), в какой-то момент музыка выключается, и тот, у кого предмет оказался в руке в этот момент, выбывает из игры.

красную кнопку с надписью «повторный набор», нажал ее.

В телефоне долго раздавались гудки, прежде чем ему ответили. Шагги почти не слышал женщины на другом конце провода из-за громких звуков старомодной музыки.

— Алло. АЛЛО! Кто это? — кричала женщина голосом, хриплым от дыма и запинающимся от алкоголя.

— Ммм. Моя мама у вас? — спросил он и теперь сел прямо.

— Кто это? — Она говорила раздраженным голосом, недовольная тем, что ее оторвали от дел. — Кто твоя мама, малыш?

— Моя мама Агнес Кэмпбелл Бейн, вы можете ей сказать, что это Ша… Хью, — поправил он себя на ходу. — Вы можете ей сказать, что у меня больше не осталось заварного крема?

Женщина повернулась к празднующим.

— Эй, тут кто-нибудь знает Агнес? — спросила она у комнаты. Раздались еще какие-то голоса, потом она сказала:

— Подожди минутку, дружок. Да, с Новым годом тебя.

Он не успел ответить — она положила трубку на столик. Он слышал женский и мужской смех

на заднем плане, понимая, что эти люди немолоды, потому что теперь они включили грустные шотландские песни. Шагги слушал и долго ждал возвращения женщины. Он уже уверился, что она забыла про него, когда в трубке послышалось:

— Алллё. — Голос был знакомый, запинающийся.

— Мама?.. Это я.

Голос некоторое время молчал, а когда заговорил, в нем слышалось недоумение.

— Чего ты хочешь? Который теперь час?

— Когда ты вернешься домой?

— Который теперь час?

Шагги заглянул за угол и в свете телевизора увидел циферблат маленьких часов.

— Половина один… Нет, уже почти одиннадцать часов.

Голос заговорил спокойнее. Он услышал щелчок зажигалки, звук затяжки.

— Ты уже должен спать.

— Когда ты вернешься домой?

— Слушай, не заводись. Разве мамочка не заслужила вечеринку? Давно я ничего не праздновала, Хью. — Ее голос смолк. — В прежние времена мне столько вечеринок обещали. Почему ты хочешь испортить мне настроение?

Она повторялась.

— Мама, мне страшно. Где ты?

— Я у Анны О'Ганны. Ложись-ка спать. Увидимся, когда я вернусь.

Эти слова были зловеще туманны.

Она положила трубку, а он сделал это не сразу. Шагги подумал, не позвонить ли ему еще раз, но потом понял, что она больше не подойдет к телефону. Он посидел еще немного, принюхиваясь к трубке, а потом пошел в кровать, по-прежнему полностью одетый. Свет в спальне все еще горел, а телевизор показывал шумное новогоднее празднество. С улицы доносились радостные голоса, он слышал, как дети Макавенни носятся по дороге и кричат во все горло: «С Новым годом». У них была деревянная футбольная трещотка, которую они раскручивали до оглушительного треска.

Он поднялся и снова подошел к телефонному столику. Заглянул в книжку на букву «А», потом на «О», — да, она была здесь, Анна О'Ганна. Он слышал это имя прежде. Анна не ходила в АА, она была подругой детства, а еще и дальней родственницей, хотя, может, и не родственницей вовсе. Они когда-то работали вместе в столовых ШТВ[131]

---

[131] Примечания: 131

STV — шотландский бесплатный телеканал.

и в юности ходили вдвоем на танцплощадку в Толкроссе[132]. Судя по подписи, сделанной рукой его матери, Анна была «старой узкоглазой сплетницей, готовой в любой момент вонзить тебе нож в спину», а помимо этого, и «лучшим другом, какой у меня был в жизни».

Под ее именем был указан адрес в Джермистоне, но все знакомые Агнес жили в Глазго, и он надеялся, что Джермистон тоже в Глазго. Шагги выдрал пустую страницу из записной книжки матери и как мог аккуратно переписал адрес. Потом он позвонил по номеру в книжке под надписью «Такси».

— Алло, такси «Макс» слушает, — ответил хриплый мужской голос.

— Здравствуйте. Вы мне не можете сказать, где находится Джермистон?

— Это северо-восток, приятель. Тебе нужно такси? — нетерпеливо ответил он.

— Извините, что еще спрашиваю, но сколько будет стоить такси до Джермистона?

— Откуда тебе ехать? — вздохнул человек.

Шагги ответил — назвал все: номер дома, улицу, район и даже почтовый код.

---

[132] Примечания: 132

Толкросс — район к северу от реки Клайд в Глазго, где есть популярный парк, открытый в 1897 году. — *Прим. ред.*

— Около восьми фунтов плюс доплата два с полтиной за Новый год.

— О'кей. Одно такси, пожалуйста, — сказал Шагги и повесил трубку.

Ножом для масла он открыл монетоприемник газового счетчика, как им показывала Джинти. Тщательно отсчитал монеты по пятьдесят пенсов, аккуратно выложил их на столе перед телевизором. Их было двадцать, и ему не потребовалось считать на пальцах — он и так знал, что у него целых десять фунтов. Мальчик взял длинный плоский нож для хлеба с кухни и принялся открывать дверцу телесчетчика, как делала это сто раз у него на глазах Агнес.

Он по опыту знал, что нужно так втиснуть кончик ножа в скважину, чтобы монеты выпали, а сам счетчик остался в целости. Если сборщик увидит, что счетчик сломан, будут «большие неприятности». Но у всех жителей на улице было столько лет опыта за плечами, что до «больших неприятностей» дело, казалось, никогда не доходило. Шагги видел, как Агнес, а потом и Лик регулярно залезают в телесчетчик. Чтобы смотреть телик в течение трех часов, требовалось засунуть в счетчик пятьдесят пенсов. Когда три часа истекали, экран автоматически гас, и ты

оказывался в темноте. Никаким образом выторговать время до конца фильма или до рекламной паузы было невозможно: если у тебя кончались деньги — телевизор отключался.

Шагги сунул в щелку нож, и оттуда выкатились две одиноких монеты по пятьдесят пенсов. Если человек сказал ему правду, этого хватит, чтобы доехать до Джермистона. Но вернуться будет не на что.

Услышав звук работающего мотора, Шагги вышел из дома. Свет в домах на улице горел вовсю, счастливые семьи встречали Новый год вместе. Коллин в одиночестве стояла у окна, смотрела на своих детей, а те носились по улице, крутя трещотки. Шагги повел себя так, как его учила Агнес: садясь в такси, он помахал и улыбнулся.

Водителем оказался худощавый светловолосый мужчина. Он опешил, увидев ребенка, одетого, как чикагский гангстер.

— Это ты заказывал, малыш? — недоуменно спросил он.

— Да. — Он протянул водителю записанный адрес.

Водитель опустил голову и посмотрел на дом Шагги сквозь лобовое стекло — не обнаружится ли там, в окне гостиной, взрослый — мать или

отец. Шагги вытащил из кармана полиэтиленовый пакет, набитый монетами, положил его себе на колено. Серебро звякнуло, и водитель, посмотрев на мальчика, на пакет на его коленях, наконец, вздохнув, опустил рычаг ручного тормоза.

Такси выехало из маленького пыльного поселка, и вскоре они уже мчались по четырехполосному шоссе. Шагги знал: эта дорога ведет в центр города. Теперь он смотрел в окно, запоминал маршрут, готовясь к долгому пути домой пешком. Они проехали мимо средней школы, потом мимо нескольких регбийных полей и, наконец, мимо черной пустоты безмолвного озера. Дальше за окном мелькали незнакомые ему места.

Водитель выбрал не нижнюю, а верхнюю дорогу, словно в направлении из города. Эта дорога напоминала проселочные, будто город, дойдя до края отведенных ему просторов, изверг ее за свои пределы. Дорога была недоделана. Слева за деревянными заборами и незасеянными газонами стояли развернутые фасадами от дороги,

недостроенные дома «Баррат девелопмент»[133]. Справа простирались невозделанные поля, темные и пустые. Водитель, видимо, хорошо знал дорогу, потому что он поглядывал назад и улыбался мальчику в белом галстуке.

— Ты такой нарядный. Едешь на вечеринку? — спросил он, улыбаясь в зеркало.

— Да, типа того. А еще я думаю, важно всегда выглядеть наилучшим образом.

Водитель рассмеялся.

— А где ж твоя ма — на той же вечеринке?

— Надеюсь, — пробормотал Шагги.

— Не рано тебе в твои годы одному-то ездить? — сказал он. — У меня сынок твоих лет. Тебе ведь лет двенадцать? Он у меня любит ездить спереди и играть с моей рацией.

Шагги было только одиннадцать, но приписанный водителем год внушил ему больше уверенности, а потому он не ответил. Ему показалось забавным, что в зеркале ты мог видеть только глаза или только рот водителя, но никогда рот и глаза вместе.

---

[133] Примечания: 133

«*Баррат девелопмент*» (*Barratt Developments*) — одна из крупнейших строительных компаний Соединенного Королевства, специализируется на жилой застройке, действует в Англии, Уэльсе и Шотландии. Основана в 1958 году. — *Прим. ред.*

— Хочешь сесть спереди рядом со мной? — предложил в зеркале рот, растянувшийся в широкой улыбке.

Такси остановилось не на перекрестке и не на светофоре, а неведомо где на широкой пустой дороге. Шагги посмотрел на недостроенные дома слева и ровные поля справа. Если он хотел привести мать домой в целости и сохранности, то, видимо, выбора у него не было — только делать то, что ему сказали.

Водитель сказал, чтобы Шагги вышел. Передняя дверь слева открылась. В передней части салона с левой стороны у этих черных такси не было сиденья, только пол, укрытый ковриком. Он встал на коврике, на котором валялись вечерние газеты, старое пальто и полупустой пакет с сэндвичами. Шагги попытался не смотреть на еду. Хлеб был рыхлый, с корочкой, но он так проголодался, что и такой бы съел.

— Ну садись. Здесь тебе получше будет. — Водитель расчистил место для мальчика. Он взял сэндвич. — Хочешь? — спросил он. — Здесь только масло и кусочек консервированной ветчины.

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Шагги, пожирая глазами недоеденный сэндвич.

— На, возьми, — сказал водитель, протягивая

сэндвич. — Я аж отсюда слышу, как у тебя в животе урчит. — Шагги взял сэндвич. Хлеб стал влажным от масла, и Шагги пытался есть медленно, но лагер бродил в его животе, и он поймал себя на том, что глотает большие куски соленой ветчины. Ломоть ветчины был таким толстым и сочным, что куски прилипали к нёбу.

Даже стоя на коленях, Шагги не доходил до плеча сидящего человека. Взглянув поверх толстого сэндвича, он подумал о том, что этот водитель ничуть не похож на его отца. Лицо этого было добрее, в уголках глаз — морщинки от привычки улыбаться. На его шее висела серебряная цепочка с распятием, и это неожиданно успокоило Шагги.

— Это рация, — сказал водитель, показывая на трубку, похожую на электрическую бритву. Он нажал кнопку на корпусе. — И вот — можешь болтать, что душа пожелает, если хочешь. На этом канале тебя услышат только дальнобойщики и одинокие сердца, которые едут с ними. — Водитель улыбнулся ему, показав прямые зубы, и Шагги подумал, что ему хотелось бы познакомить этого человека, который угостил его сэндвичем, с Агнес.

Водитель снова опустил ручник, и такси по-

мчалось по темной дороге. Шагги отбросило к стеклянной перегородке.

— Опа, парнишка, держись за что-нибудь!

Левой рукой он обхватил мальчика за талию, удерживая его в багажном пространстве.

Они ехали по неосвещенной дороге. Шагги старался не есть сэндвич слишком быстро. Ломоть ветчины был толстый и такой соленый, что щипал десны. Водитель вдруг сказал ему:

— Это случается чаще, чем ты думаешь. Я говорю про брошенных детишек. — Он повернулся к Шагги и улыбнулся. — Я с этим часто сталкиваюсь, с мамашами и папашами, которым так приспичило в бар, что дети вынуждены сами о себе заботиться. Бедные создания.

Шагги доел сэндвич. Он заставил себя не слизывать масло с пальцев.

— Понравилось?

Шагги кивнул и вежливо ответил:

— Да. Огромное спасибо.

Рука водителя все еще обнимала мальчика, чтобы тот не упал.

Человек доброжелательно рассмеялся.

— О, *огромное спасибо,* — повторил он, как довольный попугай. — Ты вежливый малец, правда?

Шагги постарался не выдать смущения. Он остановил взгляд на зеркале заднего вида и пожалел, что рядом нет Лика. У пустой проселочной дороги, казалось, нет конца; он пытался запоминать, мимо чего они проезжают, составлял в уме список того, что видел, как в игре «Бабушка отправилась в Испанию»[134]. Но после десяти или пятнадцати деревьев и одного светофора все начинало казаться одинаковым, и он неохотно сдался.

Водитель медленно опустил руку ему на поясницу, неторопливо вытащил сзади рубашку из его твидовых брюк и вероломно запустил теплые пальцы в трусы Шагги, которому и смотреть не нужно было — он знал, что человек все еще улыбается ему.

— Да, ты забавный малец, правда? — повторил человек. Резким движением он пробрался еще глубже в трусы Шагги и принялся обшаривать ягодицы мальчика. Пояс твидовых брюк врезался Шагги в живот. У него возникло ощущение, что его пытаются разделить на две части, и теперь он

[134] Примечания: 134

Детская игра для развития памяти. Начинающий произносит: «Когда бабушка отправилась в Испанию (или любую другую подобную фразу), она взяла с собой гребешок, полотенце, зонтик от солнца и т. п.». Следующий играющий должен повторить все сказанное и добавить что-нибудь от себя. Из игры выбывают те, кто забывает одно из слов.

мог бы закричать от одной только боли. Но Шагги так ничего и не сказал.

Машина теперь ехала медленнее. Водитель производил какие-то странные звуки, словно втягивал горячий суп сквозь зубы. Свет фар встречной машины прорезал темноту. Теперь Шагги скосил глаза на человека. Толстые пальцы водителя вдавливались в Шагги каким-то странным образом. Заварной крем образовал пленку поверх кисловатого лагера, и хлеб набух и расширился в его животе так, что Шагги боялся, как бы его не вырвало. Пальцы давили все сильнее и сильнее. Плотно сжатый рот водителя искривился. Шагги мечтал увидеть хоть проблеск света из каких-нибудь домов неподалеку.

— Знаете, мой отец тоже работает в такси.

Гримаса исчезла с лица водителя.

Шагги продолжил говорить, стараясь, чтобы его голос звучал обыденно, будто бы он не замечает пальцы, обследующие его грязное место.

— …и бойфренд моей мамы тоже таксист, его зовут Юджин. — Он перевел дыхание. — Может, он вас знает? — В конце этого вопроса голос его дал петуха.

Водитель медленно вытащил руку из твидовых брюк. Шагги соскользнул спиной по перегородке

и сел своим грязным местом на пол машины. Он провел пальцами по пояснице и в темноте нащупал красноватые отметины на животе, где шов врезался в его кожу. Это было все равно что снимать слишком тесные школьные носки, только еще хуже.

В рации раздавались голоса. Какой-то человек с сильным шотландским акцентом говорил о подтопленных участках на Перт-роуд. Водитель незаметно отер свою руку о рабочие брюки.

— Так как у тебя прошло Рождество — хорошо? — спросил он как бы ненароком минуту спустя.

— Да. Спасибо, — солгал Шагги.

— Как Санта — не пожалел денег на подарки?

Рождественские подарки пришли по каталогу «Фриманс», и теперь кредит медленно погашался.

— Не пожалел.

Черное такси наконец добралось до огней серого обшарпанного жилого района, и водитель спросил:

— Сынок. Как, ты говоришь, зовут твоего отца?

Шагги подумал, не соврать ли ему, но сказал:

— Хью Бейн.

У водителя словно гора свалилась с плеч, и

он расслабленно откинулся на спинку сиденья. Когда он высадил Шагги в Джермистоне, полночь уже миновала. Мальчик предложил водителю пакет с пятнадцатью украденными монетками. Тот внимательно посмотрел на пакет и, то ли исполнившись сострадания, то ли чувства вины, сказал, что поездка была бесплатной, потому что Шагги такой хороший мальчик. Шагги предпочел бы, чтобы таксист взял деньги — он не хотел, чтобы тот думал, будто ему понравились водительские пальцы у себя в заднице.

Шагги, поднимаясь по каменной лестнице к входной двери на Стронсей-стрит, чувствовал, что водитель смотрит ему в спину. Но стоило Шагги повернуться и храбро улыбнуться, как водитель тронулся с места и укатил. Когда такси завернуло за угол, Шагги заправил черную рубашку в твидовые брюки, потер саднящее место на животе.

Все здания здесь были на одно лицо; многоэтажки теснились на узкой дороге, образуя каньон из кирпича и стекла. Он поднял голову, увидел яркий свет, услышал музыку в одной из квартир на третьем этаже и нажал на домофоне кнопку 3. Без всяких вопросов дверь автоматически открылась.

Освещение в подъезде было тусклое. Где-то наверху эхом отлетали от стен громкая музыка и веселые голоса. Шагги вошел внутрь. Любой ребенок в Глазго знал, что это самый бедный жилой квартал. Примерно шесть футов декоративной плитки у входа растрескались, часть плиток отсутствовала. На уровне глаз взрослого человека на стене густой коричневой краской была нарисована стрелка, показывающая в глубь здания. Все плоские поверхности были исписаны граффити — любовными излияниями и декларациями бандитской спеси. Видя клятвы верности, адресованные ИРА[135], Шагги решил, что Джермистон — определенно католический район.

Подойдя к лестнице, он услышал шум вечеринки на третьем этаже. Веселье, казалось, было в самом разгаре, словно ночь еще не пошла на спад. Мальчик медленно, по одной ступеньке, поднимался по лестнице. Ступеньки были гранитные, изношенные посредине, без изогнутых перил: лестницу возвели вокруг монолитной стены. Поднимаясь, он не мог видеть, что его ждет за углом.

Он преодолевал пролеты бесшумно, шаг за шагом. На втором повороте он наткнулся на

---

[135] Примечания: 135
Ирландская республиканская армия.

мужчину и женщину, сидевших на холодных ступеньках. Они напоминали собой две груды грязного белья. Они делали друг с другом такие вещи, которые мальчик видел прежде. Женщина, по виду старуха, едва ли осознавала, что происходит, а мужчина засунул руку ей под юбку, трогал ее за грязное место.

Шагги скрестил руки на груди и вежливо сделал шаг назад, подальше от этого зрелища. Он тихо сошел на несколько ступенек и уже почти свернул за угол, когда женщина открыла безумный глаз и увидела его. Мужчина продолжал тереть ее, словно туфлю полировал.

— На че таращишься? — спросила она опухшими губами.

— С вами все в порядке? — тихо спросил он. — Он вам не делает больно?

Где-то над ними открылась дверь, и гул шумной вечеринки разнесся по всем этажам. Люди расходились по домам.

— Джон, остановись-ка на минутку. — Женщина оттолкнула руки мужчины, застегнула пуговицы на платье и попыталась придать больше достоинства сцене. Она опустила глаза на каменные ступени. Но пьяный мужчина все равно продолжал жевать ее шею.

Шагги достал одну из своих пятнадцати монет и положил на голое колено женщины. После этого он пронесся мимо них, спеша наверх — туда, откуда доносился шум. Вниз по лестнице шли мужчины и женщины в зимних пальто. Чтобы их подкашивающиеся ноги и длинные одеяния не увлекли его за собой вниз, требовались быстрота реакции и немалые усилия. Он добрался до третьего этажа и, обнаружив, что дверь все еще открыта, вошел в квартиру. Никто не остановил его, когда он протолкался мимо множества ног в маленький коридор. Никто не обратил на него внимания, когда он вошел в главную комнату.

Эта комната представляла собой уменьшенный вариант гостиной в их доме. На стенах бордового цвета парчовые обои, у одной из стен — маленький электрокамин с фальшивыми пластмассовыми угольками, бросающими оранжевый отсвет в жаркую комнату. В середине комнаты стоял комплект мягкой мебели, с которой еще не сняли защитную пленку. По углам расположились несколько принесенных из кухни стульев, на них сидели мужчины и женщины, которым перевалило за сорок, а то и за пятьдесят, их Шагги не видел никогда. На мужчинах были плотные серые костюмы и широкие галстуки, на

женщинах — броские блузы. Они сидели с чопорным видом, будто только что пришли из церкви, правда, в глазах у них стояла влага, словно они выпили слишком много вина для причастия.

В углу работал проигрыватель, воспроизводя особо грустную версию «Данни-бой»[136]. Несколько бродяг постарше сидели с банками теплого пива и своим подвыванием убивали слова баллады, а рядом с ними сидела старуха со слезами на глазах. Все, кто находился в комнате, уже соскальзывали вниз с пройденного пика вечеринки. Он обошел комнату, вглядываясь в лица — не найдется ли среди них его матери. Агнес здесь не было.

В углу у окна за маленьким складным столиком сидел мальчик, приблизительно ровесник Шагги. С того момента, как Шагги начал описывать свой поисковый круг по комнате, мальчик не спускал с него глаз. Мальчик был хорошо одет, его волосы, расчесанные матерью на аккуратный пробор, еще не успели растрепаться. Они посмотрели друг на друга, и Шагги подумал, что мальчик,

[136] Примечания: 136

«*Данни-бой*» (*Danny Boy*) — баллада, написанная в 1910 году англичанином Фредериком Везерли. Песня особенно популярна среди американских и канадских ирландцев, считающих ее неофициальным ирландским гимном.

может быть, тоже потерялся и ищет маму. Мальчик поднял руку, неуверенно помахал Шагги, который тут же решил подойти к незнакомцу и поговорить с ним. На полпути он увидел, что на столике, за которым сидит мальчик, лежит тарелка с песочным печеньем и стоит стакан с шипучкой, еще пускающей пузырьки. Кто-то из присутствующих любил этого другого мальчика. Шагги развернулся и продолжил поиски Агнес.

В коридоре он снова пробрался через лес ног. В маленькой узкой кухоньке он увидел женщину с черными как уголь волосами. Сердце его вспорхнуло, но тут же упало — он понял, что это не его мать. Шагги подумал, не спросить ли ему у этой женщины про Агнес, но его настолько смутил мальчик с печеньем, что ничего спрашивать он не стал. Гордыня склеила его губы, а черноволосая женщина проплыла мимо него так, будто он пустое место. В этой квартире было три спальни. Все они пустовали, если не считать одинокого потерявшегося гостя, который то ли тихо курил, то ли тихо плакал. Шагги осмотрел все комнаты, но своей выпивохи среди других не нашел. Последняя комната была самой большой — комната для мам и пап. Эта дверь был закрыта, и ему пришлось, схватив за ручку, тащить ее на

себя изо всех сил, чтобы тугая дверь поддалась. В комнате было темно, но свет падал из коридора, а потому он увидел двуспальную кровать, заваленную зимними пальто.

Шагги постоял там, потом сунул руку в карман, где лежал пакет с монетками. Этих денег хватало, чтобы доехать до дома. Может быть, он увидит ее там, протрезвевшую, обезумевшую от беспокойства, ждущую его с горячим чаем и тостом.

В дыму и полутьме слезы начали жечь ему глаза, и он на минутку присел на кровать, заваленную пальто. Он понимал, что остается ребенком. Он весь прошедший вечер вел себя словно большой ребенок, тосковал по маме, тогда как ему хотелось больше походить на Лика, которому, казалось, не нужен никто. Шагги вонзил ногти левой руки в мякоть правой и заставил свое «ах, бедный я, несчастный» смолкнуть.

Что-то шевельнулось под грудой пальто. Шагги испуганно вскочил. Из-под каких-то старых курток появилась маленькая белая рука. Она секунду-другую повисела в воздухе, потом стянула с головы пальто, и он увидел свою мать с потекшей тушью на мокрых щеках.

Волосы Агнес примялись, спутались с правой стороны. По ее узкому зрачку, едва различимому

в полутьме, мальчик понял, что она уже не пьяна. Она посмотрела на него, и ее губа задрожала, словно в преддверии слез. Это так его испугало, что он даже сумел сдержать собственные слезы и попытался держаться прямо, как большой мальчик. Одно за другим он сбросил на пол зимние пальто и откопал ее. Она медленно появлялась из-под груды, полуголая и помятая. Она в полутьме не сводила с него глаз и не говорила ни слова. Он медленно продолжал стаскивать тяжелые пальто с кровати. Из-под них появились ее голые ноги и маленькие ступни. Шагги остановился и посмотрел на нее и в этой путанице одежды и тусклом свете из коридора он увидел, что ее черные колготки от «Притти Полли» порваны от носков до пояса.

Двадцать четыре

Мальчик открыл глаза и увидел ее — она безмолвно сидела на краю его кровати. Она была все тем же жутким получеловеком, который теперь всегда приходил к нему по утрам. Некоторое время он смотрел, как ее трясет с похмелья. Она поднесла клочок туалетной бумаги ко рту, выхаркнула в него мокроту, а потом попыталась сдержать сильный рвотный позыв.

Агнес склонила голову набок, посмотрела на него умоляющими невыспавшимися глазами.

— Доброе утро, солнышко.

— Д-доброе.

Шагги вытянул ноги, прикоснулся пальцами к изножью кровати.

Ее рука дрожала, когда она осторожно стаскивала с него слои простыней. В комнату проник влажный мартовский воздух, и Шагги застонал, скрутился плотным калачиком. Агнес протянула холодную руку, положила на его липкую ступню. Он снова вытянулся — штанины старой пижамы доходили только до его икр, волосы на его ногах начинали густеть и становиться темнее.

— Еще год, и ты станешь мужчиной, и что мне

тогда делать?

— Ты думаешь, я буду выше Лика? — спросил он. Кровать его брата уже стояла пустой.

— Не сомневаюсь. — Она откинула его черные волосы с глаз и попыталась говорить веселым голосом. — Может, тебе лучше не ходить сегодня в школу? Побыть со мной за компанию?

Шагги, услышав это предложение, широко распахнул глаза.

— Не знаю. Отец Барри и без того уже говорит, что я много пропустил.

— А, не обращай на него внимания. На прошлой неделе ты почти ни дня не пропустил. Я напишу ему записку, скажу, что у тебя бабушка умерла.

Шагги застонал и вытянул ногу так, что пальцы оказались на холоде.

— Он же не дурак. Ты уже три раза писала такие записки.

Он знал, чего она хочет. Как только часы показали без четверти девять, она выставила его на морозную улицу со Вторничной книгой в руке. Он надел свою ветровку и хорошие брюки, на одну руку повесил большую хозяйственную сумку из клетчатого нейлона. Сумка была отвлекающим маневром, в нее не планировалось складывать продукты, но она играла свою роль, придавала

больше респектабельности всему этому делу. Шагги, как алчный букмекер, перелистал странички Вторничной книги с детским пособием, убедился, что на каждой страничке датированных купонов присутствует роскошная сумма в восемь фунтов пятьдесят пенсов. Он нашел тот, который она подписала на эту неделю, проверил, правильно ли она в своей отчаянной жажде его заполнила, потом бросил книгу в сумку-обманку.

Он знал: она наблюдает за ним, стоя перед тюлевой занавеской у окна, а потому быстро и решительно пошел по улице. Завернув за угол, где она не могла его увидеть, он сбавил ход и потратил какое-то время, давя в кашицу белые ягоды.

Шагги пробовал это делать по-разному: то мчался, как сумасшедший, туда и обратно, то часами прятался на торфяном болоте. Один раз он даже обналичил талон и потратил детскую субсидию на то, на что она и предназначалась — продукты и мясо. Это всегда заканчивалось одинаково: она возвращала ту часть продуктов, без которой, как она считала, можно прожить, и покупала то, что ей требовалось: прежде всего — выпивку. И потому теперь он, обналичив талоны, просто опускал голову и с чувством смирения подчинялся неизбежному.

После празднования Нового года она изменилась. Тот, кто оставил ее полуголой под грудой чужих пальто, убил в ней желание веселиться на вечеринках. И теперь Шагги, глядя, как она пьет, видел, что она потеряла вкус к хорошему времяпрепровождению. Она пила, чтобы забыться, потому что не знала другого способа избавиться от боли и чувства одиночества.

С заправочной станции ее выставили. Она пропустила слишком много смен, когда ее некем было заменить, и станция слишком много ночей простаивала. Поначалу Агнес восприняла увольнение с безразличием, как и все остальное, оно никак не должно было сказаться на ней. Но когда каталожные счета стали накапливаться, а в четверг не оставалось денег на выпивку, она стала говорить о своем увольнении, как о заговоре. Она была слишком популярна, слишком красива, по ее словам, и владельцам не понравилось, что станция превратилась в социальный клуб для одиноких таксистов. Лик сидел и слушал ее, безмолвно поглощая горячую овсянку, а потом спокойным голосом спросил:

— И долго ты будешь себя обманывать?

Очередь ползла, как черепаха. В помещении было тихо, если не считать хриплого кашля, шур-

шания нейлоновых курток и шлепанья штемпеля в руке раздраженной женщины в кассе. По тому, как люди нервничали, он понимал, что они все долгие выходные ждали, когда можно будет обналичить талоны. Кто-то голодал, у кого-то к воскресному чаю кончились сигареты, третьи, такие, как его мать, умирали от невыносимой жажды. Шагги дождался своей очереди, сунул книжку в маленький лоток на уровне своих глаз. Лоток с шуршанием исчез и с шуршанием вернулся.

— Ты его не подписал, — сказала администратор почтового отделения.

Шагги взял авторучку на цепочке, написал свое имя в квадратике, как его научила мать. Он положил талон в лоток и улыбнулся женщине, та взяла бумажку, внимательно рассмотрела ее с обеих сторон. На женщине были очки в розовой оправе, и она смотрела на него, как учительница, сидящая на высоком стуле.

— А миссис Бейн не может прийти сама и получить свою детскую субсидию? — спросила она несколько громче, чем следовало бы. Шагги почувствовал, как очередь за ним беспокойно зашевелилась, переминаясь с ноги на ноги.

— Не может.

Женщина откинулась на спинку стула, словно разминая затекшую спину.

— Молодой человек, а ты разве не в школе должен быть?

Он услышал, как очередь откашлялась, подтверждая справедливость этого вопроса.

— Моя мама заболела, — прошептал он по секрету в лоток.

Женщина подалась к непробиваемому стеклу, ее лицо угрожающе зависло над ним.

— Но мне что-то вспоминается, что ты приходишь по утрам каждый понедельник и вторник. — Она шмыгнула носом, подняла книжку, ткнула пальцем в подпись Агнес. — Здесь сказано, — она снова шмыгнула, — что получатель уполномочивается только на временных условиях, а если доверитель не может сам получить причитающуюся ему субсидию, то книжка должна быть возвращена в Департамент социального обеспечения.

Шагги готов был наложить в трусы. Ему удалось только выдавить из себя:

— Пожалуйста, миссис.

— Ты хочешь, чтобы я забрала у тебя эту книжку, молодой человек? — она поправила очки на носу чернильным пальцем. — Отправить ее

назад в департамент?

Мальчик отрицательно покачал головой, чувствуя, что опасность протечки усугубляется.

— Нет. Пожалуйста, миссис, — взмолился он.

Женщина, казалось, не слышит его, или ей было плевать на его слова. Она закрыла книжку и положила ее на свой рабочий стол, потом торжественно сомкнула над ней руки, словно в молитве. У Шагги слезы начали наворачиваться на глаза. Он слышал, как начинает стонать голодная толпа. Детская субсидия составляла более четверти тех денег, что получала Агнес на их недельное пропитание.

Шагги с дрожащей губой попробовал снова:

— Пожалуйста, миссис.

Нетерпеливая толпа за его спиной цокала языком и вздыхала.

— Мать этого мальчика заболела! — сказал чей-то высокий голос из самого конца почтового отделения. Администраторша перевела взгляд с посеревшего лица на длинную очередь. — Дайте ему денег, иначе он останется голодным! — снова зазвучал голос.

Старуха за спиной Шагги присоединилась к голосу. Она устала ждать и теперь трясла своей пенсионной книжкой.

— Да бога ради! Отдайте мальчику его деньги, бессердечная вы крючкотворша.

Женщина за стеклом посмотрела на очередь, потом на испуганного мальчика. Она неохотно открыла книжку. Шлеп! Шлеп! Она поставила отметку и выдрала купон за эту неделю, потом положила в лоток книжку, купюры в пять и три фунта и новый пятидесятипенсовик. Она, держась за лоток, приподнялась к маленьким дырочкам в непробиваемом стекле и сказала теперь более тихим голосом:

— Ты умный мальчик. Сделай так, чтобы я не поймала тебя здесь на следующей неделе. Возвращайся в школу. Учись. Не отлынивай от занятий и не проводи всю жизнь в очередях за пособиями.

С этими словами она передвинула лоток на его сторону, и он увидел жалость в ее глазах. Мальчик покорно кивнул, слизнул капли пота над верхней губой, вытащил деньги из лотка. Он не мог беспокоиться о следующей неделе. Сначала ему нужно было побеспокоиться об этой.

Шагги со всех ног поспешил в Питхед. Пройдя мимо школы, он перебрался через сломанные заборы и побежал вниз по склону холма в сторону болот. Отбежав от дороги на порядочное расстояние, он снял брюки и трусы, сел на корточки и

закончил то, что начала администраторша. Потом он вывернул наизнанку свои белые трусы и попытался очистить их о высокую сухую траву.

Когда он добрался до дому, не было еще и половины одиннадцатого, и улица только-только начинала сдвигать занавески на окнах. Он открыл входную дверь и сразу же налетел на нее — она стояла посреди коридора. На ней было ее лучшее мохеровое пальто, глаза подведены, на верхние веки наложены бледно-лиловые тени. Волосы уложены и завиты, на их кончиках все еще висели похожие на росу капельки лака. Левой рукой она прижимала к себе лучшую свою сумочку, другую руку она, словно терпеливый святой, протягивала к нему ладонью вверх. От красноватой ладони исходил жар желания.

— Где тебя черти носят? — спросила она, не интересуясь ответом.

Мальчик открыл хозяйственную сумку, вытащил откуда-то из-под своих грязных трусов две банкноты и одну монетку. Агнес положила деньги в свою сумочку.

— Значит, так. Я хочу, чтобы ты проводил меня по дороге. Если встретим кого-нибудь, я хочу, чтобы ты со мной заговорил.

— О чем?

— Да по фигу, о чем угодно. Что в голову взбредет. И не останавливайся, понял?

Агнес развернула его и вытолкала за дверь. Они дошли до угла, и он увидел, что она вздохнула с облегчением от того, что они пока не встретили ни души. У подножия холма, перегнувшись через садовую изгородь, Коллин Макавенни разговаривала с одной из своих и Юджина родственниц. Они курили, а Коллин еще держала в руке два больших черных мешка для мусора, набитых бельем или сменой одежды Большого Джеймси. Они повернулись, услышав цокот каблучков по бетону. Агнес резко вильнула, словно собираясь перейти на другую сторону дороги, но все же высоко подняла голову и продолжила идти в прежнем направлении. Она, отбивая уверенный ритм, повернула голову и сказала мальчику:

— Так что ты хочешь сегодня на обед?

Шагги посмотрел на мать и сделал то, что она ему сказала.

— Жареную курочку, пожалуйста. Я немного устал от вырезки через день.

Они прошли мимо женщин, и Агнес сказала с легким смехом:

— Ишь, ты! Будешь снова есть стейк и еще спасибо мне скажешь. — Она повернулась сво-

им королевским профилем и спрятала за спину расцарапанную руку. — Коллин, Молли, привет. Мой малец растет не по дням, а по часам. — Женщины молча проводили ее взглядом, но она чувствовала, что они обшаривают глазами ее пальто, туфли, прическу. Когда они благополучно миновали эту пару, лицо Агнес застыло в презрительной гримасе, и она пробормотала: — И вам того же, две пизды. — После этого она перешла на другую сторону.

Магазин Долана стоял на вершине холма в конце ряда из трех магазинов, витрины которых были заколочены досками. С холма открывался вид на весь Питхед. Когда шахта еще работала, вершина холма была многолюдной, отвечала на потребности жителей в свежих овощах, лучшем мясе и месте, где можно потрепать языками. Теперь мистер Долан даже света не включал. Если бы до другого ближайшего магазина не нужно было топать две мили, то Долан мог бы закрыться совсем. Словно признавая свое патовое положение, магазин стоял с закрытыми металлическим ставнями и всегда выключенным освещением. Дневной свет проникал внутрь только через входную дверь, увешанную постерами.

Сам мистер Долан был человеком добрым и

мягким, хотя его вид и пугал Шагги. Когда хозяин магазина был мальчиком, а шахта еще не закрылась, он упал с тиса и так сильно повредил себе руку, что ее пришлось ампутировать. И теперь, когда кто-то из малышей забирался на забор, мамаши высовывались из окон и кричали: «А ну, слазь, а то кончишь, как несчастный мистер Долан».

Когда звякнул дверной колокольчик, мистер Долан испытал двоякие чувства при виде Агнес: радость и грусть. Стеллажи с банками лагера и бутылками виски за его спиной говорили, что он хорошо чувствует новую экономику поселка. И все же, когда Агнес подходила к прилавку, однорукий человек не мог сдержать вздоха при виде этой пропащей красавицы.

Агнес, стараясь не обращать внимания на выражение жалости на лице хозяина магазина, спросила его, как он поживает. Мистер Долан только пожал плечами и кивнул в сторону мальчика.

— А ты почему не в школе?

— Он маленько вирус подхватил, мистер Долан, — ответила за сына Агнес. — Гуляет тут у нас зараза от дверей к дверям.

Старик только воздух в себя втянул, но разоб-

лачать ложь не стал. Агнес достала лист бумаги с коротким перечнем необходимых покупок. Список выглядел вполне невинно: консервированный заварной крем, консервированный зеленый горошек, немного фарша и горсть картофеля. Еще она попросила нарезать немного ветчины и слегка задергалась, когда мистер Долан ловко, помогая обрубком руки, положил ветчину на слайсер. Тупой конец свиного окорока и розоватая плоть его обрубка казались вылепленными из одного теста.

— И сколько все это будет стоить? — спросила она, когда он положил нарезанную свинину в ее хозяйственную сумку.

— Пять фунтов и два пенса, — ответил мистер Долан.

Агнес замешкалась на секунду.

— Можно еще сегодняшнюю газету?

— Пять фунтов и двадцать семь.

— Маленький батончик «Кэдбери» для сыночка.

— Пять пятьдесят.

— Так, что еще? — сказала Агнес с напускной забывчивостью. — Ах, да, чуть не забыла. — Шагги от стыда уставил глаза в пол. — Можно еще двенадцать баночек «Спешиал Брю»?

Когда человек повернулся к полке, Агнес слизнула всю помаду с нижней губы.

— Ровно тринадцать фунтов, — сказал мистер Долан.

Агнес открыла сумочку, посмотрела на купюры и единственную серебряную монетку.

— Ой, мистер Долан, похоже, у меня чуток не хватает сегодня.

Однорукий хозяин залез под прилавок, вытащил большую красную бухгалтерскую книгу. Открыл на букве «Б», нашел имя Агнес.

— Милая, вы уже должны мне двадцать один фунт, — сказал он с важным видом. — Больше не могу вас кредитовать, пока все не вернете.

С мучительной улыбкой Агнес покопалась в сумке, вытащила оттуда свинину, горошек, две картофелины и положила на прилавок.

Что было при этом у него на уме, мистер Долан так и не сказал. Какой бы ужас его пустой рукав ни наводил на мальчика, Шагги знал, что в душе мистер Долан очень добрый человек. Все матери в поселке называли его за высокие цены одноруким бандитом, но Шагги никогда не видел от него ничего, кроме доброты. Когда Агнес стояла, трясясь перед ним в какое-нибудь вторничное утро, выглядела она так, словно делает покуп-

ку в большом шикарном магазине в Вест-Энде. Мистер Долан никогда не распекал Агнес за ее маленькие обманы. Иногда, если она начинала вытаскивать покупки из сумки, он подмигивал элегантному мальчику с вымытыми и расчесанными на пробор волосами и давал ему дольку какого-нибудь зрелого фрукта. Но не сегодня. Сегодня он забрал почти все покупки Агнес и выставил ей банки лагера.

Агнес шла по поселку, постукивая каблучками, с хозяйственной сумкой в руке. Теперь она шла более быстрой походкой, и Шагги едва поспевал за ней, летящей вниз по склону холма. Вернувшись домой, она, не снимая пальто, прошла на кухню. Шагги сел в гостиной, давая ей время прийти в себя. Он дождался шипения и всплеска вырвавшегося на свободу пива, а потом звука открываемых дверок шкафов, в которых она прятала оставшиеся банки. Он ждал, пока не услышал звука воды, бегущей из крана в большую металлическую раковину.

— Тебе стало легче? — спросил он с порога.

Она отвернулась от чайной кружки. Нервозность исчезла с ее лица, но озабоченность оставалась.

— Гораздо легче, спасибо. Ты мне был сегодня

хорошим маленьким помощником.

Он подошел и зарылся головой в ее живот.

— Я сделаю для тебя все, что скажешь.

Всю дорогу, идя по торфяному болоту, он останавливался и поворачивался назад, чтобы помахать рукой, пока дом не исчез из вида и он не перестал видеть ее в окне. Когда он переходил через замерзшие ручейки и под его ногами хрустел ледок, он успокаивал себя тем, что в точности знает, как она проживет день. Он находил утешение в том, что, была ли она трезвой или пьяной, ее день раскручивался в основном по одному неизбежному сценарию.

Шагги щелкал по хрупким тростниковым головкам, размышляя о том, одолеет ли ее сегодня тоска. Замерзший тростник был совершенно сухим, и когда он ударял по головкам, их семена разлетались в воздухе, как маленькие парашютики. Они летали туда-сюда между болотом и поселком, словно на параде маленьких призраков. Он придумал игру с призраками — говорил им, как любит ее, а потом щелчком отправлял их в путь к ней.

Примятая им трава там, где он учился быть нормальным мальчиком, так и не поднялась. В те дни, когда она не отпускала его в школу,

он собирал обломки старой мебели для своего вытоптанного островка. Когда у нее случались особенно тяжелые запои, он целыми неделями не ходил в школу, таская старые стулья, обрывки ковров из мусорных бачков, гнутые, ломаные столовые приборы и битый фарфор. Обрывками старых веревок он вытаскивал выброшенные вещи из ржавых ручьев. Так он достал сломанный телевизор и поставил его пустым экраном к центру своего островка. И хотя экрана у телевизора не было, одно присутствие там коробки делало место на болоте более похожим на дом. Натаскав всю нужную ему мебель, он все недождливые дни проводил на своем островке — расставлял и переставлял найденное, обустраивая гостиную. Он нашел старомодную детскую коляску и тоже притащил ее сюда, продираясь через заросли высокого тростника, собрав по пути самые красивые цветы для своего нового дома. Найдя маленького черного кролика, мертвого и схваченного морозом, он омыл его в ручье и похоронил. Потом рядом с кроликом он закопал позорные ароматизированные девчоночьи игрушки — пластмассовых пони, которых он украл. Следующей весной он обыскал шлаковые отвалы, нашел там поросль багряного дремлика и

посадил на могилках. Друзей, с которыми он мог бы поговорить, у него не было, и эти маленькие ритуалы занимали его, позволяли провести день, испытывая чувство гордости за дом, посещать могильные холмики с чувством исполняемого долга, как скорбящая вдова.

Весь этот короткий день он бродил вокруг своего вытоптанного островка, счищал грязь с принесенных сюда вещей. Он отнес вилку, ложку, треснутые тарелки к ручью, ополоснул их в воде, потом поднял куски ковра и попытался вытрясти из них пыль. Потом он повесил вымокшее под дождем одеяло на спинку стула — сушиться и коробиться в лучах закатного солнца.

Его хозяйственные работы длились недолго — вскоре солнце начало клониться к горизонту. Перебираясь через задний забор, он надеялся принять глубокую ванну и позубрить свою красную книжечку, но входная дверь была распахнута настежь. Шагги долго стоял без движения на нижней ступеньке крыльца, гадая, что все это значит, наклоняя голову и прислушиваясь, как сторожевой пес. Пробираясь по длинному коридору, он услышал какой-то шум в гостиной. Осторожно подойдя к двери, Шагги чуть-чуть приоткрыл ее, чтобы заглянуть внутрь через щель. В комнате,

распростершись на полу, лежала Агнес. На ее груди, словно школьный хулиган, сидел Лик.

Что-то было не так с алыми разводами на красном ковре. Узор казался ломаным и несвязным. Шагги подошел поближе и увидел кровь на своей матери и кровь на лице Лика. Если бы он смог приглядеться, то увидел бы кровь на телевизоре, на коричневом столике, на краю канапе.

Лик прижимал ее к полу. Вокруг них лежали окровавленные груды ткани, которая прежде была чистыми кухонными полотенцами. Агнес под Ликом выкручивалась и сыпала проклятия. Она обзывала его словами, которых Шагги не слышал никогда прежде, и его брат плакал чуждыми ему слезами, с трудом удерживая ее.

На ковре лежала сломанная бритва. Шагги она показалась маленькой и невинной, как крохотная гильотина для мультяшной мышки. Заметил он бритву, потому что странно было видеть ее в этой комнате на хорошем материнском ковре. Лик что-то кричал ему, но Шагги не разбирал слов. Ему хотелось понять, почему на материнской чайной кружке кровь. Приблизившись к брату, Шагги увидел, как искривилось его лицо. Лик держал чернеющие кухонные полотенца на запястьях Агнес. Когда ему удалось зафикси-

ровать одну руку Агнес, придавив ее коленом, он дотянулся до Шагги и ухватил его за грудь рубашки. Другая рука Агнес в этот момент свободно вспорхнула в воздух, и мальчик увидел слабую струйку крови. Шагги хотел сказать Лику: «Смотри! Смотри! Вот откуда вся эта кровь!» Но Лик схватил его за шиворот и тряс с такой силой, что Шагги испугался, как бы у него не сломалась шея.

— Шагги. Слушай меня. — Глаза Лика были широко раскрыты, а в уголках рта собралась пена. Его лицо покрывала густая белая гипсовая пыль, а на зубах виднелась кровь.

— «Скорую»! Вызови гребаную «Скорую».

— Ты эгоистичный пиздюк, — завыла она. — Дай мне уйти.

Ее тело сотрясали глухие рыдания. Слезы Лика падали на ее лицо и смешивались с ее слезами.

— Я слишком устала. — Но она все равно продолжала биться и извиваться, а потом ее глаза закатились, словно ища облегченья в забытьи.

– *Ты меня не любишь*.

– *Ты меня не любишь*, — снова и снова повторяла она.

Мальчик вышел и тихо закрыл за собой дверь. Он сел и взял себя в руки, прежде чем набрать 999

и вызвать «Скорую». Лик кричал ему что-то, но Шагги не понимал. Он не понимал ничего.

Придя в себя в психиатрической больнице, Агнес никак не могла вспомнить, как попала сюда. «Скорая» доставила ее через весь город в Королевскую больницу близ Сайтхилла. Один из докторов в «Скорой» умело наложил швы на ее раны и остановил кровотечение. Потом ей поставили капельницу с успокоительным, чтобы она не расцарапала себя снова. Когда она провалилась в судорожный сон, ее приняли в Гартнавелскую[137] больницу для более углубленного лечения. Она проснулась и обнаружила, что находится в палате с тринадцатью другими женщинами: взрослыми женщинами, истекавшими слюной. Несчастными женщинами, которые кричали куклам, чтобы те одевались в школу. Накачанными успокоительными средствами женщинами, которые всю ночь не сомкнули глаз.

Пока Агнес, крохотная, залатанная, спала под воздействием успокоительного, Лик и Юджин задернули штору, чтобы не видеть несчастных

---

[137] Примечания: 137

Королевская больница Гартнавел — это психиатрическое учреждение, расположенное в западном конце Глазго. Оказывает стационарную психиатрическую помощь населению западной части города. — *Прим. ред.*

женщин, и встали, как часовые, по разные стороны кровати. Прежде они никогда не проводили столько времени вместе. Каждый из них по-своему радовался, что можно смотреть не друг на друга, а на спящее тело. Это облегчение было сродни той радости, которую чувствуют старики, когда к ним в комнату приходят дети, потому что дают старикам возможность посюсюкать над ними, когда самим стариками сказать друг другу уже нечего. Лик не обменялся с Юджином ни одним словом с того вечера, когда тот напоил Агнес. Теперь они провели большую часть дня, настороженно заговаривая друг с другом, избегая зрительного контакта. Говорили они об Агнес так, словно Юджин увидел ее сегодня в первый раз. Сошлись они только в одном. Они посмотрели на измученную женщину и решили, что ей повезло — могла бы и не выжить. Судя по длинным, глубоким порезам на ее запястьях, было ясно, что она не хотела оставлять себе ни одного шанса.

— Так значит, бригадир? — спросил Юджин, не в силах посмотреть в ясные глаза Лика.

— Угу.

— Повезло.

— Пожалуй. Не знаю, сколько раз она звонила в тот день. Она в последнее время часто звонила

мне на работу.

— Да. В мою диспетчерскую тоже.

Лик ссутулил плечи, словно воспоминания о случившемся тяжелым грузом лежали на нем.

— Это было нахальством, но бригадир обычно не очень ругался. А в этот раз подошел ко мне и сказал, что мне лучше поспешить домой, там дело серьезное.

— Так и сказал?

Лик кивнул.

— Он мне куртку мою принес, и я поначалу решил, что меня увольняют. И тут он мне сказал, чтобы я поспешил. Даже денег дал на такси. — Лик откинул волосы с глаз. — Так я понял, что случилось что-то из ряда вон.

Когда Агнес наконец пришла в себя, ей потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что́ она сделала. Сначала она улыбалась им, словно они принесли ей утренний чай. А потом волны воспоминаний стали накатывать на нее, и она посмотрела на свои перевязанные руки. На сей раз она, как никогда прежде, была близка к смерти. Стройка Лика находилась в Саут-Сайде. Она не думала, что он успеет. Она не знала, что бригадир — добросердечный человек.

— Где малыш? — спросила он трескучим от

сухости в горле голосом.

Лик посмотрел на нее, потом в первый раз посмотрел на Юджина.

— Он в порядке, — сказал Лик.

Агнес глазами обшаривала комнату, не двигая головой.

— Я спросила «где он», а не «как он».

Чернота ее расширенных зрачков пригвоздила его к стене. Лик отвернулся и попытался придумать, чем бы утолить ее жажду. Он налил ей фосфоресцирующий стакан разбавленного сока. Но она выставила перед собой руку, отказываясь от питья. Он уставился в пол.

— Ну ладно. Он у Большого Шага, — сказал наконец Лик, пожалев в этот миг, что не солгал ей.

Агнес промолчала. Она решила, что Лик лжет. Ее верхняя губа скривилась и прижалась к зубам, но Лик решил, что нужно сказать все.

— Ты перед тем, как порезала себя, вероятно, позвонила ему, сказала, чтобы он приехал и забрал Шагги. — Лик выдохнул воздух вверх, и его челка затрепетала, как занавеска перед открытым окном. — Это уже слишком, мам. Я не могу постоянно всех спасать.

Двадцать пять

К тому времени, когда Агнес пришла в себя в Гартнавелской больнице, ее мальчик провел у отца почти неделю. Прежде чем вскрыть себе вены, она позвонила в диспетчерскую и сообщила, что Шаг наконец-то добился своего, она оставляет его навсегда, и пусть он приедет забрать свой победный приз — сына. Она сказала, что купила новый костюм для Шагги по каталогу, и на похоронах ее мальчик должен быть в черных костюмных носках, а Шаг должен проследить за этим.

Лик так и не узнал, каким образом это послание дошло да Шага. Неужели диспетчер передал это по рации и его слышали все? Неужели все черные такси припарковались у тротуара и слушали, как Джоани Миклвайт передает предсмертные пожелания женщины, которую сама же и помогла убить?

Шаг не стал спешить. Когда он наконец приехал в Питхед, то с удивлением узнал, что Агнес практически воплотила свои угрозы в жизнь. Он увидел мальчика, который с ошарашенным видом сидел на забрызганном кровью канапе, ел консервированные персики и утешал заплакан-

ную Шону Донелли со второго этажа.

Шагги никогда прежде не бывал в новом доме своего отца. Пока такси натужно тарахтело по гулким улицам, мальчик подсчитал на пальцах, сколько времени он провел с отцом после того, как отца похитила Джоани Миклвайт — получилось меньше трех часов. Он сидел на заднем кресле черного такси, словно посторонний. Он не помнил толком и свою встречу с Джоани Миклвайт, но с предательским спазмом вспомнил желтые ботинки с роликовыми коньками, оставившими рану в его сердце. Джоани осталась в его сознании злодейкой, в его мозгу переплелись образ реальной Джоани и той, что существовала в его воображении. Ненависть к ней Агнес внедрилась в его плоть и кровь, как сучки в дерево.

И потому Шагги сидел в натянутой тишине, пока такси петляло по улицам какого-то неприглядного городского квартала. Каждая улица представляла собой поле боя с сожженными винными магазинами, грязными каналами, машинами, стоящими на кирпичах. Мальчику этот квартал напомнил уменьшенную копию Сайтхилла. Были здесь и неизменные пять или шесть высоток, которые пронзали тяжелое зимнее небо. Но, в отличие от Сайтхилла, высотки

внизу были окружены кольцом низеньких бетонных коробок, а не плоскими пустыми дворами. Эти низкие дома-коробки походили на муравьев, собравшихся вокруг деревьев, или на трущобы, сооруженные из муниципальных шлакоблоков, оставшихся от высоток. То, что когда-то строилось как новое и здоровое, теперь казалось больным и безнадежным. Здесь не было ни травы, ни деревьев, каждая плоская поверхность была забетонирована или вымощена большими, гладкими, круглыми булыжниками.

Большой Шаг заглушил двигатель рядом с изуродованной телефонной будкой. Шагги из такси видел, что разговор шел нелегко. Он знал это, потому что Шаг, повесив трубку, долго еще стоял в будке, поглаживая усы. Мальчик открыл чемодан, который он собрал по настоянию Шага. Он уложил туда все свои вещи, дорогие сердцу, и чистую одежду из своего небогатого гардероба. Он достал выцветшую полароидную фотографию с голым по пояс Шагом, который гордо держал его, новорожденного, на вытянутой руке, а в другой его руке дымилась сигарета. Он сравнил человека на фотографии с тем, что стоял в будке.

В трудные дни Шагги брал свадебный альбом Агнес и, спрятавшись в ногах ее кровати, рас-

сматривал фотографии отца. Шаг сегодня ничуть не походил на того Шага, которого он помнил по трем полароидным снимкам, сделанным на свадебном обеде. Он стал меньше по сравнению с тем улыбающимся человеком, который сидел на диванчике в обнимку с двумя подружками невесты. Теперь годы сидячей работы в такси отобрали у него то, что и так не отличалось никакими выдающимися качествами, и к тому же округлили его. Короткая стрижка под цезаря на фотографиях сменилась на тонкий начес. Когда-то наглые глаза заплыли жирком. Шагги не мог себе представить женщины, которая захотела бы станцевать теперь с его отцом медленный танец.

Шаг по-настоящему так и не взглянул на мальчика, сидевшего на заднем сиденье такси. И только теперь, когда они уже добрались до Норт-Сайда, Шаг, вернувшись из будки в машину, повернулся и посмотрел на Шагги в школьной форме, покрытой грязью, землей и кровью. Он спросил у Шагги, нет ли у него чего-нибудь почище. Мальчик сказал, что ничего чистого у него нет, но у него есть пижама. Его обуял стыд, когда он снимал с себя одежду перед чужим человеком в чужом такси.

Когда они переступили порог дома Джоани

Миклвайт, на Шагги была чистая пижама. Ее дом стоял в середине ряда таких же домов на две семьи, построенных вокруг самой широкой из серых многоэтажек. У Джоани был забетонированный передний дворик и асфальтированный задний, а потому они платили муниципалитету более высокую арендную плату. Проходя через парадную дверь, мальчик с удивлением увидел, что в доме есть лестница и два отдельных этажа. Одно это могло бы свести Агнес с ума.

Джоани Миклвайт стояла в конце короткого коридора, смиренно сплетя пальцы перед своим округлым животом. Она не поздоровалась ни с мальчиком, ни с Шагом, только кивнула и вернулась на кухню. Они приехали к позднему ужину, и Шаг повел мальчика в «столовую», как он назвал эту комнату, а Шагги отметил про себя: никогда не говорить матери, что у отца с Джоани есть лестница в доме или столовая.

Мальчик сидел по центру складного стола, Джоани сидела, нахмурившись, на одном конце, а на другом — сердито поглядывал его отец. За столом уже расположились шестеро детей Джоани. Они, судя по их виду, пребывали в дурном расположении духа и сильно проголодались. Младшим из пасынков Шага был паренек лет семнадцати, а

единственную девочку звали Стефани, и только это имя Шагги запомнил после представлений, сделанных отцом. Запомнил он его отчасти потому, что это имя было самым протестантским из всех, какие он когда-либо слышал, а еще и потому, что, когда Шаг ушел от них, Кэтрин грозила вышибить дух из Стефани Микл-в-ад, чтобы поднять настроение Агнес. Теперь, сидя напротив нее, Шагги понял, что Кэтрин не смогла бы претворить угрозу в жизнь. У Стефани были толстые волосатые предплечья. Из всех детей она одна почти не пыталась скрыть свою неприязнь к новому гостю.

Шагги сидел тихо, пока Миклвайты-Бейны рассказывали его отцу о том, как провели день. А рассказать им было что. Кто-то из них работал в офисах, у кого-то имелись машины, кто-то весь день провел в школе, кто-то ждал письма из университета. Кто-то учился на преподавателя, а Стефани работала в таком месте, где у каждого была какая-то штука, называвшаяся «персональный компьютер». Все они называли его «папа», и это повергало мальчика в недоумение, и все они хотели быть услышанными в первую очередь, словно он заявился сюда почетным гостем. Шагги сидел, уставившись в одну точку — ничего не мог

с собой поделать. Стефани опустила голову чуть не на стол, встретила его взгляд и с презрением спросила, не хочет ли он сделать фотографию.

После этого Шагги старался водить глазами. Он пытался тайком получше разглядеть отца, понять его. Он почти ничего не знал о нем, и пока другие ели, украдкой бросал на него взгляды и спрашивал себя, почему тот так терпимо относится к этим другим детям, но бросил его.

Этот чужой человек взял стакан с молоком, стал пить, а его глаза в это время, словно лучом прожектора, обшаривали остальных. Он опустил стакан и другой рукой удовлетворенно разгладил свои лощеные усы. Шагги нервно теребил верхнюю губу, когда его отец наконец посмотрел на него, и они принялись молча разглядывать друг друга.

После ужина Джоани показала мальчику, где он будет спать. Несмотря на наличие столовой, дом Миклвайтов был очень небольшим. Старший мальчик спал на односпальной кровати в узком шкафу под достославной лестницей. Он был преподавателем химии или кем-то в этом роде, и его шкаф украшали сувениры, связанные со вселенной «Звездного пути» и подвешенные к потолку на невидимой рыболовной леске. Если их самый

умный и старший спал в шкафу, то мальчик и представить себе не мог, куда отведут его.

Джоани провела Шагги наверх, они миновали три или четыре маленькие спальни. Обнаружился еще один Миклвайт, седьмой, мальчик, тоже по имени Хью, который отсутствовал — находился в Армейском кадетском училище[138]. Джоани включила голую лампочку и сказала, что он, новый Хью, может спать здесь, «только, имей в виду, временно». В комнате царил кавардак, она, казалось, застряла в чистилище между спальней ребенка и мужчины. Он увидел маленьких зеленых солдатиков, приклеенных к подоконнику рядом с постером обнаженной Саманты Фокс[139]. Хью Миклвайт держал свою одежду, чистую и грязную, без разницы, в груде, накиданной рядом с кроватью. Шагги расчистил местечко на простынях и сел на продавленный матрас. Голова у него кружилась.

Он принялся загибать пальцы. Если считать Лика и Кэтрин, то у Шага всего набралось че-

---

[138] Примечания: 138

Армейские кадетские училища (*англ.* Army Cadet Force) — национальные молодежные организации под эгидой армии Соединенного Королевства и Министерства обороны.

[139] Примечания: 139

Саманта Карен Фокс (р. 1966) — британская модель и поп-певица. — *Прим. ред.*

тырнадцать детей. У него было четверо своих от первого брака, потом Шагги, потом он прибавил Кэтрин и Лика, а потом подсобрал еще семерых подрастающих Миклвайтов. У его отца было три сына, носивших его имя: по одному на каждую из его женщин. Закончив свои подсчеты, Шагги почувствовал себя счастливым оттого, что имел хоть эти три часа отцовского времени.

Большой Шаг завел привычку прятаться в своем такси: двойные смены, вторые смены, ночные смены, ранние смены. Шагги же, со своей стороны, бродил в тени высоток и прятался от всего их семейства. По утрам Джоани выпроваживала мальчика из дома. Говорила, что отцу нужен покой, чтобы поспать, «вот что ночные смены делают с таксистами». У двери она засовывала ему в руку сэндвич с вареньем и очищенную морковку и говорила, чтобы шел играть и не возвращался до темноты. Она показывала вдаль и обводила рукой весь район, что подразумевало: ей все равно — он может гулять где хочет.

Если все остальные ребята были в школе, то Шагги проводил время, бродя по высоткам. На каждом этаже высотки между квартирами была встроена общая прачечная. Прачечные представляли собой бетонные гулкие комнаты с одной

стеной из ячеистых шлакоблоков, а потому с этой стороны фактически были открыты стихиям. Домохозяйки вешали там выстиранное белье и ждали, когда глазговские ветра высушат и заморозят его. Шагги поднимался на лифте с этажа на этаж, пока не находил незапертую прачечную. Чем выше, тем было лучше. Он садился, просунув руки и ноги в ячейки, и смотрел на выстроенный из песчаника город, простирающийся до самого Сайтхилла. Северный ветер обжигал его лицо, пока он сбрасывал на землю маленьких зеленых солдатиков. Он старался разглядеть черную линию на горизонте и представить там мать. Скучала ли она по нему? И даже жива ли она вообще?

К тому времени, когда Агнес вернулась, мальчик уже почти три недели отправлял на смерть зеленых солдатиков, бросая их из высоток. В конце концов она сама себя выписала. Она позвонила, и Шагги с мрачным любопытством смотрел, как Джоани Миклвайт источает ненависть на всю катушку. Он чувствовал себя предателем оттого, что находился в доме блядовода, видел и слышал, как она бросила трубку после разговора с его матерью, и они все принялись смеяться, произносить унизительные слова в ее адрес,

разделывать на части, как старую курицу. У мальчика разрывалось сердце, когда он видел, как они упивались ее несчастьем. Он умирал от ужаса при мысли о том, что она может подумать, будто он теперь — один из них, будто он смеется над нею вместе с ними. Он подумал о ее запястьях, о крови на кухонных полотенцах и, как большой ребенок, разрыдался от чувства безысходности прямо перед ними.

Джоани вдруг сменила тон. Мальчик не понимал, почему это она вдруг стала по отношению к нему такой дружелюбной. Шагги претерпел трансформацию: он перестал быть обузой и превратился в полезную пешку. Для Джоани он стал теперь замечательным, волшебным, болезненным способом показать Агнес Бейн раз и навсегда, кто вышел победителем.

Агнес устала от всех своих угроз и слезных просьб. Она сидела перед туалетным столиком и превращала свои волосы в жесткую корону из черных роз, покрывая их слой за слоем дорогущим лаком для волос. Она надела свою узкую черную юбку и свежую белую блузку, а поверх — свое хорошее мохеровое пальто, убедившись предварительно, что его рукава закрывают ее незажившие, забинтованные запястья. Она чуть

не залпом выпила три банки пива, потом вскрыла газовый счетчик и вызвала такси.

Агнес уже некоторое время грозила это сделать, а они ей не верили. Они, как хулиганье, чувствовали себя в безопасности, собравшись толпой, и смеялись в телефон громкими ХА-ХА-ХА. И теперь, выйдя из черного такси, она попросила водителя любезно подождать.

— Я через минутку, — сказала она. — Мне только нужно посмеяться последней.

Гордо цокая каблучками, Агнес прошла по улице, считая нечетные номера домов. Потом открыла металлическую калитку, вошла в передний дворик и потерла сердце, увидев окна с двойным остеклением. Она осмотрела эти новые окна, потом окинула взглядом второй этаж, и ее губы растянулись в отвращении. Она проверила адрес на клочке бумаги, потом в последний раз одернула манжеты своего лилового пальто.

Агнес забарабанила в дверь, но никто ей не ответил. Он слышала топот ног у дверного глазка, потом смешки. Агнес постучала еще раз, а потом отошла от дома на несколько шагов.

— ШАГ! — прокричала она. — ШАГ БЕЙН! ПОКАЖИ СВОЕ ЛИЦО, ТЫ, БЛЯДОВОД ЕБАНЫЙ, ИСТЯЗАТЕЛЬ ЖЕН.

Она ждала. Из двухэтажного дома не доносилось ни звука, но люди на улице остановились как вкопанные. Они толпились у почтовых ящиков и припаркованных машин, дети клали в грязь свои BMX[140] и спешили занять место, откуда лучше видно. Она чувствовала, что все они смотрят, и это подстегнуло ее.

— ШАГ БЕЙН! БЛЯДУН ПЛЕШИВЫЙ. ПРЕКРАТИ ДРОЧИТЬ СВОЙ МАЛЕНЬКИЙ ХУЙ И ПОКАЖИ СВОЕ ЕБАНОЕ РЫЛО!

Ее голос эхом отдавался от низких зданий и разносился далеко вверх к окнам высоток. Агнес распрямила спину и набрала воздуха в грудь, чтобы закричать снова, но тут что-то привлекло ее внимание. В забетонированном переднем дворе не было ничего, кроме абсолютно серой и плоской поверхности. Ничего, кроме нескольких пробившихся сорняков, а в углу двух серебристых бачков для мусора.

Агнес ухватила первый бачок — еще не слишком полный, не слишком тяжелый. Одним неловким движением она закинула руки с бачком в сторону, ее высокие каблуки скособочились под ней, но она сумела метнуть свой снаряд. Все

[140] Примечания: 140

Велосипеды небольшого размера для экстремального катания (от англ. Bicycle MotoX). Впервые появились в США в 1970-х гг.

еще не набравшаяся сил после больницы, она чуть позорно не упала на спину через калитку. Металлический бачок пролетел по воздуху, и на какое-то мгновение ей показалось, что он отскочит от окон и собьет ее с ног. Она затаила дыхание из страха, что он не попадет туда, куда ей нужно.

Но Агнес не промахнулась.

Бачок попал ровно в середину окна и с грохотом влетел в комнату. Стекло раскололось на маленькие кристаллики, великолепные тюлевые занавески сорвались с карниза. Старухи, которые остановились на улице, закричали как оглашенные. Дети на своих BMX возбужденно заорали.

Миклвайты, перед тем как Агнес принялась молотить в дверь, сидели в глубине дома в столовой, будто семейка Брейди[141]. Все, кроме Шага, вскочили на ноги, услышав грохот в гостиной. Джоани, которая только что смеялась над Агнес, подавая блюдо с золотистой картошкой, вскочила и первой выбежала в гостиную. Увидев разбитое стекло и мусор, она вскрикнула так, словно в нее всадили нож.

---

[141] Примечания: 141

«*Семейка Брейди*» (*англ.* The Brady Bunch) — американский комедийный телесериал, транслировавшийся с сентября 1969 по март 1974 года. Это сериал об овдовевшем отце с тремя сыновьями, который женится на вдове с тремя дочерями.

Когда Шагги пробился сквозь стену миклвайтовских ног, Джоани стояла среди осколков и мусорного гнилья с открытым ртом и безвольно упавшими руками. Стефани обняла мать за талию, чтобы та не упала. Большой цветной телевизор лежал разбитым экраном вниз. Шагги обратил внимание, что у телевизора нет счетчика. «Ух, поскорей бы сказать ей об этом», — подумал он.

В переднем дворе стояла улыбающаяся, сногсшибательная и по большому счету трезвая Агнес Бейн. Мальчику хотелось закричать «Гооооооол!» Ему хотелось описать с ней победный круг по кварталу.

Шаг первым добежал до входной двери. Он уперся руками в дверной косяк и не позволил остальным Миклвайтам высыпать на улицу. Их когтистые руки тянулись к ней мимо его объемистой фигуры. Это напоминало сцену из фильмов ужасов про зомби, которые Шагги смотрел с разрешения Лика. Агнес спокойно сунула руку в сумку, вытащила длинную сигарету, неторопливо щелкнула зажигалкой, закурила, сделала глубокую элегантную затяжку.

— Ублюдок, — сказала она спокойным голосом. — Выпусти моего ребенка. И немедленно.

К Джоани, которая все еще стояла, ошарашенная, среди битого стекла, наконец-то вернулся дар речи. Она издала вопль из тех, что рождаются в пальцах ног и, напрягая все мышцы тела, вырываются изо рта.

— Ах ты старая пьяная блядь! Ты мне заплатишь за окно, помяни мои слова.

Агнес сковырнула свежий скол краски с ногтя. Она казалась разочарованной, протягивая руку в сторону Джоани.

— Посмотри, что из-за тебя случилось.

Она, цыкнув языком, скорчила гримасу, помахала в воздухе накрашенными ногтями, потом вперила холодный взгляд в Шага и прошипела сквозь зубы:

— Выпусти моего ребенка. И немедленно.

Джоани протолкалась в коридор мимо мальчика и других ревущих тел, которых сдерживал всей своей массой Шаг. Его лицо меняло окраску с алой на бурую.

— Ах ты, старая пьянчуга, убью тебя, блядища, — презрительно выкрикнула Джоани, ее когти бешено царапали воздух.

— Шаг Бейн, я тебя предупреждаю! — Агнес затянулась еще раз, посмотрела на улицу, куда из своих домов высыпали и другие соседи. Она

подошла поближе ко второму серебристому бачку. — Если ты не выпустишь сейчас моего сына, я перебью все окна на этой ёбаной улице.

Джоани продолжала царапать воздух вокруг Шага и уже начала смачно плеваться в сторону Агнес, но та только презрительно посмотрела на нее и вернулась к сковыриванию краски с ногтей. Джоани продолжала вопить, как банши[142].

— Психопатка ёбаная. Тебя нельзя было выпускать из дурдома.

Агнес одним движением бросила сигарету на землю, сняла с ног туфли на шпильках и сжала их в руках. Агнес, которая не могла бросить прямо обычный мяч, вдруг обрела уверенность в себе, после того как кинутый ею мусорный бачок достиг цели. Первый острый каблук пролетел по воздуху, ударился о дверной косяк и упал на землю. Агнес сместилась вперед, ступая почти босыми ногами, и, как опытный толкатель ядра, швырнула вторую туфлю, которая задела по щеке Джоани, отчего та с душераздирающим криком отпрянула назад в коридор.

Мальчишки на велосипедах взвыли со злорад-

---

[142] Примечания: 142

Банши — в ирландском и шотландском фольклоре разновидность фей, которые издают пронзительные вопли, предугадывая смерть кого-либо из близких.

ным удовольствием. Они бросились на землю и принялись торопливо собирать маленькие камушки и протягивать этой воительнице, призывая к еще большей крови. «Держите, миссис! Держите! Еще! Еще!»

И кровь была. Правда, в небольшом количестве, но этого было достаточно, чтобы Джоани отерла щеку рукой и привела в неистовство свое потомство. При виде крови парни Миклвайт стали напирать еще сильнее, чтобы вырваться на улицу и линчевать Агнес. Судя по виду Шага, сердце его готово было вот-вот лопнуть от напряжения.

Шагги с трудом мог разглядеть мать, стоявшую во дворе. В коридоре скопилось слишком много тел, выталкивающих его отца, и если это столпотворение озлобленных конечностей мешало ему увидеть ее, то выбраться к матери он точно не мог. Он развернулся, медленно отступил по коридору и скользнул в комнату налево, потом пересек усыпанную стеклом гостиную, забрался на перевернутый телевизор и, используя его, как ступеньку, встал на подоконник. Он переступил через торчащие острые кромки стекла в разбитом окне и спрыгнул на твердый бетон во дворе.

Шагги с опаской двинулся к матери. Она выглядела изможденной, потрепанной, а лицо под

слоем косметики приобрело какую-то мертвенную бледность, какой он не видел раньше. Но она была жива. Шаг смотрел, как его сын осторожно ступает по битому стеклу.

— Шагги, вернись немедленно, — рявкнул он. Миклвайтская клака принялась выражать бурный протест. Они жаждали крови, они требовали, чтобы Шаг отпустил мальчика. Но он словно и не слышал их.

— Она никогда не исправится, сынок. Не подходи к ней.

Шагги задумался на секунду, оглянулся, пожал узкими плечами.

— Кто знает.

Агнес зло смотрела на Шага, протягивая руку навстречу своему сыну.

— Да ты и кусок говна возьмешь, лишь бы мне досадить.

— Я знаю, что хорошо для мальчика. — Его губы скривились под щетиной усов. — Ты о себе позаботиться не можешь, не говоря уже о нем. Бля, да ты посмотри, какого извращенца ты из него сделала.

Агнес, оставшаяся без туфлей, наклонилась и прижала мальчика к себе. Пуговицы ее хорошего пальто царапнули его лицо, но ему было

все равно. Он уткнулся лицом в ее живот, пытаясь зарыться в ее тело. Его нижняя губа начала дрожать, она вытянулась и приподнялась, как пузырь от ожога. Агнес нежно прижала к его губе большой палец и поцеловала бледную кожу над его левым ухом. Ее слова были теплыми и легкими, как солнце на ярмарочной неделе.

— Шшшш, хватит здороваться у них на виду. Не здесь. Не нужно доставлять им удовольствия.

Она выпрямилась в полный рост, став чуть ниже без черных каблуков, посмотрела на Шага, на карикатурный кордебалет, который жаждал разорвать ее на части.

— Иногда человеку даже не нужно то или иное. Но просто невыносимо, когда этим владеет кто-то другой.

Не сказав больше ни слова, Агнес взяла Шагги за руку и повела через калитку. Велосипедисты-экстремалы орали как резаные, они все еще жаждали крови. Агнес подняла руку, успокаивая их, но они приняли ее жест за приветствие, и вся улица разразилась криком: «Еще, миссис, еще!»

Когда они уселись на заднем сиденье черного такси, ее мальчик, словно потерявший дар речи, смотрел на нее как на призрака. Она обхватила лицо Шагги наманикюренными пальцами, по-

вернула его голову в сторону приземистого дома.

— Посмотри хорошенько. Даст бог, ты больше никогда не увидишь этого жирного ублюдка.

Такси тронулось, она продолжала удерживать сына за подбородок. Шагги видел, как его отец изо всех сил пытается затолкать Миклвайтов назад в коридор, словно запихивает разобранную палатку в рюкзак. Теперь его плечи округло ссутулились, вся его дерзкая кичливость нескольких последних недель исчезла.

Они покидали квартал, а BMX окружили такси, они взмывали ввысь и пикировали, как маленькие скворцы. Агнес притянула мальчика к себе, и он прилип к ней, как улитка. Она долго не отпускала его, пытаясь не замечать запах мыла другой женщины в его волосах. Он ее не останавливал: она плакала, говорила, а он не противоречил ей, когда она давала ему отличные обещания. Он знал: она не сможет их сдержать.

Двадцать шесть

Юджин припарковал машину, проехав дальше дома. Он дождался, когда утреннее солнце взойдет над поселком, из калитки выйдет Лик и поплетется к автобусной остановке. Молодой человек шел, засунув руки в карманы комбинезона, его правое плечо оттягивала сумка с инструментом. С того места, откуда Юджин смотрел на него, парень казался наполовину открытым перочинным ножом — вещью, которая должна быть полезной и острой, а вместо этого ржавеет в ожидании.

Лик скрылся из вида, Юджин воспользовался ключами, которые дала ему Агнес. Когда он вошел в дом, она храпела тем низким храпом, который он уже успел возненавидеть. Он знал, что ее голова свешивается с края кровати, а гортань едва пропускает воздух через желчный затор после вчерашнего пьянства. Он постоял за дверью, понимая, что не останется сегодня. Иногда по утрам он обнаруживал, что, если точно рассчитать время прихода, то ее можно застать в промежутке, когда выпитое вчера уже перестало действовать, а опоить себя новой печалью она

еще не успела. В это время она бывала маленькой и вызывала некоторое сострадание, но при этом еще и живой, даже обаятельной, существом, подобным чахлому растению, которое он хотел бы выманить на солнечный свет.

Проходя по коридору, он услышал тихие звуки из другой спальни, осторожные шаги, шуршание пальцев Шагги, рыщущих в его аккуратном пенале. Юджин прошел на кухню, поставил свои пакеты на стол. Убрал в холодильник свежую печенку и масло, на полку в крохотной кладовке положил четыре банки томатного супа и четыре — заварного крема, как делал это каждое утро. Он смотрел на стену обильных припасов, полку, прогибающуюся под грузом еды, и ему становилось немного лучше.

Он приготовил чай и тосты для себя и для Шагги. Порцию Шагги он поставил на ковер у двери его спальни, потом в одиночестве сел за кухонный стол. На столе лежала вчерашняя газета, но пассажиров ночью было не густо, и он уже прочел ее от начала и до конца. Он даже прочел

колонку отчаяния[143] — она ему понравилась своей искренней поучительностью, но в этом он никому бы не признался. Газета Агнес была раскрыта на странице объявлений: «требуются», «продаются передвижные дома», «одинокие сердца». Она обвела некоторые объявления толстым маркером, и он, попивая чай, просмотрел их.

Объявления по обмену домов пропитались чернилами. Она обвела маркером все, что находилось далеко от Питхеда, и Юджина удивило, что его это не сильно опечалило. После ее выхода из Гартнавела он наблюдал, как она бродит по дому, словно животное, запертое в клетке, и если она не расчесывала кожу у себя на руках, то расковыривала оконную краску, изголовье кровати, теребила выбившиеся ниточки в канапе. Как-то утром он подошел к ней, и ему пришлось обхватить ее, чуть ли не сдавить до хруста костей, пока у нее не прошел этот приступ ковыряния-теребления. Теперь, глядя на кровоточащие чернила, он видел, что она расковыривает иной струп. Она ему говорила, как мечтает жить в доме ближе к

[143] Примечания: 143

Колонка отчаяния (*The agony column*) — газетная колонка, включающая письма читателей, ищущих личного совета, и ответы обозревателя, а также колонка частных объявлений, в которых сообщается о пропавших друзьях и родственниках.

центру, в менее изолированном районе. Как-то утром он массировал ей спину, и она сказала ему, что хотела бы жить там, где она могла бы снова стать никому не известной, в месте, где она могла бы вернуть утраченное достоинство. Потом она добавила застенчиво: в каком-нибудь месте, где Юджин мог бы жить с нею, как ее муж. Тогда он ничего на это не сказал, продолжал массировать ее спину, пока Агнес не овладели беспокойство и капризность, и она не отодвинулась от него.

Юджин знал: если ты просишь власти найти тебе другой дом в другом районе, тебя ставят в долгий лист ожидания. Даже остро нуждающимся семьям приходится годами ждать муниципального жилья, а если у тебя таковое уже есть, то шансы твои близки к нулю. Ожидание переселения может длиться бесконечно. Поэтому, если ты уже живешь в муниципальном доме, то лучше всего попытаться осуществить прямой обмен — без лишних регистраций и раздумий. Муниципалитет против таких перемещений не возражал — это расчищало завалы, а все, что сдерживало недовольные массы от посещения чиновничьих кабинетов, приветствовалось. По их мнению, переезд из одного дома в другой только оттягивал решение проблемы, но при этом хотя бы не

требовал их участия.

Юджин потянулся и попытался выпрямить сгорбленную спину. Рядом с газетой лежал старый конверт, вроде тех, в которых присылали счета за газ. Она писала на нем объявление, потом переписывала снова и снова, пока не довела текст до совершенства. Он видел, что Агнес потратила немало времени, пытаясь наилучшим образом выразить свои желания, и что постепенно, по мере приближения вечера к ночи, она становилась все пьянее. Пока она писала более или менее трезвой, текст казался почти вызывающим сочувствие и умоляющим, а по мере того как она наполнялась алкогольными парами, текст становился более требовательным. В конечном счете она слила все варианты в один. В тридцати или немногим меньше словах она обрисовала Питхед, как привлекательное загородное место, процветающее и с милыми соседями. В своем объявлении она заявляла, что готова рассматривать любые предложения. Юджин подумал, будь это объявление клуба одиноких сердец, то его можно было бы отнести к разряду безнадежных и лживых.

Он вылил остатки чая и встал, собираясь уходить. Если он уйдет теперь, то она, возможно, и

не узнает, что он приходил, и он сможет мирно выспаться в своей кровати. Он повернулся к двери, но увидел на пороге мальчика. Шагги был аккуратно одет, его школьный рюкзачок плотно сидел на спине. Он приветствовал Юджина по заведенной у них традиции:

— Ночную смену сдал, сэр.

Юджин отложил свою поясную сумку. Оглашая свою часть ритуального приветствия, он старался говорить не слишком усталым голосом:

— Дневная смена приступает к исполнению своих обязанностей.

«Ты мне не нравишься, когда ты пьяная» — этими словами он объявил ей об их окончательном разрыве.

Юджин приехал, как у него уже вошло в привычку, в конце своей ночной смены, зная, что в это время наиболее высока вероятность застать Агнес трезвой. Иногда по ночам он лежал с ней, не раздеваясь, в ее теплой постели, и они разговаривали о забавных клиентах, которые попались ему, или о ярких вещицах, которые она хочет купить для нового дома. Если похмелье не слишком сильно досаждало ей, он расстегивал ширинку и взгромождался на нее. Агнес пыталась прогнать сон и не замечать болезненного трения его ше-

рифского пояса о свой живот. Он некоторое время елозил по ней, но вскоре у них обоих возникало желание прекратить это. Он с кряхтением слезал с нее, целовал в щеку. Говорил, что у него что-то на душе неспокойно — не может он сейчас лежать в обнимку с ней, одеваться ему не нужно было, и он уходил на кухню, сидел там в темноте и ждал ее. Агнес вставала, готовила ему что-нибудь горячее на черной сковородке и заваривала две кружки крепкого черного чая. Она ставила перед ним обе кружки одновременно, одну рядом с другой, и смотрела, как он выпивает их в один присест, словно стаканы воды, хотя чай был обжигающе горячий. Они после этого еще немного болтали — так, ни о чем, он совал ей несколько банкнот, достаточно, чтобы купить буханку хлеба и, может быть, лак для волос. Потом он целовал ее — это был первый настоящий поцелуй за время его посещения, после чего он отправлялся в свой собственный дом к собственной взрослой дочери и ложился в собственную постель.

Как-то раз ночью она дождалась, когда он взгромоздится на нее и войдет, и тогда спросила тихим голосом:

— Джини. Когда я перееду, ты поедешь с нами?

Юджин остановил толчки, она почувствовала,

что он вышел из нее. Его крупное лицо раскраснелось по краям. Выражение мальчишеской сосредоточенности исчезло, его черты ожесточились, готовя ее к разочарованию.

— Нет, — просто ответил он и поднялся с теплой постели.

Агнес испытала такое унижение, что даже сесть не могла. Долгое время она просто лежала там в ямке, которую они продавили. Она слышала, как он прошел на кухню, как вытащил стул и стал ждать, когда его обслужат. Ей понадобились все силы, чтобы встать. Она спустила ноги на пол так, словно была без костей. Когда она пришла на кухню, он заговорил первым.

— Ты мне не нравишься, когда ты пьяная.

Она знала, что он имеет в виду. Он сказал это так, будто они были не расстающиеся любовники, а будто он давно это обдумывал и теперь решил избавиться от ненавистной работы.

Она хотела сказать ему в ответ, что он ей не нравится, когда она трезвая, но промолчала. У нее не осталось сил на ложь. Да и лица не осталось — спасать было нечего. И потому она возила две сосиски по сковородке, пока они не лопнули. Потом она приготовила ему две одинаковые чашки темного чая, оставив чайные пакетики внутри.

Он выпил их и ушел.

Шагги больше никогда не видел Юджина.

Сыновья Агнес чувствовали: что-то изменилось. Точно так же ощутима разница между костром, куда плеснули бензина, и костром, в котором горит одно дерево. Она в ярости доводила себя до тоски лагером, а покончив с печалью, переходила на водку и снова доводила себя до ярости.

Целыми неделями дверь то открывалась, то закрывалась за Джинти, Брайди, Ламби и остальными, притаскивавшими пакеты с выпивкой. Две недели Шагги не ходил в школу и старался не выпускать мать из дома. Он запирал дом и проверял все принесенные покупки. Когда она засыпала, сидя в кресле, Шагги садился за учебники, чтобы не слишком отстать от остальных.

— Я уезжаю, — выпалила Агнес как-то утром. — Вызови мне такси.

— Но куда? — спросил Шагги, отрывая глаза от учебника.

— Не спрашивай меня куда, — закричала она. — Куда угодно, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Подальше от тебя.

Он постарался сдержаться — не вздрогнуть.

— Но что мне сказать диспетчеру?

— Скажи ему, мне нужны огни, мне нужно действие. — Она чмокнула губами. — Скажи ему, пусть отвезет меня на бинго, ебанарот.

Шагги взял телефон, сделал вид, что набирает номер. Он набрал 111–1111. Выждал минуту, а потом заговорил в трубку радостным голосом:

— Такси? Да, пожалуйста, Бейн, да правильно. Большое Бинго. О'кей, спасибо. — Он аккуратно опустил трубку на рычаг, откашлявшись, сказал: — Таксист говорит, что не ранее чем через полчаса.

Агнес уже стояла у входной двери, дергая за ручку. Она переминалась с ноги на ногу, словно хотела в туалет.

— Блядь! — Она завизжала, как избалованный ребенок. — Неужели нет никого, кто хочет, чтобы я пожила по-человечески?

— Мама, — попытался успокоить Шагги, — у тебя волосы сбились на одну сторону. Ты не можешь никуда ехать в таком виде. Иди сюда, мы их поправим.

— Нет! — зло проговорила она, проводя пальцами по спутанным клубкам волос.

— Иди сюда, выпей еще капельку.

При этих словах Агнес позволила кожаной сумочке соскользнуть с ее плеча на пол. На

нетвердых ногах она прошла по коридору. Когда он усадил ее назад в кресло, ее голова уже сонно покачивалась на плечах, словно она ехала по ухабам в автобусе. Он, стоя на коленях рядом с ней, налил ей полную кружку. Водки в этой смеси было больше, чем «Айрн-Брю». Он протянул ей кружку. Она выпила содержимое, словно воду. Вдруг глаза ее широко распахнулись.

— Значит, ты собираешься поправить мне волосы?

Он уселся на подлокотник и принялся расчесывать ее черные кудри. Агнес прижала кружку к подбородку и отхлебнула сладковатую жидкость.

— Полчаса еще не прошло? — спросила она.

— Нет, мама, — вздохнул он.

— Я собиралась съездить в город и привезти тебе нового папочку.

Он проводил расческой по ее волосам, лак для волос трескался и рассыпался в воздухе мельчайшими крупинками, словно сладковатой пыльцой. Ему нравилось, что волосы смягчаются и становятся пушистыми.

— Мне и так хорошо, и никакой папочка мне не нужен.

Она скорбно покачала головой, словно в кате-

горическом несогласии.

— Полчаса еще не прошло?

— Нет, мама.

— Полчаса еще не прошло?

— Нет, мама.

— Я хочу, чтобы ты позвонил им еще раз.

Она заснула в кресле. Ее голова упала на грудь, дыхание стало хриплым и неровным. Агнес храпела, а Шагги позволил себе выдохнуть. Он взял кружку из ее ослабевших пальцев, потом опустился перед ней на колени, осторожно расстегнул застежки на ее туфлях, аккуратно снял, чтобы пряжки не порвали ее новые колготки. Уверенными пальцами он снял ее разные сережки, унес все вещи в ее комнату в надежде, что, проснувшись, она не вспомнит о своих намерениях.

Шагги снова взял учебник и, как преданный пес, сел у ног Агнес, прислушался к ее тяжелому дыханию. В выходящее на улицу окно он видел детей, стайками возвращающихся из школы, рубашки у них были выпущены наружу, галстуки завязаны на лбах. Он просидел так рядом с матерью около часа, а потом пришел с работы Лик и хлопнул наружной дверью. Шагги нервно посмотрел на мать, потом в коридор — на

брата, который вернулся с лицом, выбеленным гипсовой пылью. Агнес издала звук, похожий на скрежет запускаемого двигателя, и Шагги уронил голову себе на колени.

— Где мои родительские деньги? — это были ее первые слова, когда она открыла глаза.

Лик не ответил матери, он смотрел прямо на Шагги, словно корил его за то, что тот не помешал ей напиться в очередной раз. Он одними губами, беззвучно, произнес: «Ну молодец», развернулся, ушел в спальню и хлопнул дверью. Через стену доносились грохот гитар и голос Мита Лоуфа[144], и Шагги закинул назад голову, словно лающий пес, и прокричал в воздух:

— Хер бы кто сделал лучше, чем я!

— А ну заткнись. Кто ты такой, чтобы тут орать? — Она резко ткнула себя большим пальцем в грудь. — Я тут глава семьи! *Я*!

Агнес проковыляла по коридору и постучала своими кольцами по тонкой двери спальни. Звук стал громче. Шагги наблюдал, как она чуть отступила назад и выставила вперед челюсть. Теперь он видел, что короткий часовой сон лишь

---

[144] Примечания: 144

Майкл Ли Эдей (р. 1947), более известный под сценическим псевдонимом Мит Лоуф (Meat Loaf — «мясной рулет», «мясная голова») — рок-певец, кино- и театральный актер. — *Прим. ред.*

сильнее раззадорил ее и ничуть не убавил в ней яда. Агнес еще раз постучала в дверь.

Послышался звук отодвигаемой задвижки. Лик вышел в коридор. Он переоделся — вместо рабочей одежды на нем теперь были его лучшие джинсы, в которых он ездил проматывать деньги в игровых автоматах в центре города.

— Я тебя растила для того, чтобы ты мне отвечал, когда я с тобой говорю.

Шагги видел, что Лик пытается быть вежливым, чтобы успокоить ее. Он прикусил язык, потом ответил:

— Да, мама. Чего ты хочешь?

— Чего я хочу? Чего я хочуууу? — Агнес развернулась в коридоре, запрокинула голову к потолку в театральном недоумении. — Ты ждешь от меня, что я буду готовить, стирать и убирать тут целую неделю, а когда я пытаюсь по-человечески с тобой поговорить, то в ответ слышу: «Да, мама. Чего ты хочешь?»

Лик с опозданием открыл рот, чтобы извиниться — Агнес понесло.

— Я тебе скажу, чего я, на хуй, хочу. Я тут торчу целыми днями с этим недоумком, — она ткнула большим пальцем в сторону Шагги, — а ты приходишь домой и двух добрых слов мне не

можешь сказать.

— Сожалею.

— Ах, ты сожалеешь? Да я побольше твоего сожалею. — Она обвела его взглядом с ног до головы, ее глаза остановились на его джинсах. — Это у тебя новые джинсы?

— Нет.

— Прежде я их не видела. Они тебе, наверно, недешево обошлись, а? Ты в них по пабам шляешься?

— Может быть.

— Что ты хочешь сказать этим «может быть»? Ты думаешь, я настолько глупа?

— Нет. Это *я* настолько глуп.

— Ну я только хотела узнать. Приготовить чего-нибудь горячего на обед, пока ты не ушел?

Лик моргнул. Шагги поморщился.

— Да, будь добра, — попался в ее ловушку Лик.

– *Конечно, хули бы тебе не хотеть*? Ты мне платишь слишком мало, чтобы я тебе горячую жратву на стол подавала.

Лик повернулся к ней спиной, чтобы взять нейлоновую куртку с кровати. Его острые плечи привели ее в ярость, и Агнес ткнула своим окольцованным пальцем ему в спину. Это застало его врасплох — Шагги видел, как Лик дернулся от

боли.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной, когда я с тобой разговариваю. Ты кем себя возомнил, приятель? — Она переплела пальцы у себя под подбородком, превратив их в изящный веер. — Вырядился тут, понимаешь. В паб он идет со своими дружками-пидарасами. Знаешь, кто ты — ты большой старый педик. Большой старый гомик, верно я говорю?

Что-то в ее словах заставило Лика перевести взгляд на Шагги, лицо которого резко посерело. Эти самые слова Шагги каждый день слышал на улицах шахтерского поселка. Он слышал их и на игровой площадке. И сидя на последней парте в классе. Что-то в этом взгляде подсказало Шагги: его брат знает — с ним, с Шагги, что-то не так.

Она все еще продолжала пьяно бушевать, но ни один из ее сыновей не слышал ее слов. Палец Агнес ткнулся на сей раз в грудь Лика. Какой-то рефлекс заставил его вскинуть руку, и когда он ударил ее по костяшкам, раздался громкий хруст. Шагги по тому, как она сжала пальцы, понял, что ей больно. Хуже того — была уязвлена ее гордыня.

Их обоих — Агнес и Лика — трясло от злости.

— Думаешь, что ты хозяин в моем доме? Вот уж

нет! — Из ее глаз потекли слезы ярости. Она снова ткнула пальцем в грудь сына. — Собирай. Свои. Шмотки. И уебывай отсюда. Ты здесь больше не нужен.

— Мама, — голос Лика снова звучал, как голос маленького мальчика.

— НЕ НУЖЕН.

Челюсть Лика задрожала. Шагги видел это. Но спустя считаные секунды дрожь прекратилась. Что-то вроде окостенения началось в его коленях и пошло вверх по всему телу, от позвонка к позвонку, и наконец он словно превратился в каменный столб. Плечи Лика распрямились, он стал таким высоким, каким Шагги никогда прежде его не видел.

Шагги дождался, когда мать принялась долбить по кнопкам на телефоне, и тогда тронулся с места, прокрался по коридору и проскользнул в спальню. Вдоль стен стояли шкафы и стеллажи, сколоченные Ликом из старых досок, которые он подобрал на стройке. Великолепная удобная мебель со множеством инкрустированных дверей и потайных ящиков. Под окном стояла массивная фанерная штуковина, в которой лежали пластинки Лика, проигрыватели и колонки. Он сделал множество отделений, чтобы в каждом

помещалось ровно по десять альбомов. Точность и аккуратность исчезли теперь, когда он лихорадочно сваливал свою жизнь в черные пакеты для мусора.

— Закрой эту ебаную дверь, — рявкнул он, когда увидел Шагги. Мальчик сделал, что ему сказали, осторожно завел шариковый фиксатор в паз. Лик пролистывал свои альбомы, решая, что забрать, а что выкинуть. Шагги прошел по комнате и сунул указательный палец в петельку для пояса на джинсах Лика. Он крутил и крутил палец, пока кровь не перестала притекать в фалангу.

— Она говорит это тебе только потому, что Юджин от нее ушел. Ты подожди. Это пройдет.

Лик повернулся, вытащил руку брата из петельки.

— Господи боже, Шагги! Я хочу сказать тебе кое-что, и я хочу, чтобы ты внял мне, не просто выслушал. Ты меня понял?

Мальчик задумчиво кивнул.

— Слушай. Ты теперь единственный мужчина в доме. Так что тебе предстоит повзрослеть и делать кое-что. Ты должен будешь ради нее же самой приглядывать за тем, как она тратит деньги. Когда она будет получать пособия по понедельничной и вторничной книгам, ты должен

будешь забирать часть денег, чтобы кормиться до конца недели. Как считаешь — тебе удастся это сделать?

Шагги хотел сказать, что уже это делал. Что с семи лет этим занимается.

— Ты должен будешь не выпускать ее из дома и не пускать в дом других алкашей. Вырви телефонную вилку из розетки, когда она не видит. Если они придут к дверям, попытайся их прогнать. Скажи, что ее нет дома. И вдвойне это относится к мужикам. Понял? — Лик продолжал наполнять черные мешки тем, что составляло его жизнь; ненужные предметы, которые перестали что-то значить для него, он швырял в угол. Даже в спешке он вел себя так, будто это давалось ему легко, будто он все обдумал сто раз заранее. — Мужикам нужно будет от нее только одно — они воспользуются ею, причинят ей боль. — Он помолчал. — Ты понимаешь, *что* я имею в виду?

— Да. — Он знал об этом больше, чем Лик мог себе представить.

— Ты собираешься и дальше учиться в школе?

— Я постараюсь.

— Старайся изо всех сил. Не повторяй моих ошибок, Шагги. Стань кем-нибудь. — Лик сгреб в крепкий кулак клок волос брата и легонько

потрепал его. — Если боишься оставлять ее одну, прячь все таблетки, какие есть в ванной. И если уж на то пошло, спрячь бритвы и мясные ножи. Заверни все это в полотенце, унеси из дома и спрячь в кустах. Понял?

Лик несколько секунд разглядывал брата.

— Тебе сейчас сколько — тринадцать? — Лик дунул вверх на свою челку. — Черт, скоро на лобке заросли появятся. Послушай, это долго не продлится. Еще чуток потерпи, тогда и ты сможешь уйти.

Шагги с выражением отвращения на лице втянул голову в плечи.

— И кто же тогда будет за ней присматривать?

— Ну ей придется самой присматривать за собой.

— Тогда она никогда не сможет поправиться.

Лик перестал собирать вещи. Он опустился на одно колено, чтобы смотреть Шагги в лицо. Его губы безмолвно двигались, словно он не знал, с чего ему начать.

— Не повторяй моей ошибки. Она никогда не поправится. Когда настанет подходящее время — уходи. Единственное, что ты можешь спасти, — это себя самого.

Та слабая власть, которую Лик имел над этим

домом, исчезла с его уходом, когда он унес последний черный мешок. Из винных магазинов и букмекерских понабежали самые мерзкие из демонов, они накачивали ее алкоголем, вместе с ней пили, вместе курили, потом засыпали, сидя в ее креслах, а просыпались только для того, чтобы продолжить пить. Шагги пытался не пускать их в дом, он старался утаивать немного денег и ходить в школу. Он старался изо всех сил ради Лика, чтобы доказать ему: она может поправиться, а это, возможно, вернет домой его брата. Но это было ох как нелегко.

Двадцать семь

В первый раз за три недели, когда она встала утром, в гостиной не было потных, пьяных тел. Странная это была разновидность одиночества. Агнес некоторое время сидела и, хныча, жалела себя. Она сидела в кресле, окруженном переполненными пепельницами, опустив голову между колен и засунув руки под мышки, чтобы унять дрожь.

Агнес не знала толком, сколько он просидел, сжимая красное ведро для швабры, но, когда она позвала его, они посмотрели друг на друга с одинаковым удивлением.

— Ты меня обнимешь? — жалостливо спросила она.

Он покорно подошел к ней, сел на подлокотник ее кресла. Он снова переживал бурный подростковый рост, и его руки легко обхватили ее за плечи. Каждый раз, обнимая ее, он все меньше и меньше чувствовал себя ребенком. Он становился чем-то новым, пока еще не мужчиной, а чем-то вроде маленького верзилы, ожидающего, когда к нему придет зрелость. Она цеплялась за него, сколько могла. От него пахло свежим воздухом,

как от полей за окном.

Он сказал ей всего несколько слов:

— Я больше не хочу здесь жить.

— Да. И я тоже.

Агнес налила для себя горячую воду в ванну. Горячая ванна действовала на нее хорошо, и она почувствовала, что раздражительность понемногу покидает ее. Она вытерлась грубым полотенцем, оделась во все лучшее, что у нее было, не забыла подобрать свитер в тон пальто и туфлям. Непослушными руками она накрасилась и тщательно расчесала свои черные волосы так, чтобы скрыть седину у корней. Отыскав остатки вторничных денег, она аккуратно сунула их в карман и вышла из дома. День стоял жаркий и душный, две солнечные недели пытались впитать в себя целый дождливый год. И все же она застегнула пальто на все пуговицы. Они стояли группками, эти женщины в джемперах, заляпанных пятнами бобового соуса, и растянутых рейтузах, за которые цеплялись их детишки, они видели, как она вышла за калитку. Агнес слышала, что они говорили, и знала: именно в этом все дело. Она жалела их — им не хватало достоинства, чтобы причесаться. «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы теперь недолго», — подумала

она, помахав им и выше подняв голову.

У входа в Шахтерский клуб стояли серые мужчины, попивали лагер на робком солнышке. Хотя погода была влажная и душная, они все надели плотные спецовки, в которых прежде спускались под землю. Она проходила мимо, а они поворачивались друг к другу, словно боязливые пингвины, и вполголоса обменивались мнениями. Она слышала свое имя, произнесенное шепотом, слышала пересказ ходивших про нее легенд. Те, кто посмелее, жадными глазами смотрели на нее поверх своих пивных кружек. Она знала, что они хотят одного: унизить ее, опустить на более низкий уровень. Она знала некоторых из них — тех, кто искал у нее утешения в обмен на пакет с несколькими банками пива. Добившись своего, они возвращались к своим худосочным женам и разномастным простыням. Все это было таким мелким, таким жалким, что нужно было сразу же выбросить его из головы.

После долгого пути она добралась до ряда закрытых магазинов у дороги. Мимо проносились машины, и она вдруг поняла, что она первый раз за последнее время выбирается из Питхеда, единственный раз, когда она, перейдя болота, гарантированно окажется среди людей, которые

не знают всех отвратительных подробностей ее жизни. Она шла под солнцем, позволяя себе помечтать о свободе, когда увидела ее. Женщина, словно кошка, загнанная в угол собакой, выпрыгнула из ниоткуда и нервно огляделась. На мгновение Агнес показалось, что женщина вот-вот метнется стрелой, преодолеет низкое ограждение и попытается перебежать через четыре полосы шумного шоссе. В каком-то смысле Агнес надеялась, что женщина так и сделает.

— Привет, Коллин.

Женщина попыталась обойти ее на узкой пешеходной дорожке. Агнес в какой-нибудь другой день отпустила бы ее, но не сегодня. Она шагнула вперед и повторила погромче:

— Я говорю «доброе утро», Коллин.

Увядшая женщина остановилась как вкопанная — поток машин перекрывал ей путь к отступлению.

— И с чего это ты мне говоришь? — спросила Коллин.

— А почему я не могу поздороваться с тобой, если встречу на улице?

Женщина впервые подняла глаза и взглянула Агнес в лицо, потом изобразила кислую улыбку. Она скривила губы в гримасе, и Агнес показалось

это неприличным. Единственной пухлой и женственной чертой на этом лице были губы.

— Откуда мне знать?

— Ну как твой братец поживает?

Женщина часто заморгала.

— Он-то? Прекрасно, спасибо.

Агнес подумала, что Коллин врет, но все равно расстроилась.

— Вот теперь, когда мы с ним разошлись, может, прекратишь названивать мне?

Коллин положила руку на свое серебряное распятие.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Понятно. Значит, ты держишь меня за идиотку. Брось. — Агнес цыкнула, как это делала Лиззи, когда хотела показать, что ее не проведешь. Слова Коллин удивили ее, потом она рассмеялась. — Коллин, ты дышишь, как старый кокер-спаниель. В будущем, когда будешь досаждать кому-нибудь звонками, может, ты попытаешься закрывать рот и дышать через нос.

Невинное выражение медленно растаяло на лице Коллин, как эскимо под солнцем. Вернулась самодовольная ухмылка.

— Ты держись подальше от моего брата, тогда посмотрим.

Агнес засунула руку в карман, вытащила старый конверт, в каких присылали счета за газ. В нем лежал листок с текстом объявления, которое она разместила в газете в колонке «Жилье на обмен», а теперь собиралась приклеить на газетном киоске. Она протянула листок Коллин. Та стала просматривать бумажку, и Агнес отметила, что Коллин не ахти какой читатель: ее губы шевелились с каждым слогом. Агнес порадовалась, что написала объявление своим лучшим наклонным почерком.

— Видишь, я собираюсь переехать.

Женщина фыркнула.

— Слишком хороша для нас, да?

Агнес чуть качнулась назад на каблуках. Она скрестила руки на груди.

— Ты напомнила мне моего второго мужа. А знаешь что? Ты не хочешь, чтобы я жила здесь. И ты не хочешь, чтобы я уезжала.

— Шуткуешь, да? — Коллин в напускном удивлении раскрыла рот. — Ты приехала сюда в наш маленький поселок, считая себя этакой шишкой. Ходишь тут, волосья в лаке, в руках сумочка, считаешь себя лучше других. — Она показала пальцем на Агнес. — Ты и этот твой мальчонка все время пытаетесь ткнуть нас носом в наше

скотство, а сама лежишь в собственной моче и ебешься с чужими мужьями. Боже мой. В жизни не встречала такой лицемерки.

— Дай бог тебе никогда не попадать в трудную ситуацию.

— Ааа, иди ты в жопу! Я чуть не померла, когда мой Юджин пришел и сказал мне, что связался с это блядью в лиловом пальто! Моя мамочка на небесах корчилась в муках, видя, как вы двое крутите любовь.

Агнес покачала головой.

— У нее там какой-то охеренный бинокль.

— Видать, среди таких, как ты, это считается удачной шуткой?

— Все, с этим покончено. Ты победила. Твоя матушка может опустить занавеску.

Лицо Коллин до того раскраснелось, что, казалось, вот-вот взорвется.

— Уже поздновато для этого, женщина. Ты думаешь, его несчастная жена захочет принять его, когда он присоединится к ней? Побывав с тобой, он свою вину уже не сможет загладить.

Агнес снова качнулась назад, покрутила пальцами застежку серьги.

— Ну ладно, хватит с меня, наслушалась я твоего бреда.

В глазах Коллин пылала чистейшая ненависть.

— Ничего ты не наслушалась. Он к тебе приходил только по ночам потому, что связь с тобой смущала его. Крался, как воришка! Вот почему тебя трахают только таксисты, верно? Чтобы днем никто их с тобой не застукал.

— Ой ли?

Тощая женщина победно улыбнулась. У нее словно гора с плеч свалилась, счастье привалило, когда она высказалась.

— Уж не сомневайся.

— И мы никогда не поладим, да?

— Никогда! Тебя это устраивает?

— Вполне, — сказала Агнес. Она развернулась и пошла к заколоченным магазинам. — Да, вот еще что, Коллин… — сказала она, повернувшись назад к женщине. Она показала на шею Коллин, потом провела накрашенным ногтем по своей бледной коже на ключице. — У тебя грязь вокруг шеи. Может быть, тебе стоить вытирать ее полотенцем, прежде чем ты утром выходишь за дверь. А то портит твое распятие, оно у тебя так миленько сверкает.

Женщина ухмыльнулась.

— Все сказала?

Агнес запахнула пальто на шее и прощально

улыбнулась.

— Да, совсем забыла. Я ебалась с твоим мужиком, пресквернейшая была ебля. — Она с отвращением фыркнула, вспоминая тот случай. — У него трусы обосраны — жуткое дело.

В дверь весь день стучали. Сначала девчонки Макавенни хотели выманить его на улицу. Говорили, что у них есть конфетки и они хотят с ним поделиться. Но он знал этих девчонок и знал, что в муниципальных кустах прячутся их братья. Они приходили и приходили, а когда он перестал отвечать, они принялись плевать в почтовый ящик. Они выплевывали большие длинные комки вязкой слюны, которая прилипала к металлическому клапану и медленно сползала вниз по дереву. Шагги прятался в углу, смотрел, как они оставляют свои «послания», и старался подтирать комки тряпкой, прежде чем они доскользят до ее хорошего ковра.

Шагги не знал, что еще натворила Агнес, но они ругали ее грязными словами. Называли новыми именами, которые казались ему мокрыми и мерзкими, женскими словами, от которых они брызгали слюной и издавали чавкающие звуки, как сапог на терриконе. Воображаемый ров, которым Юджин обнес дом Бейнов, исчез, словно

Юджин, уходя, забрал его с собою, свернув, как ковер. И теперь дети Макавенни колотили ногами в запертую дверь. Они выкрикивали в его адрес все уже знакомые ему гомосексуальные прозвища. Они издавали звуки слюнявых поцелуев, они синхронно чавкали, а потом возвращались к ругательствам.

Когда девчонкам надоело его мучить, к дверям подошел Френсис Макавенни. Шагги уже был готов отпереть дверь, он так устал, что хотел уже покончить с этим — принять то, что ему причитается, и снова запереть дверь.

Френсис был почти на два года старше Шагги. Он теперь ходил в старшую школу, отдельно от своего брата Джебрила, и над верхней губой у него росли густые усы. И он уже залезал под юбку одной протестантской девчонке. Его младшие сестренки рассказывали об этом на каждом углу со смесью отвращения и гордости. Когда глаза Френсиса появились в щели почтового ящика, Шагги решил, что тот собирается плюнуть, как его родня. Он сложил влажную тряпку и приготовился ловить слюни. Но большие розовые губы Френсиса не стали плевать, они тихонько заговорили в щель.

— Шагги. Шагги! Я знаю, ты меня слышишь.

Открой дверь. Давай. Я хочу с тобой поговорить.

Он никогда прежде не говорил с Шагги так дружелюбно. Слова сочились медленно, как струйка горячей воды из крана.

— Шагги, так что, не отопрешь дверь?

— Нет.

Их глаза встретились в щели, и Шагги заметил, что у этого парня с кожей землистого цвета густые ресницы, как щетинки на одежной щетке.

— Я слышал, вы уезжаете, — сказал Френсис. — Я пришел сказать тебе: я сожалею, что был таким маленьким говнюком. — Шагги услышал, как Френсис шарит у себя в кармане. Потом его лицо вернулось к щели, пальцы просунули в нее золотистого робота. Оторванная голова С-3РО[145] была кое-как приклеена пестрым скотчем. Старая детская игрушка, годившаяся только на помойку, жалкое предложение мира.

— Тут чуток клея, и он будет, как новенький.

Френсис приподнял голову так, чтобы в щели были видны его улыбающиеся губы. У него были большие и ровные зубы, как белая галька на берегу.

— Открой дверь.

---

[145] Примечания: 145

С-3РО — персонаж вселенной «Звездных войн», андроид.

— Нет.

— Почему ты меня ненавидишь? — спокойным голосом спросил Френсис.

— Я тебя не ненавижу. Это ты меня ненавидишь.

— Неа! — обиженно прозвучал его голос. — Да это ж типа в шутку. — Шагги чувствовал, что Френсис напрягает все свои умственные способности, придумывая, что сказать дальше. — Я просто хочу извиниться, что всегда тебя поддевал. — Он нахмурился. — Хочешь меня поцеловать?

– *Что*?

Френсис снова поднес губы к щели — над верхней виднелся маленький шрамик. Удар тыльной стороной ладони у его отца, Большого Джеймси, был поставлен хорошо.

— Я что говорю — я тебе разрешу, если ты никому не скажешь. Я тебе разрешу нас поцеловать. Ведь ты же всегда этого хотел, верно? — Он шмыгнул носом. — Ты тока открой дверь.

Шагги помолчал, он не доверял чувству, которое теперь завязывало узлом его желудок.

— А с чего это мне хотеть вас целовать?

— Да брось ты. Ты же знаешь, кто ты.

Шагги отодрал скотч с робота, и его золотистая

голова отвалилась и покатилась по ковру.

— Френсис, мы теперь и вправду друзья?

— Да. Конечно.

— О'кей. Тогда приложи рот к щели.

— Не, ты дверь открой. — Голос Френсиса звучал чуть ли не умоляюще.

— Ты сделай, что я говорю.

Шагги чувствовал, что старший из поросли Макавенни колеблется. Он не сомневался, что Френсис в любую минуту упрется, скажет, что Шагги блефует. Мучительное мгновение длилась тишина. Потом он услышал, как пуговицы на рубашке Френсиса трутся о поверхность двери — Френсис прижался к дверному полотну.

— Один поцелуй, а потом откроешь дверь, да? — Голос звучал так ясно, словно Френсис уже вошел в дом.

Шагги закрыл глаза, опустился на колени, поднес лицо к щели. От Френсиса исходил сладковатый запах, как от варенья из супермаркета. Шагги чувствовал на своих губах его жаркое дыхание, и на миг ему захотелось просунуть в щель палец и легонько прикоснуться к Френсису.

Но это мгновение прошло.

Шагги поднес руку к щели и со всей ловкостью, на какую был способен, принялся заталкивать

в нее грязную тряпку, пропитанную слюной его мучителей. Он сложил тряпку так, чтобы самая отвратительная, слюнявая ее часть оказалась сверху. Он почувствовал, как тряпка прикасается к лицу Френсиса, ощутил сопротивление, потом Френсис отпрянул от двери, и кухонное полотенце упало на крыльцо. Шагги прильнул к двери. Он слышал, как Френсис выплевывает горькую слюну изо рта.

Френсис снова приблизил рот к щели почтового ящика. Теперь улыбку сменил оскал, зубы щелкали, исполненные желания разорвать Шагги на части.

— Да, лучше уж тебе теперь дверь не открывать. Я тебя заколю на хуй, пидар ебаный.

Шагги услышал глухие удары в дверь, словно кулаком по дереву. А потом успел отпрянуть от просунутого в щель кухонного ножа Коллин, который с яростью пронзил воздух. Шагги прижался к внутренней противосквознячной двери, уставился на серебристое лезвие, которое то исчезало, то снова выскакивало из щели. Оно, такое острое и заточенное, вслепую искало его тело, скрежетало, шныряя туда и сюда, о металл клапана.

Дейви Парландо, старьевщик, три раза прихо-

дил к дверям со своей тележкой. Он брал все, что предлагала ему Агнес, и расплачивался грязными банкнотами, свернутыми в рулон и схваченными старым бинтом. Он не мог поверить своему везению и щедрости этой красивой женщины… или ее слепой глупости. Говорил он дергано и нервно, словно постоянно импровизируя, потому что не мог понять, с чем имеет дело: то ли она чокнутая, то ли добрая. Понять было трудно, потому что ее глаза смотрели с каким-то остекленевшим безразличием.

Дейви загрузил остатки свадебного фарфора Лиззи — в последний раз прошел от двери к тележке. Обычно он вручал детишкам свисток или пластмассовую игрушку, но Шагги он дал целую коробку с бракованными надувными шариками, которых Дэвиду могло хватить на весь сезон закупки старья, все они были второсортные, с ошибками печати, с расплывшимися офсетными логотипами гордых корпоративных спонсоров. Дейви надувал шарики своим особым способом: сжав губы и пропустив резиновую шейку в щель на месте отсутствующих передних зубов. Он вручил мокрый шарик аккуратному мальчику и медленно прочел надпись, словно Шагги не умел читать сам.

— Видишь — здесь написано «Глазго становится лучше»[146].

— Чем что? — язвительно спросил Шагги.

Легкость, с которой Агнес расставалась со своими вещами, пугала Шагги. Ту мебель, которую не пожелал за бесценок взять старьевщик, Агнес вернула в центр проката. Она вернула всю, какую смогла, мебель, купленную в рассрочку. Потом она взяла связывающий ее по рукам и ногам кредит в «Провиденте», чтобы купить новую и лучше прежней, когда они переедут в город.

Он чувствовал лихорадку, которая охватила ее, мечту превратиться в нового человека, окруженного новыми вещами. И потела она от своей лихорадки, как при любом гриппе. Она собрала купоны от сигарет «Кенситас»[147] за все годы, как одержимая, пересчитала их. Она связала их вместе — получились небольшие кирпичики, маленькие бруски, которые все еще пахли сладковатым золотым табаком. Шагги лежал на

---

[146] Примечания: 146

Кампания, начатая в 1982 г. по улучшению города Глазго. Город в конечном счете преобразился за счет пожертвований спонсоров, а впоследствии и государственного финансирования.

[147] Примечания: 147

В каждую пачку «Кенситас» вкладывали подарочные купоны, которые можно было сохранить и обменять на широкий спектр потребительских товаров. — *Прим. ред.*

ковре и строил из них стены и крепости, а Агнес просматривала каталог «Кенситас», загибала уголки тех страниц, на которых находила лампы и подносы, вовсе ей не нравившиеся, вела пугающие подсчеты на конверте, в котором прислали счет за газ.

Шагги смотрел на нее, потом сказал тихим голосом:

— Почему тебе не достаточно меня?

Но она не слушала.

Как только обмен был согласован, Агнес быстро подготовила вещи для переезда. Она смотрела на большинство своих оставшихся вещей так, словно они причинили ей какую-то боль в прошлом. Подготовка к переезду по существу закончилась за один день, оба они горели желанием уехать и предпочитали прожить последние недели в доме с упакованными вещами, в доме, наполненном незамутненными надеждами и ожиданиями. Шагги помог ей упаковать драгоценные фигурки: заворачивал их в газету, а потом засовывал в коробку с ее нижним бельем. Когда она не видела, он брал какие-нибудь вещи Лика, которые тот сложил в кучу на выброс — старые пластинки, полупустые альбомы для рисования, старого

набивного лепрекона[148] — игрушку Кэтрин, — и прятал их в подготовленных к переезду коробках. Остатки вещей, принадлежавших ее детям, она отдала Дейви Парландо за пачку грязных купюр.

Вечером перед отъездом она в последний раз взломала монетоприемник газового счетчика и купила у мороженщика кучу шоколадок. Она выложила перед Шагги всю свою старую одежду, и они встали на колени чуть не вплотную друг к другу и решали, какие ее прежние версии забрать с собой, а какие — оставить позади.

— Такие вещи уже не носят, — сказал Шагги, глядя на нее в черном пушистом джемпере из пряжи, ощетинившейся триллионом длинных ресничек.

Она откусила кусочек от мятной шоколадки.

— А если с пояском? — Она прижала руки к своей затянутой талии.

Шагги залез к ней под джемпер, отстегнул два плечика, вытащил их. Она вдруг перестала быть суровой, стала мягче, моложе на вид. Он прищурился.

— Если бы ты носила джинсы, тогда, может, это

---

[148] Примечания: 148

Лепрекон — персонаж ирландского фольклора, волшебник, исполняющий желания, традиционно изображаемый в виде небольшого коренастого человечка.

смотрелось бы лучше.

Он подложил плечики в свой собственный школьный джемпер, и его плечи поднялись к самой челюсти.

Ее лицо сморщилось.

— Хер там. Я слишком стара для джинсов. В них теперь все, что ни надень, выглядит вульгарно.

Шагги наклонился, взял шерстяную юбку-трапецию цвета пожухлого вереска. Она сидела на ней в обтяжку, но не слишком. Он никогда не видел мать в этой юбке.

— Мне нравится, — сказал Шагги.

Агнес задумалась. Она подергала туда-сюда застежку, словно проверяя, работает ли молния, потом отложила юбку в сторону.

— Нет, не хочу быть *ею*. Она носит мужские домашние шлепанцы и весь день не снимает передника.

— Тебе было бы удобно.

Его мать легла на ковер, тяжело вздохнув. Потом повернулась и смерила его взглядом.

— Так кем ты хочешь быть, когда мы переедем?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Был все время слишком занят — волновался за тебя.

— Бог ты мой, да ты сама мать Тереза. — У Агнес на лице появилось раздраженное выражение. Она приподнялась на локте и отхлебнула лагера. Нахмурилась, глядя на облачный рисунок в кружке, образующийся на поверхности ее пива. — Слушай, когда мы переедем в квартиру, я брошу пить, обещаю.

— Я знаю. — Он попытался улыбнуться.

— Устроюсь на какую-нибудь работу, как другие мамашки.

— Это было бы здорово.

Агнес принялась отдирать заусенец.

— Твой ублюдок-папаша ужас как не хотел, чтобы я работала. Про место женщины говорил, нес весь этот бред. — Так оно и было. Шаг ни за что не пустил бы ее работать. И Брендан Макгоуэн тоже. Для католика это было вопросом чести; он работал, не щадя себя, чтобы соседи знали: он свою семью может обеспечить. С Шагом дела обстояли иначе: если не доверяли ему, то и он никому не мог доверять, а тем более своей жене. Он предпочитал держать ее дома, чтобы знать, где она находится весь день. Ее мужчины никогда не хотели, чтобы она работала, а потому у нее и вкуса к работе не появилось.

— Ты слишком хороша для работы. Слишком

красива. — Он знал, *что* ей хочется услышать: они сто раз вели подобные разговоры. Получилось слишком невыразительно, но Агнес вроде бы понравилось. Но потом он сказал кое-что неожиданное, отчего улыбка замерла на ее лице. — Но если бы ты пошла на работу, это тоже было бы неплохо. Типа если бы ты уходила на ночную смену — ведь тебе больше не нужно быть при мне по ночам. Я за себя и сам могу постоять.

Агнес села, допила остатки лагера. Ей, судя по ее виду, хотелось сменить тему. Шагги смотрел, как она соорудила два чучела из их старой и ненужной теперь одежды. Свой розовый джемпер из ангорской шерсти и его гангстерское одеяние, из которого он вырос, она превратила в две выпотрошенные куклы Гая Фокса[149]. Шагги последовал за ней на кухню, где она повесила их на сушилку для белья, а потом веревкой подтянула ее повыше к потолку. Фигурки запрыгали там, полные жизни: две версии прежних «я», висящие в ожидании нового хозяина.

— Эту женщину зовут Сьюзан, — сказала Агнес. — Она милая. У нее четверо детей. Муж — укладчик напольного покрытия. В жизни ни-

[149] Примечания: 149

Уже упоминавшийся Гай Фокс с сообщниками были приговорены к смертной казни через повешение, потрошение и четвертование.

когда не обращался за пособиями. Вот подожди, сам увидишь, когда его сюда привезут.

— Мы ее обманываем? — спросил Шагги, исполнившись заботой о будущих обитателях этого дома.

Агнес потерла щеку, словно пытаясь успокоиться, словно ее зубные протезы впились в десны. Она налила себе новую кружку лагера.

— Нет, у нее есть машина и муж. Их, кажется, не волнует отдаленность Питхеда.

Она зацепила пальцем джемпер Шагги, оттянула его, потерла ему кожу, словно проверяя, пропылесосила ли ленивая горничная пол под ковром. На равнине его маленькой груди начали появляться тоненькие волоски. Она потеребила их ногтем, но ничего об этой поросли не сказала.

— Ты ужасно бледен. Когда ты в последний раз выходил из дома?

Он не хотел рассказывать про Френсиса Макавенни и кухонный нож. Ему не хотелось признаваться, что он слишком испуган, чтобы выходить на улицу после того дня, когда Френсис грозился заколоть его. В конце концов, он не был обязан что-то говорить. Мысли Агнес прыгали, как слайды в проекторе. Она сказала:

— Ты не помнишь го́рода. Ты был слишком

маленьким. Там танцы, всякие разные танцы и большие магазины. Ты сможешь хоть целыми днями гулять, потому что там есть чем заняться. — Ему показалось, что он видит, как ее переполняет фальшивая надежда — точно так же ее распирало от изысканной восторженности. Ее надежды казались летучими, как пушинки чертополоха. — Ты не вспомнишь. Но ты увидишь.

— Не могу дождаться. — Это была ложь, но только ее половина. Он не мог ей в этом признаться, но город немного пугал его; Шагги пугала громадная неконтролируемая природа города: все эти толпы алкоголиков, среди которых он может потерять ее, темные пабы, мужчины, которые могут воспользоваться ее беспомощностью, неизвестные улицы, на которых она может заблудиться и пропасть для него навсегда. Питхед хотя бы был известной стихией. Они застряли в нем, как мухи в липкой ленте, окруженные со всех четырех сторон пустотой, не выпускавшей их за свои пределы. Здесь она могла причинить себе вред, но здесь он не мог ее потерять.

Шагги попытался выкинуть это из головы.

— Когда мы переедем, ты и вправду попытаешься бросить пить?

— Я ведь сказала, разве нет?

В его глазах мелькнуло легкое недоверие — он ничего не мог с этим поделать. Он подошел к раковине, чтобы вымыть последние тарелки, чтобы спрятать свое лицо от нее.

Это ее задело.

— Ты что, считаешь меня какой-то поганой вруньей?

Она пила весь день. И теперь пребывала в состоянии низко стелющегося морского тумана, пелены, темной и тяжелой, но устойчиво не переходящей в дождь. Шагги не хотел разрывать эти тучи и провоцировать плохую погоду.

— Нет. Извини.

Агнес затушила сигарету о край раковины, потом подняла кружку с лагером, вылила ее содержимое в сточное отверстие. Это случилось так резко, так быстро, что брызги попали на него, и он отступил, моргая, с мокрым лицом.

Агнес открыла шкафчик под раковиной и достала две последние банки «Карлсберга». Одну она протянула ему, другую вскрыла сама. Она перевернула банку, и лагер потек в канализацию бурливым, торопливым потоком. Когда банка опустела и последние капли белой веселой пены упали в раковину, как мокрый снег, она бросила банку в бачок для мусора и промахнулась

— жестянка загремела по линолеуму. Все, что Шагги мог сделать — это только отступить назад, широко раскрыв глаза и ухватившись рукой за столешницу, чтобы не упасть. Агнес, одержимая чем-то в этот момент, бегала по дому из комнаты в комнату, он слышал, как она выцарапывает что-то из-под мебели, пытается вытащить что-то из-за шкафа. Она вернулась с полудюжиной бутылок, со всеми ее забытыми остатками водки, всеми последними глотками, недопитыми, потому что она отключилась и забыла о них. Она театральными движениями вылила всю выпивку в раковину.

Шагги никогда не видел, чтобы она делала это прежде. Он никогда не видел, чтобы она позволила хорошему, доброму алкоголю пропасть втуне.

В редких случаях, когда она обещала бросить пить, она перед этим выпивала все до последней капли, прежде чем окунуться во все эти свои жуткие ломки, рвоты и судороги. Были и другие случаи, когда она отказывалась от алкоголя ввиду отсутствия выбора. В те недели, когда деньги пособий заканчивались, когда никто не приносил пакеты с банками, у нее начиналась трезвость против воли. Если это случалось в четверг, то у трезвости появлялся четырехдневный гандикап.

Шагги всегда радовался таким случаям. Но алкоголь редко проигрывал сражение. Он напоминал громилу, который дает ей эту фору в наглой уверенности, что легко догонит ее и победит снова, когда в следующий понедельник будет обналичен очередной талон. И все же Шагги каждый раз ловился на это.

Он открыл последнюю банку золотистого цвета. Шагги краем глаза наблюдал за ней, выливая пиво в раковину тоненькой осторожной струйкой, готовый остановиться в любое мгновение.

Агнес видела, что он наблюдает за ней, и, запрокинув голову, как дама из высшего света, спросила:

— Ну, теперь ты мне веришь?

Шагги прижал костяшку большого пальца к глазу, чтобы усмирить нервы, предотвратить слезы надежды.

— Спасибо.

Агнес напряглась, но и улыбнулась едва заметной трепетной улыбкой.

— Я с этим покончила. Не говорю, что мне будет легко, но это лучшее, что есть в городе. Никто не будет знать нас в лицо. — Она сняла пушинки, прилепившиеся к чучелкам, покачивающимся в тихой кухне. — И ты. Ты сможешь быть как

другие ребята. Мы можем стать совершенно новыми.

1989
Ист-Энд

Двадцать восемь

После изолированного существования за шлаковыми холмами казалось, что жизнь в многоэтажках бьет ключом. Главная дорога была застроена прочными домами из песчаника, на первых этажах которых располагались сотни маленьких магазинов, почтовые отделения встречались через каждую милю, кулинарные забегаловки были чуть не в каждом квартале, повсюду глаз видел магазины одежды и обуви, где Агнес могла совершать покупки в кредит. Сверкающие машины останавливались на светофорах, потом ползли неторопливым потоком, двухэтажные автобусы шли один за другим, а остановки были чуть не в каждом квартале. Они проехали мимо кинотеатра, танцевального зала, большого парка, а такого количества часовен и церквей он в жизни не видел. По тротуарам деловито шли люди, и никто ни на кого не обращал внимания. Они двигались независимо друг от друга в беззаботной, анонимной, воспринимаемой как само собой разумеющееся свободе. Люди даже не приветствовали друг друга, и Шагги мог поспорить — их не связывали никакие родственные узы.

Грузовичок сделал несколько крутых поворотов на тесных переулках. Небо казалось здесь таким далеким, а единственные разрывы в стене многоэтажек встречались только на перекрестках, где более узкие улицы уходили вглубь, застроенные еще большим числом домов. Шагги поднял голову. Ему казалось, что они зарылись в землю, вглубь долины из песчаника. Они остановились, полностью перекрыв улицу, и люди из АА с грохотом опустили задний борт. Агнес посмотрела на клочок бумаги в руке и подняла голову на дом — светло-серое здание в середине длинной стены себе подобных. На двери расположились домофоны для всех восьми квартир, и Агнес отыскала тот, что от квартиры на третьем этаже.

— Это теперь мы, — сказала она, показывая мальчику на кнопку.

Хотя он уже вырос из детских штанишек, она взяла его за руку, пусть хотя бы только для того, чтобы двигаться, не отдаться непреодолимому желанию нестись в магазин. Шагги обхватил ее руку пальцами — и она показалась ему вдруг такой маленькой. Она надела все оставшиеся у нее кольца, но, несмотря на холодный металл, он чувствовал в ее ладони нервное напряжение и

липкое желание.

— Давай пообещаем, что будем совершенно новыми. Давай пообещаем, что будем нормальными, — взмолился он, держа ее за руку так, будто они были новобрачными. Подъезд был чистый и прохладный. Стены, пол и лестница словно были высечены из цельного куска прекрасного камня, а запах стоял такой, будто лестницу только что вымыли с хлоркой. Они медленно поднялись, пропуская мужчин с коробками. На каждой площадке, аккуратно и ровно поделенной пополам, располагались по две тяжелые двери друг против друга. Когда они проходили мимо дверей, за некоторыми из них отчетливо слышалось поскрипывание половиц. Агнес поднималась дальше, высоко держа голову.

Дверь их квартиры была с правой стороны площадки третьего этажа. Как только они перешагнули порог нового дома, Агнес быстренько произвела учет оставшегося мусора, ковров, которые нужно было поменять, показывая на следы пальцев здесь и там, словно экскурсовод.

— Мда, она была не очень чистоплотна, — холодно сказала она. — В Питхеде она будет популярна.

Их новая квартирка была невелика, с коро-

теньким Г-образным коридором, и он поймал себя на том, что пытается сообразить, где же она поставит телефонный столик. В передней части квартиры располагалась гостиная, ее большое эркерное окно выходило на улицу. Следующая дверь вела в очень маленькую хозяйскую спальню. В глубине квартиры размещались узкая кухонька и крохотная спальня. Шагги прошел по этой спальне вдоль и поперек, измеряя ее длиной своих ступней в надежде, что сюда можно будет втиснуть две кровати. Нет, две кровати сюда никак не вмещались. Произошедшее внезапно стало необратимым, и он затосковал по Лику.

Агнес стояла у большого эркерного окна и смотрела на улицу. Шагги обхватил ее руками, и эти совершенно новые люди позволили себе минутку тишины, мирных снов наяву. Агнес почесала икру другой ногой. Шагги знал: так проявляет себя ее взбалмошный характер.

Грузчики быстро закончили работу. Они забрали последнюю коробку с собой, а Агнес взяла свое мохеровое пальто и пообещала Шагги горячий чай и пирожки с яблоками на обед. Шагги закрыл за ней дверь и даже не сказал, что застежка ее туфли протерла дырку сзади на колготках. Он долго стоял у кухонного окна, смотрел на

огороженный садик в задней части дома. Это пространство, окруженное со всех сторон домами, было разделено пятифутовыми стенами, чтобы у каждого дома были одинаковые площадки клочковатой травы, на которых почетное место занимал бетонный навес для мусорных бачков.

Каждый зеленый клочок наводняли дети, отчего тот становился похожим на кишащую жизнью чашку Петри. Воздух пронзали гулкие крики и смех, усиленные каменными стенами окружающих домов. Время от времени где-то с тыльной стороны дома раздавался детский крик, вскоре на четвертом этаже распахивалось окно, из которого вылетал пакетик с чипсами или связка ключей.

Шагги сел и бóльшую часть дня смотрел в окно — на этот своеобразный колизей, — спрашивая себя, что может чувствовать маленький человек, играя с такой беззаботностью. Он смотрел, как дети карабкаются по лестницам, оккупируют другие зеленые дворовые площадки. Он видел, как трещат головы, как малышей отгоняют от навесов для мусорных бачков. Иногда открывалось какое-нибудь окно, и строгий палец приказывал разыгравшемуся гладиатору вернуться в дом, и ребенок уходил, плача от страха и раскаяния, и никто уже не видел его на площадке в этот день.

В конечном счете Шагги утомился от этого жестокого зрелища.

В ожидании Агнес, которая обещала ему пирожки с чаем, он занялся маленькой красной футбольной книжечкой и в сотый раз начал с первой страницы. Он читал результаты матчей «Арброта», когда услышал поворот ключа в новом замке. Со своего места у окна в кухне он сразу все понял.

— Привет, сынок.

Она стояла в дверях, смотрела блуждающим взглядом с широкой улыбкой на лице.

— Ты пила? — спросил он, заранее зная ответ.

— Нееееет.

— Подойди ко мне, дай я тебе понюхаю. — Шагги прошел по пустой кухоньке.

– *Понюхаешь меня*? — сказала она. — Да что ты о себе возомнил?

Он с каждым днем становился выше. Он взял ее за рукав, подтащил к себе со всей требовательностью взрослого человека. Она пошатывалась на ногах, пыталась вырвать рукав из его руки. Он потянул носом.

— Пила! Ты пила.

— Ты только посмотри на себя. Тебе нравится портить мне настроение. — Агнес снова попы-

талась вырвать рукав. — Выпила самый чуток с моей новой подругой Мари.

— Мари? Ты обещала, мы будем совершенно новые.

— Так оно и есть! Так оно и есть!

Этот надзиратель начал раздражать Агнес.

— Ты солгала. Ты даже не попыталась. Никакие мы не новые. Мы все в той же старой жопе.

Шагги с такой силой дернул ее за рукав, что джемпер растянулся и вырез сместился на плечо. На ее мягкой белой коже обнажилась бретелька черного бюстгальтера. Он протянул руку, чтобы схватить бретельку.

— Не трогай меня! — Вид у нее сделался испуганный. Она поправила на себе джемпер и так резко развернулась, что мальчик потерял равновесие. Он с треском ударился о стену и соскользнул на пол в углу коридора.

Агнес бормотала себе под нос.

— Ты что о себе возомнил? Я тебе не позволю так со мной разговаривать. — Какая-то мысль пришла ей в голову, и она напустилась на него. — Твой папаша? Ты решил, что ты — твой гребаный папаша? — Она в уродливом неповиновении закинула назад голову и плюнула на него. — Денечек будет заебись, солнышко.

Он смотрел, как она поправляет на себе джемпер, потом направляется к выходу. Агнес вышла, не закрыв дверь за собой. Он слышал, как она идет по гулкой лестнице от двери к двери, стучит, а когда ей отвечают, вежливо представляется заплетающимся языком.

— Привет. *БОГА* ради, простите, что беспокою. Меня зовут Агнес. Я ваша *НОВАЯ* соседка.

Шагги слышал, как после некоторой паузы добрые обитатели дома неловко ее приветствуют. Он почти что видел, как они оглядывают ее с ног до головы, оценивают, делают выводы. Эта женщина, крашеная жгучая брюнетка в отливающих глянцем черных колготках, в черных туфлях на высоких каблуках, к ланчу уже была пьяна.

Такой большой средней школы он в жизни не видел. Он выждал время и незаметно пошел за мальчиком из квартиры под ними. За время летних каникул мальчик загорел. На углах улицы он оборачивался и подозрительно смотрел своими большими карими глазами на бледного мальчика, который шел следом за ним, как потеряшка.

Шагги поставил дома гладильную доску и отутюжил свою одежду к первому учебному дню. Школьные брюки у него были из серой шерсти, а дополнял их отличный красный джемпер, куп-

ленный Агнес на сигаретные купоны. Он гладил и то и другое, пока не обратил их в идеально плоские, двухмерные вещи. Потом он выгладил нижнее белье и носки.

Следуя за мальчиком, Шагги завернул за угол и увидел ее. Она тянулась на сколько хватало глаз и представляла собой целый город: большие бетонные кубы и прямоугольники, пересекающиеся под разными углами и окруженные зданиями пониже, напоминавшими долговременные бытовки. Наружу не выходило ни одного окна, он видел только гигантский бетонный хаос разных форм посредине плоского пространства асфальта, камня и коричневой земли.

Он прошел за мальчиком в главные ворота. Большой школьный двор наводнили дети — подвижная масса протестантского синего, белого и в меньшем количестве красного цветов. Почти на всех ребятах были футболки с логотипом «Глазго Рейнджерс», спортивные куртки или, по крайней мере, спортивные сумки. Куда бы он ни посмотрел, повсюду большими белыми буквами было написано «Лагер Макьюэн»[150]. Шагги сунул руку в карман и почувствовал себя

[150] Примечания: 150

На протяжении 1980-х и 1990-х гг. компания «Лагер Макьюэн» спонсировала «Глазго Рейнджерс».

лучше, когда его пальцы коснулись потрепанной красной книжечки.

Прозвенел звонок, и он, не придумав ничего лучше, пошел вслед за своим соседом в его класс. Ребята занимали свои места и орали во всю глотку. Шагги положил рюкзак на парту в последнем ряду и попытался спрятаться за ним. В класс вошел невысокий человек средних лет с седой бородой. Вид у него был, как у рассерженного терьера, а говорил он с очень громким глазговским акцентом.

— Ну-ка, пасти закрыть, шайка-лейка. Сначала мы поставим рекорд по скорости переклички, а потом ваша банда вернется к разговорам о сережках, завивках и прочей дряни. — Он помолчал. — И это называется парни.

Комната испустила усталый вздох. Учитель взял журнал, а когда добрался до конца списка, класс снова перешел на крик. Учитель сложил руки на груди и закрыл глаза, присел на краешек стола, пытаясь украсть еще пять минут сна.

Шагги поднял руку, потом опустил, потом поднял опять.

— Сэр, — сказал он слишком тихо. — Сэр!

Учитель открыл глаза, посмотрел на нового мальчика.

— Да? — сказал учитель, он еще не успел познакомиться со всеми лицами нового учебного года.

— Я новенький, — едва слышно сказал Шагги, но учитель услышал его.

— Тут все новенькие, сынок.

— Я знаю. Но я думаю, что опоздал с зачислением. — Он использовал слово, которому его научила Агнес.

Класс затих. Тридцать голов, как одна, повернулись и уставились на него, мальчики с темными пятнами прорезающихся усов под носом, девочки уже с женскими телами и лицами, испещренными маленькими белыми точками.

— Ты что? — спросил учитель с лицом терьера.

— Я… Я опоздал с зачислением, сэр. Из другой школы.

Теперь в классе воцарилась полная тишина.

— Вот оно что, — сказал учитель. — Как твоя фамилия?

Ответить он не успел — оно началось сразу же. Сначала ропот пробежал по классу, потом кто-то произнес это громко вслух, а потом шепоток перешел в неприкрытый смех.

— Он чо — гомосек? — спросил парнишка с крысиным лицом, сидевший за столом в первом ряду. Класс взорвался.

– *Жополаз*? — сказал другой.

Шагги попытался перекричать их. Лицо его горело.

— Меня зовут Шагги, сэр. Хью Бейн. Я перевелся сюда из школы Святого Луки.

— Вы послушайте, какой у него голос, — сказал еще один мальчишка с курчавой головой. Он широко раскрыл глаза, словно был чемпионом по школьной травле. — Слушай сюда, ты, щеголь гребаный, откуда у тебя этот акцент? Ты кто — балерун, может, или еще кто?

Это было встречено с сильнейшим энтузиазмом и раззадорило остальных.

— Ну-ка, станцуй, плясун! — визжали они от восторга. — Покрути для нас жопой, жополаз!

Шагги сидел, слушал, как они развлекаются. Он вытащил маленькую футбольную книжку и бросил в темный ящик этого странного школьного стола. По крайней мере он порадовался, что хоть с этой иллюзией покончено. Ему стало ясно: никто не может стать совершенно новым.

Двадцать девять

Кареглазый мальчишка, живший этажом ниже, постучал в его дверь так, словно они были старыми друзьями. Все те месяцы, что прошли с их переезда, сосед снизу старательно игнорировал Шагги. Теперь, когда Шагги открыл дверь, кареглазый мальчишка приветственно кивнул и сказал Шагги, чтобы он оделся и шел с ним.

— Зачем? — нелюбезно спросил Шагги.

— Затем, что мне нужна твоя помощь. — Мальчишка уже спустился на половину пролета.

Кейр Вейр являл собой всю палитру теплых тонов, выбранных по той причине, что они так хорошо сочетались между собой. Такого загара, как у Кейра, Шагги не видел ни у кого, а его каштановые волосы сияли воспоминаниями о солнце, которое видели так редко. Его пятнистые глаза напоминали ореховое дерево, а форма его изогнутых губ приковала взгляд Шагги. Фотографию Кейра можно было бы на открытках печатать, если бы у него вечно не капало с носа, а на верхней губе не выступала простуда.

Шагги надел курточку и последовал за Кейром, как послушный слуга. Когда они подошли

к двери, Кейр развернулся на каблуках и резко остановил Шагги.

— Слушай, ты со мной в таком виде никуда не пойдешь.

Шагги оглядел себя. На нем была его повседневная одежда: старые шерстяные брюки для школы, старые черные ботинки, синяя куртка, купленная по каталогу и похожая на старые куртки Агнес, в которых она стеснялась ходить в магазин.

— Ты меня шокируешь таким видом. Тебя что — до сих пор мамочка одевает?

Кейр запустил руки в куртку Шагги, нащупал против его поясницы два регулировочных шнурка и потащил на себя. Куртка сузилась в талии настолько, что шнурки чуть не разрезали его на две части, а в подоле при этом куртка раздулась, как елизаветинский дублет. Кареглазый парнишка ухватил аккуратно отглаженный воротник, поднял его, потом резко дернул пластиковую молнию до самого верха, и теперь Шагги показалось, будто он смотрит на мир из пароходной трубы.

Шагги закинул назад голову и проговорил из своей трубы:

— Куда мы идем?

— Я тебя представлю кое-каким девчонкам. — Кейр вытащил из заднего кармана дешевую

черную расческу, изжеванную с одного конца до полной бесполезности. Он смачно плюнул на нее, провел линию ровно по центру головы Шагги. Шагги в ужасе отпрянул. Но Кейр приставил длинные пальцы к затылку Шагги и вернул его голову на прежнее место. Именно таким движением мужчины притягивали к себе женщин во всех фильмах, какие Агнес любила смотреть по телевизору. Для Кейра это ничего не значило, но Шагги почувствовал, что у него слезы наворачиваются на глаза.

Покоробленная расческа с такой силой тянула его волосы, что у Шагги возникало ощущение, будто его череп аккуратно и ровно раскалывается. Мальчишка кое-как переделал боковой пробор, сделанный Агнес, и растрепал челку Шагги на две стороны.

— Вот так! — Он потер затылок Шагги, довольный своей работой. — Теперь у тебя вид покруче стал. — Он развернулся и вышел на улицу. — Ты там повторяй все за мной, и никаких проблем у тебя не будет. Договорились?

— О'кей, — согласился Шагги, спеша за ним и представляя себе, какими бы еще способами вынудить Кейра обхватить его еще раз.

Кривоногий Кейр Вейр важно вышагивал по

улице. Нижняя часть его лица была скрыта воротником куртки, а руки глубоко засунуты в карманы. Шагги шел чуть сзади и пытался идти размашистым шагом, как показывал ему Лик.

— Мы встретимся с парой девчонок. Одна из них — моя милка. Вторая — ее подружка. Нормальная такая телка, хорошо подмахивает, — сказал он. — У тебя уже есть телочка?

— Да, — солгал Шагги.

— Кто? — спросил Кейр. Над высоким воротником куртки были видны только его глаза.

— Девчонка там, где я жил.

— Правда? И как ее звали?

Шагги не понимал, ехидничает ли Кейр теперь. Трудно было говорить, когда не видишь губы собеседника.

— Мм, — пробормотал он. — Гм. *Мадонна*.

Как только это слово сорвалось с его языка, он порадовался, что краску стыда, залившую лицо, скрывает воротник.

Кейр сощурился и посмотрел на него. По его лицу пробежала тень сомнения: он уже начал сожалеть о том, что позвал Шагги.

— Эй, ты не врешь? — Его брови взметнулись вверх. — Ты хоть ей уже киску дрочил?

Челюсть Шагги отвалилась за воротником

куртки. Он задумчиво кивнул.

Он услышал, как вздохнул заскучавший Кейр, заметил, как заколыхались пряди его волос.

— Подружка моей милки — девка ебливая, подмахнет тебе, если попросишь. — Он снова ухмыльнулся. — Если тока Мадонна не будет возражать. — Он засунул окурок себе под воротник, словно ведро в колодец. — В общем, я хочу, чтобы ты не дал ей нас беспокоить. Усек?

Они шли по улице, застроенной светлыми домами, не останавливаясь поглазеть на женщин, которые выливали на тротуар воду с хлоркой. Кейр укоротил путь, мужской походкой прошел наискосок, срезая углы, перепрыгивая через скамейки и невысокие каменные заборчики. Он направлялся к ней самым коротким и быстрым маршрутом. Шагги вприпрыжку спешил за ним. Кейр замедлил шаг, только когда они добрались до квартала современных домов. Он выкинул окурок, принялся рыскать в карманах в поисках жевательной резинки. Шагги почуял запах сладкой мяты, когда крупные белые зубы Кейра разорвали обертку. Он принялся жевать, как голодный пес, а потом вытащил жвачку изо рта и протянул Шагги.

— На, пожуй, перед дамами нужно появиться

со свежей дыхалкой.

Шагги моргнул, глядя на серую жвачку между пальцев Кейра. Он опять порадовался высоко поднятому воротнику, потому что рот его скривился в отвращении.

— Не будь ты ебаным гомосеком. *Держи*!

Кейр всучил ему резинку. Шагги неохотно сунул ее в рот, она была скользкой и теплой, от нее пахло мятой, бобами и сигаретами. Он вдруг понял, что она не вызывает у него отвращения, он катал резинку во рту и наслаждался ее вкусом. Он вытолкнул языком остатки слюны Кейра в сухой кармашек над губой, словно там она могла продержаться дольше.

Они поднимались по лестнице к квартирам на последнем этаже. На каждой лестничной площадке имелся просторный открытый балкон, и Шагги с удовольствием останавливался и восхищался открывающимся видом, словно довольный жизнью пенсионер. Когда они добрались до самого верха, Кейр повернулся к нему и сказал:

— Попытайся не говорить как выпендрежник, понял? Не хочу, чтобы они смеялись над нами.

Кейр вдавил кнопку звонка сбоку от двери с матовым стеклом. Дверь одной из комнат внутри открылась, и коридор заполнили дребезжащие

звуки поп-музыки. Они увидели облако светлых волос — облако за пузырчатым стеклом подплывало все ближе и ближе. В дверях они увидели невысокую простоватую девочку, с бледной кожей, с большими зелеными глазами, спрятанными за толстыми стеклами розовых очков. Ее обильно смазанные гелем волосы были зачесаны назад и собраны в большой курчавый хвостик. На ее голове аккуратными рядами выстроились заколки для волос, похожие на свиные ребрышки.

Она была немного младше мальчиков. Неряшливо накрашенные ногти напомнили Шагги о девчонках Макавенни, когда они бродили по улице в шлепанцах Коллин.

— При-вет, — сказала девчонка, чуть приоткрыв дверь.

— Привет, куколка. — На лице Кейра появилась кривая улыбка. Он жестом собственника положил ладонь на дверь.

Девчонка хихикнула, потом подозрительно посмотрела на Шагги.

— Что вам двоим надо?

Она чуть прикрыла дверь.

— Мать дома? — спросил Кейр.

— Ты прекрасно знаешь — она на работе.

— Так мы можем зайти посидеть маленько?

— Нет. — Она поежилась и еще больше прикрыла дверь.

— А че нет-то?

— А то, что я так сказала. Мамка пообещала меня поколотить, если я тебя опять впущу, пока она будет на работе.

— Да ладно тебе. — Он сделал шаг вперед.

— Нет, — по-детски пискнула она. — В прошлый раз ты все испортил. Нассал на сиденье в туалете и на плинтус. Мамка пришла в ярость, когда это увидела. Она меня выпорола.

Она еще больше прикрыла дверь, оставив только щель для лица.

Несколько секунд они стояли так. Изнутри донесся звук переворачиваемой кассеты в магнитофоне. Первым заговорил Кейр.

— Я тебе вот что принес. — В его руке появился мыльный брусок, завернутый в прозрачный с жемчужным отливом целлофан. Мыло, похоже, было из тех дешевых сортов, что лежали высокими пирамидами на рынке «Баррас»[151], Агнес от них воротила нос. На упаковке четкими буквами было напечатано: «Только для оптовой продажи».

---

[151] Примечания: 151

«*Баррас*» — крытый рынок выходного дня в Ист-Энде, Глазго. — *Прим. ред.*

Ее маленькая белая рука высунулась из двери и осторожно взяла мыло. Целлофан захрустел, затрещал. Девчонка удовлетворенно вздохнула, потом добавила:

— Только это ничего не меняет.

— Так ты все еще хочешь оставаться моей милкой?

Она посмотрела на кусок мыла, потом — снова на высокого паренька.

— Ну. Может.

— Может, тогда выйдешь, а? Ну, типа потусить.

— Нее-е. Не могу, — сказала она, надув губы.

— А чо нет-то? — Кейр изо всех сил моргал своими карими глазами.

— А то, что Линн у меня, вот и не могу.

Кейр кивнул и предъявил свой продуманный план.

— Слушай, вот это Шагги. Ему нравится Линн. — Шагги выступил вперед из тени. — Так что она тоже может выйти и все такое.

Девчонка широко раскрыла глаза. Она пискнула, втянула маленькую голову обратно в коридор — стеклянная дверь захлопнулась. Шагги увидел, как неровный пучок светлых волос помчался по коридору.

Неужели наступает момент, когда он, Шагги,

станет нормальным? Все его попытки научиться ходить как следует, вся его беготня за футбольным мячом, все его зазубривания результатов матчей — все это делалось ради нынешнего дня.

Дверь открылась, выглянули два личика. Потом дверь захлопнулась. Из коридора до них донесся взрыв смеха. Кейр нервно переминался с ноги на ногу.

— Слушай, попытайся не выглядеть таким педиком, а? — не поворачиваясь к Шагги, прошипел Кейр.

Шагги сделал глубокий вдох, попытался расставить ноги пошире и распрямиться, а потом, как несчастная черепаха, втянул голову в воротник куртки и насупился. Дверь снова открылась — теперь шире. За ней, вертясь от удовольствия, стояли две девчонки. Линн Келли была на добрый фут выше другой девочки, она, выставив вперед челюсть, смотрела на них поверх копны светлых завитых волос, на лице у нее не было косметики, а в волосах — заколок. Судя по тому, как она вышла вперед и распрямила спину перед парнями, было ясно, что она росла в окружении целого выводка братьев. Когда она заговорила, ее губы оставались сжатыми, словно для защиты зубов. Шагги ее глаза показались маленькими

настороженными изюминками.

— Как это я могла тебе понравиться? Я тебя никогда не видела, — напрямик спросила она.

Шагги потерял дар речи, и Кейр сильно лягнул его по мягкой части щиколотки.

— Понимаешь… просто… я просто слышал о тебе много хорошего.

Девчонка недоверчиво наморщила нос.

— Чего именно?

— Говорили, что ты очень привлекательная.

— Ты почему так странно говоришь? — спросила она без улыбки, по-прежнему морща нос. — Ты в какую школу ходишь?

Девчонка вышла еще дальше на дневной свет лестничной площадки, и Шагги увидел, что лицо у нее на самом деле не было грязным, просто его покрывали тысячи замечательных веснушек. Ее глаза-изюминки продолжали стрелять, подозрительно разглядывать его.

— Я хожу в школу там дальше, по дороге, — сказал он.

— В эту протестантскую помойку?

— Да.

Девчонка вздохнула и перестала морщить нос.

— Фигово. Я хожу в Сент-Мунго[152]. Католическая школа.

— Это нормально. У меня мать католичка. Так что я половинкой туда, половинкой сюда.

На ее губах появилась улыбка.

— Тут это не имеет значения. Мои братья все равно с меня бы шкуру живьем содрали, если бы узнали, что я гуляю с грязным оранжистским псом.

Шагги попытался скрыть облегчение. Оно накрыло его, и ему хотелось сделать долгий тихий выдох. Он мог бы сказать ей, что по большому счету он католик, приобщился святых таинств, но он вместо этого сказал:

— Ну, раз так, значит, так тому и быть, да? Я был рад с тобой познакомиться.

Он развернулся, по-джентльменски махнув на прощанье рукой. Ему хотелось убежать.

— Да ладно, чего уж тут изображать из себя такого обидчивого, — громко выдохнула Линн. — Дайте я тогда хоть мой гребаный джемпер надену.

Когда они вышли на серые улицы, начал мо-

---

[152] Примечания: 152

Академия Святого Мунго — римско-католическая средняя общеобразовательная школа, названная в честь святого покровителя Глазго. До 1988 года в школе учились только мальчики. — *Прим. ред.*

росить дождь. Они шли, четко разбившись на пары. Вверх-вниз, вверх-вниз среди одинаковых многоэтажек. Поначалу Шагги чувствовал, что девчонка косит на него глаза, потом она стала открыто глазеть на него с тем же недоумением, с каким он смотрел на голодающих африканских младенцев по телику. Она широко раскрыла рот, ее глаза и хотели бы посмотреть в другую сторону, но не могли, потому что их поражало увиденное. Все это время она рассеянно играла кончиком своего каштанового хвостика.

— У тебя какой-то забавный вид, — объявила она наконец, завершив его оценку.

— Что ты имеешь в виду? — Он страдальчески спрашивал себя, сколько еще времени пройдет, прежде чем он вернется домой.

— У тебя папашки ведь нет, да?

Шагги повернул голову в своей пароходной трубе.

— Ты почему так говоришь?

— Вижу, — фыркнула она, как скучающий ясновидец. — Я хорошо угадываю такие вещи.

— Мой отец умер, — сказал он, подумав, узнает ли он когда-нибудь, что его слова сбылись.

— Правда? Мой тоже! — Ее лицо просветлело. Потом она добавила, словно ей пришло в голову,

что с этого и нужно было начать: — Я что хочу сказать — очень жаль. То, что умер.

Шагги тряхнул волосами.

— Нет, я думаю, это здорово.

Линн хихикнула.

— Какие ужасы ты говоришь. Бог тебя накажет.

— Нет, не накажет. Мой отец был плохим человеком.

Они прошли еще немного, потом она снова заговорила.

— А тебе девчонки вообще нравятся?

— Не знаю. — Он сказал эти слова неожиданно для себя, словно пукнул непроизвольно, и тут же пожалел об этом. Лицо его зарделось. Он стрельнул глазами в ее сторону. Она давала ему наилучший шанс стать нормальным парнем, а он его уже уничтожил.

Но девочка просто вздохнула.

— И я тоже. То есть не знаю — нравятся ли мне мальчишки. — Она на секунду задумалась, а потом добавила чуть ли не пораженческим голосом: — Ну так ты моим бойфрендом хочешь стать или как? Ну ты понимаешь. На пока.

— О'кей, — сказал Шагги. — На пока.

Она сунула свою руку в его. Ее рука была длин-

нее его руки, но ему понравилось ощущение безопасности и тепла, исходящее от нее. Они подошли к заросшему клочковатой травой слякотному полю, на котором малышня в голубых гетрах играла в футбол. С дальней стороны Кейр и блондинка пролезли в разрыв в сеточном ограждении.

Линн упрямо остановилась и скрестила руки на костлявой груди. Его поразило, как заскрежетали ее зубы.

— Грязные извращенцы, — зло сказала она. — Им ничего другого не надо. Спрятаться там и слизывать друг у друга струпья с лица. Меня тошнит от того, как они лапают друг друга. Она, как ей тринадцать стукнуло, стала настоящей нимфоманкой.

Они видели, как уменьшаются фигуры этой парочки по мере того, как удаляются от них по пустырю. Шагги заговорил первым:

— Они будут считать нас какими-то не такими, если мы не пойдем туда.

Девочка задумалась на минуту. Покопала носком в земле.

— Ну тогда, — она надула губы, — я скажу моим братьям, пусть их убьют.

Кейр развернулся. Он стоял по пояс в траве и

махал рукой, давая команду Шагги: «Шевелись уже, мудила!» Шагги придержал проволочную сетку, и Линн, тяжело вздохнув, пролезла в дыру, согнувшись почти пополам.

С другой стороны ограждения трава тянулась к вершине по пологому склону неухоженного холма. У основания склона проходило шоссе, ведущее в Эдинбург. Машины с ревом неслись на сумасшедшей скорости менее чем в двадцати футах от них. Они прошли по травянистому возвышению рядом с твердой обочиной, наконец добрались до пешеходного мостика. Один за другим они проползли под мостом и поплелись по забетонированной насыпи, которая уходила вниз к шоссе. Здесь пахло мочой и выхлопными газами, но зато было сухо, и если сесть за одной из широких несущих колонн, то увидеть сидевших там было практически невозможно.

Они уселись там, две пары, в нервической тишине, глядя, как мимо проносятся машины тех, кто в субботнее утро решил уехать из города. Они кидали вниз с насыпи маленькие камушки и радостно вскрикивали, когда те попадали под колеса несущихся машин и опасно отлетали назад против движения.

— У тебя сигареты есть? — спросила блондинка.

Она пригладила непослушные волосы, подобрала их заколкой.

— Не, — ответил Кейр.

— Богом клянусь, я понять не могу, почему это я твоя милка, — простонала она. — Стуки сказал, что будет давать нам пачку сигарет в неделю, если я буду с ним ходить. Правду я говорю, Линн?

— Ну, — сказала с отсутствующим видом высокая девчонка.

Кейр пожал плечами — он счел ее слова блефом.

— Ну, гуляй со Стуки, если хочешь. Мне по фигу.

Под мостом, вдали от солнечного света, было холодно, и Линн стала пробирать дрожь. Шагги снял с себя куртку. Он с довольной улыбкой смотрел, как Линн надевает ее, рассмеялся, когда ее длинные руки вылезли из слишком коротких рукавов. Она обняла его. Они долго сидели молча, глядя на проносящиеся мимо машины. Когда Шагги огляделся, он увидел, что Кейр лежит на блондинке. Он открывал и закрывал рот, прижавшись к ее губам, отчего казалось, что он хочет вызвать у себя рвоту.

Шагги увидел, как длинная тонкая рука Кейра нырнула под свитер девчонки. Кейр прижался

к ее ноге, и мышцы его задницы сосредоточенно напряглись, а еще Шагги видел, как голова парня двигается вверх-вниз над ее ртом, словно Кейр жует ее. Он стонал и терся о девчонку, а она неловко извивалась под ним. Шагги наслаждался видом мышц на руках Кейра, движением его спины, ритмичными толчками его задницы. Кейр открыл глаза и увидел жадный взгляд Шагги. Губы у него были влажные, красные и потрескавшиеся. Он прищурил свои карие глаза.

— Ты чего, блядь, смотрел на мою жопу?

— Нет… — Шагги отвернулся. Машин на дороге стало меньше.

Очки блондинки запотели, съехали с переносицы. Она словно подверглась нападению и вышла едва живой.

— Линн, детка, у тебя порядок? — Ее тонкий голос эхом отдавался от сводов бетонного моста.

Линн, замерзшая и скучающая, не оглядываясь, просто пожала плечами. Они вдвоем сидели молча, слушая молодых любовников у себя за спиной. Первым заговорил Кейр, причем делал он это намеренно громким голосом.

— Смотри! — сказал он растерзанной девчонке. — Все, кроме тебя, считают, что я сексуально привлекательный.

— Ты такой буйный ублюдок, — простонала девчонка, продолжая при этом извиваться под ним.

Кейр смачно харкнул на бетон. Шагги чувствовал, как взгляд Кейра обжигает его шею. Наконец Кейр обратился к растерзанной девчонке.

— Хочешь, я тебе маленько киску подрочу? — без околичностей спросил он.

— Не. Холодно слишком.

— Пожалуйста, — взмолился он. — Я на пальцы чуток подую, чтобы согреть. Тебе даже трусишки не придется снимать.

— Не.

— Но я же сказал, что люблю тебя. И мыло я тебе купил.

— Ты спер это мыло, — сказала блондинка, но потом вздохнула и добавила: — Ну уж ладно. Только одну минутку. И чтобы пальцы сначала согрел.

Лицо Шагги пылало. Он чувствовал, какой жар исходит от всего этого. Он вытащил пожеванную расческу из кармана и медленно сунул ее кончик себе в рот. От нее пахло сигаретами и мужским гелем для волос. От нее пахло Кейром.

— Если хочешь, я тебе дам мои сиськи потрогать, — сказала рядом с ним Линн. — Но это если

хочешь.

Он отрицательно покачал головой, не глядя на нее.

— Нет, спасибо.

Он отпустил горсть камушков, и она покатилась вниз по насыпи к шоссе.

Девчонка вырвала клочок зеленого мха, пробившегося в щель между бетонными блоками.

— Ну я тут не собираюсь сидеть, пока не заморожу себя до смерти.

Шагги вытащил пожеванную расческу изо рта и вытер ее о брюки. От этого на ткани осталось темное влажное пятно.

— Хочешь, я расчешу тебе волосы?

Девчонка не ответила, и он опять почувствовал, как краска заливает его лицо. Наконец она вздохнула и медленно стянула с волос пушистую резинку. Тонкий прямой хвостик распустился и закрыл ее уши. Напряженное выражение лица смягчилось. Брови опустились, и веснушчатая кожа стала казаться не такой натянутой и прозрачной. Она словно подобрела и стала выглядеть младше. Шагги провел расческой по ее волосам. Они были больше, чем просто каштановые — поражали миллионом глянцево-красных оттенков и смеси темно-кофейных. Волосы скользили

между его пальцев, как шелк, каждая прядь была легка, словно паутинка.

Они долго сидели так, слышали нескладные стоны у себя за спиной, смотрели на автобусы, направлявшиеся в Эдинбург и возвращавшиеся оттуда. Шагги нежно водил расческой по волосам девчонки, и вскоре она закрыла глаза и положила голову ему на грудь.

— Твоя мамка выпивает? — спросила она вдруг.

— Иногда. Понемногу, — признался Шагги. — А ты с чего взяла?

— Вид у тебя больно дерганый. — Она подняла руку и нащупала его переносицу, легонько потерла. — Да ты не дергайся. Моя тоже того, — сказала она. — Я говорю — иногда. И понемногу.

Шагги сосредоточился на расческе, скользящей по волосам. Он смотрел, как разделяются пряди, словно вода в ручье.

— Я думаю, она допьется до смерти.

— Ты бы расстроился? — спросила девчонка.

Он перестал расчесывать ее волосы.

— Я бы ополоумел. А ты?

Она пожала плечами.

— Не знаю. В любом случае я думаю, все алкаши именно этого и добиваются. — Ее пробрала

дрожь. — Смерти добиваются, я говорю. Некоторые выбирают к ней долгую дорогу.

Что-то дрогнуло в нем, словно рассохся старый клей, который скреплял его суставы. Руки его вдруг отяжелели, будто напряженные мышцы, мешавшие его плечам распрямиться, внезапно расслабились. Он вдруг почувствовал, что слова полились из него. Он рассказывал ей обо всем, и ему становилось хорошо. Он и не подозревал, насколько это может облегчить душу.

— Трудно жить, когда ты не знаешь, что тебя ждет вечером.

— Да, но в том, что тебя не ждет горячий обед, ты можешь не сомневаться, верно?

— Верно, — согласился Шагги. В его желудке завязывались узлы новых тревог. — У тебя много дядек?

— Да, конечно, — сказала она. — Ты же знаешь, я католичка.

— Нет! Я имею в виду приходящих дядек.

— А, этих. Да. Они долго не задерживаются, эти падальщики. Всегда кончается тем, что они начинают ее лупить, и тогда в дело вступают мои братья, которые лупят их. — Она зевнула, словно объяснять тут было нечего. — Моя работа — обшаривать их карманы в поисках денег.

— Правда? — Его удивила ее дерзкая гордость.

— Да, я чищу их карманы. Всё, до последнего пенса. — Она небрежно пожала плечами. — Приходится. Моя мамка слишком большую часть из денег на продукты тратит на выпивку.

Шагги снимал длинные волосы с расчески, задумчиво наматывал их на палец.

— Я вот думаю, знает ли моя мать твою.

— Вряд ли.

— Я имею в виду по собраниям. По АА, — сказал он.

— Не. Старушка Мойра эту стадию давно прошла. — Она отрицательно покачала головой. — Она никогда не пыталась отправить тебя в Алатин?

— Нет. А что это?

— Это типа АА, только для членов семьи. Мойра сказала, что это группа поддержки. Она сказала, что это поможет мне справиться с ее болезнью[153].

— И ты согласилась?

Девчонка села, взяла в руку свои волосы.

— Один раз. Но после этого — хуюшки! С какой стати я должна быть там, если сама она на собра-

---

[153] Примечания: 153

Алатин [от англ. al(coholic) a(nonymous) teen(ager)] — общество помощи семьям алкоголиков, главным образом тинейджерам.

ния давно не ходит? А? — Она натянула рукава на свои посиневшие руки. — Ты бы посмотрел на некоторых из этих выпендрежных ублюдков. Все они стонут, что их мамочка напилась на Рождество и вырубилась еще до того, как подарки начали открывать. — На ее губах появилась жестокая улыбка. — И тогда я рассказала им историю о том, как моя мамка распаковала все подарки и выпила лосьон после бритья для моих братьев, разбавив его бутылкой шипучки. Видел бы ты их лица. — На лице Линн появилась озорная улыбка, и она с напускным эдинбургским акцентом проговорила: — Мне, пожалуйста, «Обсешн»[154] и диетическую колу.

– *Диетическую*?

— Ну да. Она парится из-за своего веса.

Шагги рассмеялся, но тут же одернул себя.

— Она и вправду выпила этот одеколон?

— О да. Ну она его пробовала. А потом весь пузырек выхлебала. Чуть не померла. Она потом несколько дней блевала. — Линн потерла свои мерзнущие ноги. — Но зато ее блевотина хорошо пахла.

Лицо Линн снова помрачнело, кончик носа

---

[154] Примечания: 154

«*Обсешн*» — одеколон от «Кельвин Кляйн».

посинел от холода.

— К следующему Рождеству она поумнела. У старушки Мойры Келли начался зуд, и она в канун Рождества взяла несколько подарков, отправилась в самый конец Дьюк-стрит[155]. Она стояла по колено в снегу у самой дороги и продавала их, чтобы на выручку купить выпивку. Она продала за пять фунтов кассетный магнитофон и за двадцатку портативный цветной телик.

— Сочувствую.

— Хуже всего то, что я все еще выплачиваю за них деньги.

Эти слова сорвались с его губ, прежде чем он понял, что произнес их:

— Моя мать прошлым вечером пыталась себя убить.

Линн повернулась к нему.

— Она таблеток наглоталась?

— Нет.

— Порезала себе вены?

— Нет. — Он помолчал. — В этот раз другое.

— Засунула голову в духовку?

— Нет, это она делала раньше. Но я думаю, у нас электрическая плита.

---

[155] Примечания: 155

Дьюк-стрит — одна из старейших улиц Глазго, считается самой длинной в Великобритании. — *Прим. ред.*

— Ну, это их не остановит. — Линн взяла прядь своих волос в руки, осмотрела их секущиеся кончики. — Моя мамка попыталась как-то раз, когда я уехала с классом на экскурсию. Я развлекалась в Эдинбургском зоопарке, глазела на пингвинов, а когда вернулась домой, вокруг нее стояли все мои братья и ржали. У нее вид был такой, будто она перележала в солярии. Она пыталась отравиться газом, а вместо этого испекла себе физиономию. На части волос полосы от решетки для гриля остались. — Она яростно дернула за выбившийся волосок. — Дурдом. Она себе половину волос угробила, а другую типа слегка завила.

Шагги не смог сдержать смех. Девчонка хихикнула себе под нос, а потом, чуть ли не сразу же, печально вздохнула.

— Ну а твоя-то что сделала?

— Она попыталась выброситься из окна. — Он опустил глаза. — Голая.

— Ёмаё. — Девчонка присвистнула. — Старушка Мойра никогда такого не пробовала. Ёбано счастье — мы живем на первом этаже.

Шагги потер предплечье; под джемпером он ощущал свежие царапины, оставшиеся после схватки с ней. Агнес достаточно уверенно залезла на подоконник. Он столкнулся с новой тактикой,

и она повергла его в ужас. Она названивала по телефону, а потом вдруг замолчала. Когда он нашел ее, она была на кухне, одну ногу уже свесила на улицу, другая еще оставалась здесь, ее голая промежность касалась каменного подоконника. Она была обнажена, кричала, и ему пришлось затаскивать ее назад. Под его ногтями еще оставались кусочки ее кожи. Чувство промозглой усталости накатило на него теперь.

— Я думаю, пьянство убьет ее, и я чувствую, это моя вина.

— Да. Вероятно, это ее убьет, — сказала девчонка таким тоном, будто они разговаривали о погоде. — Но я уже говорила — это долгий путь, и ты не в силах ей помочь.

Отчаянные хлюпающие звуки у них за спинами прекратились. Линн подалась вперед, ее волосы так сияли, что казались влажными, ее лицо теперь стало спокойнее и добрее. Холодный воздух с шоссе обдувал их. Шагги пустил клубок ее волос вниз по насыпи и вдруг остро почувствовал свое одиночество, ему захотелось снова, как в детстве, забраться к Агнес на колени.

Линн повернулась и посмотрела на него через плечо. В ярком свете фар он видел, как на самом деле красивы ее глаза, они не только карие, но и

золотисто-зеленые и печально-серые. Он теперь знал, что не сможет сдержать своего обещания. Он лгал Агнес, как она лгала ему, обещая бросить пить. Она никогда не сможет отказаться от алкоголя, а он, сидя на холоде с хорошенькой девчонкой, знал, что никогда не будет чувствовать себя обыкновенным мальчиком.

Тридцать

— Я хочу есть, — это были первые слова, которые он ей сказал, вернувшись домой из школы.

Никого никогда не интересовало, что она чувствует или голодна ли она. Все только говорили ей, что им надо и что им требуется от нее. Она сидела в кресле, курила очередную сигарету, прислушиваясь к тому, как открываются и закрываются двери шкафов на кухоньке.

— Мама, у нас еды нет! — прокричал он с кухни. Его голос ломался, и хотя басовитости не обрел, в нем слышался тембр, полагающийся взрослому мужчине. Он даже не заморочился тем, чтобы заглянуть к ней, убедиться, дома ли она. Он знал, что она дома. Агнес глотнула из кружки и спросила, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Почему это все воспринимают меня как нечто само собой разумеющееся?

Она слышала, как он волочит свой рюкзак по ковру.

— Мам, я есть хочу. Маа-аа-ма, я хочу есть, — проскулил он. У него это теперь превратилось чуть ли не в песню. Дверь гостиной была распахнута, и он притащился в комнату. Он менялся,

становился выше, вытягивался. Его постоянно мучил голод.

Агнес посмотрела на него. Его волосы были расчесаны по-новому, одежда свисала с его худых плеч. Она решила, что ей эти перемены не нравятся.

— И ты даже не собираешься у меня спросить, как прошел мой день? — проговорила она, растягивая слова.

Шагги проигнорировал ее и принялся наводить в комнате порядок с деловитостью горничной в отеле. Он задернул занавески на окнах, зажег свет в комнате. Включил электрокамин — в тепле она скорее засыпала.

— Выключи, — гавкнула она. Он посмотрел на нее, потом — сквозь нее и оставил камин включенным.

– *У-меня-все-хорошо-спасибо-а-как-у-тебя*? — проговорила она с ехидной усмешкой.

— Я тебе сказал, что хочу есть, а в доме нет ни крошки. — Он повернулся к ней лицом, и хотя вытянулся перед ней во весь рост, выглядел он усталым. — Что ты собираешься с этим делать?

Он в этот момент стал похож на свою бабушку. Агнес видела перед собой Лиззи: вот она стоит, уперев руку в бок, разочарованно покачивает

головой, сетуя, что только могила исправит ее дочь. Это застало ее врасплох, но немного спустя вызвало новый приступ раздражения.

— Не смей на меня так смотреть.

Шагги уже наслушался. Он сел напротив нее, потер виски, словно у него заболела голова.

— Я сказал: я хочу есть. — Он намеренно провоцировал ее. — Чем ты собираешься меня накормить?

— Аааа! Вы все одинаковые, да? Дай! Дай! Дай! Так вот, я тебе скажу: мне больше нечего давать.

— Пей! Пей! Пей! — ответил он, подражая ей. — Так вот, я ТЕБЕ скажу: я все время хожу голодный.

— Ты наглый кусок говна. — Ее зубные протезы заскрежетали, лицо застыло. Только ее почти отрешенный взгляд блуждал, покачиваясь на волнах сегодняшней выпивки.

Шагги поднялся и встал перед камином.

— Тебе, вероятно, легко торчать здесь весь день, а я должен выходить на улицу и быть среди *этих* людей. — Он испустил протяжный вздох, как проколотая велосипедная камера. Его плечи разом обмякли. — Большинство из них почти не говорят по-английски. Я даже понять не могу, чему учат учителя.

— Это мне-то легко? — Ее реакция запаздывала — она только теперь осознала сказанное им в начале тирады. — Тебя в твоей ебаной школе кормят горячим ланчем, разве нет? Три горячих блюда. Наверняка. Это куда как больше, чем имею я, сидя здесь в одиночестве.

Шагги просунул язык между зубами и больно прикусил. Заговорил он, только когда ему удалось смирить дыхание.

— Слушай. Дай мне немного денег из пособия. Я выйду и куплю нам что-нибудь поесть.

— Тебе бы этого хотелось, правда? Так вот, никаких денег нету.

— Как это? — Жизнь вернулась в его плечи. — Постой, понедельничная книга, вторничная книга. Куда девались деньги за всю неделю?

— Пфф, — сказала она, взмахнув рукой — этот жест напомнил движение птичьего крыла, единственный цвет у которого был только на кончиках перьев. — Ушли. *Исчезли*. Как и все те сучьи ублюдки, которых я когда-то знала.

Шагги наклонился над ней, заглянул в укромный уголок кресла, служивший ей тайником. Ничего, кроме шести банок дешевого лагера, он там не увидел. Слишком мало, чтобы растратить все пособие.

— И куда они ушли?

— На бинго. Это был какой-то снежный ком, — сказала она. — Это, и еще я купила маленький бургер. Извини.

— Агнес, — сказал он. — Мы будем голодать.

Агнес откашлялась. Потом пожала плечами.

— Да. Вероятно.

Шагги сел на середину канапе, посмотрел на раскаленные стержни камина. Агнес взяла еще банку, накрашенным ногтем подцепила ушко — раздалось восхитительное шипение. Бойцовский дух начал покидать ее.

— Слушай, тебе бы лучше съедать все ланчи. Думаю, хотя бы раз в день поешь горячего.

Он заговорил тихим голосом:

— У меня отобрали талоны, я не получал бесплатных ланчей. — Он посмотрел ей в лицо, она запрокинула голову в оскорбленном смятении. — Ребята из старших классов. Им не нравится, как я говорю. Они сказали, я слишком большой выпендрежник. Забрали талоны. Они съели мои ланчи.

Что-то прояснилось в ее глазах. Камин гудел свою песню, крученые стержни излучали оранжевое тепло, но она теперь чувствовала только холод.

— Будем голодать, — тихо сказала она.

— Я знаю.

Они долго сидели в излучаемом тепле электрокамина, наконец Шагги снова встал. Камин нагонял на него сонливость, а от запаха лагера его тошнило. Ему нужно было выйти на воздух. Он подумал, что можно было бы пойти к главной дороге и попробовать то, чему его учил Кейр — украсть на ужин немного чипсов в газетном киоске. Четыре или пять пакетов, думал он, и тогда никто из них уже не будет голоден.

Агнес смотрела на него, когда он вставал и безмолвно зашаркал к двери, на ходу приминая ковер. Он вытянулся и теперь почти догнал брата. До пятнадцати ему оставалось всего ничего, и болезнь роста сделала его раздражительным. Ей он казался бледной сахарной тянучкой, до того длинной, что она в любую минуту была готова переломиться пополам. Она видела, что у ее сыновей, Александра и Хью, одинаковая старческая сутулость, одинаковые плечи, словно обремененные тяжким грузом. Глядя на него, она испытывала тоску по старшему своему мальчику, и теперь попыталась скрыть это чувство.

— Значит, и ты от меня уходишь?

— Что?

— Взял все, что мог, теперь можно и уходить.

— Что? — Он не мог понять, о чем она говорит.

— Ты раньше никогда не был голоден. Ни разу за все эти годы.

— Я знаю, — солгал он. Продолжать и дальше пикироваться с ней не имело никакого смысла.

Агнес не без труда поднялась с кресла. Она оттолкнула сына, который без толку метался то туда, то сюда.

— Да, черт побери, дай я тебе помогу.

Она протиснулась через дверь в коридор, задев плечом дверной косяк, — раздался треск.

Он слышал, как ее ногти щелкают по кнопкам телефона. Он услышал, как она ворчит себе под нос, а потом: «Добрый день! Да. Такси, пожалуйста. Бейн. Да, верно. Близ Парейд».

Она с победоносным видом вернулась в комнату.

— Я никогда не думала, что ты уйдешь от меня.

— Перестань, — взмолился он и протянул к ней руки. Ничто в нем не хотело причинить ей боль. — *Я никуда не ухожу*.

Она опустилась в свое пьяное кресло.

— Уходишь-уходишь. Они все уходят. Все до единого.

— Да куда мне идти-то? Некуда мне идти.

Агнес стала уходить в себя. Начала говорить сама с собой.

— Я воспитала кучу неблагодарных свиней. Я видела, как ты смотришь на эту дверь, следишь за этими часами. Ну и катись к черту.

С улицы раздался троекратный гудок такси. Дребезжание дизельного движка эхом разносилось по каньону многоэтажек.

— Валяй! — злобно проговорила она. — Уходи! К братцу своему ебаному уходи. Проверь-ка, будет ли он тебя кормить. Проверь-ка, наплевать мне или нет.

— Нет, я не хочу уходить. Я должен оставаться здесь с тобой. Ты и я, мы вдвоем. Так мы друг другу обещали. — Его губа начала дрожать. Он подошел к ней и попытался обнять, попытался сплести пальцы на ее затылке.

Таксист нетерпеливо прогудел еще раз. Она взяла его за руки и впилась ногтями в мягкую плоть на запястьях.

— Вы и ваши ебаные обещания. Я не встречала еще человека, который хоть одно бы сдержал. Вы будете все сидеть и набивать брюхо, пока больше уж не влезет, а потом можете смеяться, *Агнес Бейн*. Ха. ХА вам в жопу!

— Нет! — он попытался схватить ее за волосы,

за джемпер, за шею. За что угодно.

— Слушай! — проговорила она, освобождаясь из его рук. На мгновение туман в ее взгляде рассеялся, и она словно вернулась в комнату. — Сначала ты просишь меня вызвать тебе такси, а потом стоишь здесь и выставляешь меня лгуньей. Забирай свои шмотки. Ты здесь больше не нужен!

Зазвонил телефон. Она оттолкнула сына, и с воротника ее джемпера просыпался целый бисерный дождь. Телефон продолжал звонить. Колокольчики названивали у него в голове. Шагги в полубессознательном состоянии снял трубку, грубый мужской голос проговорил:

— Такси для Бейн, приятель?

— Угу. — Он отер лицо рукавом.

— Водитель ждет вас внизу. Ему что — весь день там торчать?

Шагги положил трубку на рычаг и замер в коридоре в ожидании, когда она скажет хоть что-нибудь, что угодно. Агнес в этот момент могла произнести любые слова, и он бы принял их, простил бы ее. Он бы сел рядом с ней, обнял ее ноги. Он был согласен голодать, если бы они голодали вместе.

Нет. Агнес не желала смотреть на него. Она не произнесла ни слова. И тогда Шагги взял свой

рюкзак и вышел из квартиры, спустился по круговой лестнице и покинул выложенный плиткой подъезд. Водитель сложил газету, когда мальчик сел в черное такси.

Агнес подошла к эркерному окну и посмотрела вниз на узкую улицу. Он увидела, как ее мальчик вышел на улицу и поднял голову к небесам — искал ее там. Агнес самодовольно кивнула: она оказалась права, она всегда знала, что он ее бросит, как и все они. Она смотрела, как он садится в такси, — она знала, что потеряла его.

Водитель спросил Шагги, куда ехать. Мальчик только сел на заднее сиденье, и ему пришлось надолго задуматься — он не знал, куда ему ехать теперь, цеплялся за любой огонек надежды. Он нервно поглядел на дверь подъезда, потом отер рукавом школьного джемпера глаза, надеясь, что, когда уберет руку, она будет стоять там.

Водитель наблюдал за ним в зеркало заднего вида, потом повернулся с озабоченным видом.

— У тебя все в порядке, парень? — спросил он голосом, в котором почти не осталось терпения.

Никто не вышел из подъезда.

— Саут-Сайд, пожалуйста.

Такси повезло его через загруженный центр Глазго по изломанной кривой от Ист-Энда до

Саут-Сайда. Они проехали мимо вокзала викторианских времен, он увидел заблудших парней его возраста: они стояли в дутых куртках и узких джинсах, бродили по галереям игровых автоматов и аттракционов, разместившихся поблизости. Потом такси проехало по одной из улиц, застроенных офисными зданиями, люди выходили из дверей, вставали в очередь на автобусных остановках. В магазинах «все за фунт» зажегся свет, он видел женщин с хозяйственными сумками, наполненными рождественскими подарками. Несколько раз он открывал было рот, собираясь попросить водителя развернуться, но так и не сделал этого. Они пересекли широкий серый Клайд с его стоящими без дела синими кранами на верфях.

— Куда тебя, приятель? — спросил водитель.

Шагги не знал точного адреса. Он знал, что это на Килмарнок-роуд, и не сомневался, что над сберегательным банком, это он и сообщил таксисту. Водитель вздохнул и опустил голову. Он медленно ехал по забитой главной дороге в поисках банка с синим логотипом на углу.

Викторианские здания здесь сохраняли прежнее величие. Они были построены из дорогого красного песчаника, а не пористого светлого, как

в Ист-Энде, который впитывал всю грязь и влагу города и десятилетиями держал в себе. Эта дорога была полна переменчивой энергией студентов, иммигрантов, молодых специалистов. Такси проезжало мимо винных баров и гастрономов. Попадались маленькие книжные магазины, пабы со столиками на улицах, магазины, продававшие модную одежду с юга. Шагги засмотрелся на молодую женщину с цветами в велосипедной корзинке и чуть не пропустил банк. Он стоял здесь, слева, старое на вид, продуваемое ветрами здание с большим голубым щитом — точно такое, каким он его запомнил.

Такси аккуратно развернулось и остановилось.

— Двенадцать фунтов, — сказал человек, щелкая клавишей таксометра.

Шагги почувствовал нарастающую панику.

— Подождите меня минутку, пожалуйста, — сказал он и потянулся к дверной ручке.

— Неа, приятель. — Старый водитель дистанционно запер дверь. — Двенадцать фунтов, пожалуйста.

Шагги попытался открыть дверь — она не поддавалась.

— Пожалуйста. Мой брат заплатит, а он живет в этом здании.

— Сынок, ты, вероятно, думаешь, что я вчера родился. Если я открою эту дверь, ты выскочишь на улицу как грязный ирлашка с горячей картошкой.

Шагги откинулся на спинку сидения.

— Мистер, у меня нет денег.

Водитель даже не моргнул, услышав то, о чем сам догадывался.

— Тогда мы поедем в полицию. — Он снял машину с ручника, и Шагги почувствовал, как такси вздрогнуло и покатилось. Его передние колеса встроились в вечерний поток.

— Мистер! — в панике проговорил Шагги. — Ммм. Я дам вам потрогать мою пипку.

Водитель некоторое время смотрел на него в зеркало своими маленькими и глубоко посаженными глазами. Понять что-либо по ним было невозможно. Его губы едва двигались под усами.

— Сынок, тебе сколько лет?

— Четырнадцать.

Водитель не сводил глаз с лица мальчика. Его голова, казалось, запрокинулась на толстой шее, усы невесело шевелились. Шагги попытался улыбнуться, но губы у него пересохли и никак не отлипали от зубов.

— Я взаправду. Да. Вы можете потрогать мою

пипку или поиграть с моей попой, — серьезно сказал он. — Если хотите.

Без всякого предупреждения красный огонек над дверным замком погас. Глаза водителя смотрели на него с состраданием, но Шагги был слишком испуган, чтобы позволить этому ущемить его гордость.

— Сынок, я беру только наличными.

Шагги дернул ручку двери и чуть ли не вывалился на улицу. Усталые женщины с набитыми продуктами хозяйственными сумками торопливой походкой шли в обе стороны по широкому тротуару. Шагги, неповоротливый от напряжения нервов, протиснулся через ряды деловитых покупательниц и остановился у входа в заветный подъезд. Он нашел имя Бейн на большой домофонной панели, нажал кнопку, но никто ему не ответил. Ноги начали дергаться в панике, готовясь дать деру. Он нажал кнопку еще раз, оглядел улицу в поисках особо густой толпы или открытого двора, чтобы спрятаться там. Он услышал у себя за спиной вздох таксиста.

— Ну-ка, сынок, давай назад в машину.

И в этот момент в домофоне раздался трескучий голос:

— Кто там?

Лик спустился по лестнице еще в рабочей одежде. Густой слой гипсовой пыли делал его похожим на призрак пекаря. Он подошел к такси, заплатил водителю двенадцать фунтов. Шагги смотрел, как Лик отсчитывает последние монетки в десять и пять пенсов. Закончив, он повернул белое лицо к младшему брату. Его плечи упали.

— Бог ты мой, — проговорил Лик. — С тобой она покончила еще раньше.

Лик провел брата вверх по лестнице до двери квартиры, через которую они вошли в темный коридор без окон. В коридор выходили пять или шесть дверей, за каждой — сдающаяся в аренду комната. Лик открыл ключом хлипкий замок, распахнул свою дверь.

Шагги был здесь только один раз — тогда Лик неожиданно вернулся в его жизнь. Агнес пьянствовала, а сталевар, живший по соседству, с радостью доливал пиво ей в кружку. Ко времени ланча Шагги по их поведению понял, что мешает им, к тому же душевные силы его кончились, и он уже был готов отказаться от роли ее сторожа.

Поэтому он под проливным дождем отправился по Парейд на поиски Кейра, шел, заглядывая в газетные киоски и пабы. Вдруг он шеей почувствовал какой-то холодок, повернулся и увидел

брата, который наблюдал за ним из подъезда жилого дома — просто стоял там и наблюдал. Шагги не знал, сколько времени провел там Лик. Он не видел брата почти полтора года. Шагги поднял руку в робком приветствии и осторожно пересек дорогу. Он был испуган, потому что знал: Лик не любит, когда его тайные замыслы раскрываются, и боялся, что брат может убежать на своих длинных ногах. Но Лик никуда не убежал. Он только кивнул, а потом похлопал Шагги по плечу.

В ту дождливую субботу Лик протащил его через весь город, и Шагги несколько часов провел в тишине и покое. Лик до отвала накормил его подслащенной овсянкой, потом они сидели на диване и вместе смотрели «Доктор Кто». Шагги притворился, что засыпает, и медленно соскользнул на узкий бок Лика, тот не стал его отталкивать, а Шагги так и не смог сказать брату простой фразы: «Мне не хватает тебя».

Лик больше ничего не сказал. Он не сказал, как часто приезжал наблюдать за Шагги. Шагги так и не узнал, был ли тот раз первым или сотым. Шагги просто радовался, что побывал у брата.

И теперь он вошел в комнату, в которой уже побывал один раз. Сама комната поражала своими размерами и претенциозностью: бывшую щего-

леватую гостиную теперь набили купленной в кредит мебелью. Эта комната высотой потолков побивала расстояние от стены до стены, на улицу выходили большие эркерные окна, через которые проникал вечерний свет и шум двигающихся по улице машин. Шагги огляделся — комната по сравнению с прошлым разом как-то изменилась, только он не мог сказать как.

Лик снова сел перед орущим теликом и принялся наворачивать горячую лапшу, потом поймал его взгляд и сказал:

— Вода в чайнике только что закипела.

Шагги сорвал фольгу с упаковки лапши быстрого приготовления, налил в нее горячую воду из чайника. Он знал, что нужно дать лапше настояться хотя бы пять минут, но упаковка жгла ему руку, а запах дешевого продукта разбередил голод в его желудке. При виде еды у него, вероятно, потекли слюни, и когда он поднял глаза, Лик протягивал ему свою единственную вилку. Он сдвинул одежду с конца узкой кровати.

— Садись, а то у меня от тебя мурашки по коже.

Шагги сел, как ему было сказано, и они оба молча уставились в экран телевизора. Мальчик старался не есть слишком быстро, старался не

выставлять себя поросенком, быть хорошим гостем, как она всегда учила его.

— Спасибо тебе огромное за обед, — сказал он, словно брат приготовил ему деликатесное воскресное жаркое.

Спустя какое-то время Лик спросил:

— И как же случилось, что она в конце концов выставила и золотого мальчика?

— Не знаю, — сказал Шагги.

— Сколько у нее длится запой на сей раз?

Шагги покачал головой.

— Я уже сбился со счету. Накануне Хэллоуина она перестала пить, но я не знаю почему. Это так и не выяснилось.

Лик испустил разочарованный вздох, словно говоря: больше ему и знать ничего не требуется.

— Я думал, ты к этому времени уже понял, что к чему. Она никогда не бросит пить.

Шагги уставился в мутный бульон.

— Может, еще и бросит. Мне нужно только приложить больше сил, чтобы помочь ей. Быть с ней добрым. Содержать себя в чистоте. Я могу сделать ее лучше. — Он помолчал, потом добавил: — Да и ты мог бы немного помочь.

Лик потер грудь в том месте, где у него застрял воздушный пузырь.

— Вот как! Понятно. Тебя она выставила за дверь, потому что ты доставучий нытик.

Шагги проигнорировал издевку. Он оглядел все то, что приобрел Лик, чтобы обустроить свой маленький дом: одна чашка, одна тарелка, один комплект полотенец. Здесь были совершенно разные вещи, собранные в одну кучу: керосиновая лампа на прикроватном столике, кухонный стул, используемый как сушилка для белья. Комната выглядела коллекцией разношерстного барахла, словно гостевая спальня в старом доме, куда обитатели складывают ставшие ненужными вещи. Но, кроме обшарпанной мебели, загромождавшей комнату, здесь были и дорогие электронные игрушки: телескоп, японская фотокамера на треноге, моделька «Ламборджини» с дистанционным управлением. Комната казалась берлогой подростка, лежбищем человека, который тратит деньги не на те вещи. И тут Шагги понял, что изменилось в комнате с прошлого его визита: упорядоченность. В комнате стало прибрано, потому что Лик уложил свою прежнюю жизнь в коричневые упаковочные коробки. Они зловеще стояли в дальнем углу. Он собирался переезжать.

Лик смотрел телевизор, а Шагги чувствовал себя еще более одиноким, чем когда-либо. Он еще

раз принялся оглядывать эту арендованную комнату и теперь понял, *что* она собой представляет. Она больше не казалась неряшливой. Она обрела великолепие. Перестала быть убежищем, где его брат прятался от матери, или тайным логовищем. Она превратилась в последнюю спасательную шлюпку. Лик уезжал.

Он разглядывал лицо Лика сбоку, его горбинку, его узловатые плечи, сжатые губы, правда, теперь его глаза казались зелеными, а не серыми, волосы были уверенно убраны с лица. Шагги разглядывал брата, пока тот смотрел телевизор, и завидовал тому новому покою, который виделся в рассеянном взгляде Лика.

— И что, по-твоему, с ней будет?

— Она протрезвеет. Умолит тебя вернуться. А потом все повторится сначала, — без обиняков сказал Лик. — Но только теперь у нее появится вкус к изгнанию тебя из дома.

— Я имею в виду, в далекой перспективе.

— Ну пьянство приведет ее на улицу, — не раздумывая, сказал Лик, словно о чем-то само собой разумеющемся.

— На улицу? Никогда. Она ведь из дома не выйдет, не закрасив царапин на своих туфлях.

— Шагги, она для этого становится слишком

старой. Теперь вопрос только времени, когда пьянство окончательно ее добьет. — Он поковырял в носу. — Что она будет делать без тебя? Что она станет делать, когда мужчины перестанут ее хотеть?

— Тогда я от нее не уйду, — уверенным тоном сказал Шагги.

Лик ухмыльнулся.

— Значит, ты хочешь стать одним из тех придурков, которые, дожив до седых волос, продолжают оставаться под боком у мамочки? Позволяют мамочке покупать им одежку и ходят туда-сюда на почту за пособием с тележкой для старперов? — Он свернул в шарик то, что вытащил из носа, щелчком послал в угол. — К тому же, если бы она и в самом деле собиралась бросить пить, то уже бросила бы. — Лик поскреб подбородок, но его глаза вернулись к телевизору. — Пьянство приведет к тому, что она пойдет на улицу. А ты облагоразумишься рано или поздно.

Шагги теперь не сомневался, что они все прошедшее время играли в «горячую картошку», и никто не дал себе труда познакомить его с правилами. Он не знал, что задаст этот вопрос, но как только задал, сразу же понял, что уже очень давно хотел спросить об этом:

— Почему ты так и не вернулся за мной?

Лик оторвал взгляд от телевизора, посмотрел в глаза Шагги. Обхватил пальцами шею брата сзади.

— Это несправедливо, Шагги. Как я, по-твоему, мог тебя растить? Что у меня есть? К тому же ты продолжаешь обманывать себя. Ты посмотри, во что ты превратился. Никто не может тебе помочь, кроме тебя самого. Я говорю, ты сам прикинь. Подумай, сколько времени у меня ушло на это, и Кэт ни разу не пришла за мной.

Из коридора, покрытого ковром, раздался громкий звук звонка.

— Шагги. Ты. *Неужели ты?* — Он смотрел на брата, широко раскрыв от страха глаза. Пронзительный звонок зазвучал снова, теперь еще настойчивее и злее. Лик выскочил в коридор, и Шагги услышал, как он отвечает в трубку, стараясь перекричать шум дороги.

– *Я не хотел.* — Шагги говорил сам с собой, он извинялся, но сам не знал перед кем. — Я только сказал ей, что это на Килмарнок-роуд. — Он только усугублял ситуацию. — Ой, может быть, я ей сказал, что это над банком.

— Ты мелкий доносчик. — Лик поднял банку из-под джема, наполненную монетами, и вывалил ее

содержимое на кровать. Грязный металлический запах наполнил комнату. Быстрыми пальцами он перебрал монетки, отсчитал около десяти фунтов, потом сунул монетки в карман пыльного комбинезона и поспешил за дверь и вниз в широкий подъезд. Шагги слышал удаляющийся звон в кармане брата.

Лик вернулся взволнованный и злой, раскрасневшийся от бега по лестнице. Шагги почувствовал, как теплая лапша в его желудке превращается в червей. Лик стоял в дверях с полиэтиленовым пакетом в руке. Пакет был полон банок с порошковым заварным кремом. Лик отбросил влажную челку с лица. Теперь его лоб был чистым, пыль сошла с него.

— Этот заварной крем, — сказал он, переводя дыхание, — истратил остатки мой зарплаты на экскурсию по Глазго.

В животе у Шагги созрел пузырь нервного смеха. Он попытался прикрыть рукавом рот, но звук все равно вырвался из него.

— Ни хуя смешного, — зло сказал Лик, но он и сам улыбался, а потом стал хохотать. — Плохие новости всегда идут за тобой по пятам, Шагги. Всегда. — В соседней комнате к вечерним новостям включили погромче телевизор. Лик поднял

два пальца[156] в сторону смежной стены и закрыл тонкую дверь в свою комнату. — Так вот, матушка наша, как выясняется, позвонила в такси и сказала им, чтобы заехали к ней. Выйдя из дома, она положила на заднее сиденье пакет с банками и сказала водителю, чтобы привез его сюда. Он ей сказал: «Ни за что», но она ответила, что ее мальчик оплатит поездку в конце. Сказала даже, что я дам водителю два фунта на чай! — Лик прекратил хохотать. Он оперся о свои коробки, подготовленные к переезду. — Я даже не знаю, хватит ли мне на автобус, чтобы доехать завтра до работы.

— А зачем она прислала заварной крем? — спросил Шагги. Он спрашивал себя, на какие ужасы она пошла, чтобы заполучить деньги на еду.

Лик стал снимать свои рабочие ботинки, когда домофон загудел снова. Они недоуменно переглянулись. Лик подошел к интеркому в холле. Вернулся он какой-то подавленный и обеспокоенный. Он достал из кармана перочинный нож, опустился на колени и вскрыл замок мо-

---

[156] Примечания: 156

Если два пальца, поднятые вверх и повернутые наружу внутренней стороной (V), считаются знаком победы, то те же пальцы, повернутые наружу тыльной стороной (именно так и выставляет пальцы Лик), считаются в Великобритании оскорбительным жестом, сопоставимым с выставленным вверх средним пальцем. — *Прим. ред.*

нетоприемника на газовом счетчике — оттуда высыпалась горсть блестящих серебристых монет. Не говоря ни слова, он собрал их все и ушел.

Теперь Лик отсутствовал целую вечность. Шагги стоял как вкопанный. Он шептал себе под нос снова и снова бесконечную молитву: «Я не должен был тебя оставлять, прости, я не должен был тебя оставлять, прости».

Дверь открылась, и Лик из темноты вошел в комнату. Под белизной гипсового порошка угадывалось побелевшее, как полотно, лицо. Лик бережно держал что-то в руках, а когда он заговорил, то голос его звучал тихо и стыдливо, как раньше. Он явно уже не улыбался.

— Шагги, — прошептал он. — Такси ждет внизу. Я дал ему горсть монет, и он сказал, что отвезет тебя назад домой. Ему так или иначе нужно было на восток. Возьми свои вещи и езжай домой.

Шагги кивнул, покорно и задумчиво. Горячая картофелина оказалась в его руке. Он никогда не освободится.

— А что в пакете?

Лик посмотрел на пакет в его руках, развязал горловину. Шагги увидел, как плечи брата поднялись выше ушей. Что бы это ни было, оно обратило злость Лика в озабоченность, чуть ли не

напугало его. Лик сунул руку внутрь и медленно вытащил оттуда коричневатый пластмассовый предмет с завитым спиральным хвостом.

— Я думаю, это плохой знак.

В руках он держал телефон из материнского дома.

Это был разрыв с миром, знак того, что она собирается покончить с собой, и на сей раз не будет никакого звонка о помощи — ни бригадиру Лика, ни Шагу, ни Шагги. Заварной крем вовсе не был «пошли в жопу» неблагодарным сыновьям. Она позаботилась о том, чтобы ее ребенок был сыт, а теперь прощалась.

Тридцать один

Стоял март, подошел ее день рождения. Шагги украл для нее два букетика увядающих нарциссов из пакистанского магазина. После вечера у Лика он стал прятать от нее талонные книжки и, прежде чем она успевала купить себе выпивку, закупал продуктов, чтобы хватало на неделю.

После Рождества он понемногу вытаскивал и копил пенсы из монетоприемника и в ее особый день смог дать ей несколько фунтов на игру в бинго. Она приняла конверт с монетами, прижала его к груди, словно королевские регалии. Она была так счастлива.

Когда на следующее утро полиция привезла ее домой, воздух в квартире стоял густой и тошнотворный от запаха пыльцы загнивающих нарциссов. Ее нашли у берега Клайда. Она потеряла туфли и свое хорошее лиловое пальто. Она даже не добралась до бинго.

Агнес от стыда не могла смотреть на Шагги, а он не хотел смотреть на нее, глубоко чувствуя собственную глупость. Прохлада проведенной на улице мартовской ночи скрежетала в ее влажных легких, и Шагги набрал воду в ванну, щедро

насыпав туда поваренной соли. Он выгладил и подготовил для нее свежую одежду. Заварил для нее чай с молоком, поставил чашку у двери ванной, а потом ушел — они так и не обменялись ни единым словом.

Одевшись в школу, он побежал через дорогу с другими детьми и удивился, когда услышал, как в кармане его куртки позвякивают две монетки по пятьдесят пенсов из монетоприемника. Это заставило его остановиться на месте. Он повертел монетки в руке. Потом сел на первый попавшийся автобус и спросил у водителя, куда можно уехать за такие деньги.

Глядя вниз с шестнадцатого этажа сайтхиллской высотки, он чувствовал себя очень маленьким. Город под ним бурлил, а он и половины его еще не видел. Шагги через ячейки в бетонной стене прачечной высунул ноги наружу и оглядывал теперь бесконечные городские просторы. Он несколько часов смотрел, как оранжевые автобусы петляют в лабиринтах серого песчаника. Он смотрел, как свинцовый нимб затеняет готические шпили больницы[157], тогда как в другом

[157] Примечания: 157

Речь о Королевской больнице, здание которой было возведено на руинах средневековой крепости. Фасад украшают две башни со шпилями. — *Прим. ред.*

месте упрямое солнце возвращает к жизни стекло и сталь университетского здания[158].

Его руки и ноги налились свинцом, болтаясь над городом, но он нащупал конверт в кармане и вытащил его, чтобы в сотый раз обдумать его содержимое. Обратного адреса на конверте не было, только почтовый штемпель, гласивший «Барроу-ин-Фернесс»[159]. Шагги не знал, где это, но ничего шотландского в этом названии он не почувствовал.

Это была рождественская открытка, прибывшая с опозданием на два месяца. Лик нашел работу где-то в другом месте. Они строили новые дома, и им требовались молодые люди, которые могли бы выбрать для себя любую профессию — плиточника, штукатура, кровельщика. Он писал, что деньги платят приличные и он не знает, когда вернется. Художественной школы там пока нет, может, будет на следующий год, написал он, или еще через год. Но зато есть милая девушка, она работает в кафетерии, и им обоим нравится

---

[158] Примечания: 158

Имеется в виду университет Глазго — четвертый по старшинству в Великобритании и крупнейший университет в Шотландии. — *Прим. ред.*

[159] Примечания: 159

Барроу-ин-Фернесс — промышленный и портовый город в Англии, в графстве Камбрия, в 97 км от границы с Шотландией. — *Прим. ред.*

гулять по какому-то месту, которое он называл «зыбун». В открытку были вложены двадцать фунтов — новенькая хрустящая купюра. Шагги долго размышлял об этих деньгах. Он позволил себе помечтать: Лик, ждущий его на далеком автобусном вокзале. А в итоге он потратил деньги на свежее мясо и удивил Агнес полной миской стовиса.

В рождественской открытке было и еще кое-что: линованная страничка из школьной тетради с карандашным рисунком маленького мальчика, который сидел, скрестив ноги, в изножье незастеленной кровати спиной к художнику, и в том вместе, где пижамная курточка не доходила до пижамных брюк, зрителю было видно основание его оголенной спины. То, что привлекало внимание мальчика, невидимо размещалось за изгибом его тела. Мальчик был увлечен, его лицо оставалось в тени, и он вроде бы играл с маленькими игрушечными лошадками, которые вполне могли быть деревянными игрушками, военной конницей или троянскими конями. Шагги знал, что они представляли собой на самом деле, что они были пахучими куколками, яркими и веселыми, а предназначались они для маленьких девочек. Они были хорошенькими пони, и Лик

знал это. Он всегда знал.

Холодный северный ветер с ревом гулял по бетонной прачечной, щипал Шагги за покрасневший нос. Когда ему стало не под силу выносить это, он сунул открытку с листом бумаги в карман куртки и отправился назад — домой.

Когда он вернулся, в квартире повсюду горел свет. Украденные нарциссы продолжали вянуть, и он почувствовал запах дрожжей и гниения в ее узилище. Шагги послушал завывания предупреждающего голоса оператора и положил телефонную трубку на рычаг. Она не сидела без дела, пока его не было — на телефонной книжке лежала красная авторучка, и на старых именах появились свежие царапины.

Агнес спала в своем кресле. Она напоминала оплавленную свечу: ноги безжизненно вытянулись, голова свесилась набок. Шагги обошел ее с другой стороны, потряс спрятанными банками пива «Теннентс», проверяя, сколько она успела выпить. Посмотрел в бутылку водки на свет, прикинул, сколько там осталось. Она выпила почти все.

Он в тишине прислушался к ее кашлю сквозь беспамятство, потом она рыгнула, и густая желчная слизь появилась на ее губах. Шагги залез в

рукав ее джемпера, осторожно, чтобы не разбудить, вытащил оттуда кусок туалетной бумаги. Тренированным пальцем он залез ей в рот и выудил оттуда мокроту вперемешку с желчью. Он аккуратно отер ее рот, осторожно вернул ее голову на прежнее место — на левое плечо.

Шагги чувствовал пустоту в животе: она находилась ниже желудка и ощущалась сильнее, чем голод. Он сел у ее ног и начал тихо разговаривать с ней.

— Мама, я тебя люблю. Прости, что не смог тебе помочь вчера.

Шагги осторожно приподнял ее ногу, сначала расстегнул ремешки на щиколотках, потом стянул с нее туфли на высоких каблуках, затем вытащил жесткий шов ее черных колготок, застрявший у нее между пальцев. Он нежно потер холодные подушечки ее пальцев, потом осторожно вернул обе ноги на пол. Все это время он тихо говорил с ней.

— Я сегодня был в Сайтхилле, — прошептал он. — Оттуда виден весь город.

Он поставил ее туфли сбоку от кресла и снова встал над ней. Он со знанием дела пошарил пальцами под ее мягкими обвисшими грудями, пока не нашел середину и через тонкий джемпер не

расстегнул застежку «бабочка» ее бюстгальтера. Он увидел, как рухнули ее отпущенные на свободу тяжелые груди.

— Тебе, наверно, нравилось жить там. Столько всего видно, — прошептал он. — У меня голова кружилась, когда я думал обо всем этом.

Согнув пальцы, он нашел бретельки ее бюстгальтера. Сместил их на плечи, полностью освободил тяжелую плоть от давления нейлона. Агнес пошевелилась, но не проснулась. Она снова закашлялась. В глубоком мокротном кашле смешалось все: шахтерский дом и плесень, теплый лагер, а теперь еще и холодная ночь у реки. Шагги потер ее грудину, подумал, холодно ли в полицейских камерах. Ее голова откинулась назад, на мягкую спинку кресла, и он быстро и инстинктивно взял ее голову пальцами за виски и осторожно наклонил вперед.

— Я, как только смогу, брошу школу. И не надо со мной спорить. Мне нужно найти работу и увезти нас обоих отсюда, — сказал он. — Я думал, может, когда-нибудь отвезу тебя в Эдинбург. Мы бы посмотрели Файф, даже Абердин[160]. Я, может

[160] Примечания: 160

Файф — историческое графство, расположенное на полуострове в восточной Шотландии. *Абердин* — главный морской и рыболовецкий порт, третий по величине город в Шотландии. — *Прим. ред.*

быть, даже заработал бы на передвижной домик. Как ты думаешь, может, тебе тогда стало бы лучше? — Шагги улыбнулся ее спящему лицу. — Что скажешь?

Он некоторое время прислушивался к ее дыханию, потом протянул руку и расстегнул молнию на ее юбке. Юбка соскользнула с нее легко, и живот благодарно поднялся, почти как заквашенное тесто из миски.

— Нет? Я думаю, нет, — прошептал он.

Шагги засунул руку в ее храпящий рот и вытащил один за другим ее зубные протезы, чмокнувшие при отрыве от десен. Он завернул их в туалетную бумагу, аккуратно положил на подлокотник. Нежными пальцами он помассировал ей голову, взъерошивая ее черные волосы. Он массировал ее кожу на голове, как она любила. Волосы у корней были неприлично белы.

Агнес снова закашлялась, сухое першение в ее горле с грохотом скатилось в живот и мгновенно стало тяжелым и густым. На ее губах снова появилась желчь. Шагги перестал перебирать пальцами ее волосы, потянулся к туалетной бумаге, но что-то остановило его. Он прислушался к ее кашлю. «Наверно, Лик все же был прав».

Внутри у нее снова забулькало, голова упала

назад, замерла на мягком подголовнике кресла. Агнес рыгнула, он увидел желчь, пузырящуюся на голых деснах и накрашенных губах. Шагги стоял, прислушиваясь к ее дыханию. Поначалу оно стало более тяжелым, хриплым, затрудненным. Ее брови чуть нахмурились, словно она услышала какую-то неприятную для нее новость. Потом ее тело сотряслось — не сильно, а так, словно они снова ехали по неровной дороге Питхеда, и ее тряхнуло на заднем сиденье такси. Он уже собрался сделать что-нибудь, прочистить ее гортань пальцами, помочь ей, но тут ее дыхание стало постепенно замедляться, оно сходило на нет, словно удалялось и оставляло ее. И тогда ее лицо изменилось: беспокойное выражение исчезло, сменилось, наконец, мирным. Ее тихо унесло прочь на высокой волне запоя.

Спасать ее было поздно.

И все же он с силой встряхнул ее. Но она не проснулась.

Он встряхнул ее еще раз, а потом долго плакал над ней, она уже давно перестала дышать, а он все плакал. Но слезы не вернули ее.

Поздно.

Шагги как мог расчесал ее волосы. Попытался прикрыть бесстыдную седину у корней, сделать

ей ту прическу, которую она любила. Он развернул зубные протезы и нежно вставил их назад в ее рот. Потом он туалетной бумагой стер следы рвоты с ее подбородка, нанес помаду на губы, постарался, как мог, закрасить уголки, не выходя за линию губ. Он отошел от нее, отер слезы с глаз. Она, казалось, спала. И тогда он наклонился к ней и поцеловал в последний раз.

1992
Саут-Сайд

Тридцать два

По большому счету пыли на фарфоровых фигурках Агнес не было, но Шагги потратил утро на их протирку. При переезде в комнату миссис Бакш откололся кусочек уха у крохотного олененка, а красивая девочка, продававшая румяные яблоки, потеряла целую руку, в которой так и остался ее красный макинтош[161]. Неделями он, глядя на них, чувствовал невыносимую боль. А теперь аккуратно стер с них пыль и вернул каждую на свое место.

Этим утром он взял длинноногого олененка, осторожно покрутил в руке. Про скол на левом ухе он знал, но теперь, присмотревшись внимательнее, увидел, что краска сходит с его ресниц, а на боку стираются белые пятнышки. Это разозлило его. Он всегда был так аккуратен с фигурками. Всегда старался изо всех сил.

Шагги сжимал фигурку, пока костяшки пальцев у него не побелели. Олененок продолжал улыбаться своей безмятежной улыбкой. Он нажал на изящную переднюю ножку, сначала

---

[161] Примечания: 161
Сорт яблок.

легонько, потом стал давить все сильнее и сильнее, пока фарфор не треснул. Фигурка, ломаясь, издала ужасный, скрежещущий, *щелкающий* звук. Он долгое время стоял, не дыша. Под глянцевым блеском фарфора была грубая известковая керамика. Он провел пальцем по острой кромке разлома. Потом бездумно принялся давить сильнее и сильнее, пока не обломал оставшиеся ножки. Шагги посмотрел на обломки, лежащие на его ладони, понял, что ему больше невыносимо видеть это, и бросил разломанную фигурку в пространство между изголовьем кровати и стеной. Потом быстро взял свою куртку и пакет с рыбными консервами, которые купил у Килфизера, и, заперев дверь своей комнаты, вышел под живительный дождь.

Шагги словно в полусне двигался в сторону главной дороги. Несмотря на дождь, пакистанцы деловито выставляли на улицу из своих магазинов ящики с коричневыми овощами. Из видеопроката болливудских фильмов доносилась громкая скрежещущая музыка, а его окна пестрели яркими плакатами с изображениями темнокожих мужчин, экстатически обнимающих волооких женщин. Он остановился на секунду, чтобы разглядеть их получше, потом, никем не

замеченный, прошел мимо.

Он сел в оранжевый городской автобус, и водитель с громким щелчком прокомпостировал ему длинный белый билет, детский — за полцены. Он поднялся на второй этаж и устроился на одном из последних сухих мест. Автобус полз вместе с медленным автомобильным потоком, но Шагги было все равно. Он протер запотевшее стекло и принялся смотреть на город за окном. Автобус затрясло — он свернул в заброшенный квартал справа. На земле под дождем лежали фронтоны полуразрушенных домов. Над грудами мусора смущенно возвышались оголенные ярко раскрашенные гостиные и обклеенные обоями коридоры. В одном из задних дворов все еще оставалась натянутая между двумя самодельными шестами веревка с кичливо полощущимся на ней чистым бельем. В другом дворе счастливые детишки пинали мяч среди снесенных до основания домов.

Автобус, урча, переехал на другой берег Клайда. В воде отражалась серая громада крана Финньестон[162], одиноко и бессмысленно возвышающегося над водой. Шагги снова протер

[162] Примечания: 162

Кран Финньестон — огромный консольный кран, оставленный в центре как символ инженерного наследия города.

запотевающее окно и задумался о Кэтрин. Его мысли всегда обращались к ней, когда он видел ржавеющие краны. Она не приехала на похороны Агнес. Она сказала Лику, который потом передал Шагги, что хочет помнить мать такой, какой та была в лучшие свои времена. Что ей не пойдет на пользу увидеть, до чего пьянство довело мать. И теперь, глядя на краны, Шагги понял, что больше не может четко представить себе лицо Кэтрин. Он спрашивал себя, а что видит Кэтрин, когда вспоминает их маму. Может быть, она видит только приятное.

Агнес сожгли ярким холодным утром.

Шагги провел рядом с ее телом почти двое суток. По ночам он накидывал на нее одеяло, а наутро снимал его. Он включил камин, когда ее тело остыло, но от этого не было никакой пользы — ее тело не могло согреться. Он позвонил Лику в общежитие на юге, сообщил, что мать умерла. Лик выждал, когда Шагги перестанет плакать — а плакал Шагги долго, — потом сказал ему, что он должен делать, шаг за шагом, а потом терпеливо повторил все снова, и Шагги все записал в телефонную книгу Агнес. Потом Шагги думал, как это было здорово, что Лик тогда, разговаривая с ним, не потерял терпения.

Лик приехал на север ночным автобусом. Он преодолел столько миль, а в конце пути остановился в десяти футах от тела Агнес. Он, казалось, был не в силах подойти к ней ближе. Он оставил на Шагги заботы о ее теле, просто смотрел, как брат, склонившись над столом, разбивал и склеивал дешевые камни, пока не соорудил для матери пару почти одинаковых сережек.

Лик организовал кремацию. Шагги всю неделю ходил за Ликом, он слишком устал, чтобы плакать, был слишком угнетен, чтобы предложить еще какую-то помощь. От окружного прокурора в похоронную контору, потом в церковь — Шагги плелся за старшим братом, бледный, бесполезный, бессловесный. Несколько раз Лик бросал то, чем занимался в данный момент, и поворачивался к брату. Он ничего не говорил, он давал Шагги возможность облегчить душу. Шагги пытался, он хотел рассказать Лику, что случилось, но слова застревали у него на языке, он не мог признаться. Он говорил только, что сильно устал в тот день и жалеет, что не смог сделать больше.

Департамент социального обеспечения оплачивал кремацию, но не стал покрывать стоимость похорон, потому что на участке Вулли и Лиззи не осталось места. Лик не стал сообщать о ее смерти

в газете — объявления в «Ивнинг Таймс» не было. Но одна женщина из соседнего двора время от времени посещала собрания АА вместе с Агнес, и вскоре по братству распространилась весть о ее смерти, и к дверям стали приходить незнакомые люди. Потом известие о ее смерти добралось до Питхеда, и все старые упыри заявились в крематорий в Далдови.

Большой Шаг не пришел проститься с Агнес. За рулем единственного черного такси, приехавшего в Далдови, сидел Юджин, и, хотя весть о ее смерти наверняка дошла и до Шага через Кэтрин или Раскала, он так и не появился. Шагги на всякий случай набил полный рюкзак своей выстиранной одеждой, а потому чувствовал себя круглым дураком. Пока длилось отпевание, он разглядывал лица собравшихся — нет ли среди них отца, но Шаг так и не пришел.

Лик нахмурился, глядя на брата, — рассердился на него за эту надежду, разочаровывался в Шагги, которому хватало глупости до сих пор верить. Лик сказал, что Большой Шаг — эгоистичный мешок с говном. Шагги от этих слов загрустил — не только потому, что слова точно описывали его отца, но еще и потому, что Лик был так похож на их мать, когда говорил это.

В крематории провожающие расположились на скамьях по периметру. Перед гробом сидели только Шагги и Лик. Юджин сидел у двери, по бокам от него — Коллин и Брайди. Джинти, уже под мухой, сторонилась молодого Ламби. Оглядывая лица, Шагги отмечал, что ни на одном из них не было искренней печали. После того как Агнес укатили в ритуальную камеру, он услышал, как женский голос за его спиной проговорил: «Кремация? Да ее никакой огонь не возьмет — эту старую пропойцу».

До этого момента Шагги не задумывался толком о ее кремации. Когда гроб поставили на роликовые направляющие, ему в голову пришли конвейерные ленты в супермаркете. И тут его осенило. Он поймал себя на том, что напрягает зрение, ищет широко раскрытыми и безумными глазами, куда ее повезут дальше. Он повернулся к брату, а Лик только спокойно кивнул и сказал: «Все, убыла».

Эти слова Лик повторял всякий раз, когда они видели, как Агнес садится в черное такси. «Все, убыла», — говорил он, появляясь из-за хороших тюлевых занавесок и с усмешкой глядя на младшего брата, потом он принимался мучить его перед телевизором, передающим вечерние

новости.

«Убыла», — говорят обычно, избавившись от ненужной вещи.

На улице перед крематорием на голых деревьях появились белые почки, а вокруг колумбария висел запах оттаивающей зелени. Некоторые из пришедших проститься с Агнес подошли к братьям выразить соболезнования. Самые смелые подошли сами, другие, как Коллин, послали делегата в лице Брайди. Джинти с трудом прошла по влажной траве. На ее лице появилось озадаченное выражение, когда Лик сказал, что поминок не будет, не будет и выпивки.

— Что — ни капли? — спросила она.

— Бля, вы издеваетесь? — зло спросил он, не разжимая своих зубных протезов.

Тогда Юджин взял Джинти под руку и отвел в сторону. Он вернулся к парням сказать им что-нибудь доброе. Но Лик просто встал к нему спиной.

Шагги прижался лбом к автобусному окну и попытался больше не думать о похоронах. Его пальцы отделили несколько монет от других. Он собирался попозже позвонить Лику из таксофона рядом с домом миссис Бакш. Он теперь знал, как нужно говорить: сначала спросить про новорожденного, а про художественную школу

спрашивать не надо. Потом, когда Лик спросит, как он поживает, Шагги ответит, что у него все в порядке, потому что он усвоил, что именно это и хочет услышать от него брат. Они оба будут делать вид, что у них все в порядке, поговорят некоторое время о билете на поезд, о поездке на юг, о чем-нибудь незначительном, чего можно ждать в далеком будущем. После этого Лик замолчит. Он знал, что Лик не любил много говорить. В некотором смысле это было неплохо: звонок на юг из прожорливой телефонной будки стоил немалых денег, а ставить телефон своим постояльцам миссис Бакш отказывалась.

Автобус продолжал урчать. Судостроительные верфи Клайда умерли. Широкая река стихла и опустела, если не считать одинокого лодочника в его лодочке[163]. Светоотражательные полоски на его плаще сквозь муть непреходящего мелкого дождя горели ярко, как алмазы. Все слышали про этого человека, он всегда присутствовал на первой полосе газеты «Глазговец». Как и его отец, этот человек, не давая себе отдыха, патрулировал Клайд. Он спасал тех стариков, которые, напившись, падали в реку с Глазго-Грин. В другие

[163] Примечания: 163

Джордж Парсонейдж на протяжении 40 лет патрулировал воды Клайда. Спас 1500 человек. — *Прим. ред.*

времена он доставал тела тех, кто не хотел, чтобы их спасали — тех, кто падал в воду молча, намеренно, перепрыгивая в солоноватые объятия Клайда через перила моста.

Шагги вышел из автобуса за Центральным вокзалом. Даже под слоем грязи и голубиного помета клепаные стеклянные арки вокзала все еще выглядели надменно и величаво. Стеклянная масса вокзала мостом пересекала Арджайл-стрит, отчего широкая улица внизу превращалась в темный туннель. Под нависающей над улицей частью конструкции находились забегаловки, ярко освещенные лавки с уцененными джинсами, паб без окон, открывавшийся ни свет ни заря по утрам, а к ланчу наполнявшийся сигаретным дымом. Шагги остановился перед пекарней. Внутри ярко горели печи, распространяя тепло, и воздух делался сладковатым от дешевой сахарной пудры и белого хлеба.

Иногда он просто стоял здесь, мог битый час притворяться, что ждет автобуса, а на самом деле всего лишь согревался сладкой мечтой из форточки. В один из своих приходов сюда он поймал себя на том, что косит глаза на стоянку такси на другой стороне. Он чуть приседал, подгибая колени, пытался разглядеть лица водителей и не

сразу понял, на что он надеется. Устыдившись, он быстро распрямился и поспешил прочь.

Шагги зашел в пекарню. Увидел офисных девиц в длинной очереди за горячей выпечкой. Он стоял и терпеливо ждал, слегка прикрыв веки в сладковатом тепле. Розовощекая продавщица поскребла на затылке сеточку для волос, он попросил у нее два клубничных пирожных. Она стала укладывать пирожные в бумажный пакет, а глянцево-красный джем начал размазываться и прилипать к бумаге.

— Извините, миссис, не могли бы вы положить их для меня в коробочку?

— Коробочки для тортов, сынок, — категорически сказала она, скучающе двигая челюстью.

Шагги накрутил на палец пятифунтовую купюру. Жалованье ему полагалось только на следующей неделе, но он сказал:

— О'кей, тогда я возьму четыре пирожных, пожалуйста. Это подарок.

Женщина фыркнула, но злобы в ней не было.

— Так и нужно было сказать, Казанова. Я же не знала, что обслуживаю последнего из крупных мотов.

— Нет, все не так, — пробормотал Шагги, прижав подбородок к груди.

Двумя быстрыми поворотами кисти женщина собрала коробку. Красные пирожные напоминали четыре рубиновых сердца. Он расплатился, накинул капюшон на голову и вернулся под затянутое тучами небо. Деньги сделали свое дело: теперь, когда он разменял пятерку, ноги сами понесли его в маленький магазин, где он потратил немного мелочи на большую бутылку шипучки. С рыбными консервами в пакете и рубиновыми сердечками он прошел по длинной улице. Прошел по старой части Торгового города, а когда миновал Тронгейт и Солтмаркет[164], снова оказался на берегу широкой реки. По пустому берегу он добрался до выхода на Шипбэнк-лейн. Под навесом старого железнодорожного вокзала Святого Еноха сбивались в кучки мужчины в футболках и тонких костюмах. Они тряслись от холода и шумно переговаривались, продавая пиратские видеокассеты, доставая их из помятых картонных коробок. Женщины не замечали их, спускаясь по узкому переулку с сумками, набитыми секонд-хендом, купленным ими на рынке

[164] Примечания: 164

«*Торговый город*» — придуманное название района Тронгейт, который было решено возродить в 1980-х. *Солтмаркет* — магистраль в Глазго, которая тянется на юг в сторону реки Клайд. — *Прим. ред.*

наверху[165].

Он нашел ее в том самом месте, о котором она ему говорила.

Девочка сидела против входа на рынок на низкой ограде, словно приржавев к металлу. Под мелким дождем ее волосы стали идеально прямыми, а в больших кольцах сережек она казалась еще младше, хотя и без того была ребенком. Шагги расстроился, увидев ее такой осунувшейся и худой. Когда он увидел ее в первый раз с Кейром Вейром за год до смерти Агнес, в ней чувствовалась дерзкая отвага. Она казалась мудрой, смелой, а теперь он понял, что все это было детским притворством, крикливой бравадой, прикрывавшей боль внутри. Теперь ее привлекательное веснушчатое лицо закрылось в целях самозащиты. Ее губы почти всегда были поджаты, глаза-изюминки постоянно и настороженно стреляли в оживленную толпу: не началась ли там какая-нибудь буча. В ней появилась какая-то окаменелая твердость, она носила ее, как броню, и часто забывала снимать.

— Ты не спешил. Я промокла до нитки, — сказала Линн Келли. Между ног она держала два

[165] Примечания: 165

В переулке Шипбэнк-лейн располагался рынок Падди-маркет. — *Прим. ред.*

полиэтиленовых пакета, готовая оборонять их от чьих-либо покушений.

— Извини, — сказал Шагги. Он забрался на ограду рядом со своей подругой и сел, как она, пригляделся к ее позе и поправил свою, чтобы были одинаковы. Он уже догнал ее в росте, даже обогнал и теперь протянул руку и потер ее запястье там, где рукава никогда не закрывали кожу.

— И что ты хочешь делать? Прогуляться немного?

Линн ухмыльнулась.

— Хорошо, что мы с тобой не крутим любовь. — Она щелчком отправила в лужу пережеванную резинку. — Ты абсолютно предсказуем.

— Извини.

Она провела рукой по его щеке, потом грубовато толкнула его.

— Да шучу я. Конечно, мы прогуляемся, что нам еще делать? — Она принялась возиться с пакетами, лежавшими у ее ног. — Только позволь, я сначала сделаю кое-что, ладно?

Он знал, *что* она собирается сделать. Если бы Агнес была жива, если бы у него все еще оставался шанс, он хотел бы сделать то же самое и для своей матери. И все же, глядя, как Линн беспокойно

теребит губу, он не смог сдержаться:

— Линн. Брось. Если бы я занимался такой чепухой, ты бы меня поколотила за это. Это все без толку. Извини, но так оно и есть…

Она оборвала его.

— И не начинай. Знаю я все это, нахер. — Линн нахмурилась, подняв голову к небу, словно дождь был неприятностью, которую можно прогнать. — К тому же я даже не уверена, что она появится.

Несмотря на моросящий дождь, на Падди-маркете было полно народа. Улочка петляла вдоль заброшенных железнодорожных путей, а каждое из ответвлений уходило в заброшенную железнодорожную арку, в которой теперь продавались детская одежда, яркие шезлонги с цветочным рисунком и прикроватные лампы в кричащих футбольных цветах. На рынке был занят каждый свободный уголок. С закопченных сажей потолков свисала одежда, складные столики были уставлены необычными фигурками и старыми часами. Торговцы всякого рода хаотично заполнили переулок, их подержанная мебель уже пропиталась водой и стала непригодной под дождем.

Шагги наблюдал за девушкой со светлыми волосами, черневшими у корней. Она сидела

на корточках над своими вещами — других у нее, возможно, и не было, — продуманно разложенными теперь на мокром клочке земли. Он подумал о том, что Агнес полюбила бы это место и одновременно возненавидела.

Линн протянула ему одноразовый стаканчик с чаем, но тот оказался холодным, а когда Шагги снял крышку, то увидел, что чай уже подернулся пленкой. Он посмотрел на молочное бельмо и отругал себя за то, что заставил ее так долго ждать.

— Агнес сегодня стукнуло бы пятьдесят, — сказал он, а потом поспешно добавил: — Хотя она, конечно, до хрипоты утверждала бы, что это клевета.

Шагги, словно заносчивый сомелье, которого он видел по телевизору, наклонил бутыль с шипучкой в сторону Линн.

— Я подумал, мы могли бы устроить в честь этого маленькую вечеринку. Чтобы поднять настроение. — Он усмехнулся, передавая ей пирожные с клубничным джемом. Она открыла коробку, и у нее вырвался по-детски радостный крик, а он вдруг расстроился, увидев, что кроваво-красный джем размазался по крышке. — Вот черт! А уж как осторожно я их нес.

Линн толкнула его плечом.

— Не переживай. Они классные.

Пирожные, казавшиеся такими замечательными час назад, теперь стояли между ними подпорченные и влажные. Шагги протянул руку и схватил одно. Действуя рукой, как лопатой, он отправил пирожное целиком в рот. Он чуть не подавился сладким липким джемом и теплым кремом. Он проглотил пирожное, и когда этот груз оказался у него в желудке, ему стало получше. Он потянулся в коробку за вторым, и в этот момент Линн всем телом отвернулась от него вместе с коробкой и взвизгнула.

— Пошел вон! Это мои, ишь ты, жадный побирушка.

Шагги рассмеялся; он с удовольствием посмотрел на ее лицо, которое стало чуть менее озабоченным. Он слизывал остатки джема с губ, пока его рот не покрылся этой липкой клубничной помадой, а потом принялся корчить ей рожи. Линн оттолкнула его. Она съела два пирожных. Делала она это медленно, изящно, аккуратно отделяла крем от джема, а потом отдала Шагги песочное тесто — ей оно не нравилось. Последнее пирожное она не тронула — закрыла крышку коробки.

Они сидели плечом к плечу, дождь несколько

раз переставал, а потом принимался моросить снова, они пили холодный чай и шипучку, разговаривали, ждали чего-то, что вряд ли было возможно. Потом Линн сказала:

— Одна девчонка из Спрингберна[166] забеременела от нашего Калума.

Он взял тонкую прядь ее волос, пробежал по ней пальцами, потом сдавил между большим и указательным, словно со скрипом выгонял влагу на старом отжимном катке для белья.

— Это тот, который родился перед тобой?

— Нет, между нами еще двое, а он между нашим Стивом и нашим Малки. Он такой красавчик, но мозгов маловато, а потому за ним глаз да глаз нужен. Нет такой дырки, в которую он не попытался бы вставить свой штырь.

— Соблазнитель.

— Ну да. Он, видать, познакомился с этой девчонкой на танцах на прошлую Пасху в субботу, а когда они вошли в церковь в воскресенье, она уже, судя по всему, была беременна. — Линн покачала головой, возмущаясь глупостью брата. — Ее отец приходил к нам вчера вечером. Нашел нас в телефонном справочнике. Наш Мал-

[166] Примечания: 166

Спрингберн — преимущественно рабочий район на севере Глазго. — *Прим. ред.*

ки выпорол Калума, когда узнал. Не за то, что он зарядил девчонку, а за то, что ему не хватило ума назваться чужим именем. — Линн взяла другую прядь своих волос и принялась рассматривать кончики — не посеклись ли. — Наш Калум даже имени этой девчонки не мог вспомнить, я уж не говорю о том, чтобы в лицо узнать. Посмотрел бы ты на его физиономию, когда он ее увидел. По улице прошел бы мимо и не заметил. А теперь он папочка. Идиот безмозглый.

Шагги услышал ее, прежде чем Линн увидела. Он услышал девичий смех, слишком молодой для такой пожилой женщины, и звучал он неискренне и натужно, словно она устраивала для кого-то представление. Шагги подумал, что хорошо бы проигнорировать этот смех, он хотел привлечь внимание Линн к реке — может быть, тогда она не заметит эту смеющуюся женщину. Когда он посмотрел на свою подругу, она обгрызала заусенцы с большого пальца и одновременно перебирала содержимое своих полиэтиленовых пакетов. Когда она убрала руку ото рта, он заметил, что на ее пальцах почти не осталось кожи. И тут он уже не мог заставить себя лгать ей, а потому вздохнул и показал на женщину. И тогда уже вздохнула Линн.

Женщина еще не видела их. Ее бледная рука обвила предплечье одного из мужчин в футболках из переулка, его молодой рот представлял собой сплошную щербину. Несмотря на рыночный шум, Шагги отчетливо слышал, как она по другую сторону переулка умасливает молодого бродягу, уговаривает его составить ей компанию. Он без обиняков своими влажными губами сказал ей «Не», и Шагги видел, как парень острыми пальцами щипача освободился от ее хватки. Бродяга, рявкнув что-то, отошел, и она осталась в одиночестве.

Они некоторое время наблюдали за женщиной, которая словно попала в ловушку посреди переулка, — стояла, не зная, что ей делать дальше. Когда Шагги видел ее в прошлый раз, она еще не была такой развалиной. Ее мышиного цвета кудри превращались в рогожку из посеребренных колтунов, а ее кожу прорезали ломаные красные и ярко-синие линии лопнувших вен. Васильковые тени осыпались на щеки, а на губах оставались следы веселенькой розовой помады. У Шагги немного отлегло от сердца, когда он увидел, что она все еще носит коричневые колготки, хотя на одной ноге поползла стрелка, и сама она с напускной невинностью стояла, почти соединив

колени и лодыжки.

Линн закатила глаза. Он видел, что ей пришлось собрать все свои силы, чтобы встать. Она отлипла от ограды, подобрала свои полиэтиленовые пакеты. Один из них был наполнен стираной одеждой и чистым нижним бельем, которое давно рассталось со своей белизной. В другом была свежая мягкая еда, вроде йогурта для малышей и банок яблочного пюре. Тут Шагги вспомнил и о своем вкладе и вытащил из кармана пакет с помятыми рыбными консервами.

— Ты сказала, это ее любимая.

Линн заглянула в его пакет.

— Спасибо тебе огромное, Шагги. — Она покрутила в руке банку с лососем. — Постой, ведь она же на улице. Где ей взять консервный нож, чтобы открыть банку? — Линн покачала головой, не зная, как ответить на собственный вопрос. — Извини. С моей стороны это ужасная неблагодарность. — Она медленно выдохнула и описала небольшим пакетом широкую дугу, словно дубинкой. — Знаешь, старушка Мойра что-нибудь придумает. Эта прохиндейка всегда что-нибудь придумывает.

Линн пересекла площадку перед входом на рынок, направляясь к матери. Шагги увидел, что

женщина засекла приближающуюся девушку и закатила карие глаза. Он не мог не улыбнуться, отмечая это семейное сходство.

Они поздоровались, не демонстрируя никакой особой любви. Дождь опять ненадолго прекратился, и миссис Келли последовала за Линн с Падди-маркета к берегу Клайда. Шагги разобрал старую картонную коробку и положил ее на мокрую ограду. Они сели друг подле друга и уставились на скользящую по воде лодку с лодочником, занятым своим неблагодарным трудом.

— Я знала нескольких девчонок, которых он выудил оттуда, — сказала Мойра Келли. — А он ни разу ничего не стибрил, ничегошеньки. Все промокшие сигареты так и остались в карманах этих бедняжек, все кладдахские колечки никуда не делись. Ни пенса не взял. Это вам не хухры-мухры.

Линн открыла коробку с последним оставшимся пирожным, предложила его матери. Шагги старался не смотреть, как женщина сковырнула пальцем комок липкого красного джема, а потом, выпятив губы, сунула его в рот. Вокруг ее глаз образовались глубокие провалы, словно она опять перестала есть. Клубничный сахар блестел в уголках ее рта, как глянец, и выглядело это

неприлично.

— Мы что — тут целый день будем сидеть? — спросила она, не произнеся ни слова благодарности.

— А почему нам просто не посидеть немного? — Линн положила коробку на колени матери, стараясь привлечь ее внимание к сладкому — так привлекают собаку банкой мясных консервов. Женщину покачивало от выпитого, но она все же подняла последнее пирожное и засунула язык глубоко в крем. Он увидел, что сбоку у нее исчезло еще несколько зубов, хотя осенью они были на месте. На костяшках ее пальцев остался крем, и она несколько раз двусмысленно провела языком по всей длине пальца. Линн не скрывала, что материнская попытка поесть радует ее, но Шагги ее поведение казалось слишком вульгарным. Он посмотрел на драные колготки миссис Келли, на торчащие под нейлоном пупырышки гусиной кожи, и ему вдруг захотелось снова увидеть мать.

Некоторое время они посидели вместе — Шагги смотрел на Клайд, а Линн пересказывала матери ту мыльную оперу, которую день за днем разыгрывали ее братья. Несколько раз миссис Келли посмеялась над глупостями, которые творили мальчики Келли, а потом сказала:

— Заебись, как я рада, что мне не надо убирать за ними говно.

Когда она говорила такие вещи, Шагги ловил себя на том, что отворачивается к реке. Линн сообщила матери, что та скоро станет бабушкой. Шагги почувствовал, что ограда заходила под ними, когда старуха пожала плечами.

Линн, когда ей не осталось что рассказывать матери, попросила Мойру встать. Она заставила Шагги взять старое пальто Мойры и постоять, вытянув его во всю ширь рук. Теперь Линн сняла колготки с переступавшей с ноги на ногу матери, потом стянула ее грязные трусы из-под юбки. Женщине не нравилась суета вокруг нее. Она ворчала что-то себе под нос, но смотрела на Шагги, который глаз не сводил с мокрого тротуара.

— Не понимаю, сынок, тебе пора девкам под юбки лазать и напиваться. А не якшаться со старухой Мойрой.

— Я здесь не ради вас, миссис Келли, — пробормотал он. Он поднял пальто повыше, пытаясь таким образом защититься от ее мутного взгляда.

Но женщину это не смутило.

— Я тама должна быть — веселиться со всеми, а

не плясать тут фандангу[167] для какого-то дурачка навроде тебя.

Линн все еще стояла на коленях. Она застегнула туфли на матери.

— Шагги привез тебе лосося. А ты нахальничаешь.

— Ну, тогда поторопись. Сегодня пособие выдают. Мужики все пропьют, а я от них и глотка не получу. — Миссис Келли засвистела и запрыгала, как нетерпеливый ребенок.

Шагги нечего было сказать миссис Келли, но ради Линн он хотел удержать это женщину с ними еще ненадолго.

— Ну как вы поживали все это время, что я вас не видел?

Миссис Келли издевательски ответила:

— Весна была ну проста рас-чудесная. Не правда ли? — Потом она поджала губы — ей все это уже надоело. — Любопытный маленький педик, так ведь? — Несколько секунд казалось, что больше она ничего не скажет. Потом кончики ее губ опустились в кислой ухмылке. У нее нашлось что сказать, и она неожиданно порадовалась тому, что у нее есть слушатели. — Я

---

[167] Примечания: 167

Фанданго — испанский народный танец, сопровождаемый пением. — *Прим. ред.*

туточки на минуту обратно связалась с маленьким Томми. — Она в память об этом неизвестном человеке инстинктивно потерла челюсть в том месте, где еще недавно у нее были зубы. — Он был не так уж и плох. Он зашибал неплохие бабки — проворачивал какие-то дела на заднем дворе Каледонской железнодорожной ремонтки. Это он меня избаловал. Он, значит, ходил из бара в бар, прикидывался слепым. Он такой был слепой, что на ощупь пробирался по бару к выпивке. — Миссис Келли теперь заходилась от смеха. — А он опорожнял подряд ихние стаканы виски, пока они не успели увидеть, что у него-то глаз-алмаз.

Она хохотала взахлеб. Шагги видел, что Линн радуется, когда ее мать смеется. Это было видно по тому, как разглаживаются складки около ее рта. Но все закончилось слишком быстро. Линн словно опомнилась и попыталась восстановить свои защитные механизмы. Она будто устроила головомойку непослушному ребенку, но ребенок победил ее своим обаянием, и она сдалась вопреки здравому смыслу.

Миссис Келли не прошла мимо этого.

— Ну, видишь, я могу составить неплохую компанию. Тебе ведь нравится видеть прежнюю Мойру, верно? — Миссис Келли потерла плечо

дочери. — Да, я всегда умела поднять тебе настроение.

Линн не нашла слов, чтобы подбодрить мать. Шагги опустил пальто и вернулся к созерцанию лодочника. Миссис Келли снова потрогала свою дающую о себе знать челюсть и наконец спросила:

— У тебя, случайно, не найдется денежки на пузырек крепленого?

— Нет. — Шагги отрицательно покачал головой.

Она втянула воздух сквозь щербину в том месте, где прежде были зубы.

— Ну и ладушки. Пока не попросишь, ничего и не получишь. Да?

Он протянул ей остатки шипучки. Она посмотрела на сладкий напиток так, словно такое предложение оскорбило ее, но бутылку все равно взяла. Он и Линн пили шипучку по глотку, а миссис Келли проглотила все залпом так, будто внутри у нее бушевал пожар. Шагги посмотрел на след, который ее помада оставила на горлышке бутылки. Он попытался прикусить губу, но сдержаться не сумел.

— Зачем вы доводите себя до такого состояния?

Линн перестала набивать грязное белье в полиэтиленовый пакет и присела на корточки. Она снова посмотрела на мать, словно сейчас должно произойти то, что она никак не хотела бы пропустить.

— Кто говорит, что я не люблю пить? — Миссис Келли надула губы и вырвала пальто из рук Шагги. — Вас всех просто завидки берут. Я прекрасно провожу время! Помогает потанцевать чуток. Отсекает всякую скукоту. — Она достала тюбик помады из кармана. Помада была стерта почти до основания. Она надавила слишком сильно и чиркнула мимо губ. Шагги старался не обращать внимания на этот особый оттенок розового.

— Она вас любит, — сказал он.

– *Шагги*! — взмолилась Линн.

— Ах-ах, чирик-чирик, чмок-чмок, — фыркнула миссис Келли, потом хлопнула по своей груди, чтобы выпустить из себя сахарный газ. — Знаешь, что я думаю? Я думаю, что чем больше ты кого любишь, тем чаще получаешь по носу. Они все меньше и меньше будут давать тебе то, что ты хочешь, и все больше и больше того, что им по их ебаной душе. — Она снова ударила себя в грудь и на этот раз рыгнула.

Линн кое-как собрала грязное белье и подня-

лась на ноги, устало вздохнув. Встала между матерью и парнем. Шагги видел, что ее щеки пылают, а в глазах стоят слезы, и она опять принялась кусать губу. Он отвернулся и снова занялся созерцанием лодочника.

— В пабах скоро не протолкнешься, — сказала миссис Келли, запахивая на себе пальто. — Вы уже получили сполна за ваши денежки.

— Зашибись! — Линн отошла на пару шагов от матери, чтобы оценить свои труды. Она говорила с миссис Келли так, будто та была ребенком, который спешил на свою детскую площадку, пока не наступил вечер. Она знала: дольше удерживать мать невозможно.

— Ладно, Мойра, иди. Старайся следить за собой. Я тебя еще найду.

— Если тебе надо.

Шагги поймал себя на том, что сжимает кулаки. Он подошел к миссис Келли и засунул руки ей под пальто, обхватил руками талию и, пробежав пальцами по ее мякоти, нашел знакомую скользкую влажность вискозного трикотажа, резко потянул за нижнюю юбку, поправил и вернул на должное место под верхней одеждой.

Нижняя челюсть миссис Келли отвисла от удивления, но она позволила ему манипулиро-

вать собой, словно не возражала против тепла его рук на своем животе. Потом она толстым языком облизнула нижнюю губу и улыбнулась Линн озорной улыбкой.

— Ты, детка, смотри, с ним поосторожнее.

Парень отпустил ее талию, схватил ее за плечи и сильно встряхнул. Миссис Келли моргнула, как кукла. Ее глазам потребовалось какое-то время, чтобы снова сфокусироваться на лице Шагги.

— Ну хва! — Она вырвалась из его рук, обошла его, не отпуская сердитого выражения с лица. — Ишь ты, какой маленький ублюдок.

С этими словами миссис Келли свернула к рынку, в сторону темных пабов, расположившихся под железнодорожными путями. Они провожали ее глазами, а она шла на нетвердых ногах, держа в руках пакеты. Она остановилась на углу и, сделав небольшой замах, швырнула пакет с рыбными консервами блондинке с черными волосами у корней. Миссис Келли подняла руки, словно футболист, забивший гол, а потом поплелась дальше и вскоре исчезла из вида.

— Только не начинай! — остерегла его Линн. Она застегнула молнию на куртке, закрыв нижнюю половину лица.

— Не буду. — Он устремил взгляд на мокрый

асфальт и попытался успокоиться. — Тебе стало лучше?

Линн презрительно фыркнула, потом пожала плечами. Она убрала мокрые волосы с лица и перехватила их резинкой, которая висела у нее на запястье. Он с грустью смотрел на ее хорошенькое лицо, на котором снова появилось настороженное и жесткое выражение.

Шагги почистил ботинки, потерев их о брюки в районе икры. Он протянул руку и вытащил торчащую ниточку с рукава Линн, ее запястье на ощупь было как лед.

— У моей мамы раз выдался хороший год. Вот было здорово.

Линн ничего не сказала. Она снова сунула обгрызенный ноготь большого пальца в рот и села наедине со своими мыслями. Шагги не стал ее тревожить. Дождь перестал, и он увидел, что лодочник привязал свою лодчонку к берегу и распрямил спину.

У них еще был остаток дня, который они собирались провести вместе, и эта мысль грела его даже в такой сырой день.

— Ну! — Шагги изо всех сил старался говорить радостным тоном. — Чем ты хочешь заняться теперь?

Линн отерла глаза. Она вывернула пустые карманы своих джинсов, ухватила их, как трепещущие на ветру флаги.

— А как насчет просто прогуляться немного?

— Господи Иисусе, так кто из нас предсказуемый?

— Я? — Она рассмеялась, казалось, впервые за долгое время. — Вот уж нетушки. Мы оба знаем, что ты хочешь пойти поглазеть на больших красавчиков в Вирджинской галерее!

Он почувствовал, как вспыхнули у него щеки, и покачал головой, словно собираясь опровергнуть услышанное, но что-то в ее глазах остановило его. Он глубоко вздохнул, втягивая воздух сквозь передние зубы.

Линн протянула руку и резко ткнула его в ребра.

— Да ладно тебе. К тому же один рыжий паренек с проколотыми ушами, кажется, строил тебе глазки.

— Правда?

Она ухмыльнулась.

— Может, и правда. Имей в виду, у него один глаз косит, так что хер его знает.

Линн взмахнула пакетом с грязным бельем матери, делая вид, что бросает его в Клайд. Потом

она свободной рукой ухватила под руку Шагги и попыталась его встряхнуть, чтобы он забыл о своей озабоченности. Шагги положил руку ей на плечо и словно на буксире развернул ее за собой в сторону от реки.

Шагги выбросил их мусор в бачок.

— Знаешь, когда я услышал про вашего Калума, мне захотелось сходить как-нибудь на танцы.

Линн все еще размахивала своим пакетом с грязным бельем, а теперь зашлась от смеха. Смеялась она так громко, так жизнерадостно, что торговцы видеокассетами от испуга повскакивали со своих мест.

— Ха! Ты? Не пизди! Чтобы ты пошел на танцы в своих педиковатых школьных ботиночках? — пропищала она. — Ну уж нет — Шагги Бейн никогда не будет танцевать!

Шагги цокнул языком. Он вывернул свою руку из ее, отбежал на несколько шагов, кивнул, весь дерзость и отвага, и сделал — один-единственный раз — пируэт в своих отполированных ботинках.

Благодарности

Прежде всего, этой книгой я обязан воспоминаниям о моей матери и ее борьбе, а также моему брату, который дал мне все, что только возможно. Я в долгу перед моей сестрой, которая подвигла меня облечь все воспоминания в слова и поделиться с вами.

Этот роман не попал бы к вам в руки без веры и страсти Анны Штейн, медленной читательницы, но отважного агента. Благодарю также Люси Лак, Клер Нозьерес, Морган Оппенгеймер и весь коллектив «АйСиЭм Партнерс» и «Кертис Браун». Особая благодарность моему редактору Питеру Блэкстоку за его терпение, отвагу и твердость, а еще и нежность по отношению к Шагги. Немало помогли мне своим энтузиазмом Морган Энтрекин и Джуди Хоттенсен, моя благодарность также Элизабет Шмитц, Деб Сигер, Джону Марку Болингу, Эмили Бернс и всему коллективу «Гроув Атлантик». Спасибо моим друзьям на севере: Даниелю Сандстрому, Кэтрин Бакк Болин, Рави Мирчандани и всем из «Пикадор ЮК» за то, что привезли этот роман домой. Моя искренняя бла-

годарность Тине Полман за первые шаги и ее невероятную щедрость. В долгу я также и перед моими первыми читателями: Патрицией Макнулти, Валентиной Кастеллани, Хелен Уэстон и Рейчел Скиннер-О'Нейл — за их проницательность и благосклонность.

Последние слова этой книги принадлежат Майклу Кэри, он первым прочел роман и, как всегда, раздул его затеплившийся огонек.